

РИЧАРД І БАЙЕРС

БРАТСТВО ГРИФОНА · КНИГА ІІ

The illustration depicts a dramatic aerial battle. In the foreground, a large black griffin with a red eye and a golden collar is shown in profile, facing right. Below it, a green dragon with a scaly, textured body is also shown in profile, facing right. In the background, two other griffins are visible, one of which is holding a figure in the air. The sky is dark and stormy, with bright blue lightning bolts striking down. The overall tone is dark and epic.

ШЕПОТ ЯДА

Безумный Король возвращается!

Аот и Братство Грифона спасли Чазара, бывшего короля Чессенты и огромного красного дракона. Чазар великодушно отблагодарил их, вновь отправив на поле битвы - и провозгласил себя богом. Терпя поражения в войне с могущественным драколичем, Чазар заставляет Аота подозревать, что Братство - всего лишь разменная монета в жестокой драконьей игре, игре, ставками в которой являются золото и кровь.

О ПЕРЕВОДЕ

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "**ForgottenRealms**". Перевод выполнен на некоммерческой основе и не предназначен для продажи.

Переводчик: **PyPPen**

Русская обложка: **Rogi**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Спонсоры перевода: **VyachyNOS, Алексей Кузьмин, goddest**

Если во время чтения Вы обнаружили какие-то огрехи, замечания, стилистические неточности, то прошу отписать о них на shadowdale.ru.

Регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru — новые книги вас будут ждать только там.

Спасибо!

РИЧАРД ЛИ БАЙЕРС

«ШЁПОТ ЯДА»

Я Бог

Я, Чазар, нарекаю себя Героем Войны Чессенты.

Как всегда было и будет, я вернулся тогда, когда был нужен вам больше всего. Грядет война. Враги, преисполненные ненависти и зависти, угрожают Чессенте со всех сторон. Но не бойтесь. Если я поведу вас, то вы вырежете всех их до единого.

Но месть и победа - дело завтрашнего дня. Сейчас перед нами стоят другие вопросы.

Я сказал вам, что приду к своим людям в час отчаянной нужды. Но как мне узнать, что я нужен вам? Услышать ваши молитвы. На протяжении столетий многие считали меня Богом, и теперь мне льстит, что все знают правду.

И вы будете поклоняться мне.

ПРОЛОГ

19 Миртула, Год Извечного (1479 по ЛД)

- По-вашему, это мудро? - Спросил Ананта.

Шурша хвостом по полу пещеры, удивленный Бримстоун развернулся. Хоть комната и была просторной, Ананта, с ее крепким чешуйчатым телом, завёрнутым в серый плащ, и посохом из черного дерева в руке, стояла у стены. Выполняя свои обязанности стража Драковира, она, научилась оставлять вирмам место, чтобы они случайно не наступили на нее.

- Почему же, Ананта, - сказал Бримстоун. - Я не думал, что тебе есть до этого дело.

Ответом Бримстоуну были лишь слегка обнаженные клыки в сочетании с подергиванием небольших отростков по бокам ящероподобной головы. Выражения лиц новых странных существ, называемых драконорожденными, имели много общего с выражениями лиц настоящих драконов.

- Господин Скалнедир приказал мне присмотреть за вами, - ответила Ананта, - что я и делаю.

В объяснении не было теплоты. И все же Бримстоуну было приятно думать, что Ананта, по крайней мере, привыкает к нему. Учитывая его вампиризм, это, вероятно, то, чего он и ожидал.

- Что ж, - сказал он, - отвечая на твой вопрос - я выжил в первый раз, и даже если магия будет вести себя так же плохо сегодня вечером, полагаю, я смогу выдержать и теперь. Но нам не стоит беспокоиться, что это произойдет - я очень компетентный прорицатель, даже если ты пока, глядя на мои действия, не можешь сказать так.

- Да, милорд. - Сказал Ананта.

Бримстоун снова повернулся к бассейну, если кто-то мог удостоить его этим словом. На самом деле это была, скорее, неглубокая лужа в небольшом углублении в полу. Зеркало или хрустальный шар, возможно, подошли бы ему больше, но тогда потребовалось бы время, чтобы доставить их на остров, парящий высоко в небе дикими просторами, известными как Великий Дикий Лес.

Он устоял в воду, сосредоточив на ней свою волю. Дракон шептал заклинания, которые одновременно концентрировали мистическую энергию и помогали ему приобрести нужную восприимчивость.

Со временем, вокруг ничего не осталось, кроме бассейна и желания Бримстоуна увидеть то, что он может ему показать. Затем поверхность воды стала серой, а внутри засверкали красные искры. Затем бассейн покрылся рябью, из-за чего выглядел, как его дымное дыхание Бримстоуна, струящееся из его пасти.

Вода сглаживалась и очищалась, превращаясь в подобие оконного проема в глубокой каменистой чаше, на поверхность которой выходят неровные вершины и утёсы, будто кончики сломанной короны. Десятки драконов сидят на уступах и выступах, а их чешуя сверкает в свете звезд. Бримстоун смотрел на них с того же верхнего выступа, который он занимал, когда собрание происходило на самом деле.

Он устоял на что-то вроде пустого балкона. Он знал, что на самом деле это не так, и через мгновение там появились две тени, обрамленные арочным отверстием, ведущим в лабиринт проходов, пронизывающих скалу. Было невозможно сказать, были ли они призраками или духами живых людей, временно покинувших свои тела. Невозможно разглядеть и их нечеткие, колеблющиеся черты лица.

Когда событие происходило, Бримстоун напал на призраков, и они сбежали. Сейчас же он просто смотрел, шептал командные слова и желал, чтобы черты призраков прояснились.

Более крупная из двух фигур превратилась в человека, который, вероятно, был хорошо сложен. Оружие в его руках - это посох. Нет, копье.

Его товарищ...

Видение взорвалось ярким светом и жаром. Опаленный и ослепленный Бримстоун отпрянул, а лужа, к счастью, снова превратилась в лужу.

- Что это было? - Прорычал низкий голос.

Пораженный Бримстоун обернулся и увидел новоприбывшего. Аласклербанбастос заполнил проход между этой пещерой и следующей. Возможно, Великий Костяной Змей не хотел проходить весь путь, потому что боялся, что его скелетные крылья зацепятся за стены пещеры и поцарапаются.

Бримстоун ненавидел, когда к нему подкрадывались. Он должен был подкрадываться. И особенно несправедливым казалось то, что что-то столь крупное,

как Аласклербанбастос, могло это сделать. Почему все эти голые кости не звенели друг об друга?

Разочарованный неудачей прорицания, измученный ожогами на лице и шее, Бримстоун был вынужден напрячься, чтобы сохранять вежливость и помнить, что теперь у него не было особых причин ненавидеть драколичей. Он мог положить конец этой неприязни так же, как положил конец Саммастеру, создавшему драконов-нежить.

- Приветствую вас, лорд Трескеля. - Сказал Бримстоун.

Аласклербанбастос шагнул глубже в зал. По его костям прыгали и лопались искры, и в воздухе пахло надвигающейся бурей. Ананта попятилась, дабы дать освободить пространство перед новоприбывшим.

- Я спросил, что это было. - Потребовал синий дракон-нежить.

- Что ж, - начал Бримстоун, - вы помните наше собрание, когда я изложил заповеди, и все согласились с ними?

- Конечно, - Сказал Аласклербанбастос.

- Я пытаюсь воспользоваться прорицанием, чтобы раскрыть личности призраков, шпионивших за нами. К сожалению, мне противостоит какая-то Сила.

Аласклербанбастос раздраженно хмыкнул.

- Из бассейна исходил настоящий дневной свет.

- Я знаю, - сказал Бримстоун. - Учитывая мою природу, нанесенные ею ожоги - своеобразный подарок. - Он почувствовал, как по его морде пробежала щекотка, когда один из ожогов начал заживать.

- Я имел в виду, - прохрипел драколич, - что особый характер Силы может дать ключ к разгадке личности нарушителей.

- Теоретически - да. Но, к сожалению, Фаэрун изобилует заклинателями, способными вызывать солнечный свет. Итак, милорд, что привело вас сюда? Вы, конечно же, проделали такой большой путь не только для того, чтобы помочь моему расследованию, не говоря уже о том, что я им занялся. - Вы знаете, что он снова появился?

- Да. - Ответил Бримстоун.

- Я хочу увидеть вашу уверенность в том, что он не участвовал в этом. Что вы не позволите ему принять участие.

- Тем самым обрекая его на возможное рабство, ссылку или еще что похуже.

Логика подсказывала, что голый клиновидный череп Аласклербанбастоса не мог улыбнуться, но Бримстоун мог поклясться, что именно это он и сделал.

- Если вам угодно.

- Я сожалею, - сказал Бримстоун, - но ничем не могу помочь вам.

Улыбка, если она когда-либо была, исчезла. Голубое сияние вспыхнуло в глазницах драколича, и еще больше искр запрыгало и затрещало на его костях.

Ананта ненавязчиво подняла свой посох. В ее обязанности хранителя входило обеспечение соблюдения перемирия, которое должно было соблюдаться на Драковире. И хотя ее оружие обладало огромной силой, напряженные черты лица стража ясно давали понять, что ей не нравилась перспектива попытки усмирить огромного синего драколича.

Бримстоун тоже не испытывал особого энтузиазма.

- Чазар не присутствовал на первом собрании, - сказал Аласклербанбастос.

- Это не исключает его участия, - сказал Бримстоун, одновременно вспоминая заклинания и продумывая их порядок, если дело, все-таки, дойдет до боя. – Обходя правила.

- И снова вы ссылаетесь на правила.

- Сложные правила. Вы хотите, чтобы я научил вас всему Кодексу? У вас есть несколько лет?

- Не смей насмехаться надо мной.

Палящее дыхание Бримстоуна безболезненно жгло его грудь и горло. Он боролся с приступом гнева и желанием забыть о благоразумии, рискнув выступить против высокомерного, раздражающего порождения безумия Саммастера и нанести удар первым.

Когда он взял себя в руки, то сказал:

- Прошу прощения за мою легкомысленность. Это было неуместно. Но, вы, конечно, понимаете, что было бы еще более неуместным запрещать Чазару участвовать в том, что равносильно поклонению нашей Темной Госпоже. Он был ее избранным чемпионом.

- Это было давно. В другом мире.

Бримстоун вынужден был согласиться. Это было время и мир до катаклизма, названного Чумой Заклинаний, когда все драконорожденные жили где-то невообразимо далеко, а по небу не парили острова.

Но вслух соглашаться не было смысла.

- Конечно, но для дракона прошло всего пара мгновений. А для нежити и того меньше.

- Я не согласился с кандидатурой Чазара!

- Но вы наверняка осознали, что мир - это хаотичное, постоянно меняющееся место, и что могут возникнуть непредвиденные проблемы. И как раз самое интересное. Честно говоря, я даже не понимаю, почему для вас так важно – будет ли Чазар иметь к этому отношение или нет. В любом случае вам придется иметь с ним дело.

- Да все вы понимаете! Разница в том, будут ли другие относиться к нему как к равному.

Бримстоун вздохнул, и из его ноздрей вырвались струйки серного дыма.

- Полагаю, вы правы. Тем не менее, ситуация такова, и я не понимаю, почему это так ужасает вас. Вы управляете целым королевством и армией. Большинство довольствуется и меньшим.

- Всегда одно и то же, - прорычал Аласклербанбастос, - трое против одного. Чазар, Гестаниус и Скутосин сговорились свергнуть меня. И теперь то же самое!

“На самом деле”, - подумал Бримстоун, - “все еще хуже. И вы настолько одержимы Чазаром, что никогда не увидите новой надвигающейся угрозы”.

Он почти мог пожалеть драколича. Если бы Аласклербанбастос не раздражал его так сильно, и если бы жалость была чем-то большим, чем рудиментарной частью натуры дракона-вампира.

- У вас есть свои драконы-вассалы. – Сказал Бримстоун.

Аласклербанбастос выплюнул небольшую потрескивающую молнию.

- Молодые. Это не то же самое, - его бесплотные конечности согнулись, когда он собрался с силами, чтобы сделать выпад. - Я настаиваю на том, чтобы вы исключили Чазара.

- Нет, - сказал Бримстоун, - и я предлагаю вам остановиться, чтобы подумать, прежде чем совершать необдуманные действия. Если вы уничтожите меня, то всему придет конец. И это уже интересно, не правда ли? Прекрасно и замысловато, как любое сокровище в вашей сокровищнице. По мере развития событий она станет еще больше.

Драколич засиял, бело-голубое сияние кипело в пустых глазницах. Затем он задрожал, и, наконец, Бримстоун услышал, как кость ударилась о кость.

- Если я когда-нибудь решу, - сказал Аласклербанбастос, - что вы не беспристрастны, то мы продолжим этот разговор. - Он выскочил из отверстия одним внезапным рывком и через мгновение покинул пещеру. Бримстоун не мог ни видеть, ни слышать его ухода, но гнетущее чувство силы и угрозы утихло.

Ананта опустила посох и глубоко выдохнула.

- Это было... возбуждающе. - Сказала она.

Бримстоун улыбнулся.

- Я знал, что он не нападет. - Солгал он.

- Это как наркотик, не так ли? Кровавый и прекрасный. Как только ваши родичи пробуют его, им нужно больше.

- Это один из величайших подарков Темной Госпожи своим детям, и он, как и большинство других, не лишен зазубрин и острых краёв.

Глаза Ананты сузились.

- Вы действительно беспристрастны? Или у вас есть собственные планы?

- Потому что, если они есть, вы обязаны сообщить об этом своему хозяину?

- Да.

- Тогда хорошо, что моя честность осталась непоколебимой.

Бримстоун почувствовал холодное покалывание на шее, когда новая чешуя выросла на месте ожога. Сухость во рту и боль в клыках подсказали ему, что быстрое исцеление пробудило в нем жажду.

- Я ненадолго отлучусь в лес.

Может, это и пустыня, но там обитали дикие люди и гоблины, которые были хорошей целью для охоты и утоления жажды.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

20 Миртула, Год Извечного (1479 по ЛД)

Всё началось так, как должно было начаться. Две группы драконорожденных в строю подошли друг к другу. Каждый воин на передовой прикрывался щитом. Они наносили удары воинам напротив трухлявыми кусками дерева, которые представляли собой копья. Когда по бойцу попадали, он становился на колени, чтобы показать, что он раненый, и солдат, ожидавший позади, переходил вперед и занимал его место.

Но потом все разгорячились. Если воин отталкивал противника, то тут же бросался вперед, чтобы настигнуть его. Драконорожденные, ожидавшие позади, становились нетерпеливыми и либо попытался прорваться вперед преждевременно, либо вылетали из строя, чтобы сразиться со свободным противником. Столкновение двух организованных отрядов превратилось в хаотичную драку.

- Нет! - проревел Кхорин Скулдарк. "Нет нет нет! Разойтись!"

Некоторые бойцы услышали и повиновались. Некоторые продолжали драться.

Кхорин это понимал. Драконорожденные и дворфы обладали схожим боевым духом. Это была одна из причин, из-за которой он чувствовал себя как дома среди человекоподобных ящеров.

Но недавние победители вышли в грязное поле не для того, чтобы развлекаться. Они должны тренироваться. Кхорин вошёл в строй тех, кто все еще дрался, и начал бить дубиной по коленям. Его небольшой рост позволял ему делать это, не слишком опасаясь того, что выпад или взмах тренировочного оружия заденет его.

Наконец все успокоились. Кхорин вышел вперед, и все драконорожденные смотрели на него с ожиданием, а некоторые, без сомнения, и с завуалированным негодованием или опасением. Как и многие ученики до них.

- Это было жалко, - сказал он. - Моя слепая одноногая бабушка борется лучше, чем вы. Почему так сложно оставаться в чертовом строю? Встаньте там, где вы должны стоять, и держите свой щит там, где он должен быть, чтобы защитить вашего соседа и вас самих. Будьте бдительны и не упустите шанс проткнуть врага, стоящего перед вашим товарищем. Он часто не смотрит на вас, и поэтому его легко ударить.

- Другими словами, сражайтесь как трусы, - пробормотал желтоглазый воин с бронзовой чешуей, стоявший позади двух других. На левой стороне его тупой морды у него было два медных пирсинга в форме совы - эмблема клана Линксакасендалор.

Кхорин улыбнулся ему.

- Что-что?

Линксакасендалор на мгновение запнулся. Почему-то такие ворчуны никогда не ожидают, что наставник уловит то, что они говорят.

Но затем он сердито посмотрел на дворфа. Поскольку Кхорин уже услышал его, то драконорожденный посчитал, что он может открыто отстаивать свои убеждения.

- Со всем уважением, сэр, - сказал он, - я имел в виду, что драконорожденные сражаются не так. Не такими действиями наши предки завоевали себе свободу.

Гул бормотания свидетельствовал об общей поддержке этого мнения.

Кхорин повысил голос, чтобы заглушить бормотание.

- Тогда удивительно, что они победили. Вы же не побеждаете. Гиганты бросают ваших сородичей с одного конца Равнины Черного Пепла на другой.

- В конце концов, мы их победим, - сказал Линксакасендалор. - Мы всегда побеждаем.

- Может быть, - сказал Кхорин, - но только не делая то же самое, что и всегда. Гиганты сражаются по-другому, и вам тоже придется сражаться по-другому. Я мог бы продолжать пытаться вбить эту простую истину в ваши толстые черепа. Или я мог бы напомнить вам, что Тархан нанял меня, чтобы обучать вас, так что вы должны делать то, что я говорю, а не то, как кажется правильным вам. Но я не собираюсь делать ничего из этого. Знаешь почему? Потому что я услышал слово «трус».

Линксакасендалор моргнул.

- Сэр, я не обращался к кому-либо лично.

- Меня не волнует, к кому ты обращался. Подойди сюда. И ты, и ты, - Он указал на двух других драконорожденных, и троица вышла из толпы. - Вы трое попытаетесь оглушить, покалечить или иным образом вывести меня из строя, а я попытаюсь сделать то же самое с вами. В конце концов, каждый сможет посудить сам - достаточно ли я компетентен в бою и могу ли чему-то научить тебя.

Все трое обменялись взглядами. Возможно, их сдерживало чувство чести. Среднестатистический драконорожденный обладал этим в изобилии - еще одна черта, которую они разделяли с дворфами - и трое против одного, должно быть, казался нечестным положением дел, особенно когда эти трое превосходили одного в размерах.

- Ну давайте же! - Взревел Кхорин.

Трое драконорожденных разошлись веером, явно намереваясь окружить его. Сражаясь вместе с драконорожденными во время путешествия из Чессенты и на Равнину Черного Пепла, Кхорин узнал, что они были способны к командной работе, когда того требовала ситуация. Но это не было частью их боевой выучки, а лишь врожденный инстинкт.

Кхорин сделал ложный шаг вправо, затем развернулся и бросился влево, прямо на воина с серебристой чешуей. Воин ткнул вперед своим тренировочным копьем. Кхорин увернулся и оказался слишком близко к воину, из-за чего копье теряло свою эффективность.

Драконорожденный попытался ударить его овальным щитом. У него была хорошая техника, но Кхорин ожидал атаки и уклонился и от нее. Он подошел к воину и ударил его по колену, вложив столько силы, что чуть не сломал его.

Воин с серебряной чешуей упал на оба колена. К тому времени его товарищи приблизились к дворфу, но поверженный драконорожденный на мгновение заслонило Кхорина. Высокий драконорожденный в стальном шлеме с кожаными ремнями и дырочками, через которые торчали толстые, похожие на заплетенные в косу волосы, гребни был достаточно высок, чтобы дотянуться своим оружием до дворфа и повалить его в грязь и пока еще короткую весеннюю траву.

Кхорин попятился. Его нога соскользнула, и удар копья чуть не лишил его зубов. Он взмахнул дубинкой, отразив круговую атаку, и та прошла на расстоянии пальца ото рта дворфа.

К тому времени, когда Кхорин восстановил равновесие, он уже запомнил паттерны действий и ритм боя своих соперников. Когда они оба одновременно ударили, промахнулись и отдернули копья назад, он бросился между ними. Драконорожденные попытались проследить траекторию движения дворфа и ударить его, но лишь зацепились своими оружиями друг за друга.

Драконорожденные были большими, но не ограми. Кхорин без труда ткнул концом своей дубинки в шею драконорожденного с темно-зеленой чешуёй. И снова он был осторожен, чтобы не убить. Воин просто пошатнулся, уронил копье и, издавая удушшающие звуки, схватился за шею.

Надеясь закончить бой, Кхорин напал на последнего противника, но обнаружил, что Линксакасендалор был слишком быстр. Он отступил на достаточное расстояние, чтобы снова свободно пользоваться копьем.

Однако он не атаковал. Возможно, Кхорин напугал его. Хотя, учитывая, что он был драконорожденным, было более вероятно, что он просто не торопился.

Надеясь спровоцировать его на что-то безрассудное, Кхорин усмехнулся и сказал: - В такие моменты, в Восточном Разломе, откуда я родом, воина, отступающего, пока его друзья повержены, называют трусом.

Это сработало слишком хорошо. Лицо Линксакасендалора исказилось, и он глубоко вздохнул. Он намеревался выдохнуть мороз, огонь или что-то столь же неприятное - уловка, которая роднила драконорожденных и настоящих драконов.

А вот у Кхорина не было щита, которым можно было бы заблокировать дыхание. Он не взял щита, потому что хотел произвести впечатление, а борьба только дубинкой была впечатляющей. Вплоть до того момента, пока её обладатель не замерз бы насмерть или не сгорел дотла.

Голова Линксакасендалора дернулась вперед, и его челюсти открылись. Хлынул жемчужный иней.

Кхорин увернулся влево. Морозное дыхание немного холодило Кхорина, но не более. Он бросился на Линксакасендалора, выбил копье из его рук и ткнул концом дубинки ему в живот. Драконорожденный крикнул и согнулся пополам. Непроизвольное движение сделало его голову уязвимой. Кхорин ударил его в висок, и это был конец.

Сдерживая тяжёлое дыхание - в конце концов, победа должна была выглядеть легкой, Кхорин повернулся, посмотрел на остальных солдат и решил, что действительно произвел на них впечатление.

- Видите? – спросил он. - Вот как маленький боец - а мы все маленькие по сравнению с пепельными гигантами, использует свои размеры в своих интересах. Это часть того, чему я пытаюсь вас научить. А теперь уберите этих дураков с дороги, пока они не будут готовы продолжить обучение. Я хочу увидеть, как остальные сражаются со Зверем. Вперед!

Зверь представлял собой большой деревянный корпус, который один волшебник зачаровал в соответствии с требованиями Кхорина. Когда кто-то дотрагивался до одной из маленьких рун, вырезанных по бокам конструкции, она всплывала и поднималась над землей примерно на три фута. Затем нужно было нанести удар по руне острием копья, чтобы снова вернуть это изобретение в неодушевленное состояние.

Игра была сложной, потому что Зверь мог неожиданно прокрутиться и изменить направление движения. И если воин не был достаточно ловок, то конструкция могла нанести ему неприятный удар. Смысл в том, чтобы научить воинов атаковать большого противника, когда тот повернут спиной, а затем вырываться из зоны досягаемости, когда он поворачивается в их направлении.

Кхорин некоторое время наблюдал за боем и был рад видеть, что по крайней мере некоторые из учеников овладевали этой техникой. Затем раздался стук копыт, бьющих по земле. Он обернулся и увидел Медраша из клана Даардендриен, несущегося к нему верхом на большой черной кобыле.

Большой и мощно сложенный даже по меркам драконорожденных, Медраш имел красновато-коричневую чешую и шесть белых гвоздиков клана Даардендриен, вбитых в его левую половину лица. Он был чудаком среди своего народа, так как поклонялся одному из богов Фаэруна. Фактически, он был паладином Торма - чемпионом, чья связь с Неистойвой Верностью даровала ему некоторые мистические способности.

Позади него к голубому небу, залитому клочьями белых облаков, возвышался Джерад Тимар. Это был самый странный и впечатляющий город из всех, что Кхорин видел за всю жизнь, полную странствий, потому что он был одним большим, колоссальным сооружением. Основание представляло собой огромный гранитный блок, на вершине которого стояли сотни столбов, поддерживающих усеченную пирамиду.

Пятнышки взлетали и кружили над её вершиной. Воздушная кавалерия, называемая Защитниками Копья, выполняла различные задания. Их ездовые животные были огромными летучими мышами, ведущими ночной образ жизни, но способными и к дневной службе. Увидев их, Кхорин почувствовал укол печали. Он все еще скучал по Бдительной, своему грифону, убитому топазовым драконом на пути к югу от Лутчека.

Медраш прыгнул с кобылы.

- Как дела? - Спросил он.

Хурин махнул рукой в сторону учеников.

- Посмотри сам. Мне пришлось ударить пару из них, чтобы эта кучка восприняла меня всерьез.

Медраш улыбнулся.

- Я знаю, как хорошо ты сражаешься, но в конце концов эта уловка обернется против тебя и больно-больно укусит.

- Посмотрим.

- Просто помни, что они тоже умеют сражаться. Все драконорожденные, так или иначе, умеют. Некоторые из них уже прослужили год или два Защитникам Копья.

- Я знаю. Поэтому я вызвал только троих. Обычно четырех. А теперь расскажи мне о лошадях.

- Мы отобрали самых выносливых и стойких. Мастера верховой езды сказали, что за то время, что у нас есть, естественным путём обучить их невозможно. Но посоветовавшись с магами, они неохотно согласились с тем, что если на животном будут необходимые талисманы отваги и послушания, оно может делать то, что ты от него хочешь.

- Неохотно?

- Маги любят лошадей и не хотят, чтобы они приближались к гигантам или тем ящерицам, которых они призывают из пепла.

- Я их не виню. Но нам нужны не только летучие мыши, но и конные копейщики.

Это тоже было бы нововведением. Кхорин подозревал, что где бы и когда бы родичи Медраша ни восстали против своих повелителей драконов, лошадей у них явно не хватало.

- Ты получишь несколько лошадей, - сказал Медраш. - Будем надеяться, что их будет достаточно, чтобы наши войска выглядели так же впечатляюще, как и Платиновая Когорта.

- Наконец-то Баласар сможет обставить Когорту.

На другом конце поля ученики закричали, когда кому-то, наконец, удалось ударить руну и заставить Зверя снова упасть на землю.

* * * * *

Джесри Колдкрик никогда так не любила летать, как сегодня. Было захватывающе видеть здания и запутанные улицы Лутчека, расстилающиеся перед ней, слышать возгласы и завывания благодарности, раздающиеся от людей, толпившихся на улицах, высовывающихся из окон и собирающихся на крышах.

Нет, конечно, встречали не её. Чазара. Красный дракон, с чешуйчатыми малиновыми крыльями, сияющими на солнце, возвращался в город, которым правил столетие назад. Его длиннохвостая тень плыла над ним, и всадники на грифонах, с которыми он разделял небо, по сравнению с ним казались крошечными, будто колибри, сопровождающие орла.

Тем не менее, до недавнего времени Джесри боялась и ненавидела город ее детства, так же, как он боялся и ненавидел её. Предрассудки девушки были итогом её кошмарного пленения в детстве, которое оставило ужасные шрамы на её душе. Но недавние события дали ей шанс хотя бы одну из своих психологических травм, и нравилось ей это или нет, но Лутчек тоже собирался измениться к лучшему. Чазар обещал, что так и будет.

Лутчек расположился у подножия высокой скалы, а цитадель, называемая Коллегией Войны, фактически выступала из скалы. Чазар приземлился на окруженной стражей площади перед цитаделью. С другой стороны от стражей и баррикад раздался стон толпы, в которой тут и там виднелись алые знамена или другие атрибуты церкви Чазара. На мгновение Джесри подумала, что они собирались ворваться на площадь и напасть на дракона, но каким-то образом им удалось взять себя в руки.

Она приземлила Шрама в отгороженном углу, предназначенном для грифонов, как и ее товарищи-наемники, сделавшие то же самое со своими верховыми животными. Коренастый, лысый и покрытый руническими татуировками, с голубыми глазами, заметно светившимися даже при дневном свете, Аот Фезим прилетел из Сулабакса, а за ним ехала пухлая, хорошенькая Цера Иуртос. Повелительница солнца, верховная жрица Амаунатора, хотела присутствовать на церемониях и уговорила своего нового любовника взять её с собой.

Джесри могла сказать, что капитан Братства Грифона относился к участию в церемонии несколько более неоднозначно, и девушка считала, что знает почему. Все члены Братства должны были быть здесь, чтобы удостовериться, что за спасение Чазара отряд получит заслуженные почести и любые связанные с этим награды. Но, с

другой стороны, на севере назревала война, и Аоту не нравилось тратить время на что либо, кроме приготовления к ней.

Тем временем Гаэдинн Улреас улыбнулся, как будто вся драма и пышность были развлечением, устроенным для его увеселения. Долговязый лучник, одетый в элегантный пурпурный камзол с красными прорезями и с сияющими, несмотря на длинный перелет, медными волосами, выскочил из седла и подмигнул Джесри.

Чазар повернул длинную шею, чтобы рассмотреть ожидающую толпу, а затем выплюнул дугу пламени, которая была направлена в небо, чтобы не поджечь здания или не задеть толпу, которая взорвалась взволнованными возгласами.

Затем красный дракон начал сжиматься, превратившись в высокого широкоплечего воина в золотых доспехах и плащом из перьев цвета пламени. Хотя он казался человеком с массивным телосложением, у него было длинное заостренное лицо и слегка заостренные уши, что придавало ему намек на родство со змеями. Его раскосые глаза были такими же желтовато-коричневыми, как у Джесри. Она, Гаэдинн, Аот и Цера поспешили к нему.

Чазар предложил Джесри руку, и, несмотря на необычайную честь, представляемую этим жестом, она застыла. Если он и нахмурился в ответ, то лишь на мгновение, а затем его лицо приняло выражение печального понимания.

- Прости меня, - пробормотал он. - Но поскольку тебе не составляет труда дотрагиваться до меня в облики дракона, то делай то же самое, когда я в облики человека.

- Мне очень жаль, Ваше Величество. - Сказал Джесри.

- Не стоит, - он огляделся, очевидно, убеждаясь в том, что каждый занял свое должное место на грядущей церемонии. - Пройдём?

Они поднялись по каменной лестнице, которая вела на террасу, где ждали выдающиеся сановники Чессенты. Наконечник посоха, который Джесри унесла с горы Тулбейн, щелкал по ступенькам. Перед ними городская стража пропустила толпу на площадь. Заполнившая площадь толпа издавала шум, напоминающий резкий поток воды, пробившийся сквозь дамбу.

Чазар подошел к краю платформы и посмотрел на своих людей. Как один, вся толпа упала на колени. Так же поступили все, кто был на платформе, вместе с Чазаром.

Затем, как и было условлено, Шала Каранок вышла на террасу. Крепко сложенная женщина средних лет, Герой Войны держала в руках обруч из стали, украшенный бриллиантами. Ее лицо, с покрытой шрамами квадратной челюстью, оставалось безэмоциональным, из-за чего невозможно было понять её отношение к происходящему.

Она преклонила колени перед Чазаром и протянула диадему.

-Я признаю вашу власть и отказываюсь от должности. - Сказала она.

Чазар взял обруч, высоко поднял его, чтобы поймать лучи солнца, и надел себе на лоб.

- Я короную себя Героем Войны Чессенты, - сказал он. - Можете встать. Все.

Как только они это сделали, раздалась аплодисменты. Шум нарастал и утихал, накрывая платформу с периодичностью волн, бьющихся о скалы.

Чазар на время позволил своим подданным выразить свое ликование. Затем он поднял руку, и через несколько ударов сердца все замолчали.

- Я благодарю вас за ваш прием, - сказал перевоплощений дракон. - Как хорошо снова оказаться на земле и в городе, который я так люблю.

Это вызвало еще больше аплодисментов. Через несколько мгновений он остановил их тем же жестом, как и в прошлый раз.

- Как всегда было и будет, - продолжил Чазар, - я вернулся тогда, когда был нужен вам больше всего. Грядет война. Враги, преисполненные ненависти и зависти, угрожают Чессенте со всех сторон. Но не бойтесь. Если я поведу вас, то вы вырежете всех их до единого.

Ему снова пришлось остановиться и позволить толпе взреветь.

- Но месть и победа - дело завтрашнего дня. Сейчас перед нами стоят другие вопросы.

Я сказал вам, что приду к своим людям в час отчаянной нужды. Но как мне узнать, что я нужен вам? Услышать ваши молитвы. На протяжении столетий многие считали меня Богом, и теперь мне льстит, что все знают правду. Я Бог. Бог во всех смыслах, существо столь же возвышенное, как Амаунатор или Вокин, и вы будете поклоняться мне.

При этом никто не зааплодировал. Даже если они и верили в божественность Чазара - а многие чессентцы верили, - было что-то неприятное в том, что он открыто утверждал это..

Джесри украдкой посмотрел на Церу, широкого Даэльрика Апафоса - ее наставника в церкви Амаунатора, и других верховных жрецов, собравшихся на террасе. Предположительно, все они имели свое мировоззренческое мнение по поводу заявления Чазара, но из-за упорно сохраняемого выражения торжественности на их лицах, Джесри не могла определить их настоящие эмоции.

- Некоторые из вас уже поклоняются мне, - продолжил Чазар. Он посмотрел вниз на толпу, где множество алых знамен и красных плащей, скроенных так, чтобы напоминать остроконечные крылья дракона, указывали на присутствие многих приверженцев церкви Чазара. - Кто ваш пророк?

На мгновение показалось, что кем бы он ни был - мужчиной или женщиной, он был слишком застенчив, чтобы дать ответ. Затем вперед выступила тощая девушка-подросток. На ее измученном голодом и с ямками от прыщей лице были нарисованы малиновые символы, а поверх грязных тряпок был надет прекрасный красный плащ - возможно, подарок другого последователя.

- Я, Ваше Величество, - вздрогнула она. - Меня зовут Халонья.

- С этого дня, - сказал Чазар, - ты леди этого королевства. Твой ранг будет равен рангу патриархов, стоящих за мной, ибо церковь, которую вы возглавляете, по достоинству и важности не уступает любой из их. Другие, кто прислушается к моему призыву, предложат себя в качестве священников и жриц под твоим руководством. Вместе вы постройте величайший храм в Лутчеке. Мой заместитель, - он указал в сторону Шалы, - поможет вам со всем, что вам потребуется.

Халонья заплакала и упала на колени.

- Спасибо, Ваше Величество! Я люблю вас! Я не подведу вас!

- Я знаю, - сказал Чазар. - Теперь, я хочу поблагодарить кое-кого еще. Того, кто оказал мне большую услугу. Джесри Колдкрик, подойди.

Чазар не предупреждал Джесри, что собирается это сделать. Она внезапно почувствовала себя очень неловко, а сардоническая улыбка Гаэдинна усугубила это ощущение. Каким-то образом ей удалось пройти несколько шагов в сторону Героя Войны, не споткнувшись и не опозорившись каким-либо иным образом.

- Как некоторые из вас знают, - сказал Чазар, - эта женщина - маг. И после того, как она... использовала свою магию в моих интересах, я предложил ей подарок. Она могла попросить титул, богатство, землю, но не попросила. Она попросила меня исправить давнюю несправедливость, и я это сделаю. Настоящим указом я отменяю все законы, которые применяются только к людям, обладающим мистическими способностями. Отныне им не нужно татуировать ладони. Они могут жить там, где им нравится, собираться так, как им нравится, и заниматься своим искусством, как им нравится, при условии, что они не причиняют вреда окружающим. Священникам и ученым же запрещается проповедовать ложное и пагубное предубеждение, что вся магия происходит из нижних миров, а те, кто преследует или стремится преследовать колдунов и магов, столкнутся с суровыми репрессиями.

Никто не приветствовал этот указ. Джесри предположила, что этот указ шокировал собравшихся не меньше, чем недвусмысленным притязание Чазара на божественность, но определенно был менее популярен. Лутчек всегда любил ненавидеть себе подобных.

“Ну и подавитесь, невежественные ублюдки” - Подумала она.

- В ближайшие дни последует еще больше новых указов, - сказал Чазар. - Смелые новые идеи и авантюры превратят Чессенту в великую страну, которой она всегда и была. А пока отпразднуйте мое вознесение! Ваш господин позаботился о ваших нуждах. Вы найдете еду и напитки на каждом углу, а фокусников и музыкантов, играющих для вашего увеселения, на каждой улице!

Это заставило их снова зааплодировать и закричать. Чазар завернулся в алый плащ и направился в Коллегию Войны.

* * * * *

Пока Аот шел за Чазаром в крепость, он установил психический контакт со своим черным грифоном, Джетом.

- *Все хорошо?* – Спросил он.

- *Если этот нахал - Бог, то мир еще хуже, чем я думал.*

- *А у меня есть более конкретная критика его выступления, - фыркнул Аот, - но я обязательно выскажу ему свое мнение.*

Пройдя через дверной проем, он обнаружил, что Чазар остановился с другой стороны, чтобы принять поздравления. Попирая правила протокола, Зан-Акар Зераэз, посол Аканула, каким-то образом сумел занять первое место в очереди. Возможно, все остальные не решались ссориться с дженази из-за страха перед искрами, которые ползли и лопались на его темно-фиолетовой, покрытой серебром коже.

Пока Аот ждал своей очереди, к нему подошел Никос Кориниан. Аккуратно сложенный, со сломанным носом и вздувшимся ухом, свидетельствовавшим об энтузиазме чессентцев в отношении более жестоких форм спортивных соревнований, Никос, теоретически, был покровителем Братства, хотя их отношения были немного

запутанными. Дворянин нанял наемников для службы короне, и Шала фактически приняла их службу в час нужды.

И теперь она больше не была монархом. Аот вздохнул и удивился - почему все никогда не бывает просто.

- Мне очень жаль, что Герой Войны не упомянул вас во время своего выступления, - пробормотал Аот. - Я надеюсь, что наедине он проявит больше благодарности.

Никос пожал плечами.

- Он тоже не упомянул тебя, - так же мягко ответил он, - или твоего человека, Улреаса, хотя, насколько я понимаю, он имел такое же отношение к спасению Чазара, как и волшебница. Я полагаю, это потому, что мы не должны говорить о том, что Его Величество нужно было спасать.

- Меня это устраивает, - сказал Аот. - Мы хотим, чтобы войска считали его непобедимым. Так они будут сражаться лучше.

Улыбаясь, Чазар повернулся в их сторону.

- Что вы думаете о моей небольшой речи?

- Это было вдохновляюще. - Ответил Никос.

На мгновение Аот подумал - не лучше ли сказать что-нибудь столь же пустое и на этом не остановиться. Затем он решил, что шло бы оно в Абисс. Он был солдатом, а не придворным, и говорил все так, как и есть, особенно когда Чессенте грозила война.

- Вы сказали кое-что, чего я не ожидал услышать, - сказал он, - и упустили одну вещь, которая мне кажется очень важной.

Чазар улыбнулся. Его зубы были белыми и ровными, такими же безупречно красивыми, как и все остальные части его тела.

- Я впервые за сто лет обращалась к своим детям. Я должен был говорить от сердца, даже если это и означает немного отклониться от сценария.

- Я понимаю это, Ваше Величество. Но я думал, что вы собираетесь сказать всем, что существа, стоящие за убийствами Зеленой Руки, на самом деле вовсе не драконорожденные, а скорее демоны, вызванные с нижних планов. – Во имя Черного Пламени, он и Цера чуть не умерли, раскрывая этот секрет!

- К сожалению, - сказал Чазар, - не всегда возможно затронуть все интересующие темы в одной речи.

- И это я тоже понимаю. Но эта конкретная тема важна. В то время, когда Чессенте нужны друзья, вы могли бы восстановить союз с Тимантером.

- У Тимантера есть свои проблемы, - сказал Чазар. - В ближайшее время они не смогут предоставить нам войска.

- Тем не менее, если люди узнают, что враги не окружают Чессенту со всех сторон, то это может воодушевить их.

- Возможно, ценой возрождения их подозрений в отношении тех, кого они изначально были склонны винить - магов. А это нарушит моё обещание леди Джесри.

“Залог, который она взяла, не посоветовавшись со мной” - С горечью подумал Аот.

Не то чтобы он был не согласен с ней. Как он мог не согласиться, учитывая то, что Аот сам был боевым магом? Но Братство пришло в Чессенту не для распространения справедливости и просвещения. После двух жестоких кампаний, которые уменьшили их ряды, принесли мало прибыли и запятнали их имя, они пришли, чтобы наполнить свою казну и восстановить свою репутацию, сражаясь в войнах государства. И если

люди будут обвинять одного из лейтенантов Братства в продвижении непопулярного приказа, то это явно не поможет Аоту достигнуть своих целей.

- А теперь, если вы меня извините... - Сказал Чазар. Он уже поворачивался и улыбался Лютену, главному сопернику Никоса при дворе уже предыдущего Героя Войны.

* * * * *

Гаэдинн был сыном мелкого аристократа и, когда ему это было удобно, умел вести себя как джентльмен. В некоторых частях Фаэруна это означало поглощение любых блюд, которые давал хозяин, чтобы выразить признательность за его щедрость. В Чессенте, с ее манией к физическому здоровью, мужчина производил хорошее впечатление, просто выбирая закуски или вовсе игнорируя их.

Но в ту ночь ему было все равно. Он и Джесри провели несколько тяжелых и голодных дней на Шадоуфэлле. Скоро он окажется в гуще войны, где состояние и качество еды всегда были неопределенными. Соответственно, он хотел есть так же сытно, как это делал бы Кхорин, окажись он на месте эльфа. И если его прожорливость оттолкнет всех достойных очаровательных дам, то ему просто придется немного постараться, дабы, в конечном итоге, обольстить их.

За сервировочными столиками стояли его личные лакеи, которые собирали ему тарелку с молочным поросенком, куриной грудкой с черничной глазурью, горохом, темными булочками с маслом и ломтиками засахаренного персика. У него потекли слюнки, поэтому он отвернулся, но тут же замер.

Джесри подошла к нему сзади, но она выглядела так, как никогда прежде. Служанка, а точнее - целая команда, уложила волосы волшебницы в замысловатую прическу и одела ее в алое парчовое платье. Рубины блестели в мочках ее ушей и вокруг шеи. Служанкам даже удалось вырвать посох из ее рук.

- Добрый вечер, миледи, - сказал Гаэдинн. - Вы невероятно похожи на одну мою знакомую волшебницу. Но она избегает таких нарядов.

Джесри нахмурилась.

- Я не могла избежать этого. Герой Войны сказал мне прийти и дал мне эту... одежду. Он хотел, чтобы я тоже заявила о себе, но это уже слишком. Мне пришлось войти сюда через одну из боковых дверей.

Гаэдинн усмехнулся.

- Что ж, ты прибыла раньше дракона, поэтому он никогда не узнает о нарушении протокола.

Джесри заколебалась.

- Я никогда не носила ничего подобного. Я хорошо выгляжу?

Она выглядела восхитительно, но он понял, что не хотел этого говорить. Может быть, потому, что они уже однажды шли по дороге комплиментов и нежных разговоров, но для них это вообще ни к чему не привело.

- Главное, - сказал он, - что после сегодняшнего вечера ты сможешь продать все это за кругленькую сумму.

Что-то шевельнулось в её янтарных глазах, и ему захотелось услышать ответ волшебницы. Затем трубачи затрубили в медные трубы, и через высокий арочный

проем в конце комнаты прошел Чазар, облаченный в камзол из золотистой ткани и малинового бархата. Арку обрамляла резьба, изображающая величайшие достижения прежнего правления Чазара.

Мужчины поклонились, а женщины сделали реверанс. Чазар засиял и жестом позволил всем выпрямиться. Затем он повернулся и кивнул музыкантам, которые завели первый танец - гальярду.

Стоя возле буфета, Гаэдинн и Джесри уже стояли достаточно далеко от танцевальной зоны, но волшебница все равно рефлекторно отступила на шаг назад.

Тогда Чазар воскликнул:

- Остановитесь! Его голос не должен был заглушить гальярду, но это сработало так легко, будто в его, вроде бы, человеческой глотке все еще был заключен рев, который он мог использовать при необходимости. Оркестр остановился. Пары, которые ждали, когда Герой Войны выберет партнера и начнет танцевать, чтобы сделать то же самое, удивленно уставились на него.

- Когда я в последний раз ходил по этим залам, - сказал дракон дирижеру, - в моде был вожденный танец. Или, как некоторые его называли - дразнилка. Ты знаешь его?

Руководителем оркестра был сутулый человек со скрюченным лицом. Гаэдинн мог подумать, что он больше похож на скупого лавочника, чем на творца, если бы не огонек, горящий в его ярких серых глазах.

- Его давно никто не просил, Ваше Величество. Но да, мы знаем его. Или, по крайней мере, исполнители постарше. Остальные смогут присоединиться, когда уловят ритм.

- Тогда давай, - сказал Чазар, - а я научу движениям тех, кто хочет учиться.

Дирижер улыбнулся и взмахнул указательным пальцем левой руки назад и вперед, рассказывая своим товарищам, насколько быстрой, по его замыслу, должен быть ритм. Затем он поднял палочку и опустил ее. Как и было обещано, примерно половина музыкантов сразу же заиграла веселую мелодию. Арфист присоединился к остальным примерно через пару строф.

Тем временем Чазар пошел прямо к Джесри. Увидев, как он приближается, она побледнела.

- Моя госпожа, - сказал он. - Окажете ли вы мне честь?

- Мне очень жаль, Ваше Величество, - сказал Джесри. - Я не могу. Я никогда не танцевала. Никогда за всю свою жизнь.

- Никто не танцевал. Только не этот танец. Все здесь сейчас будут учиться. Более того, в этом танце леди и джентльмен не касаются друг друга. Даже кончиками пальцев, ничем. Так что, пожалуйста, не могли бы вы попробовать?

К изумлению Гаэдинна, она так и сделала. Через некоторое время она даже улыбнулась.

Что-то потяжелело в его руке. Он посмотрел на тяжело загруженную тарелку и понял, что он больше не хочет есть.

* * * * *

Баласар внезапно проснулся от крепкого сна и очутился в темноте своей спальни. Сначала он понятия не имел, что заставило его пробудиться. Затем он услышал или, возможно, просто почувствовал голос, зовущий его по имени. Это было, скорее, шепот ветерка, чем настоящая речь, но каким-то образом драконорожденный все равно понял, что это именно она.

Несомненно, это был вызов, который обещала Нала. Зов был неестественным и, скорее всего, был как-то связан с дымящимся кислым зельем, которое она дала ему выпить.

Он скинул одеяло, быстро оделся, взял палаш и воткнул кинжал в сапог. Согласно легенде, он собирался обратиться в Платиновую Когорту в качестве просителя. Но он был бы болваном, если фанатики распознают в нём шпиона, а ему даже нечем будет защищаться.

Общинные залы клана Даардендриен были пусты. Даже привратник храпел. Баласар выскользнул, не разбудив его. Призрачный голос прошептал снова, маня его к лестнице, ведущей вниз.

Как выяснилось позже, ему пришлось спуститься в центральный атриум Города-Бастиона, где журчали фонтаны, а в цветниках и клумбах росли кусты и зелень. Полосатые и усыпанные балконами стены поднимались до верхнего этажа, который служил казармой Защитникам Копья и местом ночлега для их гигантских летучих мышей. Магического сияния, обычно заполняющего Город-Бастион, в этот час почти не было, создавая подобие ночи, царящей снаружи.

Голос снова повел Баласара вниз, навстречу холодному ночному воздуху. Этаж-рынок был открытым пространством с колоннами, между обрезанной пирамидой наверху и гранитным блоком внизу. Точки желтого света сияли во мраке, а где-то на севере завывало музыка длиннорога. Очевидно, что некоторые из таверн были еще открыты, и на мгновение Баласар осмелился надеяться, что Нала вызвала его на встречу в такой веселой обстановке.

Увы, нет. Шепот, который, все еще, существовал только в его голове, привел его к другой лестнице, спускающейся в недра каменного куба, который был фундаментом Джерад Тимара. В катакомбы.

Лабиринт туннелей и камер скрывал в себе складские помещения, литейные и другие часто посещаемые места, выполнявшие мирские и государственные функции. У них также были погребальные склепы и, по слухам, заброшенные участки, где преступники вели незаконный бизнес, а авантюристы спускались до земли и охотились за призраками в недрах катакомб.

Баласар вздохнул, потому что подозревал, что знает, в каком районе жрица бога-дракона подготовила встречу. Разумеется, голос позвал его в узкий извилистый боковой проход, а затем вниз по крутому и опасному склону. Большинство шарообразных магических подсвечников погасло либо из-за времени и небрежности повесивших их мастеров, либо из-за того, что кто-то потрудился их погасить.

В конце концов, он дошел до точки, где тьма была почти абсолютной. Казалось, где-то впереди был слабый проблеск, но с тем же успехом это могло быть уловкой, которую его изголодавшее тело играло с ним.

Проведя когтями правой руки по стене, он двинулся дальше. Казалось, прошло много времени, и он преодолел наклонный поворот коридора, когда свет, наконец, стал ярче. Он привел его в пустой пятиугольный зал, где его ждали четыре драконорожденных. Их головы скрывали капюшоны из серебристой ткани.

Но не все было так хорошо. У крупного самца с красной чешуей были три цепи, свисающие с нижней стороны его челюсти. Это был пирсинг клана Шестенделиат, что позволили Баласару опознать в драконорожденном Петрина.

Он почти усмехнулся. Тайная встреча с молчаливыми культистами в капюшонах явно должна была казаться зловещей, и так оно и было. Но ему было трудно поверить, что паладин Бахамута намеревался предать или причинить вред хоть кому-то. Несмотря на свои заблуждения, Петрин был благороден – Баласар успел понять это, пока сражался бок о бок вместе с ним против пепельных гигантов.

Тем не менее, его голос отдавал сталью и морозом, когда он спросил:

- Кто идет?

Баласар дал ритуальный ответ, которому научила его Нала:

- Искатель истины.

Просто не той правды, о которой думает Петрин.

- Что ты отдашь, чтобы найти её?

- Все, что у меня было и есть.

- Тогда разденьте его. - Сказал Петрин. Остальные культисты двинулись вперед.

Баласару пришлось заставить себя подчиниться последующему грубому обращению. Об этой части ритуала посвящения его никто не предупреждал.

* * * * *

Какое-то время Аот наслаждался и сиял от удовольствия и ощущения полного расслабления. Затем, без его согласия, его разум снова начало грызть все, что его беспокоило.

Ее вспотевшее тело прижалось к нему, и Цера схватила его за кончик носа большим и указательным пальцами и повернула в сторону.

- Ай! - сказал он, хотя на самом деле ему не было больно. – Зачем ты это сделала?

- Ничего страшного, если ты заснешь после этого, что было, - сказала Цера. - Женщина ожидает такого свинского поведения от мужчины. Но если ты не собираешься спать, то я бы хотела поговорить.

- Извини, - сказал он. - Это просто... - Он махнул рукой, которой только что обнимал её.

- Чазар - не тот, кем ты его себе представлял.

Аот фыркнул.

- Ну, для начала, я его себе никак не представлял. Каковы были шансы, что Джесри и Гаэдинн хотя бы найдут его след, не говоря уже о том, чтобы вернуть его домой? Но да. Что ты о нем думаешь? Я помню наш первый разговор. Ты дала понять, что не веришь в его божественность.

Она заколебалась и смахнула один из локонов со своего красивого курносого личика. Ему нравилось, что его заколдованные глаза могли видеть ярко-желтый цвет

ее волос и все остальные части её тела в темной комнате так же четко, как под солнцем, которому она поклонялась.

- Люди используют термин «Бог» по-разному, - сказала она наконец. - Я думаю, что Дазльрик и другие патриархи не будут обращать на это внимания, пока он сдерживает свои претензии. И, очевидно, что я, как послушная служительница своего Бога и своей веры, буду следовать примеру мудрого наставника.

Аот ухмыльнулся.

- Другими словами, по твоему мнению, он просто большой, сильный дракон, но ему нужна Чессента, и поэтому над ним можно шутить?

- Вполне. На данный момент меня, на самом деле, куда больше раздражает то же самое, что раздражает тебя. Почему он не рассказал всем об абишаях? Сначала он казался таким заинтересованным, а теперь складывается ощущение, что ему все равно.

- Я не могу этого объяснить, - ответил Аот. - Он назвал мне несколько причин, но ни одна из них не показалась мне весомой.

- Как думаешь, он проведет расследование? Мы до сих пор не знаем причину произошедшего.

Он пожал плечами. От этого ее грудь слегка приподнялась в том месте, где соприкасалась с телом Аота.

- Он сказал да, но я бы не стал на это рассчитывать.

Цера сердито посмотрела на него.

- Это... недопустимо! Кто-то должен узнать, что происходит на самом деле!

- Если есть что-то, чему я научился, пока рос и работал наемником в Тэе, так это тому, что у кого-то всегда есть какие-то скрытые планы и мотивы. И ты можешь сойти с ума, пытаясь развязать этот клубок.

- Но Амаунатор хочет его развязать. Иначе бы он не показал нам собрание драконов.

- При всем уважении, моя милая леди солнца, но ты не знаешь, почему твой ритуал пошел наперекосяк или что собрание имело какое-то отношение к абишаям.

- Я тебя не понимаю. В один момент ты расстроен, что Чазар ничего не собирается делать, а в следующий ты уже готов согласиться с ним, считая все наши достижения не важными.

- Это не совсем так. Но мне нужно отправиться на войну. Не важно, кто хотел очернить драконорожденных и почему, если Великий Костяной Змей и его войска убьют нас всех.

Нахмурившись, она некоторое время изучала его. Затем она сказала:

- Ты упрямец. Твое истинное зрение дало тебе как минимум одно видение, предупредившее тебя о том, что происходит что-то загадочное и опасное.

- Я не знаю, что оно значило. - Вставил он.

Но Цера продолжила, как будто он ничего не сказал:

- И тогда Хранитель дал нам обоим знак, указывающий на одно и то же. Это заставило бы многих других мужчин с еще большим стремлением искать истину, но тебя это заставило сопротивляться. Почему?

Он вздохнул.

- Ты имеешь в виду, что, помимо разумных и целесообразных причин, которые я тебе уже привел?

- Да. Скажи мне.

Он заколебался, поскольку предполагал, что большинство мужчин не решатся признаться женщине в каком-либо страхе или слабости. Но его инстинкты подсказывали ему, что это не заставит ее думать о нем хуже. Собираясь с мыслями, он провел ладонью по макушке. Его мозоли царапали безволосую кожу головы.

- Я уже рассказывал тебе, к чему привели меня мои видения, - сказал он. - На вершину горы в искусственном мире Сзасса Тэма, где, пока не появились мои товарищи, был только я против Маларка Спрингхилла и орды ужасной нежити под его контролем.

- Туда, где ты спас тысячи жизней, - сказала она. - Возможно даже, весь Фаэрун.

- Да! В том-то и дело! В то время я действительно не чувствовал тяжести ответственности. Ты не можешь позволить себе чувствовать подобные вещи посреди битвы, иначе они замедлят и ослабят тебя. Но с тех пор я ощущаю это вновь и вновь. Это чувство приходит ко мне в кошмарах.

- Я не понимаю. Каждый человек сам решает принять на себя такую ответственность. Ты, например, несешь ответственность за благополучие Братства Грифона. За судьбу лордов и королевств, которые нанимают тебя для войн.

- Это другое. Меня устраивает боевая магия и руководство Братством. Это я понимаю. Я достаточно взрослый, чтобы справиться с тем и с тем. Но то, что случилось на вершине горы... - Он покачал головой. - Это было слишком странно и слишком тяжело.

- На протяжении веков, - начала Цера, - Амаунатор, либо сам, либо в облике Латандера, призывал многих чемпионов служить делу праведности. Некоторые из них возражали, что это бремя было слишком тяжело для них, но, в конце концов, все они проявили благородство.

- Это одна из причин, по которой мне нравится поклоняться Косуту. У него нет подобных историй.

Она нахмурилась.

- Ты невыносим.

- Просто позволь мне загнать Аласклербанбастоса обратно в его нору. Обещаю, нам всем будет лучше.

- Все в порядке. Делай то, что ты считаешь правильным.

Некоторое время они лежали в тишине.

Затем, когда он начал задаваться вопросом - а не заснула ли она, и когда она начнет храпеть тихи булькающим храпом, который ему так нравился, она сказала:

- Я не смогу вернуться с тобой в Сулабакс завтра.

- Нет?

- Нет. Даэльрик хочет, чтобы я доложила все, что мне известно о набегах из Трескеля, возвращении Чазара и всем остальном. Я вернусь домой сразу, как только смогу.

Аот внимательно посмотрел на нее. Если Цера чего-то и не рассказала ему, то его глаза не смогли разглядеть этого.

* * * * *

К облегчению Баласара, никто не заметил нож, спрятанный в его сапоге. Многие воины подобным образом носили дополнительное оружие, особенно если они, как и он, имели привычку к изощренным развлечениям в беспокойных тавернах Джерад Тимара.

Когда он был обнажен, Петрин поднял стальной шлем. На мгновение Баласар не мог понять, чем он отличается от обычного, а затем заметил отсутствие отверстий для глаз и подковообразную деталь, предназначенную для того, чтобы обрамлять морду владельца.

Петрин надел его Баласару на голову и лишил его зрения. Механизм блокировки щелкнул. Подбородок шлема был достаточно плотным, чтобы неудобно впиваться в место, где нижняя челюсть драконорожденного соединялся с его шеей, но недостаточно плотно, чтобы душить его.

- Теперь, - сказал Петрин, - твое паломничество начинается.

Рука, возможно, паладина или другого посвященного, толкнула Баласара вперед. Драконорожденный старался не натолкнуться на то, что было перед ним. Он обнаружил пустое пространство, которое предположительно было входом в другой коридор, ведущий из пятиугольной комнаты. Он направился вниз, снова проводя рукой по стене, чтобы не упасть и сориентироваться.

Снова прошептал голос. Каким бы жутким это ни было, он решил, что должен радоваться. Он направлял его.

Он попытался замедлить дыхание и таким образом подавить страх, покусывающий его разум. Он слышал о тайных обществах, которые проводили своих рекрутов через мучительные испытания. Его нынешнее состояние крайней уязвимости не означало, что с ним что-то обязательно случится. По крайней мере, он надеялся на это. Члены Платиновой Когорты не стали бы играть с ним в эти игры, если бы подозревали в шпионаже.

Где-то в темноте раздался голос, зовущий его по имени.

Затем каким-то образом он потерял контакт с прохладной гранитной поверхностью, к которой прикасался, и инстинкт подсказал ему, что он вошел в гораздо более широкую комнату. Тем не менее, Баласар решил, что самый разумный способ пересечь её - продолжить путь вдоль стены. Но сколько он не пытался нащупать что-нибудь твердое по сторонам, а потом и за спиной – ничего не вышло.

Все, что он мог сделать, это пойти навстречу шепоту.

С каждым шагом становилось все холоднее. Что-то хрустнуло под его босыми ногами, заставляя драконорожденного задрожать. Он понял, что это был снег. Поднялся холодный ветер, который, завывая, попытался оттолкнуть Баласара обратно, откуда он пришел. Воин наклонился вперед.

- *"Этого не может быть"*. - Подумал он. Это какая-то уловка. Но это точно было реальным. Баласару казалось, что он оказался посреди снежного простора, который он пытался пересечь.

Затем он услышал, как что-то еще движется по снегу. Но звук был непрерывным скольжением, а не ритмичным скрипом шагов. Он почувствовал злобный взгляд, после чего взревел ветер.

Нет, в этот раз не ветер. Взрыв, пронзивший Баласара до глубины души. Он потерял равновесие, и что-то вылетело у него из-под ног, после чего драконорожденный рухнул на землю.

Он вскочил на колени и отмахнулся когтями. Они ни с чем не соприкоснулись.

Дрожа от холода, он попытался встать и был благодарен за то, что удар, сбивший его с ног, не сломал его лодыжки. Голос снова зашептал, и Баласар повернулся к нему.

Невидимый мучитель свалил его сильным ударом в грудь. Баласар растянулся на снегу, но тут же снова взмахнул когтями, которые, однако, снова не встретили сопротивления.

Что бы ни свалило его, он не мог бороться безоружным и слепым. Сектанты наверняка ожидали от него не этого. Он просто должен был проявить настойчивость и пройти через это.

Он пополз на шепот, терпя леденящий дискомфорт валяния обнаженным в снегу. Он должен был ползти, потому что если бы он встал, то невидимый враг вновь собьет его с ног.

Но тут он упал на живот. Что-то большое надавило ему на спину и вдавило в землю, подобно ноге, давящей насекомое.

Это было слишком – легкие были сдавлены, а весь рот забит снегом.

Баласар боролся, но не мог вырваться из-под того, что его сдерживало. Ужас пронзил его разум.

“Ты сражаешься с драконом в своей душе”, - прошептал голос, наконец сказав что-то, помимо его имени. *“Драконьей природой, которую ты всегда презирал. Прояви её, и все получится”.*

С этими словами возникло ощущение, будто что-то украдкой пробирается в его разум, пытаясь раскрыть его, как устрицу. Очевидно, идея заключалась в том, что если один только грубый страх не убеждает драконорожденного уступить требованию голоса, легкое очарование может сбить его с толку.

Да!

“Я принимаю дракона!” - Подумал Баласар. Между тем, он пытался отстоять свое глубокое «я» от Силы, стремящейся проникнуть в его разум.

Он мог только надеяться, что это сработает. Баласар не был мистиком или псиоником, и никто никогда не учил его, как делать финты или парировать на поле психической битвы. Но он всегда был хорошим лжецом и по натуре был упрям.

Давление прекратилось. Лапа дракона, если таковая и была, оторвалась от спины драконорожденного. Чувство чужеродного влияния исчезло из его головы. Когда он снова встал на колени и выплюнул снег, перебиваясь на тяжелое дыхание, фантомный голос вновь позвал его. Но теперь это был лишь шепот, а не сила, пытающаяся вторгнуться в его душу.

Надеясь, что преследование закончилось, он встал и двинулся вперед. Через несколько шагов снег под его ногами исчез, а ветер перестал завывать и отталкивать его. Баласар нащупал стены по бокам. Он вернулся в коридор.

- Я был прав, - сказал Баласар сам себе, - *все это иллюзия*. - Эта мысль была обнадеживающей, но не настолько, чтобы стереть всё его беспокойство. Насколько он знал, человек мог умереть во сне, если тот был создан магией.

Внезапно воздух стал влажным и пропах гниющей растительностью. Его ведущая нога погрузилась в грязь. Тем не менее, Баласар продолжил вперед. По скользкому, засасывающему илу идти было еще труднее, чем по снегу.

Его потряс ужасный рев. Затем какая-то жидкость обрызгала на него с головы до пят. Она прижгла те места кожи, на которые попала.

Он упал на колени и вырвал пригоршни грязи и травы. Используя их, он попытался стереть едкую слизь со своего тела. Постепенно острая жгучая боль утихла.

Но к тому времени он услышал шаги нового дракона. Он приближался к нему.

Что-то пронзило его плечо спереди и сзади. Клыки? Нет, когти. Они подняли его в воздух и подбросили. Он врезался в то, что могло бы быть деревом. Когда он рухнул на землю, что-то, возможно, сломанные ветки, отломавшиеся от дерева из-за удара, посыпались на него. Дракон двинулся к Баласару.

Это истязание продолжалось ещё какое-то время. Драконорожденный терпел это как мог, сдерживая панику, убеждая себя в том, что все это не было ненастоящим и не предназначалось для того, чтобы причинить ему вред.

Наконец голос вновь заговорил.

- *Ты презираешь дракона внутри себя и поэтому боишься. Прими его дар отваги, и все будет хорошо.*

Он ответил так же, как и в прошлый раз. Затем второй дракон позволил ему пройти.

После этого началась песчаная пустошь с начавшейся бурей. Дракон поразил его чем-то потрескивающим, что заставило его танцевать мучительный спазматический танец. Баласару вновь пришлось принять дар силы своего внутреннего дракона, чтобы пройти.

Затем была комната, где каменистая неровная земля гудела и грохотала, а горячий воздух пах дымом и серой. Здешний дракон опалил его тем, что Баласар принял за пламя, после чего он пообещал принять дар ярости.

После этого он вошел в место, где воздух был прохладным. Что-то, что могло быть опавшими листьями, шуршало под его ногами. В отличие от других мест на его пути, это не показалось ему неприятным. Неужели эта часть посвящения закончена?

Что-то зашипело, и боль обожгла его нос, рот, горло и внутреннюю часть груди. Драконорожденный рухнул, кашляя и гаркая, пытаясь откашлять раздражитель. Но воздух был пропитан им. Не было чистого воздуха, которым бы Баласар мог дышать, и поэтому с каждым вздохом он вдыхал все больше и больше газообразной гадости.

- *Дракон в твоей душе и дракон-божество - одно и то же, -* прошептал голос. – *Уверуй в него, и все будет хорошо.*

- Я верю! – выкрикнул Баласар. – Принимаю его!

Между тем, он подумал, что никогда. Ни в этой жизни, ни в какой-либо другой.

Зараженный воздух не отчистился. Возможно, он начал, но затем снова раздалось шипение, и после этого газообразный яд стал еще гуще, чем прежде.

Ощущение психического давления усилилось. Голос снова прошептал свое требование. Очевидно, на этот раз его не удовлетворил ответ Баласара.

Боясь, что он вот-вот потеряет сознание, Баласар повторил свое заверение со всей энергией, которую только был способен выдавить из себя в сложившейся ситуации. Он делал все возможное, чтобы верить и не верить одновременно – как парень, который клялся в вечной любви девушки, которую хотел лишь соблазнить.

Его схватили огромные когти, но чешую они не пробили. Дракон вытащил его из того, что, вероятно, было облаком яда. Когда воздух вокруг стал чистым, Баласар смог спокойно лечь и откашливаться, отчищая лёгкий.

- Баласар. – прошептал голос. Когда он почувствовал себя готовым, то поднялся и вытянул руки, схватившись за что-то, напоминающее дерево.

Другие руки схватили его. Их хватка не была грубой, но истерзанные нервы война рефлексивно заставили его сопротивляться.

- Успокойся, - сказал Петрин. - Все кончено. Разрешаю тебе снять шлем.

Баласар так и сделал. После того, как он был лишен зрения в течение долгого времени, даже мягкое янтарное сияние магического светильника заставляло его сощуриться и заморгать.

Он вернулся в пятиугольную камеру и задавался вопросом - выходил ли он вообще из нее хотя бы в коридор. На его теле не было ни обморожений, ни волдырей, ни синяков, ни царапин и ни каких либо других травм, которые бы наверняка были, если бы испытание было полностью реальным.

Сектанты сняли свои серебристые маски, и в какой-то момент прибыла Нала, чтобы провести последнюю часть церемонии. У нее была коричневая кожа, испещренная золотом, и бледный морщинистый шрам на левой стороне надбровной дуги. Прежде там был её клановый пирсинг, пока собраты не изгнали её. На ней было облачение из платиновых чешуек. Пока она ритмично покачивалась из стороны в сторону, следы других цветов пробивались сквозь складки одежды. Блеск синего, мерцание красного.

- Добро пожаловать, брат, - сказала она. - Теперь ты один из нас.

- Спасибо. - Сказал Баласар. Его ответ казался слишком коротким и прозаичным для данного случая, но он был слишком измотан, чтобы придумать что-нибудь получше.

- Давайте помолимся. - Сказала Нала. Она подняла руки и начала говорить на языке, которого Баласар не знал. Он уловил имя Бахамут, но не более.

Что бы она ни бормотала, в её словах была магия. Он почувствовал в воздухе жаркое жало Силы. Поскольку это в какой-то мере овладело ими, другие культисты, кроме Петрина, начали корчиться из стороны в сторону, как и Нала.

Баласар изо всех сил старался имитировать это движение. Скорее всего, ему придётся потренироваться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В другой год поля вокруг Сулабакса были бы заполнены крестьянами, занятыми весенней посадкой. Сейчас же они пустовали.

Ну, на них не было никого, кто обычно там был. По мере того как они летели на север, всадники на грифонах периодически видели, как некоторые из людей, орков или кобольдов Аласклербанбастоса занимались разведкой, добыванием пищи и, без какой-то явной причины, кроме неоправданной злобы – поджогом фермерских домов и амбаров. Столбы грязного дыма рассекали голубое небо.

Аот рассматривал все это с некоторым удовлетворением. Он понимал, что уничтожалась собственность невинных людей, что было, в общем-то, печально, но он не знал этих людей, а вот война была ему знакома. Конечно, он чувствовал себя как дома скорее здесь, нежели при погрязшем в интригах и соперничестве дворе Чазара.

Благодаря их психической связи, он знал, что Джет чувствовал то же самое, только без случайного легкого укола сочувствия к жертвам боевых действий. И с надеждой, что скоро у него появится шанс убить и съесть парочку лошадей.

Но Оракс мог думать иначе. Хотя у подростка был излишне острый язык, он стал тише, когда вскарабкался за спину Аоту и уселся позади, а Джет взмахнул крыльями и поднял их обоих в небо. И какое-то время он молчал.

- Тебя это беспокоит? - Спросил Аот.

- Нет! – Ответил Оракс слишком быстро и яростно.

- Это хорошо. Потому что ты увидишь и худшее, прежде чем ты и твои друзья закончите.

С разрешения Чазара, Аот приказал четверем колдунам из Лутчека, выглядевшие подтянутыми и владеющие некоторыми навыками в боевой магии, отправиться вместе с ним на север. На его взгляд, это была справедливая компенсация за спасение их шкур во время беспорядков и прекращение продолжающегося преследования и притеснения. Кроме того, некоторые из них могут даже понять, что им нравится солдатская жизнь. Хотя, несмотря на его магические способности, Оракс, казалось, в детстве он лишь бездельничал и хулиганил.

Или, может быть, он и его товарищи возненавидят войну и окажутся совершенно бесполезными. Было ясно только одно - Аот обменял бы их всех, чтобы вернуть Джесри. Но на данный момент она застряла в Лутчеке. Чазар хотел, чтобы она помогла ему разработать новые законы, касающиеся магии или что-то в этом роде.

Впереди на равнине появился Сулабакс.

- Проклятие. – Процедил сквозь зубы Аот.

- Что? - Спросил Оракс.

- Если у тебя хорошее зрение, то через мгновение увидишь сам.

В отсутствие Аота враг осадил город. Поскольку Сулабакс контролировал один из основных маршрутов на юг, наёмник этого не ожидал. Ему хотелось, чтобы войска Трескеля дали ему хоть немного времени на подготовку.

- Ты всегда так думаешь. - Сказал Джет.

Трескельцы все еще находились на первой стадии осады - разбивали палатки, рыли траншеи, уборные и другие махинации с землей и лопатой. В поисках способов

помешать их деятельности, Аот изучил то, что видел снизу. Затем на дальнем конце города синий дракон расправил крылья, резко взмахнул ими и взлетел вверх. Его чешуя блестела в вечернем солнце.

Аот не был знатоком драконов, но решил, что этот представитель был не таким большим, а значит был молод и, вероятно, не так могущественен, как некоторые другие. Так что это было хорошо. Что было плохо, так это то, что никто из его товарищей, казалось, не видел, что враг взмывает в воздух, чтобы атаковать их. Благодаря какому-то заклинанию или, возможно, талисману, дракон был невидим для обычного человеческого глаза. Но не для магического зрения Аота или для Джета, который мог смотреть сквозь них по желанию.

Аот направил копье и сотворил заклинание. Искра вылетела из острия и полетела в сторону Сулабакса. Когда она приблизилась к синему дракону, то с грохотом взорвалась, охватив существо вспышкой желтого пламени. Дракон завизжал.

Однако он продолжал приближаться, и как только он вылетел из точки взрыва, все, кроме Аота и Джета, потеряли его из виду. Но, по крайней мере, другие всадники на грифонах поняли, что столкнулись с какой-то угрозой. Они развернули своих животных и взяли луки в руки.

Тем временем синий дракон широко раскрыл пасть и выпустил ослепительную вспышку молнии. Джет спикировал вниз, и молния лишь немного обожгла голову Аота.

Боевой маг нанес ответный удар стрелами зеленого света. Зашумели крылья Джета, пытающегося маневрировать и набирать высоту. Они быстро приближались к дракону, но были ниже его уровня полета, что не предвещало ничего хорошего для их жизней.

Вытянув когти, дракон рухнул на них. Джет поднял одно крыло, опустил другое и резко ушёл влево. Гигантский монстр пролетел мимо. Он выровнялся на высоте пятидесяти футов над землей, а затем, хлопая крыльями, снова начал набирать высоту.

В спину дракона вонзилась стрела. Аот не видел, кто выпустил её, но был уверен, что это был Гаэдинн. Профессиональный лучник, которым он и был, мог поразить быстро движущуюся цель, даже если не мог видеть её. К сожалению, дракон даже не заметил этого.

Внезапно Аот почувствовал какое-то давление вокруг своего тела. Несмотря на то, что Оракс был надежно привязан к седлу Джета, он все равно схватился за Аота. Юноша тоже тяжело дышал, издавая грубый, хриплый звук.

В таком положении Аот не мог схватить парня и встряхнуть его, поэтому толкнул его локтем в живот.

- Успокойся! - рявкнул он. - Будь полезным! Мы сражаемся с драконом. Ты знаешь заклинание, чтобы сделать его видимым?

- Да.

- Тогда давай. Потому что сейчас я сделаю его видимым.

Он вызвал локальные дожди с градом и серебристыми вспышками инея. Синий дракон все никак не замедлялся. Джет вертелся, кружился, взлетал и безумно дергался, стараясь держаться подальше от клыков и когтей дракона и уклоняться от

его яркого потрескивающего дыхания. Оракс произнес заклинание. После небольшой паузы он повторил его снова, но безрезультатно.

- Если он провалит его в третий раз, - прорычал Джет, - отпусти его и толкни. Без лишнего веса мне будет легче.

Оракс глубоко вздохнул и выдохнул.

Затем, несмотря на хитрые маневры грифона, синий дракон каким-то образом оказался над ними, а крыши Сулабакса снизу. Сверкнула молния, но Джету удалось увернуться. Удар молнии, врезавшийся в черепицу, сбил её с крыши и поджег дом.

Даже глаза, пораженные всплеском дикой магии, не были защищены от яркого света. Прищурившись от вспышки, Аоту потребовалось драгоценное мгновение, чтобы понять, что дракон плюнул молнией и немедленно нырнул вслед за ней.

- Уклоняйся! – Закричал боевой маг.

Джет бросился вправо. Один из когтей дракона все равно задел его, вырвав перья и небольшой фонтан крови из его крыла. Аот почувствовал резкий удар боли через их психическую связь.

- Ты можешь лететь? – Спросил он.

- Надеюсь. - Ответил грифон.

Повысив голос, Оракс прорычал последнюю строчку своего заклинания. Ни испуганный крик Аота, ни последнее неистовое уклонение Джета, ни внезапное появление кровоточащей раны не поколебали его концентрации.

Зеленоватое мерцание заплесало на теле дракона. Для Аота ничего не изменилось, но судя по тому, как другие всадники на грифонах начали наводить на монстра свои луки, он мог сказать, что они, наконец, тоже его увидели.

Стрелы летели в дракона со всех сторон. Некоторые рикошетили от его чешуи, другие пронзали его плоть. Двое других магов, сидевших за спинами других всадников, использовали магию. Один сотворил летающий меч из золотого света. Клинок прорезал дыры в кожаном крыле дракона. Другой маг был так возбужден, что сам выпустил молнию в монстра. Вероятно, это была его любимая атака, но по сути бесполезная против существа с естественной близостью к силам шторма.

Понимая, что у него неприятности, дракон развернулся и поднялся выше. Его голова вращалась в разные стороны, ища самый легкий путь из окружения.

Аот прорычал слова силы. Линия парящих вращающихся клинков внезапно материализовалась перед драконом. Собственная инерция летающего змея столкнула его с магическим оружием, и оно нанесло кровавые раны в различных частях его тела.

Оракс напевал рифмованные строки на демоническом языке. Часть плоти на плече дракона растаяла и потекла, как воск.

Стрела, одна из тех черных и ядовитых, которые Гаэдинн принес из Плана Теней, пробила левый глаз монстра.

И вот, наконец, дракон упал, обрушившись на дом, который частично рухнул от удара. Аот изучал его, пока не убедился, что больше дракон не поднимется.

Оракс издал радостный возглас.

Аот ухмыльнулся.

- Я так понимаю, тебе это понравилось.

Юноша заколебался, а когда заговорил, то это был его обычный угрюмый тон.

- Все хорошо.

* * * * *

Сегодня, казалось, Чазар, был доволен тем, что Джесри носит свою обычную практичную и удобную одежду, и она благодарила за это Богов. Девушка сказала себе, что если ей никогда больше не придется носить нелепые придворные наряды, она будет считать себя счастливой.

Но если ей не нравились маскарадные костюмы, то Халонье явно все это понравилось. Прорицательница не особенно нарядной, но поверх её нижнего слоя одежды, украшенного драгоценностями и вышивкой, была накинута мантия, переливающаяся всеми оттенками красного. Очевидно, костюм выражал собой ее представление о регалиях, присущих верховной жрице.

В данный момент архитекторы, которые собрались в таком количестве и в таких одеждах, будто собирались на парад, представляли ей и остальным собравшимся в зале для аудиенций концепции нового храма. Халонья слушала с восхищением, хотя Джесри подозревал, что девушка не понимала больше половины сказанного.

Чазар выглядел не менее заинтересованным, но со временем его хмурый взгляд ясно дал понять, что он тоже недоволен. Наконец он повернулся к Джесри и сказал:

- Что ты думаешь, мой друг?»

Застигнутая врасплох, Джесри не нашла ответа.

- Вы о втором? С фонтаном пламени?

- У дизайна есть преимущества, - сказал трансформированный дракон. - Но этого недостаточно. Ни один из них не удовлетворяет меня, - он снисходительно улыбнулся архитекторам. - Да и как они могут, когда Халонья пригнала вас ко мне, хотя вы едва успел продумать все детали планов? Вернитесь через декаду, и тогда мы увидим, кто заслуживает моего благоволения.

Архитекторы все, как один, отвесили глубокий поклон руками, показывая своё подчинение воли Героя Войны.

- Следует иметь в виду, - продолжил Чазар, - что мы собираемся построить храм на противоположной от Коллегии Войны стороне города. Весь Лутчек будет зажат между двумя полюсами власти, светской и духовной. Замечательная концепция, не правда ли?

Шала Каранок прочистила горло.

Бывший Герой Войны отказалась от своей короны, но все еще носила мужскую одежду, отделанную кусочками стали, напоминавшую доспехи. Очевидно, они не были частью официальных регалий монарха. Она стояла перед мраморной статуей сидящего на корточках рычащего воина со сломанным мечом в правой руке и топором в левой - одного из многих боевых украшений, разбросанных по комнате.

- Ваше Величество, - сказала она, - могу я сказать?

Чазар ухмыльнулся в ответ.

- Конечно, Высшая Леди, конечно.

- Я могу найти место для вашего храма в торговом центре религиозного квартала.
- Сказала она.

- Я рад, что ты можешь, - ответил Чазар, - но мне больше нравится моя идея. Было бы не очень благородно с моей стороны теснить моих божественных братьев и сестер и их паству.

- Я бы и не заикнулась о таком предложении, Ваше Величество, но если я правильно вас поняла, то место, где вы собираетесь построить храм, уже достаточно плотно застроено. Это значительно увеличит расходы.

- О, я уверен, ты где-нибудь найдешь деньги. Важно то, чтобы мы закончили храм к концу года.

Шала заколебалась, и у Джесри появилось чувство, что она тщательно подбирает следующие слова.

- Ваше Величество, при всем уважении, это тоже добавит расходов, если это вообще возможно. Чессента ведет войну, от которой не стоит отвлекаться.

- Видишь, вот тебе и ответ, - сказал Чазар. - Захваченная добыча пойдет на оплату постройки храма.

- Еще одна причина выйти на поле боя как можно быстрее.

- Скоро, - сказал Чазар. - Как только я приведу правительство в порядок.

- Тогда могу я получить ваше разрешение немедленно отправиться на север? Один из нас должен быть там.

Улыбка Чазара исчезла. Он изучал Шалу в течение нескольких ударов сердца, затем сказал:

- Нет. Ты нужна мне здесь. Не волнуйся, у нас есть много храбрых солдат и пронизательных капитанов, которые держат оборону прямо сейчас.

Шала жестко поклонилась в знак согласия.

- Как скажет Его Величество.

- Теперь, оставьте меня. Все, - сказал дракон. - Мне нужно время на размышления. Джесри поклонилась вместе с остальными.

- О, не ты, - сказал Чазар, - и не ты, Халонья. Вы двое должны помочь мне обдумать кое-что.

Все вышли, а Джесри и новоиспеченная верховная жрица остались.

- Эта женщина, - сказал Чазар, когда все ушли. - Эта Шала. Думаешь, она угрожает моей власти?

- Я бы ей не доверяла. - Сказала Халонья.

- А я бы доверяла, - сказала Джесри. - Что я и делаю. Она просто дает лучший совет, который может дать.

- Хм, - сказал Чазар, глядя на дверной проем, через который вышла Шала. - Посмотрим.

* * * * *

Аот поспешно отстегнул ремень на седле Джета. Оставив Оракса возиться с собственными ремнями, он рванул к крылу животного, чтобы осмотреть ранение. Грифон все еще держал крыло частично вытянутым, и благодаря их психической связи Аот точно знал, что будет только хуже, если Джет сложит его на спине, как он делал это обычно при приземлении. Кровь безостановочно капала на землю.

- Я же сказал тебе, - рявкнул Джет, - все в порядке.

- Нет, если я хочу полетать на тебе впредь, то не все в порядке. - Аот повернулся, чтобы осмотреть двор маленького замка Хасоса Тора в центре Сулабакса. Слуги удивленно уставились на всадников на грифонах, которые все еще сидели в сёдлах.

- Позовите сюда целителя! - крикнул Аот. - Быстро!

Тут же из башни выскочил пухлый седобородый мужчина с сумкой под мышкой. Аот был рад видеть на нем желтое одеяние жреца Амаунатора. На его взгляд, клирик Косуа был бы еще лучше, но, по крайней мере, он был одним из подчиненных Церы. Может быть, зная, что его наставница любит его, жрец был готов поверить в порядочность Аота, даже несмотря на то, что он был магом, наемником и тэйцем.

Хотя повелитель солнца и возмутился, когда увидел кровь и понял, кого он должен лечить. Но, вероятно, это произошло потому, что огромный, с багровыми глазами и с темно-черным, от клюва до хлесткого кончика львиного хвоста, телом Джет выглядел опасно и казался диким и необузданным

- Давай! - потребовал Аот. - Он не причинит тебе вреда.

- Только если он не причинит мне боль, - Раздался голос Джета в голове боевого мага.

Аот бросил на него раздраженный взгляд.

- Ты не помогаешь.

Жрец солнца осторожно подошел, осмотрел крыло, остановил поток крови исцеляющей молитвой, втер резко пахнущую янтарную мазь в рану и, наконец, зашил ее. Джет несколько раз напрягся, и Аот почувствовал уколы боли, которые заставили его напрячься, но грифон устоял перед искушением развернуться и разорвать целителя на две половины.

Когда исцеление было закончено, Аот почесал Джету шею, взъерошил перья, наклонился, чтобы расстегнуть седло и только затем увидел, что Хасос сердито смотрит на него. Высокий длинноносый барон выглядел раздраженным, но в этом не было ничего особенного.

- Мне нужно поговорить с ним. - Сказал Аот грифону.

- Да, пойдём, - ответил Джет. - Я знаю, что ты только этого и ждал.

Пока Аот пересекал грязный двор, Хасос заговорил с ним:

- Я был бы признателен, если бы вы сразу пришли ко мне и объяснились. Ваш конь мог бы и подождать.

Мой "конь", - подумал Аот, - для меня гораздо полезнее и важнее, чем ты когда-либо будешь.

- Пожалуйста, простите меня, милорд, - сказал он вслух, - но я думал, что эта ситуация заслуживает моего личного внимания. У меня, кстати, есть кое-что для вас.

- Он открыл мешочек на поясе, достал свернутый пергамент и протянул его дворянину.

Хасос принял это с некоторой осторожностью.

- Что это?

- Распоряжение Чазара, которое дает мне полную власть над всеми войсками и военными ресурсами Сулабакса на время войны.

Глаза Хасоса метались взад и вперед, пока он бегло просматривал первые несколько строк. Его аристократическое лицо приобрело приятный Аоту красный оттенок.

- Это возмутительно! Нелепо!

- Если вы прочитаете весь документ, то дойдете до той части, где Его Величество говорит, что это никак не отразится на вас. Просто предыдущая договоренность, согласно которой мы с вами делили руководство войсками, не позволяло нам добиться цели с максимальной эффективностью.

Хасос глубоко вздохнул.

- Если бы ваши разведчики не наткнулись на Чазара в горах и если бы они не оказали ему какую-то услугу...

- Тогда, возможно, я не смог бы убедить его, что четкая система руководства лучше, - сказал Аот. - Но что есть, то есть. Если вы хотите поспорить о мудрости решений Его Величества, вы знаете дорогу в Лутчек. Если нет - я рассчитываю на вашу полную поддержку.

Хасос снова вздохнул, и красные пятна начали пропадать с его щёк и лба.

- Я знаю, как подчиняться королевскому указу. Я не понимаю лишь одного - почему вы считаете, что есть повод для беспокойств. Какие важные решения осталось принять? Враг за стенами, а мы внутри. Теперь остается только дожидаться их отступления.

Хасос получал удовольствие от созерцания атрибутов войны. Он часто носил нагрудник и таскал с собой щит, даже когда для этого не было причин. Но Аот задавался вопросом - действительно ли дворянин когда-либо был в осаде? Если бы это было так, он, возможно, не был бы так беспечен, подвергая свой город затяжным страданиям, которые часто возникали, как следствие неразумных решений и затяжной осадой. Для Сулабакса и его улиц, забитых беглецами и домашним скотом с окрестных ферм, главной опасностью были голод и болезни.

- Мы не будем играть по этим правилам, - сказал Аот. - Мы, всадники на грифонах, можем въезжать в город и выезжать из него, когда захотим. Конечно, не считая стрел, которые летят снизу, а потом льются сверху, но и с этим можно бороться. Недалеко от города наше войско разбило лагерь, а скоро, с юга, придёт еще одна армия, посланная лично Чазаром. Сложите все это вместе, и увидите, что мы сможем разбить этих дураков, которые считают, что поймали нас в ловушку. Наши люди за стенами будут молотом, а город и его гарнизон - наковальней.

Хасос покачал головой.

- Риск слишком велик. Мы понесем слишком большие потери

- Нет, если мы все сделаем правильно. Кроме того, Чазар не хочет обороняться. Он не хочет сейчас отбиваться от Великого Костяного Змея, отпустить его, чтобы через пару лет снова обороняться. План состоит в том, чтобы продвинуться на север и снова сделать Трескель частью Чессенты. Если бы я был на твоём месте, то уже поковал бы походное снаряжение.

* * * * *

Гиганты убили или отбросили всех драконорожденных, которые осмелились противостоять им на Равнине Черного Пепла. Теперь все боевые действия проходили в Тимантере, на плодородных полях и участках леса к югу от Джерад Тимара.

Всадник на летучих мышах заметил, что одна из групп налетчиков убивала людей, свиней и крупный рогатый скот. К счастью или нет, разведчик обнаружил патруль Медраша недалеко от зоны действия противника. Когда паладин изучал местность впереди в поисках признаков врага, он мысленно вернулся к тренировкам Кхорина. Несмотря на то, что его люди считали Медраша опытным воином, ему приходилось выполнять упражнения вместе со всеми, ибо он никогда не сражался с копьем на лошади. Фактически, он до сих пор этого и не делал – только не в реальном бою с жизнью паладина на кону.

Он хотел, чтобы Кхорин был здесь, но дворф был занят обучением других бойцов. Он пытался утешить себя мыслью, что Торм всегда был с ним.

Но в этом размышлении было чувство стыда. Потому что он знал, что неоднократно подводил Бога воинов, даже если другие так не считали. Его попытки поймать убийц Зеленой Руки разрушили союз между Чессентой и Тимантером. И, командуя первой ротой, которую клан Даардендриен выставил против гигантов, он привел своих родичей к гибели.

В этот раз он должен был быть лучше. Обязан. Даже если гиганты и не смогут победить в войне с Тимантером, а сейчас эта мысль не казалась такой уж нелепой, кто-то должен был доказать, что не только члены Платиновой Когорты могут побежать их. В противном случае, все больше и больше драконорожденных, доведенных до отчаяния, будут прибегать к мерзкому драконопоклонничеству.

- Смотрите! - Выкрикнул всадник.

Медраш повернул голову. На поляне лежала, наполовину спрятавшись в траве, белая собака с побитой задней частью тела. Каким-то образом она все еще была жива – животное непрерывно хныкало, а его грудь резко поднималась и опускалась.

- Избавь бедного зверя от страданий, - сказал Медраш. Всадник спешил, встал на колени рядом с собакой, погладил ее по голове и что-то пробормотал, после чего вонзил нож ей между ребрами.

Медраш оглядел своих товарищей и увидел ту же смесь решимости и сомнения, которую чувствовал внутри себя. Как лидер, он должен был что-то сделать с последним.

- Хорошо, - сказал он, придавая своему голосу силу ободрения и убеждения – способность, которую даровал Торм своим послушникам, - мы, очевидно, близко подошли к врагу, так что давайте готовиться. Устроим этим животным сюрприз. Сохраняйте хладнокровие, помните то, чему вас учили, и мы их раздавим.

Некоторые из всадников кивнули или зарычали в знак согласия. Затем все они вытащили свои копья из трубчатых ножен, которые шорники прикрепили к их сёдлам. Они поставили оружие на подставки и наклонили его вперед. Внутри себя Медраш вздрогнул, увидев, как все еще неуклюже некоторые воины обращаются с длинными копьями. Но он не позволит этой неуверенности хоть как-то отразиться на его поведении.

Они направили своих лошадей на вершину холма. Пологий склон на другой стороне вел к группе невысоких хижин, примыкающих к вишневому саду. Деревья только начинали цвести.

Тела драконорожденных лежали разбросанными, а в некоторых случаях расчлененными, на земле. Один труп, приколотый огромным кремневым топором,

свисал со стены. Каждый гигант был вдвое выше среднего тимантеранца. Безволосые серокожие пепельные великаны жарили быка на вертеле. Некоторые из них, слишком голодные, чтобы ждать, пока приготовится их ужин, вырывали сырое мясо убитой рабочей лошади и ели его.

Даже до нынешнего весьма успешного вторжения они всегда обладали долей хитрости. Так что Медраша не удивило то, что у них был выставлен часовой. Огромный дикарь что-то проревел на своем гортанном языке. Его товарищи обернулись на патруль драконорожденных, после чего встали и двинулись за боевым снаряжением.

И делали они это достаточно быстро, но не с бешеной поспешностью. Вероятно, потому, что они знали, как обычно сражалась кавалерия драконорожденных - обычно, воины спешили, привязывали лошадей и шли дальше пешком.

Медраш ухмыльнулся и крикнул:

- Вперед!

Патруль медленно двинул лошадей вперед.

Некоторые из гигантов дрогнули и удивленно уставились на готовую к бою кавалерию.

- Рысь! – Приказал Медраш. Некоторые всадники гаркнули на своих лошадей, кто-то прищпорил их, но весь отряд тут же ускорился.

Пара гигантов все еще застыла от удивления. Другие спешно готовились к бою. Один закричал:

- Шангбок!

Медраш подумал, не было ли это чье-то имя.

- Галоп! - выкрикнул он. И снова всадники ускорились, - Копья! – На раз-два все драконорожденные подняли свои оружия и расположили их параллельно земле.

К тому времени враг был достаточно близко, чтобы Медраш мог ясно различить впалые, угольно-черные глаза на их длинных, изможденных лицах. Затем, внезапно, одна лошадь, вероятно, понимая, что ее всадник не собирается отклоняться, запаниковала. Она повернулась по собственной воле и понеслась прямо на коня, скачущего справа.

Медраш вздрогнул в ожидании надвигающегося столкновения. Но каким-то образом всадник, который все еще контролировал ситуацию, вернул свою лошадь на нужное ему направление и поехал дальше.

Медраш посмотрел направо и налево, увидев, что лишь одна лошадь засомневалась. На остальных действовали чары магов.

Что не означало, что все было идеально. Линия оборвалась. Это не была движущаяся стена, о которой говорил Кхорин. Да и скакали они не в чистом поле, что облегчило бы их атаку. Хижины и другие строения перекрывали пространство.

Тем не менее, он почувствовал внезапный прилив уверенности в том, что эта тактика действительно работает.

- Галоп! – взревел драконорожденный. – Убейте этих животных!

Великан прямо перед ним раскрутил пращу. Представив, как камень размером с кулак летит ему в голову, Медраш поднял свой щит. Снаряд с треском ударился о него с такой силой, что по руке паладина пробежала дрожь.

Он поспешно опустил свой щит, чтобы снова видеть свою цель. Копье не попало в то место, в которое Медраш целился, но, по крайней мере, оно пробило плечо его огромного противника. Отдача чуть не выбила воина с лошади, но он принял ту позу, которой научил его Кхорин, и которая, в сочетании с высоким наклонном его недавно переделанного седла, удерживала Медраша на месте.

За ударом последовал поток крови. Гигант пошатнулся, и паладин устремился вперед. Воин-человек не смог бы провести столь резкую атаку – расстояние до врага было слишком маленьким и невозможно было успеть отбросить копье и вооружиться более подходящим оружием.

Но у Медраша было то, что не нужно было подготавливать, и поэтому он использовал тактику, рекомендованную Кхорином на тот случай, если удар копьем не сможет нейтрализовать цель. Он глубоко вдохнул воздух, а затем выплюнул яркую, потрескивающую молнию в голову гиганта.

Его лошадь унесла его прочь прежде, чем он смог увидеть урон, который он нанес гиганту. Как только паладин смог остановить движение животного, он развернул его. И увидел настоящее кровавое месиво.

Гигант с боевой раскраской в виде зазубренных черных полос опирался на одну руку и оба колена. Сломанное копье было воткнуто ему в живот и на несколько дюймов выходило из спины. Несмотря на его размеры, крик были пронзительным.

Другой неповоротливый варвар отмахнулся от копья, а другой рукой выхватил копейщика из седла, одной массивной рукой схватив драконорожденного за плечо, а другой за голову, сразу оторвал ее. Из культи брызнула кровь.

Другая лошадь неоднократно вставала на дыбы и била передними копытами по упавшему гиганту, который корчился от её ударов и, казалось, не способен ни на что большее. Драконорожденный на спине животного потерял копье и бесполезно размахивал боевым молотом. Он не был достаточно искусен в конном бою, чтобы выскочить из седла и нанести удар, хотя и не казалось, что лошади нужна помощь.

Еще один всадник промазал. Увернувшись от своего врага, великан развернулся и бросился за ним, занеся каменную дубину для удара, который, по крайней мере, выбил бы воина из седла. Но другой драконорожденный подъехал сзади и вонзил копье великану в спину. Как и Медраш, всадник явно завершил свою первую атаку и остановил своего скакуна, который скакал не так уж и быстро. Тем не менее, удар поразил гиганта, и предполагаемая жертва ускользнула от него.

Насколько Медраш мог судить по таким коротким хаотичным столкновениям, его сторона побеждала. Он ориентировался на шатающегося гиганта, которого ранил. Драконье дыхание сделало лицо дикаря черным. Медраш все еще пытался решить – был ли великан угрозой и должен ли он прикончить его или пойти за одним из его товарищей, когда в дверях одной из хижин появился влезал в дверной проём, и ему придется ползти, чтобы протиснуться сквозь него – лишь Неистовая Верность знал, почему гигант вообще потрудился войти внутрь. Но из-за рунических шрамов, вырезанных на его длинном костлявом лице, и ожерелья из необработанных кристаллов и костей, свисающего с его шеи, Медраш принял его за шамана и задумался, не тот ли это Шангбок, которого звали гиганты в начале атаки.

Кем бы он ни был, было бы разумно убить его, прежде чем он начнет читать заклинания. Медраш произнес заклинание и ткнул копьем в воздух. На острие

вспыхнул белый свет. Он ударил гиганта с обожженным лицом и раненым плечом, отбросив того в сторону передней части хижины, которая закачалась от столкновения с гигантом, но это лишь немного отбросило Шангбока назад, как дерзкая, но безобидная пощечина.

Шаман сунул руку в мешок, висящий на поясе, и вытащил зеленое хрустальное яйцо, отполированное и идеально гладкое. Глядя на него, он начал читать рифмованные строки на незнакомом языке.

Горящие дрова и угли под жарящимся быком подлетели вверх, а затем, опрокинув вертел, какое-то существо выпрыгнуло наверх. Будто все это время сидело в яме под костром. Оно было размером с пепельного гиганта, но было с головой ящера и покрыто зеленой чешуей. Монстр стоял на коротких и толстых задних конечностях. Передние же выглядели неуклюжими, как у летучей мыши.

Медраш выругался. Он и раньше видел, как шаманы гигантов создавали подобных существ, но тогда они вызывали их из облаков пепла в своей собственной пустынной стране, где их магия была сильнее. Он и не подозревал, что они могут проделывать тот же фокус с пеплом в костре в менее чем одном дне езды от Джерад Тимара.

Показалась чешуйчатая голова второго монстра. Медрашу было интересно - может ли убийство шамана или хотя бы нарушение его концентрации остановить заклинание. Но прежде чем паладин смог попытаться что-то сделать, первая магическая рептилия издала хриплый визг. Она согнула ноги, прыгнула в воздух и расправила крылья, чтобы аккуратно спикировать, хотя, Медрашу казалось, что монстр летит на него быстро, как стрела.

Паладин повернул свою лошадь, оставшуюся послушной, даже перед лицом этого кошмара – спасибо за это Торму и магам, после чего поднял копье. Если повезет, летающее существо пронзит само себя.

Челюсти монстра открылись и извергли на паладина слюну. Он поднял свой щит, и большая часть брызг были остановлены, но некоторые капли забрызгали кожу драконорожденного и опалили его и его лошадь. Скакун завизжал. Ядовитые пары слюны душили воина и заливали глаза слезами.

Внезапно почти ослепший, он едва заметил, как летающий монстр взмахнул крыльями и избежал столкновения с наконечником копья, после чего развернул одну из конечностей так, будто собирался нанести удар цепом.

И снова Медраш поднял дымящийся и шипящий щит. Когтеобразные выступы на концах костлявых пальцев заскрежетали по щиту. Щит, ослабленный разъедающей кислотой, не выдержал такой тяжелой нагрузки и раскололся на части, оставив лишь кожаные ремни на руке драконорожденного.

Ну, по крайней мере, рука была на месте.

Изменив положение крыла для нанесения следующего удара, монстр не смог оставаться в воздухе. Он приземлился позади лошади Медраша, а затем развернулся, сверкнув желтыми глазами.

Медрашу пришлось повернуть туловище, чтобы не выпускать из виду монстра, и тогда он понял, что он не сможет развернуть свою лошадь так же быстро, как поворачивался его враг.

Это означало, что ему могло помочь лишь мистическая сила. Он пристально посмотрел на монстра и пожелал, чтобы существо восприняло его как посредника божественного величия, которым он на самом деле и был.

Согнувшись и с волочащимися по земле кончиками крыльев, существо зарычало и отпрянуло. Натянув поводья, Медраш развернул лошадь. Он нацелил копье и погнал скакуна вперед.

Призванная рептилия согнула ноги и снова подпрыгнула в воздух. И снова Медраш обратился к Торму. Поток Силы хлынул через его сердце, и паладин приготовился использовать его как оружие против своего врага. Копье засветилось, и лошадь стремительно сокращала расстояние до монстра, но не столько бегом, сколько полетом.

Оружие настигло свою цель до того, как она успела подняться в воздух. Сияющее копье пронзило туловище монстра, и тот рухнул вниз.

Но затем, к удивлению Медраша, он снова поднялся на коренастые ноги. Рыча и визжа, он начал двигаться вперед, игнорируя древко копья, все глубже и глубже проникающее в его тело. Шея рептилии неоднократно вздувалась и сжималась, будто готовясь выпустить новый залп жгучей слизи. Он вновь и вновь махал и раскачивал крыльями, пытаясь добраться до врага на другом конце длинного оружия.

Мысленно сожалея из-за потерянного щита, Медраш одной рукой держал копье, а другой вытаскивал меч. Может быть, ему удастся нанести смертельный удар до того, как противник покалечит его или его коня, хотя это казалось маловероятным.

Затем второе копье вонзилось в тело существа сбоку. Монстр запрокинул голову, закричал, начал безумно дергаться, а затем, почти сразу, рухнул, потянув за собой концы двух вонзенных в него оружий.

Всадник, добивший крылатого зверя, ухмыльнулся Медрашу безумной улыбкой.

- А мне нравится сражаться верхом! – Сказал он.

- Хорошо, - ответил Медраш, думая о том, сколько сил потребовалось на убийство одного призванного существа. Мощь Торма была безграничной, но способность его слуг направлять Силу - нет. Если бы ему пришлось использовать свой дар против каждого из магических монстров -

Но когда он огляделся, оказалось, что это не так. Он не знал, сколько существ сотворил Шангбок вначале, и, из-за суматохи битвы, не мог быть уверен, сколько еще таких монстров угрожают отряду драконорожденных. Сейчас Медраш видел лишь двоих.

Один из них спикировал на всадника. Второй воин подтолкнул свою лошадь к драконорожденному, которому угрожал снижающийся монстр, и вот уже два копья были нацелены на туловище призванного существа. Медраш решил, что увернуться от обоих будет непросто.

Другой зверь был прикован к земле из-за окровавленного сломанного крыла, которое неловко было сложено у туловища. Делая рывки и вращаясь, он использовал неповрежденное крыло, чтобы отбиваться от пятерых спешившихся драконорожденных, окруживших его. Что бы ни случилось с их лошадьми, в данный момент воины, похоже, не нуждались в них. Как и учил их Кхорин, они напали на существо сзади, а затем отступили из зоны досягаемости крыла монстра.

Остальные драконорожденные, казалось, неплохо справлялись с пепельными гигантами.

Вдруг вокруг одного всадника появилось облако тлеющих углей. Несомненно испуганный и обожженный искрами драконорожденный дрогнул, а его лошадь встала на дыбы. Воспользовавшись замешательством, пепельный гигант отступил на расстояние, удобное для нанесения удара, после чего взмахнул топором и чуть не обезглавил коня.

Магическая атака означала, что Шангбок все еще жив и может стоять драконорожденным победы. В тщетной попытке вытащить копье из корпуса существа, Медраш оглянулся в поисках шамана.

Какое-то мгновение он не мог найти его посреди какофонии из визга, рыка и треска, но Шангбок больше не выглядывал из дверного проема. В какой-то момент и по какой-то причине, возможно, для лучшей видимости, шаман вышел из дома. Но где он был теперь...

Медраш внезапно заметил, что Шангбок все еще был прямо перед ним. Гигант прятался за хижинкой, используя ее как укрытие, как драконорожденный может использовать низкую стену или валун.

Медраш уронил бесполезное копье, обнажил меч, издал боевой клич и поехал в Шангбок. Он повернул направо, чтобы обвести деревенские домашние дома. Шаман устремился в том же направлении, оставаясь впереди него, и прорычал слова, которые попеременно звучали как скрежет камней и шепот пепла на ветру.

В небо, над соломенной крышей хижины, взмыло огромное копье. Оно светилось красным и выглядело так, как будто его создали путем сплавления горячих углей. Оно летело прямо в голову лошади Медраша. Медраш взмахнул мечом и со всех сил взмахнул мечом, пытаясь отбить смертоносный снаряд. Болезненная вибрация ужалила его руку, но этого было достаточно, чтобы отклонить оружие.

Копье подскочило в воздух и ударило Медраша. Он пригнулся, и затем, к его облегчению, заколдованное оружие исчезло. Но, глядя в небо своими мертвецки-черными глазами, Шангбок уже читал еще одно заклинание.

Медраш подозревал, что было бы неразумно оставаться на месте и мериться мистическими силами с шаманом, который вполне мог превосходить паладина в этом отношении. Но он не мог приблизиться к шаману, не обогнув хижину. Ноги гиганта были слишком длинными, а лошадь долго заворачивала.

Медраш протянул руку и призвал всю божественную Мощь, которую только мог удержать в себе. Он послал её вниз по его руке, в клинок меча, и ударил по хижине. На мгновение паладину показалось, что он увидел меч, выкованный из света и стали, который был настолько большим, что даже пепельный гигант не смог бы с ним справиться.

Когда его клинок врезался в стену, хижина разлетелась на части во вспышке света. Её половины разлетелись в разные стороны. Внезапно лишившись укрытия, Шангбок удивленно разинул рот.

Медраш ощутил себя высушенным, и ему стало от этого очень больно. Это означало, что на данный момент он исчерпал всю силу Торма и теперь мог драться с Шангбоком, используя лишь стандартную воинскую тактику. Что ж, пусть так. Он

погнал лошадь вперед по покрытому камышом земляному полу – единственному, что осталось от хижины.

Шангбок отступил и продолжил читать заклинание. Медраш надеялся, что пораженный шаман будет колебаться достаточно долго, чтобы сбиться с ритма своего. Но, очевидно, нет, ибо великан вытянул свою большую серую руку, и из кончиков его пальцев вылетели угли.

Медраш опустил голову и зажмурился. Он ничего не мог сделать, чтобы защитить свою бедную лошадь, но животное выдержало обстрел и продолжало нестись вперед.

Шангбок потянулся к топору, висевшему у него на бедре, но не успел вытащить его вовремя, чтобы противостоять первой атаке Медраша. Драконорожденный перерезал шаману шею и проехал мимо.

Когда Медраш развернул своего скакуна, Шангбок стоял на коленях. Он схватился за шею, но кровь текла сквозь его пальцы. Он нащупал свой мешок и вытащил зеленое яйцо. Его рот шевельнулся, и внутри кристалла начала извиваться слабая тень.

Шангбок рухнул, и яйцо вывалилось из его руки. Затем, внезапно, он рассыпался в блестящую пыль. Медраш понял, что великан не пытался призвать еще одного монстра, а уничтожил талисман.

Справа начали аплодировать. Медраш огляделся и увидел, что он и его товарищи уничтожили всех врагов.

Он попытался разделить ликование других всадников. Это казалось разумным, потому что они, в конце концов, одержали победу. Сделав это, они подтвердили правоту Кхорина и доказали, что воин не обязательно должен быть драконопоклонником, чтобы одержать верх на гигантами.

Но инстинкты Медраша подсказывали ему, что яйцо было чем-то важным. Что они могли бы извлечь из этого, если бы захватили его в целости и сохранности?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

28 Миртула - 3 Кефорна, Год Извечного (1479 по ЛД)

Взмахнув крыльями, Эйдер поднялась в прохладный ночной воздух, набрав высоту, необходимую для защиты от выстрелов из лука с земли. Она никак не могла нащупать восходящий поток воздуха, так что пыталась взлететь сама, хрипя от усталости.

- Ленивый зверь, - сказала Гаэдинн. - Делай, как тебе говорят, или отправлю тебя к живодёрам. - Он нежно почесал шею грифона.

Когда он решил, что они достаточно высоко, ото приказал грифону перелететь стены, после чего оказался над лагерем врага. Желтые огни трескельцев мерцали, едва освещая даже ближайших часовых и палатки. Никто не поднял тревогу, когда Гаэдинн пролетел над их головами, и он мысленно признал, что Эйдер могла быть права - может и не стоило подниматься так высоко. Может, ночь была достаточным

укрытием. А может и нет. Кобольды, орки и некоторые другие существа на службе у Великого Костяного Змея довольно хорошо видели в темноте.

Гаэдинн отлетел подальше от лагеря и приземлился посреди дубовой рощи. Если бы он командовал армией Аласклербанбастоса, то поставил один или два патруля среди деревьев. Когда он летал на разведку днем, то не заметил ни одного человека в лесу.

Он внимательно осмотрел тени под ветвями и решил, что сейчас там никого нет. Что-то издало тихий шорох в кустах, но инстинкты охотника подсказали ему, что это было маленькое животное, может быть, полевка или горноста́й, а не настоящая угроза.

Он расстегнул ремни, выскочил из седла и повел Эйдер в естественное укрытие рощи.

- Жди меня здесь, - сказал он. Держись подальше от чужих глаз.

Эйдер хмыкнула. Ни один маг не колдовал над ней, когда она была еще в утробе, и поэтому она не обладала квазичеловеческим интеллектом, как Джет. Тем не менее, Гаэдинн был уверен, что она все поняла.

Он похлопал ее по голове и направился к дальнему краю рощи. К тому времени, как он дошел до нее, он уже пригнулся и пополз.

Он был уверен, что вражеские силы направили большую часть своей бдительности на город, который был их целью. Но у них наверняка было, по крайней мере, несколько часовых, смотревших на сельскую местность позади. Именно из-за этих опасений он почти прополз по открытой местности между лесом и палатками, кострами наполовину насыпанных земляных валов и наполовину собранных осадных башен и требушетов. Он часто останавливался, чтобы изучить землю впереди.

Эльф предположил, что чары невидимости могли облегчить эту небольшую экскурсию, но если полностью положиться на чары, то миссия могла быстро превратиться в катастрофу. Существуют обереги, которые могут мгновенно снимать невидимость. Браерис Анскульд столкнулся с одним из таких на Кольце Ужаса в Лапендраре. Гаэдинн не был заклинателем, поэтому он сомневался в своей способности обнаруживать их и избегать подобные штуки. Лучше полагаться на своё ремесло, которому он научился во время своего плена в Юрвуде.

Конечно, будь с ним Джесри, задача могла бы быть куда легче. Им, возможно, вообще не нужно было пробираться во вражеский лагерь, потому что она могла повелеть ветру донести до её ушей звуки голосов, перегаваривающихся за много миль вдалеке. Ему было интересно, что она делала при дворе Чазара. Танцевала? Он усмехнулся, пытаясь найти эту мысль смешной.

Угукнула сова, и серебристый свет Селунэ блеснул на железном лезвии плуга. Орудие выглядело неповрежденным и, по крестьянским меркам, дорогим. Возможно, какой-то неудачливый фермер уронил его, когда бежал от наступления армии Трескеля.

В пяти шагах от плуга, во мраке, Гаэдинн заметил маленькую круглую фигуру. С первого взгляда он принял это за камень или куст, но все равно замер и всмотрелся в неё. Из округлой части торчала треугольная выпуклость, похожая на змеиную голову. Он решил, что это - кобольд-часовой, сидящий на земле, большая часть тела которого была спрятана за щитом.

Мог ли Гаэдинн сместиться вправо или влево и избежать обнаружения? Возможно, но что, если это означало попасться на глаза другому? Он подозревал, что часовых было больше, чем один, но он не знал - как далеко они были друг от друга.

Он вытащил стрелу из колчана, положил ее на лук, затем встал, и в мгновение ока выпустил стрелу и упал обратно.

Древко вонзилось в макушку кобольда. Монстр беззвучно плюхнулся на спину.

Все идет нормально. Гаэдинну просто нужно было войти в лагерь, выполнить свою задачу и снова ускользнуть, прежде чем кто-нибудь найдет труп.

Проползая мимо тела, он искал значок или какой-нибудь другой опознавательный знак, который мог бы забрать. Не найдя ничего беглым осмотром, эльф решил не задерживаться и продолжил путь. Но, к счастью, даже несмотря на то, что Трескель был бедным королевством, или бедной провинцией, охваченной восстанием, согласно традиционной точке зрения Чессенты, Аласклербанбастос каким-то образом нашел деньги, чтобы нанять изрядное количество иностранных наёмников. В результате его армия состояла из множества воинов, которые в большинстве своем были незнакомы друг другу. Если Тимора улыбнется, Гаэдинн сможет хоть ненадолго вписаться в нее.

Он продолжал идти в полуприсяди, пока не подошел к краю лагерю и не оказался от него на таком расстоянии, на которое мог бы отойти часовой по нужде. Эльф вгляделся в темноту, ища любого, кто мог бы смотреть прямо в его сторону, а затем выпрямился. Сделав вид, что застегивает застёжки на штанах, он неторопливо направился к палаткам и потрескивающим кострам.

Как Гаэдинн и надеялся, он не привлек особого внимания, даже несмотря на то, что большинство солдат-людей храпело либо в своих палатках, либо в спальнях мешках под открытым небом. В основном бодрствовали ночные существа - чванливые орки со свиными мордами и прочие гоблиноиды.

Он огляделся и заметил восемь орков, сидящих у одного из небольших костров. Все они носили гербовые накидки с эмблемой, изображающей глаза и скрещенные кости - Красные Копья, рота наемников, состоящей исключительно из орков. Более того, они передавали по кругу закупоренный кувшин, ожидая, кто же, все-таки, решится открыть его. Гаэдинн решил, что это была отличная возможность присоединиться к ним.

- Доброй ночи, - сказал он. - Что должен сделать товарищ наемник, чтобы попробовать содержимое кувшина?

Все орки повернулись к нему. Самый большой, носивший ожерелье из отрубленных ушей и, по-видимому, выколовший себе глаз в преданности богу войны Груумшу, усмехнулся.

- Отрастить клыки.

Его товарищи засмеялись.

- И костей, чтоб быть покрупней. - Сказал другой орк.

Красные Копья снова засмеялись.

- Жаль, - сказал Гаэдинн. - Я надеялся, что ответом будет: "немного каммарта для веселья". - Он сделал вид, что огляделся, чтобы убедиться, что на него не смотрят офицеры, затем вынул небольшой тканевый мешочек из сумочки на поясе.

Каммарт был наркотиком, состоящим из редких лесных корней и подземных грибов. Он усиливал рефлексy и придавал ощущение безграничной энергии. В сочетании с алкоголем и природной воинственностью орков это почти гарантировало драку, но Гаэдинн надеялся, что уйдет до того, как начнутся серьезные неприятности.

- Посмотрим. - Сказал одноглазый орк.

Гаэдинн бросил ему мешочек.

Капитан Красного Копья поймало его, развязал веревочку, стягивающую его, опустил внутрь палец и поднял его назад, вместе с несколькими песчинками горчичного цвета. Орк облизнул палец и вздрогнул.

- Неплохо, - хрипло сказал он. - Ладно, человек, садись, если хочешь.

Двое других орков разошлись. Когда Гаэдинн занял освободившееся пространство, Одноглазый откупорил свежий кувшин, вылил в него каммарт, а затем закрыл горлышко рукой и встряхнул сосуд.

Когда он пошел по кругу, Гаэдинн решил только притвориться, что пьет, но передумал так как не хотел рисковать, чтобы орки заметили и заподозрили его. В кувшине оказался крепкий сидр, вероятно, украденный с какой-то фермы. Все было бы неплохо, если бы каммарт не сделал его горьким.

Как бы то ни было, ему не понравился ни вкус, ни резкий запах, от которых у него быстрее забилося сердце, а пот покатился со лба, но он старался выглядеть так, как будто это было нормально.

- Итак, - сказал он, - еще одна мерзкая осада.

Один из орков хмыкнул.

- Мне нравится добыча внутри, - продолжил Гаэдинн. - Но я ненавижу ждать.

Одноглазый усмехнулся.

- Так значит, ты не слышал.

* * * * *

Оракс притаился в башне, глядя на часового, бродящего взад-вперед по стене. Он и его товарищи забились в свои укрытия до заката, а он был голоден, замерз и, большую часть времени, ему было неудобно. Но в основном, хотя он и старался скрыть это изо всех сил, он нервничал.

Трескельцы посылали что-то в темноту. Что-то, что могло пробираться на вершину стен Сулабакса, находить одиноких стражников и разрывать их на части.

Это была лишь небольшая проблема в общем контексте осады, но редкое согласие между Аотом и лордом Хасосом заключалось в желании прекратить эти налеты. С этой целью они решили устроить ловушку. Наживкой был один из самых способных бойцов Братства Грифона, который, тем не менее, рассчитывал, что Оракс и другие люди в башне бросятся ему на помощь при первой же необходимости.

Оракс подозревал, что убить убийцу, кем бы или чем бы он ни был, вероятно, окажется значительно труднее, чем использовать его магию для мелкого воровства в целях выживания в Лутчеке. Но это определенно могло быть более интересным.

Внезапно часовой вскрикнул и поднял копье. Мгновение спустя что-то большое, темное и восьминое перелетело через парапет. Оно двигалось быстро, окруженное водоворотом теней, чернее самой черной ночи.

Часовой ударил копьем, но оно соскользнуло с плеча нападавшего. Паукообразное существо, у которого, как заметил Оракс, была рогатая голова и когтистые лапы, больше напоминавшие конечности ящерицы, извергло что-то, что мгновенно превратилось в шипящие и дымящиеся пряди, обвивающие воина. Он вскрикнул и попытался разорвать оковы. Собираясь укусить, паук открыл свои дымящиеся челюсти.

Оракс пробормотал слова силы и протянул руку в направлении существа. Змея, сотканная из ярких, потрескивающих молний, выскочила из кончика его пальца и полетела на паука. Она вонзила свои клыки в бок паука и мгновенно исчезла.

На мгновение существо содрогнулось. Это дало часовому время, чтобы освободиться от липких пут.

Тем временем солдаты выбрались из укрытий на стену и разрядили свои арбалеты, обнажили свои мечи и бросились в атаку на монстра.

Который, казалось, и не возражал против этого. Фактически, он двинулся к ним навстречу. Взмах головой с рогами, и первый наемник отлетел назад, ударившись о того, который шёл за ним.

Оракс посмотрел в окно башни, выискивая безопасный путь к твари. Но, казалось, такого не было. Монстр был окружен наёмниками.

Маг выскочил на дорожку. Это не помогло.

Он сказал себе, что солдатам, возможно, больше не понадобится магическая помощь, но сразу понял, что это не так. Та же проблема, которая мешала ему, могла стать причиной поражения. Дорожка на стене была слишком узкой, чтобы группа наёмников могла атаковать паука одновременно, и им оставалось нападать на него по два-три человека за раз. Монстр щелкнул челюстями и откусил кусок кольчуги с плотью, затем развернулся, чтобы бросить в другого воина кислотные пути, после чего повернулся обратно и откусил еще один кусок от тела бедного ублюдка, который даже не успел понять, что он уже покойник.

Оракс забрался на зубец стены. Это было правильное решение, но недостаточно хорошее. Маг сглотнул и подошел к внешнему краю каменного блока.

Он чувствовал возможность потерять равновесие и упасть вниз подобно пёрышку. Он также почувствовал фантомную боль от стрел, которые враг мог выпустить в человека, стоящего в таком незащитном положении. Но, в конце концов, у него был четкий план, поэтому Оракс остался на месте и прочитал заклинание.

Сила вырвалась из его протянутой руки. Она ударила паука по голове, и он отлетел в стену, будто от удара невидимого молота. Прежде чем существо смогло подняться на ноги и принять агрессивную позу, два воина нанесли ему удары мечами.

К сожалению, этого было недостаточно, чтобы прикончить монстра. Он снова сделал выпад, колотя рогами и щелкая челюстями. Итак, Оракс поразил его вспышкой желтого огня, но этого было мало.

Паук зарычал и перепрыгнул через парапет. На мгновение Оракс решил, что он решил бежать, но затем увидел, что на самом деле монстр несется по стене быстрее, чем любой человек. Он рвался к врагу, который причинил ему наибольшую боль.

Страх заставил кишечник мага скрутиться, но Оракс знал, что если промедлит или дрогнет, то умрет. Он выкрикнул слова силы, и, когда существо приготовилось броситься прямо на него, то вложил весь вес своего тела в удар двумя руками.

Град размером с кулак материализовался между Ораксом и монстром, с грохотом врезавшись в паука и сбросив того со стены. Он упал и разбился на смерть о землю.

Оракс чувствовал облегчение, пока не осознал, что его последний, чрезмерно мощный жест сместил его центр тяжести. Он рухнул вниз и должен был упасть прямо на врага.

Рука схватила его за пояс и втащила назад. Дрожа, он снова спустился на настенную дорожку.

Оказавшись там, он и наемник, который втащил его назад, посмотрели на существо. Оно не двигалось, и кипящий мрак, окутывающий его, ушел. Как ни парадоксально, но это означало, что, несмотря на расстояние, Оракс мог видеть паука так же хорошо, как и прежде.

Наемник тяжело дышал.

- Хорошая работа.

Это замечание заставило Оракса почувствовать себя неловко, что он обычно ненавидел. Но на этот раз все было не так уж плохо.

- Мы все поучаствовали. Но сейчас надо доставить раненых к целителям.

* * * * *

- Я знаю, что мы намерены выиграть войну против Трескеля, - сказал крепкий седой торговец, чье дыхание пропиталось бренди. Очевидно, когда он был моложе, то служил на флоте, и, как это было модно в Чессенте, все еще носил свою коллекцию блестящих медалей с якорями, морскими змеями и другими морскими атрибутами на груди. - Но я спрашиваю вас - неужели мы совсем забыли о грязных пиратах?

- Я уверен, что Его Величество не забыло, - сказала Джесри, удивляясь тому, что богатый, самоуверенный старик, который, вероятно, всю свою долгую жизнь презирал магов, разыскал именно ее для разговора, - но мы ничего не выиграем, если защитим гавани, но потеряем половину королевства.

- Разумно, - сказал торговец. - Но все же, если бы самые важные торговые суда могли путешествовать в составе конвоя с надлежащим эскортом, это было бы очень выгодно Чессенте.

Джесри предположила, что под «важнейшими торговыми судами» он имел в виду свои суда. Удивленная, она сказала:

- Если вы хотите попросить аудиенции, я полагаю, Его Величество может хотя бы выслушать ваше предложение.

Морской магнат засиял так, словно ее ответ почти гарантировал успех. Кто знал? Косвенно говоря, если требования одобрялись придворными, то так оно, наверное, и было.

- Спасибо вам, мадам. Будьте уверены, я этого не забуду.

Джесри взглянул в окно, на западное, оценивая положение Селунэ и сверкающую дымку слез, вечно тянущуюся за богиней через небосвод. С уколом неохоты, удивившим ее, она решила, что пора покинуть празднество.

Она бросила последний взгляд вокруг. Чазар приказал выставить в главном зале Коллегии Войны памятные вещи о его прошлых кампаниях, чтобы пробудить воинственный пыл в его подданных, и двор был на экскурсии. Некоторые из трофеев представляли собой функциональное оружие и доспехи, а в другом павильоне хранились захваченные знамена и устаревшие карты.

По большей части лорды и купцы не обращали на них внимания. Они были слишком заняты разговорами, и главной их целью был сияющий алым и золотым Чазар, если тот, конечно, захочет уделить им немного своего времени, или Халонья, облаченная в более пышные одежды, чем когда-либо прежде и в окружении свиты из недавно помазанных священников.

Или, внезапно подумал Джесри, с ней самой? Теперь, когда она подумала об этом, то поняла, что не испытывала недостатка в общении в течение всего вечера. Другие придворные слонялись поблизости, ожидая, чтобы занять место пожилого морского торговца, и они выглядели опечаленными, когда что-то в поведении колдуньи выдало её желание уйти.

По какой-то причине она покраснела, что сильно раздражало её.

- *Я смогу вернуться*, - сказала она себе. - *Если смогу*. - Она повернулась и зашагала прочь.

Чтобы добраться до своих апартаментов, Джесри каждый раз приходилось подниматься по лестнице, что, несмотря на приложенные усилия, было признаком расположения Чазара. Лучшие и самые желанные апартаменты в цитадели находились наверху, откуда открывался самый захватывающий вид на Лутчек. Она кивнула часовому, стоящего здесь с настояния монарха, и вошла внутрь.

Слуга уже зажег огонь в очаге. Она опустилась на колени и очертила на полу звездообразную, но асимметричную фигуру. На кончике ее пальца остались полосы, поблескивающие желтым.

Когда печать была закончена, она встала и обхватила свой посох обеими руками. Жезл не был живым, но он обладал своеобразным сознанием и всегда стремился создать огонь и самолично управлять им. Она могла почувствовать рвение посоха, когда он чувствовал, что именно этого и хотела Джесри.

Она произносила слова силы, двигая посохом. Сначала девушка держала его в вертикальном положении справа, затем так же слева, а затем горизонтально над головой. Вместе с полом эти три позиции образовывали прямоугольник. Или, как она себе это представляла - окно.

Она не умела налаживать магический контакт на расстоянии. Ее таланты заключались в другом, и то же самое относилось и к Аоту. Но они оба владели стихией огня. И поскольку все огни, в мистическом смысле, были частью одного пламени, проявлением одного и того же космического принципа и силы, если они заранее договорились о времени, то могли использовать пламя, чтобы разговаривать друг с другом.

Гобелен начал дымиться, и она молча приказала ему не загораться. Затем пламя в очаге стало подниматься выше. Сначала смутно, а затем более отчетливо она увидела Аота и Газдинна, а точнее их уменьшенные изображения, стоящие по ту сторону пламени. Аот стоял с копьем в руке и творил магию почти так же, как Джесри.

Гаэдинн выглядел расслабленным и хладнокровным, как кошка. Он растянулся на стуле, перекинув одну длинную ногу через подлокотник, а в руках держа кружку.

Лучник наклонился вперед и всмотрелся.

- Эта милая леди Огненные-Волосы сама спустилась с небес, чтобы поговорить с нами? Или ты приобрела еще один новый наряд?

Джесри нахмурилась.

- Это мантии волшебника, а не какое-то бесполезное платье.

- Но это не особенно практично для вашего положения, - сказал Гаэдинн. - Полагаю, эти гранаты или рубины - часть узора пламени?

- Хватит, - нахмурившись, сказал Аот. - Я поддерживаю этот канал не ради вашей ссоры. Джес, я полагаю, что если ты не покинул Лутчек, то и Чазар тоже.

- Нет, - сказала она. Это было похоже на признание, которое раздражало ее, потому что это было несправедливо. Она не могла ни приказать монарху выдвинуться в путь, ни уйти самой, пока он не даст разрешения.

- А как насчет легионов? - чессентские вооруженные силы так не называли, но тэйская манера речи все еще иногда окрашивала речь Аота. - В городе и вокруг него?

- Они тоже не двинулись.

- Проклятье! - сказал Аот. - Сулабакс уже в осаде уже в осаде. По всей границе идут бои. Мне нужно подкрепление или собственный дракон, чтобы противостоять другим, летящим с севера. Желательно, и то, и то. Чего ждет Чазар?

Джесри знала, что разочарование Аота было оправданным. Так что она подозревала, что он, возможно, обвинит её после того, как она начнет защищать Чазара:

- Его не было сто лет. Ему есть с чем разобраться.

- Ничто из этого не будет стоить и куска навоза, если Трескель победит нас, - протянул Гаэдинн. - Как вы думаете, старый змей боится драться?

Она заколебалась, а затем вспомнила, как Чазар уничтожил дракона Сселригота в Плани Теней.

- Он дракон. - Сказала она.

- Отлично, - сказал Аот, и след голубого света в его глазах блеснул сквозь колеблющуюся желтую дымку огня. - Он не напуган, просто глуп. Видишь ли, Гаэдинн пробрался в лагерь трескельцев и узнал, что сюда направляются новые драконы. К счастью, не так быстро. Они ведут за собой других существ, но не все из них умеют летать.

- Я не хочу, чтобы они присоединились к осаде, - продолжил боевой маг. - Я хочу выбраться наружу и устроить засаду на конвой прежде, чем он доберется сюда. Я уже и хорошее место выбрал.

- Это смелый план, - сказала она. Идея застать летающих существ врасплох всегда была непростой, и если эти существа обладали хитростью драконов, это лишь усугубляло трудности. Но если кто-то и мог это сделать, то только Братство.

- На данный момент, - сказал Аот, - солдаты Лутчека не могут вовремя прийти сюда, чтобы помочь. Но Чазар может.

- Я поговорю с ним, - пообещала она, - и скажу тебе завтра вечером, что он ответил.

- Хорошо, - Аот заколебался. - Как там Цера? - Хрипло спросил он. Позади него Гаэдинн ухмыльнулась.

- Я не видела ее пару дней. - Сказал Джесри.

Глаза Аота сузились.

- Как? Все же знают, что Сулабакс окружен, не так ли? Она бы не попыталась вернуться сюда, если бы ее не нес летающий конь.

- Все знают, - сказал Джесри. - Твой посланник доставил эту весть. Теперь, когда вы упомянули об этом, это странно, потому что я много раз видела Даэльрика, - в основном, он безуспешно пытался договориться об аудиенции с Чазаром без Халоньи.

- Наверное, Цера должна была быть хотя бы иногда.

- Я отправляюсь к вам.

* * * * *

В конце беседы Аот махнул рукой. Изображение Джесри исчезло, и прыгающее пламя превратилось в небольшие мерцающие огоньки среди углей. Пламя съело большую часть дерева, пока была активна магия.

- Ты понимаешь, - сказал Гаэдинн, - что это глупо? Может не так глупо, как «Идем-в-Тэй-Сражаться-с-Сзассом-Тэмом», но все еще глупо.

- Кто-то должен подтолкнуть Чазара к действию.

- И этот кто-то - Джесри. Змееныш выбирает себе любимцев, и на данный момент она одна из них. Так что, если уж она не может этого сделать, ты тем более не сможешь. Ты просто выставишь себя в плохом свете, появившись при дворе, когда тебе полагается быть здесь и командовать обороной.

- Я буду там не отдыхать, а заниматься делами.

- Дело в Цере, не так ли? Ты только что встретили её. Как она может что-то для тебя значить?

- Вот когда найдешь кого-нибудь, тогда и поговорим.

Уголок рта Гаэдинн дернулся вверх.

- Я понятия не имею, что ты имеешь в виду. Но если бы я... А, неважно. Почему ты пришел к выводу, что она в беде? Только потому, что Джесри не видела ее день или два? У тебя было какое-то видение?

- Хорошо бы. Но нет, дело в том, что она считает, что Амаунатор хочет, чтобы она выяснила, что или кто на самом деле стоит за убийствами Зеленой Руки и всеми другими загадками. Она попросила меня помочь, но я отказался. Я сказал, что моя настоящая забота - это сражения на войне.

- Что звучит разумно. Но ты боишься, что она воспользовалась пребыванием в Лутчеке, чтобы попытаться что-то выяснить самой, и из-за этого потерпела неудачу.

- Вполне.

- Тогда позволь мне поискать ее.

- Может потребоваться истинное зрение, чтобы найти ее след. Я даю тебе слово - найду я ее или нет, я не останусь вдали надолго. Пока я в отъезде, ты командир. Не предпринимай рискованных действий, если нет необходимости, но почаще отправляй разведчиков, чтобы отслеживали драконов, летящих с севера. Если решишь, что для засады на подкрепления придется прорвать осаду - так и сделай.

После этих слов Аот еще долго наблюдал за Гаэдинном, парализованным ужасом.

- Я знаю, как вести своих лучников и стрелков, - сказал долговязый рыжий эльф.
- Но все Братство...
- Ты справишься.
- Кхорин все еще в Тимантере, и лишь одному Зоркому Глазу известно, чем он там занимается.
- Вот почему ты должен с этим справиться.
- В отсутствие тебя и Джесри вряд ли можно будет рассчитывать на поддержку магии.
- Несмотря на то, что Оракс - угрюмый сопляк, он обладает некоторой силой, а также здравым умом и твердостью духа. Он может помочь тебе использовать ту магию, что у вас есть, с наибольшим эффектом.
- Ты понимаешь, что Хасос будет недоволен тем, что ты оставишь вместо себя лейтенанта?
- Я прикажу ему подчиняться тебе так же, как и мне, - фыркнул Аот. – Чего бы это ему ни стоило.

* * * * *

Одетая в свою любимую пурпурную мантию с нашитыми серебристыми символами, наконечником посоха из черного дерева Нала вырисовывала сложные фигуры в воздухе и пела на таинственном, свистящем языке, который явно предпочитал бог-дракон. Как обычно, ее тело дергалось из стороны в сторону, как будто она была змеей, которая пыталась взлететь.

По мере того, как пение продолжалось, эти извилистые движения становились заразительными. Полдюжины настоящих неопитов начали повторять за своим лидером.

Баласар знал почему. Он чувствовал, как Сила гудит вокруг его головы, подобно рою мух. Но поскольку он сопротивлялся искушению подчиниться своей драконьей природе во время обряда инициации, она не могла проникнуть внутрь.

Ему просто оставалось надеяться, что Нала не узнает правду. Он ерзал взад-вперед, как и все остальные, чтобы не выделяться на их фоне и не дать Нале повода для подозрений. Это заставляло его чувствовать себя плохим актером, вышедшим на сцену.

До этого Платиновая Когорта проводила почти все свои ритуалы, не обращая внимания на враждебную общественность, но так как культ получил определенное признание, Нала и Петрин решили провести испытание веры в углу тенистого, прохладного Рыночного этажа - с толстыми колоннами по краям платформы, раздающимися повсюду возгласами торговцев и огромным Бастионом, нависшим над их головами.

Нала крутила посохом все быстрее и быстрее. Ее голос повышался до тех пор, пока она не начала кричать. Затем, на последнем слове песенной молитвы, она опустила посох ровно посередине между своих ног. Если не считать постоянного легко подергивания, она стояла неподвижно. Даже для Баласара, который изучал мастерство дуэлянта у некоторых из самых требовательных мастеров в Тимантере, мгновенный переход от экстаза к неподвижности был впечатляющим.

Нала внимательно посмотрела на новообращенных. Возможно, ее взгляд задержался на Баласаре, буквально на мгновение, но, скорее всего, это было его воображение.

- Вы готовы, - заявила она. - Вооружите их, сэр Петрин.

Паладин в темно-синем плаще и звенящей бородой из серебряных цепей открыл деревянный ящик и начал раздавать ножи. Баласар почувствовал укол смутения.

Что показалось ему комичным. Он сражался с топазовым драконом и его странными, грозными миньонами на пути из Чессенты. И теперь он беспокоился о загоне, полном свиней?

Ну да. Такую разновидность животных называли дикими кабанами, и боец с ножами, но без брони, и даже не важно, насколько он был искусен в бою, был в невыгодном положении, особенно если бой проходил в тесном загоне, где животное могло прижать тебя к стене.

И все же было очевидно, что другие неопиты не разделяли его опасений. Вооружившись, они уставились на загон, как будто не могли дождаться начала резни.

Нала не заставила ждать их дольше, чем необходимо. Как только все ножи были розданы, она воскликнула:

- Начинаем! - Товарищи Баласара ворвались в загон. У него не было выбора, кроме как броситься вслед за ними.

Правила гласят, что новичок не может атаковать, пока не окажется внутри загона. Баласар, возможно, немного обманул, выдохнув морозное дыхание на одного кабана, пока перепрыгивал через стенку загона.

Изморозь покрыла морду свиньи, окрасив её в белый цвет и, как драконорожденный и надеялся, закрыла ей глаза. Зверь с горбом, который увеличивал его в два раза, был слишком яростен, и напал вслепую. Баласар увернулся от его клыков и ударил ножом по шее.

Клинок пронзил шкуру, но не задел артерию, на что надеялся воин. Проклятое животное двигалось слишком быстро. Его покрытая щетиной шкура была слишком толстой, а под ней было слишком много жира и мускулов.

В другом месте загона летали сгустки огня и трещали молнии. Принесенный легким ветерком аромат ядовитого пара ударил Баласару в нос и наполнил его рот едким вкусом. Другие неопиты неоднократно использовали свое дыхательное оружие, потому что, в отличие от него, могли. После того, как драконорожденный по-настоящему отдал себя божеству Нала, эта способность восстанавливалась быстрее.

Кабан врезался в стену загона. Тяжелый забор грохнул и покачнулся, а зрители ахнули и отшатнулись, но барьер выдержал. Животное развернулось быстрее, чем, казалось, может такое массивное и коротконогое животное, и Баласару пришлось уйти с его пути, вернувшись в центр загона.

Драконорожденный слышал ужасный визг и пыхтение, топот копыт и скрежетание клыков о камень, чувствовал запах горелой плоти и крови, витающий над загонем, но не мог даже оглянуться, чтобы хотя бы увидеть другого вепря, который, возможно, уже несся на него. Баласар не осмеливался отвести взгляд от животного, которое наверняка хотело его смерти.

Иней, перекрывающий маленькие красные глаза кабана, почти растаял. Хотя глаза не были полностью свободны, воин был уверен, что смотрят они прямо на него.

Кабан рванулся вперед. Баласар увернулся, снова отступив назад, когда его нога поскользнулась. Хотя рыночный этаж т был сделан из гранита, свиньи пробыли в загоне достаточно долго, чтобы обильно смазать всё вокруг навозом.

Баласар попытался удержать равновесие и увидел, что на этот раз ему не увернуться. В лучшем случае у него получится избежать острых клыков. Когда вепрь был близко, Баласар упёрся рукой в его лоб и подпрыгнул. Драконорожденный поднялся над бивнями кабана, но его животного все равно врезалось в воина и отбросило его.

После тяжелого приземления мир на мгновение превратился в хаотичную смесь фигур и шумов, которые ничего не значили. Затем Баласар вспомнил, что с ним случилось, и понял, что кабан уже поворачивается, чтобы снова напасть на него.

Он наклонился и сделал выпад в сторону цели, находящейся близко к земле. Баласар повернулся, каким-то образом избежал удара, и сомкнул свободную руку. Каким-то образом его пальцы сомкнулись на одном из нижних бивней. Пока он будет удерживать хватку, кабан не сможет дотянуться до него.

К сожалению, кабан все еще мог вертеть головой, пытаясь вырваться из хватки. Резко взмахнув головой, животное повалило драконорожденного на гранит. Но Баласар не терял времени даром, и успел несколько раз воткнуть нож в горло противника.

Он почувствовал, как его пальцы скользнули по рукоятке ножа, и вот, наконец, кровь забрызгала воина и камень ритмичными потоками. Кабан содрогнулся в конвульсиях, вырвался из хватки и снова собирался атаковать, но умер в паре шагов от цели.

Задышающемуся Баласару хотелось просто неподвижно лежать, но когда вокруг него бушевала драка, это был хороший способ быть убитым. Он поднял голову и огляделся.

Некоторые из других кабанов были мертвы, а те, что были еще живы, в целом, выглядели хуже, чем неофиты, непрерывно швыряющие в животных вспышки пламени и разряды молнии. Баласар уже решил, что сможет отсидеться до конца боя, когда краем глаза увидел, как кабан взмахнул головой и бивнями рассек тело драконорожденного с зеленой чешуей от бедра до плеча.

Даже когда Баласар с трудом поднялся на ноги, ему пришло в голову, что раненый боец был драконопоклонником и, следовательно, в прямом смысле слова врагом. Возможно, когда-нибудь он убьёт кого-нибудь. Но его инстинкты воина были сильнее этого соображения. Он атаковал кабана, крича на него изо всех сил в надежде, что сможет отвлечь его от беспомощно распластавшегося воина.

Огромная туша начала поворачиваться. Надеясь, что лезвие беспрепятственно пройдет под костью и найдет какое-нибудь жизненно важное место, Баласар ткнул клинком в основание челюсти животного.

Кабан взорвался сильнейшей судорогой, и удача, а также ловкость или боевое чутье Баласара, не позволили драконорожденному попасть под удар, и кабан бессильно завалился на бок.

Не спуская глаз с поверженного соперника, Баласар пошел к раненому культисту. Сын жабы лежал в большой луже собственной крови, но, по крайней мере, дышал.

Баласар огляделся. Все кабаны были убиты и лежали неподвижно, представляя собой уродливые холмы из щетины и обугленной окровавленной плоти, а Петрин уже бежал в его направлении. Паладин, очевидно, понял, что если он использует свои целительные силы достаточно быстро, то сможет спасти искалеченного культиста.

Петрин встал на колени в луже крови, пробормотал молитву, призвавшую серебристый свет в его руки, а затем приложил их к длинной ране в теле своего единомышленника. Магия сработала исключительно хорошо - рана полностью закрылась, и культист изумленно поднял голову.

Когда Петрин помог ему встать, раздались аплодисменты, и лишь некоторые из тех, и лишь некоторые из зрителей с отвращением смотрели на происходящее.

Баласар воспринял это со смешанными эмоциями. Он действительно не хотел, чтобы кто-нибудь аплодировал Когорте, но черт побери, он сражался хорошо, и часть его, без сомнения, та, которую старейшины клана Даардендриен всегда осуждали и называли легкомысленной, незрелой и безответственной, которая просто хотела помахать рукой и поклониться.

Затем Нала подошла к загону, и ее холодный, оценивающий взгляд напомнил Баласару, что он играет в смертельно опасную игру и еще далек от победы.

- Ты использовал дыхание только один раз. - Сказала она.

Баласар улыбнулся.

- Я выбираю более спортивный и веселый метод борьбы.

- Он хорошо дрался. - Сказал Петрин.

- Да, - сказала Нала, - но я не уверена, что видела, как дар Бахамута увеличил его силу.

- Мои наставники научили меня драться с холодной головой, - сказал Баласар. - Во имя солнца и неба, когда мы столкнулись с гигантами, Петрин не постоянно извергал огонь и также не приходил в ярость.

- Это потому что я - паладин, - сказал Петрин. - Бахамут благословил меня другим набором даров.

- Что ж, - сказал Баласар, - может, в конечном итоге он и меня сделает паладином. Нала фыркнула.

- Я в этом сомневаюсь. Тем не менее, правда в том, что Он не благословляет всех одинаково, и иногда его благословения проявляются через некоторое время. Тем не менее, в следующий раз...

Загудели барабаны. Их звук часто проносился через Рынок и весь Джерад Тимар с тех пор, как племена гигантов отказались от своих распрей и объединились для войны против Тимантера. Иногда барабанщики отбивали ровный ритм тревоги, а иногда медленные, глухие удары, извещающие о поражении. Лишь изредка они вырабатывали быстрые, сложные, в основном импровизационные ритмы, используемые для празднования победы. И именно эти ритмы звучали сейчас.

Зрители направились к центру рыночной площади, где многие начали аплодировать. Нала, Петрин, Баласар и остальные неофиты последовали за ними.

Верхом на лошадях, над толпой, виднелись копейщики. Несмотря на то, что взволнованная толпа столпилась перед ними, Баласар смог увидеть Медраша и остальных воинов, входящих в процессию, проезжающую мимо. В отличие от Платиновой Когорты, патруль не калечил тела павших гигантов для получения

трофеев. Они лишь присвоили огромное каменное оружие варваров, чтобы показать, чего они достигли.

- Это великолепно! - Сказал Петрин.

Он не заметил хмурого взгляда Налы, но Баласар заметил. В тот момент было трудно поверить, что эти двое были любовниками.

* * * * *

Когда слуга привел Гаэдинна в кабинет Хасоса, эльф подумал, что у него с бароном много общего. Они оба родились в богатой семье и занимались воинским ремеслом. Оба были все еще молоды и красивы, и, несмотря на разницу в их стиле, оба следили за внешностью. Тем не менее, по нахмуренному взгляду Хасоса, он понял, что встреча вряд ли будет особенно теплой.

- *Мне это тоже не нравится,* - подумала Гаэдинн, - *но если мне придется проглотить камень, то и тебе не избежать этого.*

Хасос резко встал из-за своего стола, хотя и не слишком быстро.

- Сэр Гаэдинн, - сказал он. - Что я могу сделать для вас?

- Мои разведчики сообщают, что драконы и их армия ближе, чем мы надеялись. - Гаэдинн заметил карту на столе и указал на место в Трескеле. - Сегодня утром они были здесь. Это означает, что для осуществления плана капитана Фезима нам нужно немедленно прорвать осаду.

Нахмуренный взгляд Хасоса уперся в эльфа.

- Это невозможно.

- Значит вопреки невозможному. Это вполне осуществимо, особенно с учетом того, что на нашей стороне сильные маги. - По крайней мере, они могут быть сильными. Гаэдинн не видел неопровержимых доказательств обратного.

Хасос фыркнул.

- Маги. Выродки, поклоняющиеся дьяволу.

Гаэдинн усмехнулся.

- Уже нет. Как минимум с тех пор, как Чазар объявил их равноправными людьми. Более того, что бы вы о них ни думали, мы можем найти им хорошее применение.

- И все же...

Гаэдинн решил, что пора перейти от необоснованного оптимизма к откровенной лжи.

- Я также рад сообщить вам, что Герой Войны и армия под её личным командованием направляются в Сулабакс. Они выйдут на поле битвы тогда, когда их внезапное появление нанесет наибольший урон.

- Где посыльный, который принес эту новость? Почему вы сразу не привели его ко мне?

- Потому что это была колдунья Джесри Колдкрик, которая говорил со мной издали. Заклинание не длилось достаточно долго, чтобы я мог успеть послать кого-нибудь за вами.

- Тогда пусть один из "могущественных" магов пообщается с ней. Или капитан Фезим. Или сама Герой Войны.

Гаэдинн улыбнулся и развел руками.

- Я бы хотел, чтобы это было возможно. Но, как известно, у каждого мага есть свои секреты и особенности. Оракс и его товарищи поистине грозны, но, увы, ни один из них не является мастером данного искусства.

Хасос усмехнулся.

- У вас есть ответы на все.

- Мне нравится так думать. К сожалению, очевидно, что ни один из них не покажется вам особенно убедительным, но можете поверить в это: мы выполняем план Аота, и Чазар получит отчет о результатах. Вам решать - услышит ли он о вашей сердечной готовности поддержать его, или о регулярных отказах от него.

Напряженным от негодования голосом Хасос сказал:

- Когда именно мы планируем начать атаку?

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

4 Кефорн, Год Извечного (1479 по ЛД)

Никос Кориниан любил свою семью и всегда ужинал с ней, когда это было возможно. В ту ночь, однако, живая, но банальная болтовня жены и племянниц действовала ему на уже потрепанные нервы. Как только он смог сбежать, то направился к своему кабинету, который служил ему своего рода убежищем.

Слегка дрожащей рукой с покрытыми шрамами костяшками, он открыл дверь, на стол для игры в кости поставил и зажег единственную белую восковую свечу, которую принес с собой, и направился к шкафу из орешника, в котором хранил крепкие напитки. На данный момент конус тусклого света был достаточным освещением, а лампы Никос зажжет, когда нальет себе бренди.

Из тени раздался низкий голос:

- Добрый вечер, милорд.

Пораженный Никос покачнулся. Фигура в мантии и капюшоне поднялась с одного из стульев, который стоял между столом для игры в кости и стеной. Пришелец шагнул вперед, и Никос увидел жуткое голубое сияние его глаз.

Аот откинул капюшон, и желтый свет свечи осветил его татуированное лицо.

- Прошу прощения за наряд. Я знаю, что она грязная и пахнет мусором, но нелегко быть неузнанным, когда выглядишь так, как я.

- Как вы сюда попали? - Как только вопрос покинул уста Никоса, он понял, что ответ его не интересовал, но он был слишком взволнован, чтобы думать правильно.

- У вас очень любезный повар. Она была готова накормить нищего. Потом я выскользнул из кухни, когда она повернулась ко мне спиной. Украл бутылку вина и оставил дверь приоткрытой, чтобы она решила, что я сбежал.

- Хорошо, но почему вы вообще в Лутчеке?

- Отчасти для того, чтобы подтолкнуть Чазара к отправке на север, - наемник заколебался. - Что?

Никос понял, что выражение его лица, должно быть, изменилось, когда Аот произнес имя дракона.

- Ничего.

- Ясно, что это не так, и, поскольку я планирую поговорить с ним, мне нужно знать – что вас беспокоило.

Никос вздохнул.

- Пусть будет по-твоему. Сегодня в суде менестрель спел написанную им песню о прошлых победах Чазара. В нем он упомянул одного из старых лейтенантов дракона. Кое-кого, кого Чазар, очевидно, вспоминает с любовью.

- Продолжайте.

- Чазар пришел в ярость. Он сказал, что бард оскорбил его друга и приказал его выпороть.

- Это сурово, но я знавал правителей, которые вели себя так же жестоко.

- Я тоже, - сказал Никос, - но вот в чем разница – не было никакого оскорбления. Я ничего не слышал. Песня певицы была чистой похвалой.

- Может быть, если бы вы действительно знали этого человека, вы бы поняли, что в этих словах присутствует какая-то скрытая ирония?»

- Я в этом сомневаюсь, но есть еще кое-что. Стражник начал порку, но Чазар остался недоволен результатом. Он настоял на том, чтобы лично привести наказание в исполнение, и я думаю, что в нем разгорелась ярость дракона, даже не смотря на то, что он был в облики человека. Чазар бил и бил без устали, пока не разрубил менестреля на куски.

Аот нахмурился.

- И мы вернули его в Чессенту. Что ж, это сделали Джесри и Гаэдинн, но это я послал их. По вашему приказанию.

- Да.

- Что ж, нам остается только надеяться, что хорошие качества Чазара компенсируют его причуды. Между тем, я отложил свое появление в Коллегии Войны, потому что Цера Эфрос исчезла, и я хотел, чтобы у меня были хоть какие-то сведения. Что вы знаете об этом?

Никос моргнул.

- Я? Ничего. Да и откуда бы?

- Она жила в храме Амаунатора, но какое-то время ее никто не видел. Насколько я понимаю, Даэльрика это не особо беспокоило. Он наверняка предполагает, что она вернулась на север. Но она не сделала бы этого, не спросив разрешения первосвященника, который, видимо, тонет в зависти к Халонья, из-за чего не замечает пропажи приближенных.

- Возможно, она ушла из дома Хранителя, чтобы навестить семью или друзей в городе.

Аот покачал головой.

- Вся её семья погибла. Вероятно, у нее поблизости есть старые друзья, но я уверен, что дело, из-за которого она пропала, куда важнее всего прочего. Вы же знаете, что никто так и не узнал причин и лиц, стоящих за убийствами Зеленой Руки. Цера верит, что её Бог возложил эту задачу на неё.

- Потенциально опасное убеждение.

Аот криво улыбнулся.

- Я согласен. И все же я оставил ее здесь одну. У меня были другие дела. Я думал, что моя главная обязанность - возглавить Братство и победить Трескель.

- Вы были правы. Это – первоочередная задача.

- Я знаю. Но, тем не менее, я хочу найти ее.

- И вы думаете, что я могу как-то помочь вам?

- Верю, милорд. Я не распространяюсь об этом, но Голубое Пламя не просто продлило мне жизнь. Оно изменило мое восприятие. Время от времени у меня возникают видения, указывающие на скрытые истины. В первый раз, когда мы встретились, я увидел зеленого дракона, заглядывающего через ваше плечо.

Никос перевел дух и, убедившись, что его голос останется ровным, спросил:

- Что, во имя Желтого Солнца, это значит?

- В то время я понятия не имел. И я все еще не уверен. Но с тех пор, как Братство пришло в эти земли, повсюду появлялись драконы, драконопоклонники и существа с отдельными чертами драконов.

Никос выдавил улыбку.

- Ну, очевидно, Чессента ведет войну против драколича и его драконопоклонников...

- Вы понимаете, что я имею ввиду, что даже сверх того. Я не успел упомянуть, что однажды я учуял стойкий запах смолы, которой пахнет в вашем кабинете. Смолы, используемой в мистических ритуалах.

- И что же вас так взволновало? Хорошо, признаюсь, я немного практикуюсь в колдовстве, и этот свой талант я всегда скрывал, дабы избежать клеймения. Но теперь, когда Чазар изменил этот закон, какое это имеет значение?

- Это важно, потому что вместе с моим видением это указывает на то, что в вас есть что-то такое, чего нет в других людях. Сейчас я вам не враг. Во имя Черного Пламени, я, в какой-то степени, работаю на вас. Но я требую того, чтобы вы поделились со мной той информацией, которой обладаете сами. Помогите мне найти Церу и достичь цели Братства.

- А если я откажусь выдать вам все свои секреты?

- Тогда я расскажу Чазару то, что знаю. Может, вам повезет, и для него ничего это не будет значить. Но я почти уверен, что лорд Лютен попытается придать этим известиям максимально зловещий вид и будет говорить до тех пор, пока у него не выпадут зубы. Никогда не угадаешь - завтра или послезавтра вас привяжут к столбу для порки.

Пытаясь не выглядеть побежденным, Никос вздохнул и опустил плечи.

- Отлично. Я не мерзавец, но есть... вещи, которые вам, наверное, стоит знать. Боюсь, это займет некоторое время, - он махнул рукой в сторону пары коричневых кожаных кресел перед очагом. - Садитесь. Я принесу нам чего-нибудь выпить.

- Хорошо. - Аот плюхнулся на один из стульев.

Никос направился к шкафу с бутылками и кубками, стоявшему позади кресла, на которое сел боевой маг.

- Я смогу сделать это, - сказал себе Никос. - Я знаю, как и куда бить. Он сам сказал, что никто не знает о том, что он пришел сюда. Я могу как-нибудь избавиться от тела.

Он посмотрел на затылок Аота и сжал кулак.

Аот вскочил с сиденья и развернулся. Он толкнул кресло Никосу в ноги.

Это заставило Никоса отступить на шаг, но на этом все. Он бросился на Аота, но к тому времени тэец уже выпускал чары. На последнем слоге он щелкнул пальцами, и жемчужное сияние, осветившее мрачную комнату, мелькнуло между Никосом и Аотом.

Прищурившись, аристократ инстинктивно уклонился, но тут же понял, что свет безвреден. В то же мгновение Никос получил два яростных удара по почкам и печени. Ударом ноги по колену, Аот больно уронил его на пол и тут же выхватил кинжал из правого широкого рукава аристократа.

- Вы собираетесь успокоиться? - спросил наемник. - Или мне придется приставить лезвие к вашему горлу и так далее по списку?

Испытывая боль, затаив дыхание, наполовину оглушенный, Никос выпалил:

- Ладно-ладно!

- Вот и хорошо, - Аот протянул ему руку и поднял его на ноги. - На этот раз вы сядьте, а я принесу бутылку.

Никос рухнул на кресло.

- Откуда вы узнали? Видение?

- Нет. Просто я провел большую часть столетия, читая лица и позы людей, собирающихся меня убить.

- Это было спонтанно. Я не имею в виду...

- Не извиняйтесь. Я рад, что вы запаниковали. Мне действительно не хотелось бежать к Чазару. Проще говоря - я блефовал. Но теперь наш разговор точно сложится.

- Да. Полагаю, да.

Аот вытащил пробку из графина с бренди. Ликеры, разлитые по бокалам, наполнили комнату характерным запахом, а Никоса жаждой.

Наёмник протянул ему бокал, поставил бутылку на низкий столик между креслами, затем сел напротив Аристократа.

- А теперь, - сказал он, - поговорим.

Никос сделал большой глоток и почувствовал, как бренди согревает его живот.

- Я думаю, что нет другого способа сказать это, кроме как прямо. В течение нескольких лет я тайно оказывал определенные услуги зеленому дракону по имени Скутосин.

Сияющие голубые глаза Аота впились в него.

- Вы говорите мне, - сказал он ровным голосом, - что человек, приведший Братство в Чессенту, человек, с которым все еще связано наше благосостояние – предатель и шпион?

- Нет! Это не так. Скутосин никогда не просил меня делать что-либо, что явно вредило бы королевству. Да и я бы не стал. Просто он был готов вознаградить меня за... информацию и различные услуги.

- Подождите. Это тот самый Скутосин, который когда-то жил в Унтере? - Спросил Аот.

- Так он утверждает. - Ответил Никос.

- Как он выжил во время Магической Чумы и Тимантера, обвалившегося с неба на вершине его страны? - Спросил Аот.

- Не знаю, - сказал Никос. - Он хвастается, что Темная Госпожа благосклонна к нему. Может, это она его защитила.

- Где он сейчас? - спросил Аот. - Чессента, Тимантер или еще где-нибудь?

- Я не знаю, где он проводит время, - сказал Никос. - Он научил меня заклинанию, с помощью которого я могу разговаривать с ним издалека. Вот почему я жгу ту смолу.

Аот хмыкнул.

- С тех пор, как Чазар вернулся, я немного изучил историю. Предположительно, он и Скутосин были союзниками в старые времена. Я так понимаю, ты приказал мне найти его, потому что этого хотел твой настоящий хозяин?

- Да, но это еще не все. С самого начала он хотел, чтобы вы и ваши наемники прибыли в Чессенту, и, каким-то образом, он заранее знал, что ваша компания потерпит поражение в Импилтуре и после такого позора ей понадобится новый работодатель. Вот так мой посланник добрался до вас в нужное время.

Глаза Аота, казалось, загорелись ярче.

- Каким-то образом он мог знать заранее, - это универсальный способ сказать "что сделано – то сделано". - Вот почему этот сукин сын Кремфрас и его отряд не помог нам, и почему культистам помогали драконоподобные существа. Все они работали на Скутосина, как и ты.

- Я не уверен в этом, - сказал Никос, - но думаю, что это вполне вероятно.

- В любом случае, сколько у него агентов? - спросил Аот. - В скольких регионах?

- Не знаю. - Сказал Никос.

Аот затаил дыхание, и, судя по хмурому виду, собирался дать суровый ответ, но взял паузу, чтобы сделать глоток.

- А что вы знаете? Должно же быть хоть что-нибудь.

- Оглядываясь назад, я могу лишь предположить, - сказал Никос. - Скутосин знает о силе ваших глаз. Он хотел, чтобы вы были здесь, потому что думал, что ваши способности к видениям могут позволить вам разоблачить убийцу Зеленой Руки.

- Что, судя по всему, скорее навредило, чем помогло Чессенте. А значит, если Скутосин знал, что именно мы найдем, то он, вероятно, не друг вашей стране. - Подытожил Аот.

- Если бы он знал, - сказал Никос, - были бы куда проще подтолкнуть городскую стражу в нужном направлении.

- Ну, возможно, - сказал Аот. - Вы действительно не представляете, почему он хочет того, чего хочет? Какова его конечная цель?

- Нет

- Он даст понять Чазару, что еще жив?

- Нет. Вы собираетесь разоблачить меня?

Аот почесал подбородок, кончиками пальцев прошуршав по щетине. Никосу пришла в голову совершенно неуместная мысль, но он был уверен, что услышал бы тот же звук, если бы наемник почесал макушку.

- Я не особо хочу, - через мгновение сказал Аот. - Вы не стали причиной разгрома в Импилтуре, и я не знаю многих лордов, которые не участвовали в тайных грязных делах того или иного рода, и вы именно такой. Я лучше останусь вашим другом и буду дальше делать то, за что вы и Корона платите мне. Но это будет не так просто, если я

не найду Церу. И из того, что вы мне рассказали, ничего не указывает на нужное направление поисков.

- Я же уже сказал, что не знаю, что с ней случилось!

- Но вы одновременно и придворный, и шпион. Вы наверняка следите за тем, что происходит в Коллегии Войны и в городе. Подумайте об этом.

Никос так и сделал. Он подумал о том, что если он позовет на помощь, слуги быстро откликнутся. И если они все вместе нападут на Аота, то вполне могут победить его.

Но когда он еще раз взглянул на человека по ту сторону низкого столика, обнадеживающие фантазии угасли. В настоящий момент у тэйца не было ни зачарованного копья, ни грифона, но даже в этом случае нельзя было сомневаться в том, что он сможет справиться со всем, что его нежеланный хозяин может противопоставить ему.

Затем Никосу пришла в голову более полезная мысль. Он выпрямился, а Аот спросил:

- Что?

- Церковь Чазара. - Сказал Никос.

- Что церковь Чазара?

- Чазар пообещал Халонье, что вокруг нее сформируется клир, и это произошло с поразительной скоростью. Некоторыми, несомненно, стали те же простолюдины, которые маршировали с ней по улицам, стремясь возвыситься вслед за не, но многие из новоиспеченного духовенства - нет. До коронации она прежде не видела их, и в своих новых должностях эти люди чувствуют себя вполне уверенно. Прямо как опытные жрецы, привыкшие к ритуалам и соблюдением обрядов.

- И Халонья не считает странным то, что эти незнакомцы появились из ниоткуда и теперь окружают её?

- Халонья - полусумасшедшая нищая, движущаяся навстречу мечте богатстве и славе. Все происходящее ей кажется чудесным, поэтому ничего не кажется необычным. Но вот моя точка зрения: одно время Чазар считался избранным Тиамат или даже ее аватаром. Итак, как вы думаете - кем могут быть взявшие из ниоткуда священники, обученные правильному проведению обрядов?

- Хранители Змея, - сказал Аот. - На всем нашем пути мы сталкивались с ними - Гаэдинн и Джесри столкнулись с ними в Мурктаре, а другой жрец пытался убить меня в Сулабаксе.

- Если бы Цера Иуртос узнала об этом, или, хотя бы, сделала то же предположение, что и мы с вами, то это дало бы нам намек на то, где следует искать её.

* * * * *

Ораксу не терпелось пошевелиться. Вместо этого он и его товарищи-маги должны были стоять на месте и, по крайней мере, делать вид, что слушают, в то время как Гаэдинн Улреас снова инструктирует их. Эльф-то, конечно, высказывал их в приказном тоне, но молодой маг воспринимал его слова только как повторенные вновь наставления.

Медные волосы лучника поседели под ночным небом, и он сменил свой обычный яркий пижонский наряд на черный кожаный жилет разбойника.

- Я знаю, что будет трудно создать завесу для стольких, - сказал он, - но вам нужно только спрятать застрельщиков. Мы выйдем раньше остальных, и темнота должна скрыть нас.

Мералейн - миниатюрная курносая девушка, чья внешность феи противоречила значительному таланту к зловещему искусству некромантии, кивнула и сказала:

- Будет сделано. Уж чем-чем, а заклинаниями маскировки мы владеем. В Лутчеке по-другому было нельзя.

- Когда я скомандую, - продолжил Гаэдинн, - вы осветите лагерь врага и продолжите поддерживать освещение. Только в таком случае остальные смогут убить их.

- Принято. - Сказала Мералейн. Похоже, она пыталась произвести впечатление на Гаэдинн, потому, что, возможно, она надеялась заменить Оракса в качестве временного лидера магов. Так или иначе, его это не волновало.

- Как только сможете, - сказал Гаэдинн, - отступите за щитоносцев и оставайтесь позади них. Среди врагов нет настолько важной цели, чтобы хоть кто-то из вас четверых рисковал собой ради её устранения.

- Да мы поняли! - отрезал Оракс. - Поняли все с первого раза. Лучше дайте нам хотя бы минуту покоя, чтобы мы могли сосредоточиться.

Гаэдинн мгновение изучал его, а затем усмехнулся.

- Не напоминай остальным о том, что я никогда этого не делал. Ну, я имею в виду, никогда не возглавлял целую армию.

Оракс усмехнулся.

- Тогда, может, Хасос должен командовать?

- Может, - ответил Гаэдинн, - но в таком случае, когда Аласклербанбастос явится за костлявой задницей барона, гарнизон все еще будет сидеть за стенами Сулабакса.

- Мы доверяем вам. - Сказала Мералейн, подхалимская стерва.

- Еще бы - ответил Гаэдинн. - Мои таланты очевидны. Как и ваши. Я понимаю, что никто из вас раньше не участвовал в полномасштабном сражении, и ночные бои - не самый лучший способ втянуться в это хобби. Сохраняйте хладнокровие, и все будет хорошо. А теперь - занять позиции

Упомянутые позиции находились в промежутках между авангардом лучников из Братства Грифона. Оракс прочитал рифмованную строчку, и на мгновение прохладный ночной воздух стал прямо-таки холодным. Чёрное пятно сгустилось в воздухе перед ним.

Он взглянул на свою работу и почувствовал укол гордости. Он хотел, чтобы некромантия Мералейн оказалась лучше этого.

Он как-то пропустил сигнал, по которому окружающие его воины двинулись вперед, и ему пришлось пробежать пару шагов, чтобы наверстать упущенное. По мере того, как лучники продвигались вперед, ему все больше хотелось двигаться так же тихо, как они. Он был искусным вором, но свои навыки применял лишь на полах и каменных мостовых. Наёмники двигались тих даже по земле и траве.

Гаэдинн резко выстрелил из лука. Оракс не понимал, что именно ему освещать, и не видел, куда улетела стрела. Он предположил, что долговязый рыжий эльф

выстрелил в часового и убил его, так как все было тихо и никто так и не поднял тревогу.

Нагромождение темных силуэтов, которое было вражеским лагерем и восточной стеной Сулабакса, возвышающейся за ним, выплыло из мрака. Гаэдинн поднял руку, и сержанты, идущие перед строем, повторили этот жест. Все остановились.

Гаэдинн повернулся к Ораксу, улыбнулся и элегантно провел рукой в сторону врага, подобно учтивому хозяину, открывшему дверь в свой дом и приглашающему гостей внутрь.

Оракс ощутил внезапную сухость во рту. Он попытался вспомнить слова заклинания. Одно ужасное мгновение он не мог вспомнить абсолютно ничего, но почти сразу слова вернулись к нему. Маг прошептал рифмованную строчку и вытянул левую руку. Искра вылетела из кончиков его пальцев и запрыгала по земле.

Гаэдинн ясно дал понять, что больше всего ему нужен свет. Но беда простой магии света была в том, что вражеский колдун мог запросто рассеять её. Погасить свечение горящей палатки будет труднее.

Кроме того, Оракс хотел показать этим закаленным профессионалам, этим Братьям Грифона, что он так же опасен, как и любой из них. И, конечно, самым опасным из заклинателей, которых они наняли в Лутчеке. Даже если это был первый раз, когда он использовал магию таким вопиющим и жестоким способом.

Искра превратилась во взрыв, который в момент охватил и зажег две палатки. Вырисовывавшиеся на фоне взрыва тела загорелись или разлетелись на части. На мгновение разрушение поразило Оракса, как будто он не имел к этому никакого отношения. А затем он почувствовал тошноту.

Ну и волнение, конечно.

Справа еще один взрыв поджег другую часть лагеря. Менее кровожадные, творческие или амбициозные маги удовлетворились простыми лучами света – один янтарным, а другой болезненно зеленым.

- Атака! - крикнул Гаэдинн, натянув и спустив тетиву. Остальные застрельщики последовали его примеру.

Туча стрел взмыла в неба и обрушилась на врагов. Люди, орки и кобольды, утыканные стрелами, повалились на землю.

Аот Фезим собрал внушительную армию из собственных наёмников и солдат Чессенты, расквартированных вдоль границ, но армию трескельцев была все еще больше. Надежда была на то, что внезапная атака компенсирует численное меньшинство.

Очень даже может. Однако Ораксу казалось, что воины Великого Костяного Змея недолго останутся ошеломленными и дезорганизованными. Офицеры уже выкрикивали приказы, гоблины похватали оружие и пытались сформировать построение.

Внезапно, Оракс вспомнил, что его роль в этой битве еще не окончена. Фактически, это было лишь начало. Он бросил магические стрелы из багрового света во что-то большое. Может быть, огр или какой-нибудь ручной тролль. Существо пошатнулось, но не упало.

- Почему ты все еще здесь?! - рявкнул Гаэдинн. Пораженный, Оракс резко обернулся и увидел рядом с собой лучника. - Я приказал тебе спрятаться за щитами!

Оракс нахмурился. Злился он на себя, потому что совсем забыл про эту часть плана и даже про то, что вообще были какие-то щитonosцы. Он обернулся и увидел, что копейщики позади него уже бесшумно подошли прямо к нему. Когда он побежал в их направлении, то мимо его головы просвистела стрела или арбалетный болт.

* * * * *

Кто-то, скорее всего - Шала Каранок, нашел особняк на окраине церковного квартала, который служил временным храмом Чазара. Осматривая его с воздуха, Аот задавался вопросом - что сделала бывшей Герой Войны, чтобы убедить домовладельца покинуть дом.

- Если бы я был на твоём месте, - мысленно сказал Джет, - я бы беспокоился о том, что вошло в него после того, как они покинули свой дом. В последний раз, когда ты ворвался в логово Хранителя Змея, тебя чуть не убили. А ведь тогда это был лишь один человек.

- Может, тебе стоит стать капитаном? - ответил Аот. - Я смотрю, ты всегда знаешь, что сказать. Чтобы вселить в человека уверенность.

Грифон раздраженно захрипел.

- Я к тому, что Джесри и Шрам сейчас в Коллегии Войны

- Куда я не могу пойти, если не хочу тратить день, объясняя, почему мы с тобой в Лутчеке, тем самым предупредив Хранителей Змей о нашем присутствии.

- Как пожелаешь. Я лишь надеюсь, что наездник, которому меня отдадут, будет легче.

Джет сел в переулке возле особняка. Аот неохотно оставил свое копье прикрепленным к седлу грифона. Оно было слишком известным, громоздким и угрожающим. Ему придется обойтись коротким мечом, скрытым под тряпьем нищего, в которое он был одет. Хорошо хоть магия была с ним.

Он почесал Джету гриву, затем взял деревянную чашу, бросил в неё пару монеток, и поплёлся к храму. Позади него зашуршали крылья, известив наёмника о том, что его друг улетел.

Аот старался держать голову опущенной. Капюшон хорошо затенял его лицо, но он не мог полагаться только на него, пытаясь скрыть свечение своих глаз. К счастью, подобострастная поза хорошо сочеталась с другими элементами его маскировки.

Снизу особняк выглядел еще более впечатляющим. Отражая чессентское увлечение войной, у особняка были башни и стены с зубцами, наподобие крепости, и фрески, изображающие солдат, убивающих друг друга. У подножия фасада были посажены розовые кусты, и даже в темноте охваченные Голубым Пламенем глаза Аота могли видеть, что молодые бутоны были малиновыми, как капли крови, упавшие с кровавой бойни над ними.

На табурете у двери сидел священник с неаккуратной черной бородой. По его небрежному виду, неестественности и, без сомнения, импровизированному красному и розовому облачению, а так же кувшину, стоящему рядом, Аот принял его за одного из давних последователей Халоньи, а не за священника Тиамат. Новоявленный священник бросил монету в чашу для подаяний в руках у Аота.

- Спасибо, преподобный, - пробормотал Аот, кивая головой. – Могу ли я пройти внутрь, чтобы помолиться?

Бородатый ухмыльнулся.

- А как же поспать внутри? Я знаю, как это бывает. Ну ладно, иди. Но если будешь храпеть, то мы выкинем тебя.

За дверью был довольно большой зал. Внутри пахло опилками и ладаном, и было ясно, что плотники усердно трудились, чтобы превратить его в настоящее святилище со скамейками, где богатые и знатные люди могли сидеть и молиться в комфорте.

Зал уже была заполнен произведениями искусства, нарисованными и вылепленными изображениями Чазара как в форме дракона, так и человека. Аот предположил, что они остались от предыдущего правления живого Бога.

Второй священник стоял за возвышенным алтарем из кровавика. Высокий, с длинным аскетическим лицом и пятнистой, поврежденной солнцем кожей, он пристально смотрел в чашу, которую держал в руках. Огонь, вспыхнувший над ободом, горел синим, затем зеленым, а затем черным пламенем. Эти цвета напомнили Аоту разноцветные огни свечей, которые он видел в логове Хранителя Змей в Сулабаксе.

Когда Аот вошёл в зал, священник взглянул на него. Затем, возможно решив, что грязный нищий не поймет значение того, что он видит перед собой, принялся и вернулся к своим размышлениям.

Аот огляделся, обращая внимание на другие двери, ведущие из зала. Он не понимал, как мог проскользнуть сквозь них, чтобы Хранитель Змей не заметил его. Но, возможно, он мог подождать. Наёмник встал перед изображением Чазара в форме змея, вскинувшего окровавленные челюсти над трупами зеленого и синего драконов. Он сложил руки и краем глаза наблюдал за священнослужителем.

Наблюдал. Долго наблюдал. Смотрел, как пламя в чаше меняет свой цвет.

- *Он не собирается уходить.* – Сказал Джет. Благодаря их с Аотом ментальной связи, грифон мог видеть то, что видит наёмник.

- *Нет,* - ответил Аот. – *Кто-то же должен ухаживать за алтарем. Или, может, он не хочет оставлять нищего наедине с дорогими картинами и прочим? В чем бы ни заключалась проблема, я не могу просто стоять здесь, пока кто-нибудь не заподозрит меня. Итак...*

Аот прошептал заклинание.

Из чаши заструился дым, заставивший священника закашлять.

Аот бросился к алтарю, рассчитывая, что густой дым скроет его приближение. К сожалению, он скрыл и Хранителя Змей. Хотя заколдованные глаза игнорировали тьму и иллюзии, они не могли видеть сквозь что-то реальное, но наёмник постарался запомнить положение священника, так что, может быть, это не будет проблемой.

По крайней мере он сумел вскарабкаться на помост, в самое сердце облака дыма, не обнаружив себя. Но тут прекратился кашель. Это плохо. Если у Хранителя Змей перехватило дыхание, он мог позвать на помощь или наложить заклинание.

Аот увидел в дыму какую-то фигуру, врезался в нее и повалил на помост. В процессе он вдохнул немного дыма и тоже закашлял. Тем не менее, он сумел нащупать шею священника и сжать её.

Через некоторое время тот перестал драться и царапаться. Несмотря на жжение в груди, Аот сумел сдерживать кашель достаточно долго, чтобы выдохнуть слог заклинания. Магия очистила воздух от дыма.

Он поднял голову и посмотрел поверх алтаря. Казалось, что на помощь Хранителю Змей никто не спешит.

Аот снова посмотрел на священника. Мужчина дышал.

- *Ты можете исправить это.* - Заметил Джет.

- *Я мог бы. Но теоретически, этот ублюдок - служитель Чазара. Если я смогу, то хотел бы найти Церу и выбраться отсюда, никого не убивая и чтобы никто меня не узнал.*

Он стянул с себя тряпье, снял со священника его верхнюю одежду и надел ее. Она плохо подходила коренастому наёмнику, но издали он мог сойти за жреца. Поскольку у жрецов тоже были капюшоны, эта одежда куда больше подойдёт для прохода в приватные секции храма, нежели тряпье нищего.

Он убедился, что священник без сознания был хорошо спрятан за алтарём и вошел в произвольно выбранную дверь справа.

К перестройке этих комнат пока не преступили. Они выглядят как части роскошного особняка, бардак в которых обуславливался неряшливостью праздных хозяев.

Цера была где-то здесь.

- *Нет,* - сказал Джет, - *не факт. Ты выбрал случайную дверь. Если не найдёшь её здесь, то беги из храма, пока тебя не обнаружили.*

- *Все будет в порядке,* - ответил Аот. - *Большинство свечей и ламп погашены, и почти все спят...* - Затем, заглянув в еще один дверной проем, он внезапно увидел это.

Многие аристократы и богатые купцы строили дома с секретными помещениями, и временный храм был в одном из таких. Секция дубовой обшивки была на волосок глубже, чем другие секции по бокам. Кнопка, скрытая в отделке, была скрыта аналогичным способом, и выдавала себя чуть более темным материалом.

Никто этого не заметил бы, особенно в неосвещенной комнате. Но так же, как Аот видел в темноте, он рассматривал мир в мельчайших деталях.

Он прошел через невзрачный зал, почти полностью отчищенный от мебели, и нажал кнопку. Щелкнула защелка. Он приоткрыл дверь. С другой стороны винтовая лестница спускалась в подвал.

Аот подтянул повыше пояс с ножнами и пошел вниз.

* * * * *

Орки взвыли, бросаясь в атаку. Это была уже четвертая атака, но Оракс все равно вздрогнул. Он ничего не мог с собой поделать.

Враг обрушился на щиты и несущих их воинов, подобно большой волне, бьющейся о скалу. И после рубящих, дробящих и колющих ударов со всех сторон, волна отступила.

Или её отбросили. Или она споткнулась о тела мертвых сородичей, усеявших землю. Одна из вещей, которую Оракс усвоил в начале этой ужасающей, захватывающей ночи, заключалась в том, что он, по большей части, не мог наблюдать

за битвой и по-настоящему осознать важность увиденного. Но все же он чувствовал, что орки отступают, а когда его товарищи расслабились, то маг получил подтверждение своих мыслей.

Копейщик сплюнул. В какой-то момент что-то или кто-то сломал или обрезал острие его оружия, но он продолжал сражаться древком, так и не обнажив булаву, висящую на бедре. Оракс подозревал, что это как-то связано с расстоянием до врага.

- Могучие Красные Копья. - Усмехнулся наемник, и воины вокруг него засмеялись. Столб пламени вырвался посреди вражеского строя.

На мгновение Оракс предположил, что один из его товарищей из Лутчека устроил эту магическую атаку. Затем, он заметил рогатую голову скелета и когтистые руки внутри пламени. Высокая, как горный великан, горящая фигура двинулась вперед, а ее союзники разбежались в стороны.

Оракс и его товарищи знали, что у врага тоже есть заклинатели, в основном колдующие из-за укрытия, как и их коллеги-сторонники армии Чессенты. Всадники на грифонах выпустили в них много стрел, но, похоже, безрезультатно, потому что периодически эти ублюдки призывали какое-то существо, которое сражалось за трескельцев.

Юмор и презрение стерлись с его лица, когда мужчина со сломанным копьем посмотрел на Оракса.

- Что это такое? - Спросил он.

- Не знаю, - признался Оракс. Его инстинкты подсказали ему, что этот монстр был опаснее любого из предыдущих, призванных трескельцами.

С небольшим укором страха к нему пришла мысль, что он потратил большую часть своего запаса заклинаний. Тем не менее, он, возможно, сумеет уничтожить это существо до того, как оно приблизится. Оракс произнес слова силы, размахивая рукой перед собой. Мороз стекал с запястий к кончикам пальцев. Он чувствовал холод, но тот не обжигал.

Повторяя положение руки мага, перед приближающимся огненным существом появилась огромная бестелесная рука, сделанная из льда. Оракс протянул свою руку и сжал пальцы, и ледяная конечность сделала то же самое, схватив существо за туловище, прижав его руки к бокам.

Демон, если это существо можно было так назвать, зарычал и вздрогнул, после чего ледяная рука раскололась. Оракс задохнулся от внезапной обжигающей боли. Когда он посмотрел свою руку, то увидел на ладони волдыри.

Он сказал себе, что могло быть и хуже. По крайней мере, существо не сломало ему пальцы.

Его аура пламени освещала изуродованные трупы и раненых гоблинов, пытающихся отползти в сторону. Дух двинулся на Гаэдинна и его лучников. Отряд эльфа стоял в защищенной позиции: справа от них стояла группа копейщиков Оракса, а слева - отряд чессентцев.

Лучники несколько мгновений стреляли в приближающуюся огненную тварь. Некоторые из них даже попали в него, но стрелы мгновенно сгорали, и было невозможно сказать - наносили ли они реальный урон.

Затем, продолжая упорно натягивать и отпускать тетиву, Гаэдинн выкрикнул:

- Луки, отступайте! Копья, в атаку!

Товарищи Оракса с трудом встали на пути огненного гиганта. Тот же двинулся прямо на них.

Когда они сформировали стену щитов и вытянули копья, демон был в двух шагах от них. Он провел рукой по дуге, и язык пламени, выскочивший из кончиков его пальцев, рассек пару наёмников, чья одежда тут же загорелась, заставив их упасть и закричать.

Демон атаковал точку, где ослабил строй. Он схватил когтями наёмника и поднял того в воздух, на мгновение позволив своей огненной лапе поджарить человека, после чего отпустил того. Гигант снова ударил и голова поднявшегося на ноги война оторвалась от плеч.

Даже будучи в нескольких шагах от гиганта, Ораксу казалось, будто он лежал у костра, и вскоре он начал замечать, что монстру не обязательно было атаковать воинов, чтобы выводить их из строя - когда их копья и одежда загорались или каждое вздох обжигал легкие, наемникам ничего не оставалось, кроме как отступить.

Быстрее, чем Оракс мог даже вообразить, строй начал разваливаться, вместе с чем забылась его стойкость против волн орков. Наёмники еще не были разбиты, но он чувствовал их страх так отчетливо, как и страх неоднократно отбитых орков.

Всадники на грифонах кружили над головой, безостановочно стреляя, но их стрелы, казалось, волновали демона не больше, чем те, что посылал в него отряд Гаэдинна. Чессентцы держались на расстоянии, не желая вступать в бой с существом, которое разрывало и сжигало наёмников. Один копейщик крикнул:

- Джесри! Джесри! - В ужасе он забыл, что главного мага Братства здесь нет.

Но Оракс был, и он должен был что-то сделать. Одной рукой он начал творить заклинание, а другой наносить рубящие удары по воздуху своим ножом.

Дюжина парящих кинжалов материализовалась в воздухе вокруг демона. Они тоже кололи и резали, повторяя движения Оракса.

Демон зарычал и бросился вперед, отталкивая копыеносцев с пути и пробиваясь сквозь наёмников. Внезапно, между ним и Ораксом никого не оказалось.

Демон ударил мага. Оракс отпрыгнул и подумал, что избежал атаки, но тут почувствовал жар на животе и посмотрел вниз.

На его теле были две кровавых ссадины, но по-настоящему тревожным было то, что его порванная рубашка и куртка загорелись.

Маг упал и покотился. Но он не мог потушить огонь и защищать себя от демона одновременно. Гигант потянулся к нему ...

Кобольды бросились на демона слева и нанесли удары по ногам короткими, тяжелыми, похожими на тесаки лезвиями. Некоторые даже забирались на его ноги, чтобы нанести удар по более высоким частям тела. Его ореол пламени не остановил их, и когда маг вскочил на ноги, то понял причину этого. Они были уже мертвы и неспособны испытывать боль, страх или инстинкт самосохранения. Они не прекращали попытки выполнить команды своего реаниматора, пока не сгорели дотла.

Тем временем Мералейн пела. Слова звучали мягко и уныло, будто змея, ползущая по крышке гроба, но, как ни странно, именно это пение Оракс уловил посреди бушующей битвы. На последнем слогe она сломала кусок кости пополам.

Ореол пламени гиганта сжался, и Оракс впервые смог ясно увидеть нечеловеческий скелет в центре пламени. Затем существо рухнуло в кучу, и среди наваленных костей лишь изредка проявлялись маленькие танцующие огоньки.

Мералейн улыбнулась Ораксу.

- Это был иммолит, - сказала она. - Демон-нежить. Так что я знал, как...

Позади нее снова вспыхнул огонь иммолита. Поднявшись на колени, он потянулся к ней. Она повернулась, увидела огромную горящую руку прямо перед своим лицом и застыла.

Оракс выкрикнул слово силы и сжал руки вместе, как будто лепил снежок. После чего выпустил воображаемый снаряд. Он стал реальным уже в полете и поразил череп иммолита потоком холода и пара.

Мгновение спустя черная стрела вонзилась в череп демона сбоку.

Иммолит рухнул во второй раз. Пытаясь отдышаться, нормализовать сердцебиение и игнорировать боль от ран на торсе и волдырей на руках, Оракс некоторое время смотрел на кучу костей, которая так и не подала виду, будто собирается вновь ожить.

- Это был последний раз, - сказал Гаэдинн, подходя ближе. Оракс предположил, что наёмник сразил гиганта одной из тех стрел, что принёс с собой из Шадоуфэлла. – Сожалею, - сказал он, посмотрев на грудь Оракса, но тут же добавил:

- Хотя выглядит это не так уж и плохо.

Дома этот пренебрежительный комментарий мог рассердить Оракса. Здесь... ну, он должен был признать, что другие пострадали сильнее. Намного сильнее.

- Ничего страшного. Мы побеждаем?

- Еще нет, - сказал лучник. - Может быть... а, неважно, - он повернулся к копьеносцам, которые еще недавно разбегались от иммолита, а теперь стояли вокруг кучки его останков. - Копья! Что, Абисс вас подери, с вами не так? Стройся!

* * * * *

Как только Аот спустился в секретную часть подвала, у него не было никаких сомнений в том, что Хранители Змей знали о нём. Здесь не было сокровищницы из фресок, картин и статуй, которую организовала Халонья наверху, но были аккуратно нарисованные на стенах пятиугольные эмблемы, изображающие пять драконьих голов с изогнутыми шеями, растущих из одной точки. На стеллажах тесной оружейной стояли боевые кирки, зачарованные губительной магией, от которой голова наёмника непрерывно гудела. Повсюду стояли канделябры с пятью свечами красного, зеленого, синего, темно-черного и призрачно-белого цветов.

К счастью, он еще не столкнулся ни с одним из Хранителей Змей. Аот полагал, что им, как и всем остальным, нужен сон, и они предпочли бы спать в теплой, правильно обставленной спальне, а ни в голом подвале, каким бы освященным он ни был.

- Кто-нибудь да точно будет, - сказал Джет. – Будь бдительным.

Аот прошел мимо комнаты-хранилища с приоткрытой прочной железной дверью и задумался - сколько в ней хранилось богатств, прежде чем бывший домовладелец очистил ее. Затем последовала камера пыток, по тэйским стандартам оборудованная весьма скудно - только колодки в центре и несколько кнутов, клешней, тиски и груша,

висящая на крючках на задней стене, но даже такой инструментарий мог погрузить жертву в агонию. Тут и там были сухие коричневые пятна, но даже с магическим зрением было сложно сказать. Сколько им лет. Аот нахмурился и ускорил шаг.

Но вряд ли ему стоило беспокоиться, потому что искомая камера была всего в нескольких шагах впереди. Руки и лодыжки пленницы были связаны грубой веревкой, сплетенной из разноцветных волокон. Женщина с золотыми волосами лежала на боку на каменном полу за железными прутьями.

- Цера! - сказал Аот, понизив голос. - Цера!

Она открыла глаза и посмотрела на него.

- Аот? - прохрипела она. Женщина казалась, скорее, ошеломленной, нежели обрадованной, как будто ее похитители дали ей наркотики или издевались на разумом.

- Да. Подожди. - Он попытался открыть дверь, но та была заперта, а ключа нигде не было видно.

Он обнажил свой короткий меч. Среди прочего, внутри него была запечатана магия, позволяющая владельцу наносить удары или резать с невероятной силой. Он вставил лезвие между дверью и рамой, прямо над замком, а затем дернул, выпустив часть магии меча. Решетка открылась.

Наёмник поспешил в клетку и опустил перед пленницей на колени. Вблизи от нее пахло кровью, потом и прочим нечистотами.

- Ты сильно ранена? - Спросил он.

Она покачала головой.

- Веревка...я не могу думать...

Аот положил меч, вытащил кинжал и разрезал путы, которые держали ее руки за спиной. Они были крепкими и пытались ускользнуть от лезвия, будто змеи, но он продолжал резать их. В конце концов, порвалась одна веревка. Затем другая.

- Я... - начала она. - Я видела... здесь внизу зверь! Дрейк! Священник-хозяин время от времени проходит мимо. Монстр смотрел на меня так, будто хотел меня съесть. - Аот дернул ножом, и Цера ахнула.

- Это они тебя схватили? - Спросил Аот.

- Я думаю... потяни на меня. Думаю да.

Аот почувствовал, как его челюсти сжались.

Последняя петля веревки, сдерживающая ее запястья, разошлась. Он переместился, чтобы освободить ее лодыжки.

- Сможешь вылечить себя? А идти или, если будет нужно, побежать?

- Думаю, да.

Последняя петля разошлась, и он стянул извивающиеся куски веревки с ее ног. Она закрыла глаза, глубоко вздохнула и пробормотала молитву. Теплый золотистый отблеск вытеснил холодный и темный полумрак подвала.

А в коридоре что-то зарычало.

Может быть, дрейк был достаточно близко, чтобы увидеть волшебный солнечный свет, а может, он уловил запах Аота. Это не имело большого значения. В любом случае, он и его хозяин приближались.

* * * * *

Хасос ходил по стенам, время от времени ободряя словами лучников и арбалетчиков и поглядывал на битву. Пятна света периодически вспыхивали и растворялись во тьме, что было явным свидетельством того, что маги пытались осветить вражеский строй и скрыть союзников. Запас стрел всадников на грифонах истощился, и она нападали на трескельцев, как совы на мышей. Пехотинцы с обеих сторон штабелями валились на землю. Всадники кружили вокруг поля боя, пытаясь сманеврировать и ударить врагу во фланг или тыл. Оживленный каким-то колдовством, требушет продвигался вперед маленькими утомительными шажками. Метательное плечо хлестало по земле, подобно хвосту скорпиона, сбивая людей, орков и кобольдов с ног.

Хасос повернулся к следовавшему за ним помощнику.

- Что вы думаете?

Мужчина покачал головой.

- Я не знаю, милорд. Исход непредсказуем.

- *Бесполезный!* - Подумал Хасос, хотя знал, что это несправедливо. Ассистент не должен быть проницательнее, чем его командир, а сам Хасос так же не мог вынести уверенного вердикта касательно битвы и её исхода.

Но именно из-за того, что он был командиром, он обязан был сделать это.

Он мог придумать веские причины для бездействия. Герой Войны поставил во главе армии Аота Фезима, а не Гаэдинна Улреаса. Возможно, лучник не имел полномочий приказывать Хасосу делать что-либо.

И если попытка прорвать осаду потерпит неудачу, а это, безусловно, случится без его поддержки, Братство Грифона будет обескровлено. Впоследствии Чазар лишит Аота его власти, потому что боевой маг переложил свои обязанности на другого в решающий момент. Кроме того, никто не позволил бы капитану только побежденной, разбитой роты вести оборону целого королевства ни при каких обстоятельствах.

Что принесёт пользу Сулабаксу, ибо как вообще может показаться разумным доверить защиту города поклоняющемуся дьяволам тэйскому колдуну? Во имя Жёлтого Солнца, когда исчезнут эти всадники на грифонах, еды будет намного больше – эти проклятые грифоны съедают все запасы мяса.

Но, к сожалению, это были не просто несчастные наемники-чужестранцы, обменивающиеся ударами копий и мечей с кобольдами и орками. Аот собрал лучшие чессентские войска из других мест вдоль границы, и они тоже умрут без поддержки Хасоса.

Как он мог называть себя настоящим дворянином Чессенты, если позволит этому случиться? Как он мог когда-либо снова без чувства стыда сидеть в кресле правителя Сулабакса, месте, которое он унаследовал от своего отца и считал полученным им по праву.

Он нахмурился.

- Пойдем к воротам.

Они прибыли как раз вовремя. Лица скривились от гнева, многие наемники стояли лицом к лицу с людьми Хасоса, которые заняли позицию, чтобы защитить лебедку, поднимающую ворота.

- Все в порядке! - крикнул Хасос. - Мы выдвигаемся! Приберегите свой гнев для врага!

Конюх привел коня лорда, и тот вскочил в седло. Пехотинцы и всадники возились, возвращаясь на позиции, которые они покинули, когда вспыхнула ссора.

Хасос кивнул паре людей, которым было поручено повернуть лебедку. Они сделали свое дело, и решетка взлетела вверх на цепях. Другие мужчины поспешили сдвинуть огромную перекладину, а затем распахнули ворота.

С колотящимся сердцем и пересохшим ртом, Хасос, размахивая мечом своих предков, прищепил своего коня и поскакал вперед, чтобы атаковать осаждающую армию с фланга, в то время как войска Гаэдинна изматывало ее с другого. Его люди неслись позади него и были подобно какому-то тропическому зверю.

* * * * *

Аот посмотрел на Церу. Некоторые синяки исчезли.

- Ты можешь бежать? – Спросил он.

Она покачала головой.

- Еще нет.

- Продолжай работать над этим.

Когда она начала новую молитву, он встал и бросился в коридор.

Дрейк выглядел как бескрылый красный дракон, передвигающийся на четвереньках. Он почти полностью заполнил коридор, из-за чего жрец за его спиной был едва виден.

Чуть замедлившись, дракон извергнул слизь. Аот увернулся. Слюна забрызгала пол и зашипела, издавая ужасный запах.

К сожалению, уклонение лишило Аота времени, необходимого для произнесения заклинания. В его мече не было никакой достаточно мощной магии дальнего боя, которая могла бы поразить дрейка. Сожалея об отсутствии копья, наёмник приготовился отразить атаку рептилии.

Плюющийся монстр прыгнул вперед, пытаясь раздавить своего врага. Каким-то образом, хотя для этого почти не было места, наёмник отступил в сторону и, выпустив еще немного силы из своего меча, нанёс удар.

Он промазал по шее дрейка, но пронзил его плечо. Клинок вошел глубоко, а затем, когда зверь рванулся вперед, вырвался назад на свободу в сопровождении фонтана крови. Пульс желтого света Церы, озолотил малиновую чешую дрейка, вставшего на задние лапы и начавшего кружиться в тесном коридоре. Встав на три конечности и прижав увеченную к груди, монстр сделал выпад.

Аот высвободил последние запасы магии, хранящейся в мече, а затем услышал, как за его спиной запел Хранитель Змей. Поток воющего холодного ветра ударил ему в спину, отбросив наёмника вперед. Потеряв равновесие и промерзнув до костей, он все еще пытался ударить наступающего дрейка, но тот извернулся, челюстями схватив руку с мечом и ударив наёмника головой в грудь.

Только кольчуга из чистого серебра, которую Аот надел под верхнюю одежду, спасла его от потери конечности. Как бы то ни было, дрейк повалил его на пол.

Давление челюстей было столь же тяжелым, сколь и мучительным. Кольчуга не сможет сдерживать острые клыки долго.

Монстр дергал головой взад-вперед. Аот попытался схватить меч свободной рукой, но никак не мог дотянуться. Он призвал стрелы из синего света, вонзившиеся в спину дрейка. Тот зарычал, но на этом все.

Голос Церы стал слышен отчетливее. Луч ослепительного света вырвался из ее камеры и ударил в голову и шею дрейка, сжигая красные чешуи, превращая их в черные, и выжигая желтый глаз узким зрачком.

Наконец, отпрянув, рептилия отпустила Аота. Дрейк обернулся в сторону Церы и, судя по всему, собирался плюнуть в неё кислотой. Наёмник с трудом поднялся на ноги, бросился на рептилию и нанес удар. К сожалению, у оружия больше не было дополнительной силы, но наёмник взревел, вложив в удар каждую каплю своей силы и веса.

Меч вошёл в шею рептилии с одной стороны и вышел с другой. Зверь взмахнул ногой или хвостом, оттолкнув Аота. Когда он восстановил равновесие, дрейк уже рухнул, судорожно дергаясь и истекая.

Он повернулся к Хранителю Змей. Священник бежал назад и уже достиг перекрестка коридоров. Он исчез за углом прежде, чем Аот успел бросить еще больше сияющих дротиков, не говоря уже о том, чтобы произнести хоть какое-то заклинание. Он прорычал несколько непристойных оскорблений.

Что не улучшило ситуацию. Аот повернулся к Цере, когда она, хромая, вышла из камеры.

- Надеюсь, ублюдок не узнал меня... - Начал он.

Цера криво улыбнулся и провел пальцем по его голому, вспотевшему виску. Это продемонстрировало, что в какой-то момент битвы его капюшон откинулся назад, давая Хранителю Змей ясную картину – лысую голову, татуировки, сияющие глаза и все остальное.

Он хмыкнул.

- Точно. Он узнал меня. Итак, теперь ты можешь бежать?

- Я думаю, что смогу, по крайней мере, достаточно быстро прихрамывать, чтобы добраться до лестницы, прежде чем наш друг соберет всех Хранителей Змей в храме.

- Каким бы удовольствием ни было прорубить нам путь сквозь всё их гнездо, мы не пойдем туда. По крайней мере, я надеюсь, что нет.

- Как тогда будем выбираться?

- Часто бывает, что если богатый человек думает, что ему нужна секретная секция в своем доме, он также думает, что ему нужен секретный вход и выход из этого дома. Если он здесь внизу, мне не составит труда его заметить. Давай смотреть.

Когда он увидел, как ей трудно не отставать, он обнял ее и чуть ли не понёс за собой. Затем эхом раздавались голоса. За ними шли Хранители Змей.

Казалось, они двигались осторожно, но оставалось всего несколько мгновений, прежде чем один из них заметит свою жертву. Аот уже почти решил, что пора развернуться и дать бой, когда он и Цера подошли к самой большой комнате, которую они до сих пор видели в этом особняке.

Хранители Змей превратили её в святыню своего секретного храма с большой лакированной статуей их Богини-дракона с наполовину расправленными крыльями

и сверкающими во все стороны клиновидными головами, которую они, каким-то образом, смогли незаметно доставить сюда. Внимание Аота привлекли крошечные трещинки, образующие прямоугольник на задней стене.

В спешке он чуть не потащил Церу через комнату, и она задохнулась от боли.

- Извини. - Сказал он, внимательно изучая потайную дверь.

Он нашел защелку и нажал на нее. После чего панель открылась прямо по щелочкам. На самом деле она была деревянной, с облицовкой из камня, чтобы выглядеть как остальная часть стены. С другой стороны панели был туннель. Аот и Цера поспешили внутрь, и наёмник закрыл дверь.

- Ты понимаешь, - прошептала она, - что я ничего не вижу?

- Я знаю, - ответил он. - Я проведу тебя.

Переход был коротким – очень скоро они достигли конца коридора и лестницы, ведущей наверх. Когда он осторожно приоткрыл дверь наверху, то обнаружил, что выглядывает в сапожную мастерскую, с пахнущим кожей воздухом. В этот поздний час в доме было темно. Хозяин, вероятно, спал наверху.

Он провел Церу внутрь. Сквозь промасленные бумажные окна просачивалось немного света, которого было достаточно, чтобы обычные глаза могли различить обстановку вокруг. Наконец, Цера выдохнула:

- Мы это сделали.

Аот фыркнул:

- Еще нет. Я полагаю, что Хранители Змей побегут к Халонье, а она - к Чазару. Но, может, мы успеем к нему первыми.

ГЛАВА ПЯТАЯ

5 Кефорн, Год Извечного (1479 по ЛД)

Некоторым всадникам и всадникам на грифонах еще предстояло поработать. Им пришлось преследовать вражеских воинов, сбежавших с поля боя. Оракс не мог представить – откуда они взяли на это энергию. Он чувствовал себя совершенно измотанным, и хотя его собственный вклад в победу был внесен благодаря постоянной мысленной концентрации, он, по крайней мере, не носил тяжёлых и давящих доспехов, и ему не нужно было размахивать обычным оружием вновь и вновь.

Он покинул Сулабакс вместе с Гаэдинном, на спине его грифона, а поскольку лучник сейчас был занят в другом месте, магу пришлось найти в себе силы, чтобы самому вернуться в город. Он прошел через ворота, а затем плюхнулся на землю, прислонившись спиной к стене. Перед ним проходил непрерывный поток солдат - их странная смесь удовлетворения и усталости соответствовала его собственной. Этот поток не прерывался, даже несмотря на то, что Оракс пару раз засыпал на пару мгновений.

- Наемники, которые присматривали за мной, сказали, что я должна остаться и грабить тела вместе с ними. - Сказал голос сопрано.

Пораженный Оракс резко повернул голову. Перед ним стояла Мералейн.

- Но я слишком устала. - Продолжила она.

Он ухмыльнулся.

- Да и кроме того, грабить друзей - неправильно.

Она на мгновение посмотрела на него, а затем сказала:

- Ни один зомби никогда не бросал в меня камней за зеленую отметку на руке. Есть друзья и похуже мертвецов.

- Я думаю, что если ты найдёшь себе живых, то это тоже будет неплохо.

Она вздохнула.

- Я думала, что совместная борьба с иммолитом поможет нам стать друзьями. А может и нет. Это потому, что ты думаешь, будто я хочу стать лидером магов?

Он нахмурился.

- А это не так? Ты чуть ли не целовала ботинки Гаэдинну.

- Ничего подобного! – заколебалась она. - Но это выглядело так, то, вероятно, это было только потому, что он и другие наёмники ведут себя так, будто они не ненавидят магов. Зачем мне рваться к командованию всего тремя людьми? Особенно зная, насколько эти трое противные. Да еще и учитывая то, что эта колдунья Джесри заберет себе эти обязанности сразу же, как только вернется из столицы.

Удивившись, Оракс засмеялся.

- Когда ты озвучила, то это действительно кажется глупым. Я просто ...

- Никогда прежде ни за что не отвечал?

- Не знаю. Может быть.

Она села рядом с ним.

- Тебе следует заняться некромантией. Тогда у тебя всегда будет под рукой пара мертвецов, чтобы попрактиковаться.

* * * * *

Чазар поцеловал тело леди Иместры. Как и у многих чессентцев, у нее было тугое спортивное телосложение, а ее молочная кожа была гладкой, как шелк. Она была женой одного из главных лордов города, и это делало ее еще более желанной. Так было всегда, и, очевидно, век изгнания не изменил его пристрастий.

Сначала от восторга она корчилась и выгибала спину. Он не заметил, когда это изменилось. В конце концов, он понял, что она начала кричать и сопротивляться, запутывая пальцы в его волосах и напрягаясь в тщетной попытке оторвать от себя его голову.

Когда он поднял взгляд, то увидел покрасневшую, покрытую волдырями кожу. Огненное дыхание дракона, должно быть, раскалило его язык и губы.

Когда он спаривался форме дракона с другим драконом, то намеренно ласкал своего партнера маленькими языками пламени. Он задавался вопросом - не совершил ли он досадную ошибку из-за захватившей его сознание страсти.

Но эта вероятность беспокоила его лишь мгновение, а затем он понял правду. Он был Богом, и его божественная природа защищала его. Иместра не могла вынести его прикосновения, потому что была неверной.

- Предатель, - сказал он. - Предательская сука. - Он вскочил, схватил ее за руку и стащил с широкой кровати с балдахином на блестящий мраморный пол.

- Ваше Величество! – Взмолилась она.

- Я знаю, как бороться с предателями. - Он потащил ее по полу к стулу, на который бросил свою одежду и кинжал, спрятанный в её складках.

Затем кто-то постучал в дверь комнаты.

- Ваше Величество! - позвал стражник, стоящий снаружи. - Все в порядке?

- В каком-то смысле! - прорычал Чазар. - Моя охрана явно слишком глупа, раз не может держать изменников подальше от меня. Но, к счастью, божество может защитить себя!

Стражник заколебался, а затем сказал:

- Здесь много людей ждут встречи с вами, Ваше Величество. Хотя уже поздно, и мы сказали им, что вы приказали не беспокоить. Тут леди Халонья, лорды Даэльрик и Никос, капитан наемников...

- Вы имеете в виду Фезима?

- Да.

Даже с пронизательностью божества, Чазар не мог вообразить, что произошло, раз все они пришли к нему в одно и то же время, но было очевидным, что ему нужно это выяснить. Он хотел было позвать охрану, но заколебался.

Вина Иместры доказана, это безусловно, но поймут ли это простые смертные? Более традиционные доказательства могли бы упростить ему жизнь.

Он оставил ее распластанной и рыдающей, взял кинжал, вытащил его из ножен и швырнул, чтобы он лягнул рядом с ней, после чего велел часовому войти.

- Арестуйте ее, - сказал Чазар. - Остерегайтесь ножа, который она пронесла.

- Да, Ваше Величество. - Сказал стражник.

- Арестуйте и ее сутенер мужа. Куда вы отправили всех этих гостей, чьи проблемы не могут подождать до утра.

- В Зелёный Зал, Ваша Светлость.

- Понятно.

Чазар на мгновение подумал, что ему следует подобающе одеться, но потом решил, что час поздний, а собрание не запланированное, так что и так сойдет. Он натянул малиновую рубашку и направился к двери. Позади него рыдала Иместра.

Когда он выходил из королевских покоев, вокруг него сформировался эскорт, и все они вместе вошли в Зеленый Зал. Стены украшали гобелены, изображающие морские победы Чессенты. Море на тканых картинах было того цвета, которого можно было ожидать исходя из названия помещения. То же самое было с плиткой на полу и обивкой кресла на помосте, украшенного резьбой.

Когда Чазар сел, он оглядел хмурых людей, ожидающих его аудиенции. Они стояли в трех кучках.

Справа от него стояла Халонья – бедной девочке пора перестать игнорировать своих парикмахеров, ювелиров и костюмеров. Рядом с ней стояла пара ее священников и пухлый Лютен с лысеющей головой и бородкой.

Посередине, как будто разделяя две другие группы, сидели кислая, мужеподобная Шала Каранок и один из ее секретарей.

А слева стояли Джесри, Никос, Даэльрик, Аот и жрица солнца, которую наёмник привел с собой на торжественное возвращение Чазара - Цера. Все её тело было покрыто синяками и ссадинами, а солнечно-желтое одеяние было порвано и испачкано.

Эта картина казалась немного зловещей, но что больше всего беспокоило Чазара, так это то, что он видел двух единственных смертных, которым он полностью доверял, стоящих друг напротив друга. Халонья была пророком, который наиболее ясно осознавал божественность Чазара, в то время как Джесри был его удачей, посланцем судьбы, который помог ему сбежать от нескончаемых пыток Шадоуфэлла. Даже намек на то, что у них могут быть разногласия, был... тревожным.

Он позволил мужчинам поклониться, а женщинам сделать реверанс, после чего показал всем, что он принимает их знаки уважения и спросил:

- Итак, в чем дело?

Сразу несколько человек начали быстро говорить.

- Стоп! - Чазар сердито посмотрел на Шалу. - Маршал, в чем дело?

- Капитан Фезим и Цера Иуртос прибыли первыми, - сказала Шала. - Некоторое время назад. Они утверждают, что после того, как она проникла в ваш временный храм в поисках доказательств измены, Повелительница Солнца удерживалась против ее воли в секретной темнице. Они также утверждают, что священники пытались убить их обоих, когда Фезим вошел в здание, чтобы освободить ее.

- Это нонсенс! - завизжала Халонья. - Мне донесли, что Цера Иуртос была ненадолго задержана после того, как попыталась шпионить. А затем вмешался и тэйец. Вместе они напали на двух святых слуг Вашего Величества и убили священного зверя.

- Несколько дней это не "ненадолго", - сказал Аот. - И кто дал право вашей банде заключать в клетку кого угодно и насколько угодно? Если им показалось, что Цера совершила преступление, то почему не вызвали городскую стражу?

- Церковь Чазара - орудие его священной воли, - ответила Халонья. - Все, что мы делаем - законно и правильно по определению.

- Воистину. - Сказал Лютен.

- Если бы вы действительно направляли лишь церковь Чазара, то этот аргумент мог бы быть весомым, но Цера и я нашли доказательства того, что некоторые из людей, которые служат вам, на самом деле являются жрецами Тиамат.

Чазар фыркнул.

- Это то, о чем идет речь? Я и так знаю это.

Аот уставился на правителя.

- Вы знали?

- Почему бы им не служить мне, когда я - чемпион Тёмной Госпожи, а она моя прародительница и невеста? Я - она, а она - это я.

Аот вздохнул.

- Ваше Величество, я уверен, вы понимаете, что говорите о тайнах, недоступных пониманию смертных. Но вот что доступно моему пониманию, так это то, что Хранители Змей послали абишай, замаскированных под драконорожденных, чтобы

убить меня в Сулабаксе. Есть все основания полагать, что они использовали ту же уловку, чтобы совершить убийства Зеленой Руки здесь, в Лутчеке. Когда они были в Мурктаре, они захватили Джесри и Гаэдинна и заключили и в Джаксанаедегор. Они враги Чессенты, а значит, и ваши враги.

- Это способ Хранителей Змей, - сказал Чазар, - закрепляться за каким-нибудь драконом. Те, кто совершил преступления против Чессенты, явно служат Аласклербанбастосу или его помощникам. Те, кто присягнули мне, являются другой группой.

- Тогда почему они держали меня в плену несколько дней, никому об этом не сказав? - спросила Цера. - Почему они пытали меня, чтобы узнать, что я знаю об их планах? Зачем, если им нечего скрывать?

- Откровенно говоря, миледи, - вмешался Лютен, - если они подержали вас какое-то время взаперти и немного вывернули вам руку, это прискорбно. Но вы не получили больше, чем заслужили за своё деяние. Предполагаю, что вы пошли на это деяние без ведома вашего патриарха. - Он вопросительно посмотрел на Даэльрика.

Крепко сложенный и румяный, в желтом облачении, украшенном янтарем и топазом, Повелитель Солнца глубоко вздохнул и выдохнул.

- Я ничего не знал об этом и, будьте уверены, я накажу ее. Но я также должен сказать, что личность жрицы Амаунатора священна, и я возмущен подобным обращением с ней.

Халонья фыркнула:

- Никого не волнует твоё возмущение.

- Вы хоть знали, что многие из ваших новых священников на самом деле Хранители Змей? - спросил Даэльрик. - Вы вообще знали, что они держали в плену Повелительницу Солнца? Я думаю, что нет. И в этом я уверен так же ясно, как и в том, что вы не сможете повернуть и простейший трюк с использованием божественной силы, чтобы хоть как-то подкрепить свои претензии на свою же святость.

- Я провозгласил ее своим пророком и жрицей! - рявкнул Чазар. - Вы сомневаетесь и в моих претензиях на мою же святость?

Розовое лицо Даэльрика побелело.

- Нет, Ваше Величество, конечно, нет. Просто... Леди Халонья – пророк, но в то же время, она – невинная. Возможно, именно это качество позволяет ей видеть то, чего не видят другие. Тем не менее, назначать ее лидером вашей церкви и, тем самым, по сути, вводить её в круг правительства Чессенты, не выгодно никому, в том числе и ей самой.

- Требую извинений, - отрезал Чазар. - На коленях.

- Даэльрик сглотнул.

- Да, Ваше Величество. - Сказал он, и начал опускаться на колени перед престолом.

- Не мне, - сказал Чазар. - Ей.

Патриарх дрогнул.

- Сделай это, - сказал Чазар. - Или я превращу тебя в нечто настолько жалкое, что последняя безграмотная нищенка будет казаться тебе учёной королевой.

Даэльрик напряженно преклонил колени перед Халоньей.

- Прошу прощения, - сказал он, - за то, что сомневаюсь в вашей пригодности служения нашему повелителю.

Халонья хлестнула его по лицу тыльной стороной ладони. Большие перстни с красными камнями, которые она носила на каждом пальце, порвали кожу на лице патриарха, и Чазар почувствовал медный привкус капель крови.

- Теперь я прощаю тебя. - Сказала она сладким, как мед, тоном.

Это было забавно, и Чазар смеялся, пока не осознал, что кроме Халоньи, никто не смеялся и даже не ухмылялся вместе с ним. Этим людям не нравилась перспектива божественности, поэтому он предположил, что они могли не подметить комичность ситуации. Тем не менее, их неспособность присоединиться к нему все же раздражала его.

Что ж, если они хотели, чтобы их повелитель был серьезным, пусть будет так. Оставалось еще вынести приговор.

- Капитан Фезим, - начал он, - нам предстоит ответить на еще один важный вопрос. Что вы вообще делаете в Лутчеке?

- Я вернулся, чтобы убедить вас выдвинуться к границе как можно скорее. - Сказал боевой маг.

Чазар заметил, что, в отличие от многих других смертных, Аоту не составляло труда смотреть ему в глаза. Часть его уважала наёмника за это, но другая задавалась вопросом – не было ли это проявлением неуважения.

- Я уже сказал вам, что прибуду, когда это будет необходимо.

- Ваше Величество, сейчас ваше присутствие необходимо. Драколич использует все свои силы, в том числе свой Круг драконов. Нам, наездникам на грифонах, удалось убить одного в небе над Сулабаксом, но мы не сможем справиться со всеми. Только не без поддержки вас и сил, которые смогут снять осаду.

- Ваше Величество, мы рассматриваем вопрос не под тем углом, - сказал Лютен. – Тэйец ежу получил от вас ответ, а здесь он исключительно ради поисков пропавшего сообщника.

Никос, как и Даэльрик до него, не горел желанием защищать действия своего протеже, но, очевидно, еще меньше он хотел позволять высказыванию соперника остаться не оспоренным.

- Ваше Величество, кто такой лорд Лютен, чтобы он мог критиковать решения, принятые таким опытным солдатом, как капитан Фезим?

Лютен усмехнулся.

- Определённый опыт у него есть, это уж точно. Или, точнее сказать – известность. Разрыв контракта с Советом симбархов Агларонда, самоубийственная экспедиция вместе с зулькирами в Тэй и поражение кучке обезумевших демонопоклонников в Импилтуре. Когда Шала Каранок была Героем Войны, я предупреждал ее, чтобы она не доверяла такому человеку и не полагалась на мнение его нанимателя. К сожалению, она проигнорировала меня, но, возможно, Ваше Величество будет чуточку осторожнее, прислушавшись к моим словам.

- Да, - сказал Чазар, - хотя бы потому, что я не люблю, когда люди делают что-то за моей спиной, - он пристально посмотрел на Церу. – Ваше наказание я оставляю на усмотрение патриарха Даэльрика. Я уверен, что оно будет тяжелым, потому что из-за

этого происшествия я требую, чтобы Церковь Амаунатора жертвовала десятую часть своих доходов на строительство моего храма.

- Да, Ваше Величество. – Сказал Даэльрик, протерев лицо окровавленным платком.

Чазар посмотрел на Никоса.

- Ошибочный выбор – меньшее нарушение, чем святотатство, но, все же, преступление. Вы будете жертвовать одну двадцатую часть своих доходов на нужды строительства моего храма.

- Да, Ваше Величество. – Ответил Никос.

Чазар сердито посмотрел на Аота.

- Что же делать с вами?

Боевой маг без труда противостоял взгляду дракона.

- Если вы мудры, то ничего. Цера вмешалась в дела Хранителей Змей лишь потому, что думала, что Амаунатор хочет блага Чессенте. Может, она была права, а может, и нет. Но тогда я был заблужден, когда пытался спасти её. В любом случае, все произошедшее меркнет, по сравнению с судьбой всего королевства, и именно Братство грифона может спасти его.

- Вы забываете, что я много раз воевал с наемниками. Я знаю, что вами движет. Ваши люди с радостью будут сражаться под командованием нового командира, если будет заплачена соответствующая сумма.

- И перед тем, как вы сделаете том, от чего нельзя будет отказаться, я бы доказал правдивость этой точки зрения.

Чазар понял, что Аот Фезим хорошо послужит ему, но казалось, что смертный будто бросает ему, Богу, вызов, и внезапно это богохульство показалось Чазару куда более важным, чем любой другой мирской вопрос. Дракон вздохнул, что бы приказать арестовать тэйца.

Но тут Джесри прочистила горло. Это немного удивило Чазара. Обычно она неуютно чувствовала себя в толпе, и, несмотря на все те украшения, которыми Чазар украсил волшебницу, он уже и забыл про её присутствие.

Его гнев немного охладился, и он сказал:

- Миледи? Вы хотите что-то добавить?

- Я хочу попросить о помиловании, - она махнула своей смуглой рукой в сторону Аота и его сторонников. – Для всех них.

- Вы уверены? - спросил Чазар. – Мне думается, что пока капитан Фезим будет заключен в темницу и сможет подумать о своей наглости и святотатстве, вы могли бы возглавить Братство Грифона.

- Это очень мило с вашей стороны, - сказала волшебница, - но я не хочу быть военачальником. Даже если бы я и хотела, то ни за что не отняла бы у Аота то, что принадлежит ему по праву. Однажды он спас меня похожим образом... Я хочу сказать, что в глубине души знаю, что Аот и Цера действовали исключительно исходя из чувств патриотизма.

- Они осквернили ваше святилище! - зарычала Халонья. - Они должны поплатиться за это!

- Нет, если Его Величество проявит к ним милосердие. - Сказала Джесри.

- Ведьма! - выкрикнула Халонья. – Шлюха тэйского колдуна! Конечно, откуда тебе знать что-то о святости.

Джесри глубоко вздохнула, словно подавляя импульс ответить Халонье с той же язвительностью. Затем она сказала:

- Ваше Величество, вы были более чем щедры ко мне, и я благодарна вам. Но, в отличие от леди Халоньи, я никогда ни о чем не просила вас...

- Ложь! - воскликнула Халонья. С ее губ полетели слюни. – Ты попросила равных прав для ублюдков с зелеными руками!

- Я хотела сказать, - сказала Джесри сквозь стиснутые зубы, - что я никогда ничего не просила *для себя*. Сейчас прошу. Если то, что произошло в Шадоуфэлле, что-то значит для вас, простите этих людей. Аот и Цера виноваты лишь в чрезмерном усердии в службе вам. Какой смысл наказывать за преданность?

Чазар оценил решительность Джесри по сжатой челюсти и блеску в глазах, а затем ярость и отвращение, выраженной в позе застывшей Халоньи. Он понял, что просто хочет, чтобы все это закончилось. Джесри была права. Да что они вообще тут обсуждают?

Затем он ухмыльнулся. На самом деле в этом было что-то забавное. Будь Цера поумней, она бы раскрыла секрет. Собственно, секретом он является только для смертных.

- Хорошо, - сказал Чазар. - Я всех прощаю. - Он посмотрел на Джесри. – Я все еще ваш друг, но если я что-то и должен был вам, то долг оплачен. И никаких больше разговоров про Шадоуфэлл.

- Я понимаю. – Сказала волшебница.

Тем временем Халонья свирепо фыркнула. Что ж, один или два подарка должны ее успокоить. Несмотря на все свои недостатки в роли первосвященника и советника, Даэльрик был прав в одном. В чем-то она была по-детски невинной.

- На этом все, - сказал Чазар, сжимая подлокотники трона, собираясь подняться. - Мы еще можем немного поспать, прежде чем мой брат Амаунатор поднимет нас с наших кроватей.

К его изумлению, Аот сделал шаг вперед.

- Вообще-то, Ваше Величество, мне все еще нужен ваш ответ. Когда вы отправитесь на север?

По правде говоря, Чазар знал, что он должен отправиться на войну. Каждый день он напоминал себе по несколько раз, что он должен объявить о том, что собирается покинуть Лутчек. Но было так трудно отказаться от благ цивилизаций после десятилетий лишений. Да он и не стремился начать кампанию, которая вернет его в Трескель, а возможно даже и к Небесным Всадникам.

Он не боялся Аласклербанбастоса или любого другого врага, с которым мог сражаться мечом или клыками, но с невезением никто не мог бороться, но именно это и сгубило его в холмах. Именно там Синий Огонь искалечил его и швырнул в Шадоуфэлл, где Сселригот нашел и заключил в тюрьму поверженного Бога.

- Если Аот говорит, что дело срочное, - сказала Джесри, - то я вам гарантирую – так оно и есть.

И она будет с ним - его "удачи" в борьбе с невезением. Он вздохнул и сказал:

- Да будет так. Те из нас, кто умеет летать, отправятся завтра. Остальная армия выдвинется сразу же, как только сможет.

* * * * *

Это было похоже на ночь посвящения Баласара. Когда он стоял в тени прилавка на темном рыночном этаже, ветер доносил до его слуха смех и музыку трио мандолины, рога и ручных барабанов. Он был недостаточно близко, чтобы услышать лязг игральных костей, но его воображение помогло ему не только в этом, но и в ощущении обжигающего вкуса пряного ликера во рту.

Хотя, для последнего не обязательно было прибегать к воображению. Он открыл сумку на поясе. Достал серебряную флягу, открыл крышку и сделал глоток.

Возможно, Медраш не одобрил бы выпивку на важном задании. Но Баласар заработал немного денег и мог позволить себе чуть-чуть снять напряжение. Оказалось, что шпионаж был ему не по душе. Даже не столько сам шпионаж, сколько напряжение от постоянной игры в верного драконопоклонника и невозможностью узнать что-либо конкретное.

Он проник в ряды Платиновой Когорты полагая, что в этой организации есть что-то зловещее; что-то, что связывает её с остальными бедствиями, которые будто обрушились на страны вокруг моря Аламбер, но он все еще понятия не имел, в чем могло быть дело. Да это и не могло стать очевидным только лишь потому, что кто-то проник в ряды секты.

Это осознание оставило Баласара искать улики наощупь. Приходилось обращать внимание на вещи и события, которые казались не важными или бесполезными. Если говорить начистоту, то Баласар всегда сомневался в своём умении распознавать истинную суть событий. Откуда ему знать, что было необычным, если каждая молитва и каждый алтарь казался ему, взрослому и образованному драконорожденному, дикостью.

Но, в конце концов, он кое-что заметил. Это могло ничего не значить, но каких-то более значимых зацепок у него все равно не было, так что Баласар решил уделить этой побольше внимания.

Раян была одной из самых ревностных новообращенных Налы и сильно поднаторела в таинствах. Она раскачивалась из стороны в сторону так же, как наставники, приходила в ярость в каждом сражении и могла десятки раз извергнуть молнию, прежде чем её сила иссякала. Но что важнее - она отказалась от профессии стеклодува, чтобы служить культу на постоянной основе.

Так зачем же она до сих пор периодически ускользает на поля, окружающие Джерад Тимар, и наполняет тележку мелким белым песком?

Возможно, она просто накапливала запасы, и, когда война закончится, она сможет вернуться к своей профессии. Но надеясь на более ужасающее и сложное объяснение, Баласар проследил за одиноким неофитом до лавки с закрытыми ставнями.

Две фигуры вышли из мрака. Баласар не мог разглядеть их лица, но они тоже слегка подергивались, как самые преданные последователи Бахамута. Они огляделись, потом постучали в дверь магазина. Раян немедленно открыла её, и гости вошли внутрь.

Вероятно, нетерпение Баласара сыграло с ним злую шутку, но ему казалось, что прошла целая вечность, прежде чем случилось что-то еще. Копыта застучали по граниту, и Раян вывела осла из-за здания. Брезент покрывал песок в телеге, а парочка культивистов разошлась в разные стороны, будто охраняя что-то важное.

Баласар подождал, пока они уйдут немного вперед, и последовал за ними.

Он не удивился, когда они спустились в катакомбы или когда драконопоклонники выбрали путь в ту их часть, которая не патрулировалась стражей. Баласар лишь, что в итоге они выберут коридор, магические светильники в котором вообще не работают. Хотя, тогда они зажгут свой собственный свет.

Гулкое цоканье копыт осла в темноте казалось каким-то печальным и фантастичным. Откуда-то в лицо Баласару дул холодный сквозняк и почти неслышно стонал ему в ухо. Ему показалось. Будто какой-то призрак прошептал ему в ухо его же имя.

Со скрипом оси, телега скрылась за поворотом. Раян или один из ее спутников начал насвистывать три ноты.

Сигнал? Баласар начал красться еще осторожней, чем прежде. Он заглянул в разветвленный проход, где его зрение уловило какое-то движение, а именно – мерцание крыльев под потолком. Баласар хотел посмотреть наверх, но тут резко все вокруг провалилось во тьму. В то же мгновение пол под его ногами стал неровным. Он потерял равновесие и упал на острые края чего-то. Каменные ступени?

Прежде чем он смог осмотреться и выяснить это, что-то ударило его по затылку и шее. Рука схватила его за лицо, поцарапав бровь и кожу под глазом.

Баласар упал на спину, пытаясь придавить нападавшего своим телом. Он схватил и сжал что-то, что напоминало перепонку кожного крыла, и начал рвать его.

Что-то зашипело прямо у его уха. Внезапно его руки оказались пустыми. Атакующий просто исчез, а спина и плечи резко избавились от веса, который еще мгновение назад давил на них.

Снова шипение, затем еще одно, но уже где-то правее. Нападающий двигался. Баласар вскочил, выхватил свой палаш и нанес удар в том месте, где, как он решил, сейчас был его враг. Лезвие просвистело в воздухе.

Затем одна холодная слизистая рука схватила запястье руки с мечом и впилась когтями в кожу. Другая, состоящая из голых костей, измазанных жидкостью, схватила его за горло, и вонь гнили заполнила ноздри Баласара и заставила скрутиться его живот. Он понял, что его первый враг все это время шипел лишь для того, чтобы скрыть звук своих приближающихся союзников.

* * * * *

Чазар отпустил всех, кроме Халоньи и Джесри. Возможно, он надеялся уладить ссору между ними. В любом случае, Аоту придётся подождать беседы со своим лейтенантом.

Но ему было с кем поговорить. Когда они покинули Зеленый Зал, Никос пробормотал:

- Я стоял рядом с вами даже тогда, когда любимая жрица Чазара жаждала вашей крови.

- Я знаю, - ответил Аот. – Мы выдержали это вместе, и я буду стоять за вас так же, как вы стояли за меня.

- Думайте о том, что делаете, и убедитесь в правильности своих действий. - Никос резко кивнул, прощаясь. Сияющие самодовольством Лютен и священники Халоньи ушли в том же направлении. Вероятно, как и Никос, они направлялись к выходу из Коллегии Войны.

Все еще живя в крепости, хотя и в менее высоком положении, чем раньше, Шала Каранок, с целеустремленным взглядом и, несмотря на поздний час, пружинящей походкой, зашагала в другом направлении. Её секретарю приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отставать от неё. Аот предположил, что ей не терпелось отправиться на войну, и она собиралась немедленно начать приготовления.

Когда все ушли, ему оставалось наблюдать за концом беседы Церы и Даэльрика. Наконец, выглядевший таким же мрачным, как и Никос, патриарх попрощался с ней и ушёл вместе со своими подчиненными.

Аот криво улыбнулся Цере.

- Отругали как следует? – Спросил он.

Она криво улыбнулась ему.

- Полагаю, можно и так сказать.

- Ну, значит следующее наказание на подходе.

- Это то, почему ты спас меня? Хотели отшлёпать меня на пару?

Флирт и подшучивания были частью её обычного общения, но сейчас он видел, что женщине приходилось делать усилие над собой. Хранители Змей издевались над ней и пытали её. Она сказала, что исцеляющий свет Амаунатора излечил ее тело и разум, но ей все еще нужно было время, чтобы прийти в себя.

-Я спас тебя не ради *такой* награды, - сказал он. – Но позже, когда у меня не будет срочных дел, думаю, мы сможем обговорить это снова. Но я останусь с тобой до вечера, если хочешь. Я полагаю, мы сможем уговорить одного из слуг найти нам пустую спальню.

И на самом деле, она оказалась весьма красивой – комната была почти на последнем этаже замка, и из окна открывался прекрасный вид на город. Магический взгляд Аота мог различить даже черную полосу реки Аддер вдалеке за городом. Уснули они лежа на боках – спина Церы прижималась к груди Аота. Перед аудиенцией у Чазара она успела лишь слегка умыться, и её волосы все еще пахли потом. Но это его не беспокоило. Скорее даже, ему это нравилось, как и само присутствие Церы с ним на одной кровати.

- Я рада, что ты пришел за мной, - пробормотала она, - и сожалею, что Чазар рассердился на тебя из-за этого.

Аот хмыкнул.

- Благодаря Джесри все закончилось хорошо. И я знаю, что ты сделала лишь то, чего, по твоему мнению, хотел Амаунатор. Во имя Чёрного Пламени, ты мне чуть ли не прямым текстом сказала, что собираешься сделать. Я просто не хотел слышать. Или, может быть, я не понимал, что ты пойдёшь на этот безумный шаг.

- Не такой уж и безумный. Ты бы сделал то же самое на моем месте.

- Но я бы не знал, как успешно реализовать эту идею.

- Например так же, как когда ты пробрался в логово Хранителей Змей в Сулабаксе, кишащее абишам, и мне пришлось спасти тебя?

Он попытался сдержать смех, но ему это удалось лишь частично. Когда мужчина засмеялся, его грудь слегка стукнула Церу по голове.

- Там все было иначе.

- Ты знаешь, - сказала она, - что на самом деле нет. Я все еще должна это сделать. Даже Даэльрик... Его легче представить придворным священником, нежели патриархом. Но у него есть определенная связь с Амаунатором, иначе бы он не был патриархом его церкви в Чессенте. И как бы он ни был зол на меня за то, что из-за моих несогласованных действий вся Церковь чуть не попала под удар, он не приказал мне остановиться.

- Потому что ему нравится видеть, как кто-то ткнул пальцем в глаз Халонье.

- Нет. Или, по крайней мере, не только из-за этого. Он чувствует, что я действительно выполняю прямые указания нашего Бога.

- И я полагаю, ты все еще хочешь, чтобы я помог тебе.

Она заколебалась.

- Кажется, ты уже сказал, почему теперь ты согласишься.

- Ты права, но во имя Черного Пламени – мне постоянно затягивает в самую гущу интриг и тайн, как бы я ни старался держаться от них подальше. Возможно, мне стоит прыгнуть в самый эпицентр, разгадать их всех, и уже потом заботиться о благе всего Братства.

Она перевернулась и улыбнулась.

- Значит, ты собираешься помочь.

- В первую очередь, я собираюсь победить Трескель. Это все еще задача номер один. Но если у меня будет время, если представится шанс, и если ты пообещаешь больше не заниматься своими делами без моего одобрения, тогда да. Я помогу тебе.

И тогда она поцеловала его, как будто это весьма условное обещание уладило все проблемы.

* * * * *

Была техника, позволяющая сломать руку в запястье. Баласар давно выучил его и использовал бесчисленное количество раз против тех, кто справедливо считал, что слабее его в оружейной схватке, но ошибочно полагал, что может побороть драконорожденного, размеры которого были чуть меньше средних.

Хотя его и напугала атака внезапно появившегося врага, он использовал свой любимый приём. Он схватил врага за слабое место ладони, между большим и указательным пальцем. Хватка врага ослабла, и вот Баласар смог взмахнуть своим мечом, который тут же зацепился за что-то в темноте - по-видимому, за тело противника. Но уже через мгновение лезвие и рука драконорожденного прошли дальше по направлению удара.

Хватка, сжимающая горло Баласару и мешающая ему дышать, ослабла. Ему было не очень удобно использовать меч на таком коротком расстоянии, а особенно когда он не мог видеть. Но он продолжал втыкать свой меч во что-то мягкой, пока лезвие не звякнуло обо что-то твёрдое, что Баласар принял за кость.

Тем не менее, удушающая хватка не спадала, а вскоре другая рука, на костях которой все еще была плоть, оказалась на его шее. Хотя он был несколько обременен мечом, Баласар попытался вырваться из захвата, махая рукой взад-вперед. Не сработало.

Зная, что скоро его силы иссякнут, он подался вперед, ощутив зловоние невидимого врага, и ударил его рукоятью меча по голове.

Кость хрустнула. Когтистые лапы, сжимающие пальцы на его шее, опали. Баласар втянул воздух и услышал, как тело соперника упало на пол.

Крылатое существо зашипело, и драконорожденный каким-то образом почувствовал, что оно летит на него. Он выдохнул волну мороза в темноту. Существо завизжало, и, похоже, отклонилось с пути, потому что в Баласара не врезались ни когти, ни клыки.

Пока что нет, но он мог представить, как существо вот-вот вновь бросится на него. Или набросится кто-то еще. И никто бы не поставил и куска старой кожи на то, что у Баласара есть шансы на победу в драке вслепую.

Как же хорошо, что ему не придется этого делать.

Предвидя, что его расследование может привести его в катакомбы или просто в какое-нибудь темное место, он принес с собой источник света. Просто начавшаяся драка не дала ему шанса использовать его. Но сейчас, казалось, у него появилось время.

Он порвал сумку на поясе, вытащил кусок черного бархата, серебряное кольцо и вложил в него ткань. Серебристое сияние лунного камня осветило гробницу с саркофагами, установленными на низких пьедесталах. Видимо, что когда на него напали, то он упал на один из постаментов.

Разлагающиеся обитатели саркофагов наполовину приоткрыли тяжелые крышки своих хранилищ, когда некромантия или что похуже вернула их к жизни. Зомби, которого он изрезал и избил, растянулся на полу, снова мертвый. Остальные трое наступали на него. Самый маленький из них - труп драконорожденного ребенка, в ране на глазнице которого извивались черви, был уже в зоне досягаемости удара.

Зомби ударил Баласара по руке. Он попытался отдернуть её, но не успел. Удар выбил светящееся кольцо, которое со звоном упало на пол и покатилося.

Оно все еще освещало комнату, но крылатое существо налетело прямо на него. Баласар не сомневался, что его враг мог устранить источник света в гробнице так же легко, как драконорожденный создал его.

Даже если бы его не окружали трупы, он бы не успел добраться до кольца первым. Он перебросил меч в левую руку, а правой выхватил кинжал из сапога и бросил в крылатое существо.

Нож пронзил его, и оно тут же исчезло, будто лопнувший мыльный пузырь. Баласар до сих пор не мог точнее рассмотреть крылатое существо, чтобы определить – достаточно ли была серьезной рана, и вернутся ли монстр.

Но некогда было об этом волноваться. Мертвый ребенок, с порезанным животом, пахом и бедрами, приближался к Баласару. Его старшие товарищи тоже. Когтистая лапа летела прямо в лицо драконорожденного, и он отпрыгнул, чтобы увернуться от них. Он оказался на ступеньке, ведущей к саркофагу, и потерял равновесие.

Рыкнув, он пнул ребенка-зомби. Тот отшатнулся и упал на спину. К этому моменту трупы взрослых драконорожденных окружили Баласара, и ему невозможно было ударить одного. Не подставившись другому.

Так что он откинулся назад и перекатился через саркофаг, при этом поцарапав грудь. Воин приземлился на ноги, и теперь между ним и ходячими мертвецами образовался импровизированный вал. Они безуспешно пытались дотянуться до него когтистыми лапами, зато он без труда мог разрубить их мечом.

Он сконцентрировался на том, что был справа, отрезая от его головы склизкие куски. Тем временем зомби начали обходить саркофаг с двух сторон, чтобы снова окружить драконорожденного.

Он на того, которого уже успел порезать. Баласар ударил мечом по голове и расколол череп ожившего мертвеца, заставив того рухнуть на пол абсолютно мёртвым. По счастливой случайности, зомби ребенка стоял прямо за ним и был придавлен упавшим телом.

Баласар глубоко вонзил острие меча в изодранное червивое лицо маленького зомби, и тот перестал пытаться столкнуть с себя своего более крупного товарища. Драконорожденный повернулся. Как он и ожидал, оставшийся зомби был прямо у него за спиной. Он рубил и рубил, отрезая гнилые пальцы и части плоти, пока не заметил, что голова еле держится на сгнившей шее. Баласар со всей силы взмахнул мечом и одним ударом обезглавил зомби.

Он почувствовал укол ужаса, когда увидел, что это еще не конец. Но, по крайней мере, он облегчил себе задачу, ведь теперь зомби махал руками вслепую, и драконорожденный мог с лёгкостью уклоняться от его ударов, продолжая отрубать куски гнилой плоти. В конце концов, этот враг тоже упал и замер.

Задышавшись от учащенного сердцебиения, Баласар почувствовал боль от порезом. Развернувшись, он побрел через комнату, переступая тела и обходя куски гнилой плоти. Он поднял с пола серебряное кольцо и надел его на палец. Теперь никто не сможет лишить его света. Он повернулся и осмотрел помещение.

Крылатого существа все еще нигде не было видно. Хорошо. Баласар надеялся, что это существо занято долгой и мучительной смертью.

Проблема была в том, что он не видел выхода из склепа, а лишь овальную арку, которую кто-то замуровал, очевидно, после того, как все саркофаги были заполнены мертвецами.

Получится ли у него разбить кирпичную кладку без специальных инструментов? Не закончится ли воздух, пока он пытается? Одной этой мысли хватило, чтобы воздух, наполненный трупным зловонием, показался давящим.

Баласар отринул страх и сказал себе, что не умрет здесь. Он всегда знал, что его кончина будет либо славной, либо скандальной, а смерть в кирпичной коробке не была ни тем, ни тем.

Поэтому он, по итогу, пробил себе дорогу на волю, пусть и ценой хорошего меча. За аркой, проход в которой он пробил, лежал коридор с замурованными входами в другие склепы. На стене висел одно из характерных светильников, чье свечение угасло до слабого мерцания.

Он все еще не знал, где находится, но теперь все было в порядке. Если он просто заблудится, то обязательно найдет дорогу обратно на Рыночный этаж. Когда он

убирал кольцо в сумку, чтобы его свет не привлекал ненужного внимания, в его голове крутилось всего две мысли.

Во-первых, Баласар действительно нашел какую-то важную зацепку. Никто не оставляет ловушки на пустом месте. А во-вторых, ему нужно было избегать встреч со своими братьями по секте, пока магия не сотрет все следы порезов и синяков на его теле.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

5-9 Кефорн, Год Извечного (1479 по ЛД)

Чазар, Джесри, Аот, Цера и Шала осторожно приблизились к Сулабаксу. Что оказалось ненужным, потому что оранжевый свет заходящего солнца показал, что осаждающая город армия отступила. Ничего не осталось, кроме сожженных и опрокинутых требушетов, непогребенных тел и перетоптанной земли.

Шрам взвизгнул, как будто он был зол на то, что пропустил бой. Джесри оглядела город. Ей было интересно – как много людей потеряло Братство, но с такого расстояния и такой высоты она ничего не могла сказать точно.

Чазар выпустил пламя в небо.

- Победа! - прогремел он. – Первая в моем новом правлении!

Вспышка и рев заставили людей на улицах взглянуть на небо. Когда они увидели красного дракона, то обрадовались.

Сулабакс не был Лутчеком. Чазару едва хватило места для приземления внутри стен. Но это его не остановило. Каким-то образом ему удалось сесть на перекрестке трех улиц перед замком Хасоса. Острый кончик одного крыла поцарапал краску на фасаде дома. Его хвост со свистом ударил по деревянному корыту, содержимое которого разбрызгалось на землю.

Затем он сжался, превратившись в красивого воина в красно-золотом одеянии. Его товарищи приземлились рядом с ним. Несмотря на всю свою стойкость, Шала была рада вернуться на твердую почву.

Огромный ястреб, на котором летела предыдущая Герой Войны, бросил на Джесри жестокий вопрошающий взгляд. Она кивнула, и внезапный порыв ветра растрепал волосы и плащи всех собравшихся, растворив в себе огромную птицу, после чего тут же успокоился.

Плотная и симпатичная Цера выглядела серьезнее, чем обычно.

- Ваше Величество, в городе, должно быть, много раненых. Если вы позволите, я бы хотела заняться ими.

Чазар улыбнулся и жестом позволил ей идти.

Цера и Аот обменялись быстрыми нежными взглядами. Затем Хозяйка Солнца поспешила прочь, а Гаэдинн, Хасос и другие вышли из замка.

Увидев лучника, Джесри почувствовала облегчение и вину. У первого было хоть какое-то объяснение - Гаэдинн вполне мог погибнуть в битве с осаждающими, как любой другой воин. Но вот чувство вины было необъяснимым примером того, как простое нахождение с какими-то людьми вызывало у человека определенные чувства.

Вышедшие поклонились, и Чазар быстро разрешил им подняться.

- Отлично сработано, господа! – Прогремел он.

- Спасибо, Ваше Величество, - сказал Хасос. - Рыцари Сулабакса сражались великолепно.

- Мы, Братья, и парни, которых Аот собрал с границ, тоже были там, - протянул Гаэдинн. – Ну, знаете, придерживали рыцарских коней и все такое

- А есть пленные? - Спросил Чазар.

Гаэдинн кивнул.

- Несколько.

- В таком случае, еще лучше, - сказал дракон. - Принесите их в жертву. Это придаст мне сил, чтобы сокрушить Аласклербанбастоса.

Одно мгновение все молчали. Затем Шала спросила:

- Всех?

Чазар ухмыльнулся.

- Почему бы и нет? Каждая капля пролитой крови делает меня сильнее. И это куда проще, чем охранять и кормить ублюдков, не так ли?

- Наверное, да, - сказал Аот. - У нас нет времени допрашивать их всех, хотя, вероятно, какую-то полезную информацию мы сможем узнать. А еще мы точно сможем продать кого-то из тех, у чьих родственников есть деньги. Да и наёмники смогут перейти на нашу сторону, если мы приложим все наше красноречие и немного золота.

- Кроме того, - сказала Шала, - я изучила историю Чессенты, вашу историю, и я не понимаю – в прошлом вам не требовалось...это.

- Нет, - сказал Чазар, стиснув зубы, - не требовалось, но потом, когда Голубое Пламя поглотило... Неважно. Вы слышали мой приказ. Кто-нибудь желает послушаться?

Снова тишина. Тогда Джесри сказала:

- Конечно нет, Ваше Величество. Все здесь хотят лишь служить вам. Просто не так просто исполнить вашу волю.

Чазар нахмурился.

- И в чем проблема?

- Леди Халонья и остальные члены вашего духовенства вернулись в Лутчек, наблюдать за строительством вашего храма. Здесь некому совершать жертвоприношения.

- Тогда это сможет сделать Цера Иуртос и ее священники.

- При всем уважении, Ваше Величество, я сомневаюсь в этом. Священники Амаунатора не приносят в жертву даже животных. Я подозреваю, что они все лишь испортят, и тогда вся эта сила будет потрачена зря. А если вы продержите пленников дней двадцать-тридцать...

Герой Войны прикоснулась к рубину на рукояти меча.

- Возможно, вы правы. Но Абисс подери, я утолю свою жажду! Казнить каждого двадцатого орка или кобольда!

- Я позабочусь об этом. - Сказал Хасос.

Улыбка Чазара по-прежнему сияла.

- Очень хорошо! Знаете, я подумываю о создании рыцарского ордена, членами которого смогут стать только те, кто будет готов совершать героические поступки в мою честь. Вы можете стать первым его членом, - он перевел взгляд на Гаэдинна. - А ты вторым.

- Пока медаль сделана из золота, наёмник будет за неё бороться. - С улыбкой ответил эльф

В ответ дракон лишь сузил свои человеческие глаза.

* * * * *

Большинство лестниц, пандусов и переходов, соединяющие различные части города-бастиона, были созданы из гранита. В результате на стенах атриума появились балконы, которые драконорожденные считали неотъемлемой частью городской жизни.

Но иногда один из таких путей, который ввел вниз, вверх или поперек всего города, мог вывести путника на свежий воздух. Возможно, это было сделано специально для тех посетителей, кто не был дворфом и мог страдать под давлением замкнутого пространства. В любом случае, было приятно прервать долгий подъем к покоям клана Даардендриен и отдохнуть на одном из таких балконом. Поскольку Кхорин был один, никто не мог догадаться, что он чувствовал тяжесть кольчуги или что у него болели не только бёдра, но и зад. Ему казалось, что если кто-то мог весь день провести верхом на грифоне, то и с лошадью будет не сложнее. Он ошибся.

Гранитная балюстрада доходила ему до подбородка, но, тем не менее, вид все равно открывался приятный. Окружающий его свет стал тусклым, что должно было напомнить ночь за окном. Даже высоко в воздухе было приятно свежо, возможно потому, что многие драконорожденные любили выращивать растения на своих террасах. Лампы и свечи зажглись, и дворф уже мог различить силуэты домочадцев, собиравшихся на поздний ужин. Его живот заурчал, напоминая ему, что он проголодался и устал.

Он предположил, что это означало, что ему стоило продолжить путь наверх и выяснить, что повар его хозяев приготовил на ужина Отвернувшись от балюстрады, он уловил стук, едва различимый среди остальных звуков шумного города. Что-то, чего он не видел, несло на него.

Кхорин отпрыгнул в сторону. Его невидимый противник врезался в балюстраду. Кусок перилл откололся и упал в пустоту. Если бы дворф не уклонился, то упал бы вместе с осколками.

Он надеялся, что увлеченный собственным импульсом и попавшийся в собственную ловушку враг упадёт вниз, но когда он стал видимым, темное чешуйчатое существо взмахнуло крыльями, которыми напоминало летучую мышь, и удержало равновесие на краю балкона. Хлестая из стороны в сторону змеиным

хвостом и мерцая красными глазами на рогатой голове, монстр повернулся к дворфу в тот момент, когда кусок периллы рухнул вниз.

Существо выглядело как демон или дьявол, что означало, что в его арсенале могли быть совершенно неожиданные трюки. Кхорин решил, что разумнее всего убить его, прежде чем он сможет продемонстрировать еще что-то, помимо невидимости. Он выхватил привязанный к спине ургрош.

Дворф только и успел выхватить своё оружие, прежде чем чешуйчатый демон плюнул в него. Черный дым струился из клыкастой пасти, закрывая собой его сатиropодобное лицо.

По мере того, как темное облако расширялось, становилось понятно, что увернуться от него невозможно. Кхорин склонил голову и поднял руки, чтобы защитить лицо.

Пары обжигали везде, где касались его кожи, но остальная часть тела была защищена от худшего хорошей экипировкой. Хотя его глаза горели и слезились, он все еще мог видеть монстра, прыгнувшего на него. И даже, несмотря на боль, выставить вперед ургрош.

Топор вонзился существу в торс. Такой удар мог убить дворфа или человека, но существо лишь схватило Кхорина за руки. Его хвост обвился вокруг их тел и ударил дворфа по спине. Его кольчуга звякнула. Хвост снова оказался в поле зрения дворфа, вероятно, разворачиваясь для еще одного удара, и он увидел на зазубренное зало на его кончике.

Кхорин вздрогнул, вырвал руки из захвата и рубанул по хвосту. Ургрош разрезал его надвое, а монстр завизжал от боли. Исчезая, словно дыхание на стекле, он попятился к щели в балюстраде.

Кхорин помчался за ним и вернулся в зону досягаемости прежде, чем его противник успел стать невидимым или отступить туда, где бескрылое существо не устояло бы. Монстр качнулся, когда топор врезался в его грудь, пробив ребра и рассекая внутренние органы. Ноги существа подогнулись, и оно упало. Его дрожащее тело снова стало непрозрачным.

Когда судороги утихли и дворф убедился, что существо больше не собирается вставать, он посмотрел на своё тело. Оно было не в таком уж и плохом состоянии – в основном, боль доставляли лишь волдыри. Наибольший ущерб был нанесен его бороде. Что для дворфа было немаловажно. Все еще дымясь и местами шипя, он выглядел так, будто на него напала армия мотыльков. Вонь, исходящая от ран, заставила Кхорина поморщить нос.

Проведя много лет в изгнании и познакоившись с нравами людей, Кхорин знал, как те воспринимали нравы дворфов, из-за чего излишне сурово и пафосно он пообещал себе добраться до тех, кто был в состоянии призвать подобное существо.

Может быть, это был один из шаманов пепельных гигантов. Он видел, как они вызывали множество различных существ из своих круглых хрустальных талисманов, и, возможно, они догадались, что Кхорин был тем, кто учил драконорожденных сражаться с ними наиболее эффективно. А потом они решили отправить невидимого убийцу в Джерад Тимара, чтобы уничтожить этого наставника.

Но как гигант, который никогда не был в Городе-Бастионе, приказать демону напасть на Кхорина именно в том месте, где он чаще всего поднимался в апартаменты Даардендриен и обратно?

Да все может быть. Многие маги могли воплощать в жизнь то, что вообще считается невозможным. Но все равно это версия с пепельными гигантами казалась маловероятной.

Кхорин подошёл и осмотрел балюстраду.

Как любой дворф и любой осадный инженер, он разобрался в каменной кладке и сразу видел, что барьер был сделан из искусно подогнанных секций. Он также видел, что их можно было разобрать и просто оставить стоять друг на друге.

Но знал ли монстр, как сделать это? А если да, то где он спрятал свои инструменты?

Кхорин пожалел. Что с тех пор, как он начал работать на победителей или, скорее, делать нанимателей победителями, с ним рядом не было Гаэдинна, Джесри и Аота. Они лучше умели разгадывать секреты. Хотя, с уверенностью можно было сказать, что эльф точно начал бы потешаться над подпаленной бородой дворфа.

* * * * *

Хотя ему было трудно полюбить человека, который так открыто презирал его и всех, кто практиковал его дело, Гаэдинн должен был признать, что Хасос внес свою лепту в победу. И стоило отметить, что он приказал умертвить пленников относительно гуманно – ударом кинжала в сердце. Слава Богам, что Чазара это удовлетворило.

Дракон приказал, чтобы все тела были положены на костер. А потом, когда костер горел, он стоял на зубчатых стенах крепости и вдыхал аромат горелой плоти, подобно Богу, впитывающему энергию принесенной жертвы.

В конце концов, он вернулся в замок вместе с большинством своего ближайшего окружения, и лишь Гаэдинн остался там, удивленно смотря на искры, дрейфующие к луне. Почему он был удивлен – он не знал.

Гудел ветер. Огонь резко поднялся к небесам, вызвав удивлённые возгласы зрителей, стоящих вокруг него. Почерневшие трупы сгорели дотла всего за несколько ударов сердца, а затем пламя снова утихло, уменьшившись до прежнего размера.

Гаэдинн повернулся и улыбнулся женщине, которая подошла к нему сзади.

- Лютик. Я так понимаю, что Чазар наконец решил, что может какое-то время обойтись без твоего присутствия рядом с собой. Или ты пустила в ход магию, чтобы ускользнуть от него.

- Судя по всему, ты выдержал битву. – Сказала она.

- Я блестяще справился с этим, - ответил эльф. - На самом деле так хорошо, что я думаю, можно с уверенностью сказать, что Аот теперь лишний. Пора Братству вышвырнуть его и последовать за мной. Что ты думаешь о небольшом мятеже?

Она нахмурилась, чем и отвечала почти всегда на его шутки.

- Нет? – продолжил он. - Ну хорошо. По крайней мере, оставшись в моём нынешнем скромном поместье, я могу забыть обо всех этих расчетах и планах. Когда Кхорин ушёл, эта работа стала втрое унылее.

- Надеюсь, с ним все в порядке, - сказал Джесри. - Надеюсь, он добрался до дома.

- Братство - его дом, - сказал Гаэдинн, - и я надеюсь, что он вернется вовремя, чтобы помочь нам бороться с проклятыми драконами. Кстати, мне нравится твой новый наряд. Очень по-тэйски.

Это вызвало искру неподдельной злости на ее лице.

- Это не похоже на... Это практичные мантия и плащ, которые не будут стеснять мага в битве.

- Это? Тогда, полагаю, я просто не привык видеть, как ты носишь новую одежду, если она не покрылась коркой грязи или износилась до дыр.

- И я не привыкла слышать, как ты говоришь со мной с искренней злобой в своих насмешках. Поскольку ты явно не хочешь моей компании, я желаю тебе спокойной ночи. - Ответила Джесри и отвернулась.

- *Хорошо*, - подумал он, - *уйди*.

Но потом что-то все-таки заставило его заговорить:

- Подожди. Останься, если хочешь. Я не сержусь на тебя.

Она повернулась и, щелкая золотым наконечником посоха по балкам, подошла к парапету.

- В чем же тогда дело?

Он махнул рукой на костер. Тот быстро прогорал до оранжевых углей, а люди, стоящие вокруг, смотрели, как костёр медленно пропадает.

- В этом, я полагаю.

Джесри вздохнула.

- Ну, они были просто кобольдами.

- Я знаю. Надо отдать должное Хасосу – он выбрал именно их, когда узнал, что придется кого-то зарезать. Тем не менее, ты знаешь меня, Лютик. Я не рыцарь. Я с радостью перережу горло каждому связанному, беспомощному пленнику и его матери, если я увижу в этом необходимость. Но это... - Он покачал головой.

- Что ж, - сказала она, - каждый из них совершил преступление, подняв оружие против законного суверена. Обычно люди платят за него своими жизнями.

- Это логично только в том случае, если претензии Чазара на Трескель законны, а ни ты, ни я этого не знаем.

- Как не знаем и обратного.

- Я хочу сказать, что если мы не знаем наверняка, то люди Великого Костяного Змея уж точно не знают. Когда они шли на войну, то просто подчинялись единственному правителю, который у них когда-либо был.

- Может быть, когда они узнают о том, что произошло здесь, то подумают – а нужна ли им эта война.

Гаэдинн нахмурился.

- Я признаю, что отправка сообщения может быть разумным поводом для убийства некоторых заключенных. Но Чазар сделал это не поэтому.

Джесри заколебалась.

- Иногда король не объясняет истинную причину своих поступков. Только не тогда, когда думает, что может не получить какого-то преимущества, поступив иначе.

- Во имя Черного лука, почему ты его защищаешь? Ты, как и все мы, думала, что он был сумасшедшим и жестоким. Именно поэтому-то ты и отговорила его от

убийства всех пленником. И именно поэтому ты раздула огонь, чтобы тела в нём побыстрее сгорели. Тебе стыдно за то, что сделал он.

- Да. Бывают моменты, когда его ум не совсем трезв. Если бы кто-то питался твоей жизненной энергией сто лет, с тобой было бы то же самое, но Чазар скоро придет в норму.

- Были хоть какие-то признаки улучшений?

Она нахмурилась.

- Не стоит нам вообще говорить о нем.

- Почему бы и нет? Ты против наших с тобой разговоров?

- Нет! Но когда мы только прибыли в Лутчек, ты был слишком дерзок с ним. Это плохо для Братства.

Он знал, что она права, но не хотел этого признавать.

- Я думал, что работать на зулкиров - это плохо, но, по крайней мере, они были вменяемыми.

- Ты видишь только одну его сторону. Он положил конец преследованию магов.

- *Что, как ты надеешься, гарантирует, что маленькие девочки больше не будут страдать так, как страдала ты.* - Подумал Гаэдинн, но вслух сказал:

- И, что еще важнее, дал тебе возможность тонуть в шелке и драгоценностях, играя в принцессу.

- Хватит об этом, - отрезала Джесри. – Довольно.

Она повернулась к лестнице, ведущей в крепость, и на этот раз Гаэдинн не попытался остановить её.

* * * * *

Поле битвы было на границе между пустыми равнинами Черного Пепла и плодородными полями Тимантера. Не было видно скользящих столбов застывшего пепла - и это было хорошо, поскольку шаманы гигантов использовали их как оружие. Но растительность была редкой и искривленной, и когда ветер дул с юга, в воздухе пахло огнем.

После того, как драконорожденные отразили несколько набегов гигантов, оставшиеся в живых объединились в одну большую группу для массовой атаки. Они ждали, как мрачны, грубо вырезанные из камня фигуры. Медраш изучал их ряды в поисках лидера, достаточно сильного, чтобы объединить некогда враждующие между собой варварские племена. Пока он не смог выделить ни одного достаточно сильного лидера.

Гиганты строились по одной очевидной системе. В авангарде стояла широкая линия гигантов, хотя Кхорин бухтел, что они все равно напоминают, скорее, разные группки, нежели единую армию. Защитники Копья и все, кто прошел обучение дворфа, выстроились в один строй, а воины, шедшие под знаменами Платиновой Когорты – в другой. Небольшие военные отряды, организованные прочими кланами, довольно бессистемно рассредоточились между двумя основными силами.

Баласар естественно стоял среди драконопоклонников. Медраш боролся с порывом взглянуть в глаза или даже в сторону своего брата по клану. Баласар сказал Нале и Петрину, что его вновь обретенная преданность Бахамуту отделила его от

родичей, и Медраш не хотел давать повода засомневаться в этой легенде. Он довольствовался тем, что молча просил Торма укрепить руку своего товарища в грядущей битве. Т был в воздухе, как и его трубачи, извещающие войско о приказах своего полководца.

Лучники-драконорожденные натянули тетивы и пустили их. Всадники на летучих мышах устремились к врагу, тоже стреляя из луков. Медраш знал, что каждый лучник, заметивший шамана, пытался уничтожить именно его.

Тем временем маги клана запели в унисон. Ветер ударил гигантов в лицо. Идея заключалась в том, чтобы сдуть каждую песчинку пепла с равнины, чтобы шаманы не смогли использовать его для призыва своих ящероподобных слуг.

В ответ на залп со стороны драконорожденных, гиганты метнули камни и луки – их грубая сила компенсировала отсутствие технической конструкции лука. Один драконорожденный пошатнулся и упал. Лошадь заржала, рухнула и в судорогах приземлилась на своего поверженного всадника. Рядом упала огромная летучая мышь.

Между тем, неуязвимые для стрел, или, по крайней мере, так казалось, адепты размахивали своими цветными шарами. Полированные изгибы блестели на солнце, и в поле зрения армии драконорожденных появлялись неуклюжие чешуйчатые существа.

Они не выбирались из сугробов пепла, потому что драконорожденные маги сдули их. Они просто выпрыгнули из ниоткуда. Медраш понял, что так было всегда. Гиганты, чтобы сбить с толку своих врагов, просто делали вид, будто пепел необходим для призыва.

Несколько монстров были похожи на низкорослых, уродливых красных драконов. Пламя вылетало не только из их челюстей, но и пульсировало по всему телу. Они прыгали в воздух, размахивая кожистыми крыльями и взлетая к всадникам на летучих мышах.

Другие шаманы призывали крылатых зеленых существ и серых медведо-ящериц, которых Медраш уже встречал ранее. Первые подпрыгивали и скользили по земле, а вторые бежали. Каждый вид монстров рычал и визжал по-своему, но врывался в ряды драконорожденных абсолютно одинаково.

За ними, из небытия, появились сгорбленные существа размером с дворфа. Их шкура свисала коричневыми складками, а длинные руки волочились по земле. Очевидно, намереваясь обойти тимантеранцев с флангов, они разбежались к краям поля.

- Копья! - проревел Медраш. Спустя долю секунды в воздухе прорезались глубокие ноты рога. Покоритель приказал воинам совершить те же действия, которые они только что начали по собственной инициативе паладина.

Медраш почувствовал напряжение, потому что на собственном опыте убедился, что методы Кхорина работают, и теперь у них была возможность продемонстрировать это очень многим драконорожденным, включая самого Покорителя. Все увидят, что тимантеранцам не нужно было предавать своих предков и пресмыкаться перед древними врагами этих героев, чтобы победить гигантов, сколько бы новых трюков ни освоили эти дикари.

Более плавно и равномерно, чем несколько дней назад, все копейщики наклонили свои копыта под нужным углом. По команде Медраша они направили своих лошадей вперед. Потом побежали рысью. Их оружие наклонилось так, чтобы пронзить наступающих ящеров, после чего всадники пустились в галоп.

Но коричневый мерин Медраша пробежал всего пару шагов. Затем зверь отказался, едва не сбросив испуганного всадника из седла. Лошадь мотнула головой и заржала.

Прикрываясь щитами и почти маршируя, копейщики продвигались вперед не разрушая боевого построения. Кхорин удовлетворенно кивнул, а затем увидел, как в рядах всадников Медраша случилась катастрофа.

Почти все лошади испугались одновременно. Несмотря на длинное оружие в руках копейщиков и то, что они ехали почти плечом к плечу, некоторым из коней удалось остановиться, развернуться и броситься к остальной армии Покорителя. Их хозяевам повезло. Другие животные врезались в своих других скакунов, сбивая их, спотыкаясь, или падая на землю. Один драконорожденный закричал, натянул поводья и впился шпорами в бока коня, пытаясь восстановить контроль над ним. Тем временем первая волна заколдованных существ захлестнула их. Один монстр вырвал всадника из седла. Медведо-ящерица схватила лошадь клыками и повалила ее на землю, сломав при этом обе её передние лапы. Коня заржал и начал метаться. Из челюстей рептилии клубился пар, разъедающая слюна, которая проникала внутрь животного.

- Проклятие битвы, - выругался Кхорин. – В атаку! В атаку!

- Это нарушит строй, - сказал ему сержант, который, очевидно, слишком хорошо усвоил уроки строевой подготовки.

- В Бездну строй! - взревел Кхорин. - Беги туда и убей кого-нибудь прежде, чем враги убьют всех всадников!

* * * * *

Лошадь Медраша вздрогнула и встала на дыбы. Он понял, что должен выскочить из седла прежде, чем животное сбросит его. Он бросил копьё и убрал ступни из стремени, что сделало его позицию еще более неустойчивой. Уцепившись за седло одной, в то время как вторая была занята щитом, паладин перекинул ногу через спину мерина и подпрыгнул.

Он приземлился на ноги, пошатнулся, но поймал равновесие. Вокруг него серые и зеленые рептилии бросались на всадников, разрывая драконорожденных, которые никак не могли защитить себя. Представляя почти такую же опасность, как и ящеры, лошади с кровавыми ранами и дымящимися ожогами металась то в одну, то в другую сторону.

По крайней мере, поскольку он больше не боролся с напуганным скакуном, Медраш мог сосредоточиться только на противнике. Он сделал глубокий вдох, медленно выдохнул, и обратился к Торму.

Сила Бога хлынула в него, подобно внезапному наводнению, хлынувшему в ущелье. Он потряс кулаком в стальной перчатке над головой.

Солнце в небе сияло. Более мелкий источник света должен был остаться незамеченным. Каким-то образом яркость, или, по крайней мере, ее ощущение, пульсировала в его руке. Вместе с этой ощущаемой яркостью повисла парадоксальная тишина, заглушившая окружающий визг и рёв. На некотором отдалении от паладина, ящеры заколебались, а лошади перестали сопротивляться приказам шпор и поводьев в руках их наездников.

К сожалению, искусственного спокойствия хватило бы на несколько ударов сердца.

- Спешиться! - проревел Медраш. - Сражайтесь пешими, как вас и учил Кхорин!

Всадники спрыгнули со своих верховых животных. Избавившись от навязанного спокойствия, один из серых ящеров атаковал драконорожденного, одна нога которого все еще была в стремени, а другая уже стояла на земле.

Медраш не мог вовремя отвести в сторону эту угрозу, но тут помогло его драконье дыхание. Схватившись за рукоятку меча, он выплюнул поток молнии. Потрескивающая вспышка опалила тело монстра, лопнув некоторые опухолевидные наросты, торчащие из его бока. Зверь споткнулся и начал дергаться, пока через его тело проходил электрический разряд, а затем повернулся к своему обидчику.

Паладин позволил ему приблизиться к себе, а когда враг оказался на расстоянии удара, уклонился в сторону. Его щелкающие челюсти все равно достали щит, со всей силы врезавшись в него и левую руку драконорожденного, но, по крайней мере, импульс этой атаки не сбил его с ног. Он ударил ящера мечом и выкрикнул:

- Торм!

Сила Бога проявилась в ударе грома. Хотя Медраш и был готов к такому громкому раскату грома, он все равно не смог проигнорировать его, но незащищенная милостью Неистойой Верности ящерица покачнулась и взревела, как будто она получила второй, еще более сильный удар мечом.

Но и на этом бой не закончился. Монстр повернулся в направлении Медраша, вырвав его клинок из своего тела, и плюнул в него несколькими каплями какой-то жидкости. Медраш выставил вперед щит. Каплю попали в край щита, в то время как ящер выгнул шею и атаковал клыками. Сомкнув челюсти на щите, монстр начал пытаться разгрызть его и мотать головой взад-вперед. От щита отвалились дымящиеся куски дуба и кожи. Рука Медраша напряглась так, будто вот-вот порвется сустав. Он пошатнулся в отчаянной попытке удержать врага и не дать тому сбить себя с ног.

Паладин ударил медведо-ящерицу, но потерял равновесие и смог лишь поцарапать его кожу. Он попытался вытащить руку из ремней, которые крепили к ней ломающийся щит, но, возможно, из-за того положения, в которое его развернул противник, у него не получится это сделать.

Он отбросил зарождающуюся в своём сознании панику и снова воззвал к Торму. Паладин позволил монстру увидеть силу, пылающую внутри него, и испугаться её.

В нормальной жизни это могло показаться безумным – монстр был похож на огромную собаку, которая игралась с костью, которой был Медраш. Но, тем не менее, зверь дрогнул, а его глаза расширились.

Медраш восстановил равновесие, шагнул вперед и сделал самый сильный выпад, на который был сейчас способен. Его меч глубоко вонзился в череп существа, и его

ноги подогнулись под ним. Но даже после смерти он цеплялся за щит и тащил его на землю вместе с драконорожденным. Наконец, уже встав на одно колено, воину почти удалось вытащить большую руку из петель.

Но тут на него упала тень.

Инстинктивно он поднял руку, на которой висел щит. Острые когти, которые могли раскроить Медрашу череп, столкнулись крепким дубом, обтянутым кожей. Тем не менее, тяжелый удар пронзил болью и без того истерзанную руку и отбросил его назад, прочь от мертвого медведо-ящера и меча, все еще вонзенного в его голову.

Крылатый монстр приземлился на короткие толстые ножки и развернулся. Медраш рванулся к своему оружию. Ящер с ястребиной головой двинулся к нему навстречу. Его челюсти широко раскрылись и извергали на паладина зеленоватый пар.

Кожа Медраша горела, а глаза наполнились слепящими слезами. Он начал кашлять и не мог остановиться. Ему нужно было использовать Силу Торма, чтобы очистить себя от яда, внутри и снаружи, но он знал, что враг не даст ему этого сделать.

Затем крыло существа проткнуло копье. Оно зарычало и повернулось прямо навстречу к еще трем копьям, двое из которых были нацелены высоко, а одно – низко.

Он развернул крыло, чтобы нанести удар кончиками костлявых пальцев, торчащих из-под зубчатого края крыла, и его противники отступили. Еще больше копий пронзили его сзади, когда другие воины атаковали его той же тактикой, которую они использовали против парящего деревянного Зверя.

Несмотря на физическую слабость, вызванную обожженным носом, ртом, горлом и легкими, Медраш прочитал молитву. Все его боли утихли, в том числе и пульсация в руке со щитом. Он согнул её и обнаружил, что если даже она была сломана, то теперь уже нет.

Слезы все еще текли из его глаз, но он подполз к туше поверженного ящера и выдернул из неё свой меч. Затем он поднялся на ноги и огляделся.

Вокруг драконорожденные сражались с рептилиями и пепельными гигантами, которые прятались за призванными монстрами. Некоторые из воинов были выжившими членами спешивающейся кавалерии Медраша, сменившими копья на более короткие мечи. Другие же были настоящими копейщиками, которые, должно быть, бросились вперед, чтобы поддержать своих боевых товарищей. Медраш узнал эмблему отряда которым командовал Кхорин - молот и топор. Хотя самого дворфа в хаосе битвы паладин так и не нашёл.

Медраш знал, что в таком хаосе, когда враг мог напасть с любой стороны абсолютно внезапно, тактика дворфа была бесполезной, но, тем не менее, воины его отряда продолжали работать слаженно, поддерживая друг друга. Паладин огляделся в поисках отброшенного копья или пригодного щита. Ничего из этого он не нашёл, пока не увидел один слегка обугленный щит, лежащий у босых ног пепельного гиганта. Издав боевой клич, паладин бросился в атаку.

* * * * *

Баласар вздрогнул, когда лошади встали на дыбы, превратив то, что должно было стать разрушительной атакой, в не что иное, как жертвоприношение пепельным гигантам и их домашним зверушкам.

К чести культистов, Петрин и некоторые другие драконопоклонники выглядели такими же напуганными, как и он сам. Однако Нала просто продолжала раскачиваться взад-вперед и читать свистящую молитву или, может быть, заклинание.

За короткое время Медраш сумел спрыгнуть с запаниковавшего коня и использовать свою силу паладина. Баласар не мог точно сказать, что сделал его брат по клану, но, похоже, это затронуло каждого зверя рядом с ним и создало очаг дикого сопротивления, в отсутствие которого началась бы резня.

Затем, копейщики Кхорина бросились в атаку, чтобы сразиться с противником. В конце концов, другие драконорожденные могли последовать за ними, но, возможно, удивленные кровавым фиаско, в которое превратилась атака кавалерии и копейщиков, они не спешили действовать. Никакого сигнала не подали и трубачи на летучих мышах. Возможно, Тархан не мог сейчас отдать приказ.

В любом случае, казалось очевидным, что без дополнительной поддержки тимантерцы Кхорина и Медраша, сражавшиеся в центре поля, не выдержат натиска. Баласар повернулся к Петрину.

- Мы должны помочь им.

- Я согласен. - Сказал Петрин. Но вместо того, чтобы приказать всем идти вперед, он пробивался сквозь раскачивающихся, подергивающихся или дрожащих солдат к Нале. Баласар последовал за ним.

Подойдя достаточно близко, он почувствовал укол магии, закипающей в воздухе вокруг нее. Это сбilo его с толку - на мгновение он ощутил сладкую вонь гниющих цветов, а в ушах раздалось быстрое глissандо.

Одной рукой Нала сжала свой посох. Другая рука тоже была сжата, и интуиция Баласара подсказывала ему, что она держит что-то маленькое, части чего не просачиваются сквозь пальцы жрицы.

Он внезапно заподозрил, что точно знает, какое заклинание она использовала. И если бы он смог доказать это в будущем, то это станет для него крупной победой.

- Сэр Баласар рекомендует немедленно атаковать, - сказал Петрин. Он остановился, но его борода из цепей все еще качалась и немного звенела. - Как и я.

Нала выглядела раздраженной из-за того, что ей пришлось прервать пение, но затем она смогла придать лицу более нежное, но торжественное выражение.

- Еще рано, - сказала она. - Бахамут даст мне знать, когда будет подходящий момент.

- Мы нужны нашим товарищам. - Сказал Баласар.

- Обещаю, - сказала жрица, - я прикажу атаковать сразу же, как только смогу.

- Верно, - подумал Баласар. - *Как только воины Медраша и Кхорина будут мертвы, а их новая тактика дискредитирует себя. Только после того, как ты снова сможешь заявить, что только драконопоклонники могут победить гигантов.*

- Как только сможешь. - Сказал Петрин и отвернулся.

Когда они вернулись на свои позиции в авангарде, Баласар сказал:

- Никто не уважает Налу больше, чем я. Она наша жрица. Но ты солдат. Вождь. Не думаю, что ты...

- Нет. Мне так же тяжело, как и тебе, но нет. Зачем мы маршировали сюда под этим знаменем, - сказал он, кивнув на пурпурный вымпел с платиновым драконом, свисавшим сверху вниз, - если не для того, чтобы подтвердить сегодня нашу веру?

- *На самом деле, подумал Баласар, - я здесь для того, чтобы разрушить ваше нелепое убеждение. Но не ценой жизни Медраша. Он бы покинул культистов и бросился бы вперед, чтобы помочь своему родичу в тот же момент, как тому понадобилась бы помощь...но это был бы пустой жест. Один воин не мог переломить ситуацию, каким бы искусным он ни был. Для победы нужно, чтобы все жабы дети с раздвоенными хвостами дрались с ним, качаясь и дергаясь.*

Покачиваясь и дергаясь... с кипящей внутри них яростью драконьего Бога, они были так же неистовы, как и он.

Баласар начал корчиться, как и другие.

- Бахамут! - завыл он. - Бахамут! - Его товарищи вторили ему. Он взмахнул мечом, и остальные тоже.

Он схватился за лезвие своего меча, и порезал лицо на правой его стороне, не зацепив отметины клана Даардендриен. Он взмахнул мечом, смахнув капли своей крови на других культистов.

- Бахамут! - Взревел он.

Драконопоклонники тоже порезали лица. Неистовство прокатилось по рядам культистов, как рябь на пруду. Затем Баласар ударил мужчину с оливковой чешуей слева от него.

Культист обернулся к нему, пылая яростью в глазах и языками желтого между своих клыками. Баласар закричал:

- Бахамут! - И вместо того, чтобы плюнуть на него пламенем, культист ударил его в ответ, а затем повернулся и ударил соседа с другой стороны.

Когда они все начали бить друг друга, Баласар решил, что они настолько же сумасшедшие, насколько он был хорош. Он размахивал окровавленным мечом в сторону битвы на поле и взревел:

- Убейте их!

На мгновение или два у него возникло ужасное чувство, что, несмотря на все, что он сделал, чтобы разгорячить культистов, никто не собирался слушаться его. Но затем культисты хором выкрикнули:

- Убейте их!

После чего рванули на врага, выкрикивая имя своего Бога.

Он был счастлив позволить им наверстать упущенное. К сожалению, никто не мог притвориться обезумевшим от кровожадности и при этом вести себя осторожно. Поэтому он продолжал бежать так быстро, как только мог, и встретил врага раньше всех своих товарищей.

Но только не с тем, с кем он хотел столкнуться – не с пепельным гигантом, не с серым медведо-ящером и не с крылатой рептилией, которая напала на Медраша и Кхорина. Ранее он заметил коричневых, сгорбленных, длинноруких существ с свисающими складками кожи, отходящим к краям поля. Теперь они бросились вперед, чтобы атаковать обезумевших сектантов.

Они не выглядели большой угрозой не по сравнению с пепельными гигантами, ни с какими-либо другими монстрами, призванными шаманами. Баласар надеялся,

что эта пара маленьких монстров не задержит его надолго. Существа начали махать руками так, будто они метали камни.

Завыл ветер. В глаза Баласару ударил песок, который либо поднялся с земли, либо просто был создан какими-нибудь магами. Он попал воину в глаза, нос и рот, мешая нормально дышать.

Моргая и отплёвываясь, он прикрылся щитом, а затем выглянул за него, когда буря улеглась. Сквозь жгучие слезы он увидел, как коричневые существа бегут на него. Один обгонял другого на пару шагов и был уже перед Баласаром.

Оборачиваясь взад-вперед, он делал вид, что не видит их. Затем, когда первый монстр подошёл достаточно близко, драконорожденный сделал выпад и ударил того прямо в голову.

Тело коричневого существа растворилось в клубах песка, и меч лишь скопление песчинок. Песок отскочил на несколько шагов и, закружившись, снова принял форму тела из твёрдой плоти.

Уловка поразила Баласара, но не настолько, чтобы он потерял из виду вторую песчаную тварь, которая уже обходила его, чтобы ударить в спину, пока его товарищ отвлекал воина на себя. Он повернулся, прикрыв тело щитом. Когти чудовища заскрежетали по дереву. Баласар нанес ответный удар в грудь, и существо рухнуло замертво. Было обнадеживающе видеть, что эти твари не могли уклониться от любой атаки, просто превратившись в песок.

Он повернулся к другому монстру. Он поднял свою обезьяноподобную руку, чтобы швырнуть еще песка. Баласар плюнул в него морозом.

Монстр пошатнулся и начал соскрёбывать иней, внезапно покрывший его тупое, ящероподобное лицо. Драконорожденный не медлил. Монстр соскреб последний кусок инея с глаз как раз вовремя, чтобы увидеть клинок, пробивший его горло.

Баласар огляделся. Песчаные твари оказались опаснее, чем можно было подумать по их внешнему виду, но в порыве ярости, постоянно изрыгая свое дыхание, члены Платиновой Когорты быстро расправлялись с ними. Он решил, что через несколько мгновений все будут готовы к предстоящей настоящей битве.

Затем огромная черная летучая мышь резко спикировала на землю. Спустя долю секунды жизнь ушла из её глаз. Искалеченная и обгоревшая, она явно отдала последние силы, чтобы спасти всадника от смертельного падения.

На мгновение Баласар подумал, что это отважное усилие напрасно потрачено, потому что большой драконорожденный, прикрепленный к седлу, выглядел таким же мертвым, как и животное, но затем наездник неуверенно поднял голову, показав квадратные золотые шпильки, проткнутые сквозь зеленую кожу под его глазами. Всадником оказался Покоритель.

Его королевские атрибуты и доспехи обгорели, как и, без сомнения, часть плоти под ними. Он возился с ремнями, удерживающими его в седле. Затем что-то еще, что-то большее, чем животное Защитника Копья, ударилось о землю.

Как и у летучей мыши Тархана, у багровой рептилии были изорванные крылья, а стрелы, которые не сгорели в пламени, торчали из всевозможных мест. У этого монстра могут быть проблемы с возвращением в воздух. Но, судя по тому, как он немедленно двигался к Покорителю, с каждым шагом его раны затягивались, а такого воина может ждать еще множество битв.

Увы, Тархан не дал этому сбыться. Ему удалось расстегнуть последние ремни, слезть с летучей мыши и поднять двуручный меч на высоту груди. А потом он упал.

* * * * *

У Петрина было трое коричневых противников, которые попеременно пытались отделить плоть от его костей когтями или стереть её с песком. Тем не менее, осматриваясь взад-вперед, он заметил падение искалеченной летучей мыши на землю и все, что за этим последовало. Он видел, как Баласар помчался вперед и вставал между огромным багровым зверем и неподвижно лежащим Тарханом.

Ни один мечник, каким бы искусным он ни был, не мог сравниться с таким бегемотом. Петрин решил, что должен помочь, и быстро. Он почти не использовал дары Бахамута, придерживая их для врагов, более грозных, чем его нынешние противники, но теперь он обратился за помощью к Платиновому Дракону.

Сила щекотала его нервы. Казалось, что она одновременно спускается сверху и поднимается изнутри - ощущение, которое невозможно описать никому, кто не испытал его.

Петрин взмахнул мечом по кругу, и из лезвия вылетела вспышка, или, по крайней мере, некое её подобие. Свет превратился во вращающееся горизонтально расположенное колесо светящихся символов с драконорожденным в центре. Атакованные святой Силой, призванные существа закричали и бросились назад.

Он не знал, как сильно он их напугал, но ему было плевать. Если понадобится, их прикончит кто-нибудь другой. Важным было то, что его больше не окружали враги. Он побежал к Баласару и его огромному противнику.

Пламя вырывалось из пасти багрового ящера, а клиновидная голова на длинной шее и с гребнем на макушке ударила, как змея. Баласару удалось уклониться и трижды нанести удар. Но после четвертого укуса рептилия зацепила клыками край щита драконорожденного. Монстр дернул щит в сторону, а затем ударил Баласара, отбросив того в сторону. Воин тяжело рухнул, а зверь двинулся к Тархану. Либо он изначально понимал, что драконорожденный монарх был более важной целью, либо его призыватель направил своего монстра именно на Покорителя.

К счастью, Баласар задержал зверя ровно настолько, чтобы Петрин успел встать между ним и Тарханом, заняв место своего товарища. Но когда паладин прибавил скорости и приблизился к огромному зверю, разглядев того более четко, его обуяло сомнение.

Оно не имело ничего общего со страхом за собственную жизнь, хотя, очевидно, её сохранность была под угрозой. Скорее, это касалось природы существа, которому он собирался бросить вызов.

Петрин заметил, что все звери, призванные шаманами гигантов с помощью своих хрустальных шаров, обладают определенными схожестями с драконами. Все, даже коричневые сгорбленные песчаные твари, казались рептилиями. У некоторых была кислотная слюна или ядовитое дыхание.

И все же огненный зверь отличался. Петрин не думал, что это настоящий дракон, но он был настолько похож на него, что паладин задумался - может ли, быть такое, что паства Бога-дракона выступила против них?

Но его неуверенность длилась всего одно мгновение. Затем пришла волна божественной силы, о которой он даже не просил, а вместе с ней и ясность. Он часто просил Бахамута совета. На этот раз Бог решил предоставить его, без всяких слов заверив его в том, что его священный долг сражаться с такими тварями, что сейчас была перед ним.

Когда рептилия сделала выпад, это было похоже на падение дерева или башни. Паладин отпрыгнул в сторону, что спасло ему жизнь, но не избавило от палящего жара, излучаемого будто раскаленной печкой. Благодарный за то, что пламя не покрывало всю угловатую голову твари, Петрин подскочил к ней, выкрикнул молитву, и со всей силы опустил меч.

Направляемый Силой Бахамута, меч Петрина пронзил тело монстра в том месте, где чешую не полностью покрывала тело. В результате удар Петрина был сильнее любого из ударов Баласара. Существо высоко вскинуло голову, а из раны потекла кровь достаточно горячая, чтобы обжечь. Петрин поднял руку, закрывая лицо от палящей жидкости.

К сожалению, это означало, что он отвел взгляд от врага, и инстинкт немедленно закричал, что паладин совершил ошибку. Он выпрыгнул из тени огромной ступни, стремительно несущейся на него. Что-то, вероятно – кончик когтя, зацепило драконорожденного за его куртку и потянуло вниз. Но фиолетовая одежда просто порвалась, а паладин пошатнулся, но смог установить равновесие.

Когда он повернулся, испорченная куртка соскользнула вниз достаточно низко, чтобы мешать работе его рук или даже зацепиться за них. Вдобавок ко всему, она горела. Но у паладина не было времени, чтобы избавиться от горящего тряпья, так как его противник уже нанёс новый сокрушающий удар.

Он отскочил в сторону, а затем снова призвал к Силе Бахамута. Его меч вспыхнул серебристым светом, который залил голову рептилии. Его шея вывернулась, чтобы монстр мог снова увидеть врага, но теперь двигалась медленнее, чем раньше. Сила Бога лишила зверя его скорости.

Петрин сорвал рваную горящую куртку со своего тела, затем кинулся мимо головы существа к его телу. Он сделал выпад, ища огромное сердце, которое должно было биться где-то под чешуей.

Меч вошел глубоко, но это не остановило зверя, который попытался задавить его. Паладин выскользнул из-под его ступни, попутно порезав конечность монстра, и краем глаза заметил какое-то движение сбоку. Он повернул голову. Сверкающие челюсти были широко раскрыты – существо выкрутило шею и снова атаковало.

Хорошо. Может быть, на этот раз, когда Сила Бахамута мешает ящера, он сможет выколоть ему один глаз или даже дотянуться до мозга.

Но затем, посреди удара, существо вырвалось из замедления, которым оно было обременено из-за магии. Внезапно его голова ускорила вдвое. Застигнутый врасплох, Петрин не смог увернуться, а лишь попытался вставить свой щит.

Этого было достаточно, чтобы спасти ему жизнь, но тяжелый удар отбросил его назад и повалил на спину. Пламя прыгало по телу драконорожденного, в то время как его противник возвышался над ним. Петрин поднял меч, чтобы пронзить любую часть тела ящера, которая попытается его прикончить.

Затем его окутало ощущение благодетельной Силы, но не его собственного величественного божества, а, несомненно, кого-то похожего на него. Все вокруг погасло на мгновение. Как только свет вернулся, Петрин увидел, что все еще лежит, но теперь над ним никто не нависал.

Он сел и огляделся. Огромная рептилия была немного в стороне, а Медраш был впереди. Он использовал один из даров Торма, чтобы поменяться местами с товарищем, попавшим в беду.

Зверь атаковал, но Медраш не лежал на спине и не был ошеломлен только что нанесенным ударом. Он увернулся, а его клинок рассек один из желтых глаз с узкими зрачками. Рептилия завизжала и отпрянула.

Но затем монстр ударил снова и отрубил бы Медрашу голову, если бы драконорожденный не упал в последний момент. Петрин вскочил на ноги и снова бросился в бой.

Два паладина наносили удар за ударом, ранив своего противника и сжигая его тело святой Силой. Это продолжалось, пока Петрин не почувствовал, что замедляется, а его связь с Бахамутом превращается в бесполезную, пустую боль. Он хотел нанести еще один удар, усиленный молитвой, чтобы окончательно свалить зверя.

Затем, по воздуху разнеслись слова незнакомого языка. Как и Петрин, Нала последовал за ним, когда Когорта атаковала. Теперь и она пришла защищать Покорителя.

Раскачиваясь взад-вперед, сжимая свой посох обеими руками, она крутила его в сложной серии петель и дуг. Затем, на последнем слоге молитвы, она ткнула кончиком посоха в голову ящера.

Пламя вырвалось из ее оружия, охватило верхнюю часть тела зверя и погасло... оставив его невредимым. Склонив голову, чудище посмотрело на Налу здоровым глазом. Хотя Петрин понятия не имел, насколько зверь был умен, но у него было ощущение, что про себя он посмеялся над дурой, которая попыталась атаковать его элементом, составляющим часть его сущности.

Если так, то он все еще смеялся, когда яркая, шипящая молния вылетела из посоха, полностью уничтожив его поврежденный глаз. Он содрогнулся, а Петрин и Медраш отпрянули от его топающих ног и хлыстающегося хвоста.

Затем последовал поток испарений, от которого у зверя перехватило дыхание, а после кислота, растворившая его чешуйки и проникшая в мышцы. Наконец, мороз погасил последней огонек пламени на его теле и, покрыв тело инеем, свалил монстра на землю.

Петрин наблюдал за ним и, убедившись, что он больше не собирается вставать, повернулся, чтобы посмотреть, не угрожает тархану что-то еще. Ничего больше не было, да и Баласар, казалось, особо, не пострадал.

Петрин понял, что это был великолепный момент. Торм и Бахамут иногда сражались бок о бок против злых богов и демонов. Их чемпионы только что сделали то же самое и, объединив силы, предотвратили бедствие. А в конце, его возлюбленная Нала использовала свои собственные божественные дары, чтобы нанести смертельный удар общему врагу. Он ухмыльнулся Медрашу.

Его товарищ паладин улыбнулся в ответ, и Петрин решил, что это было искренним выражением доброй воли. В таких обстоятельствах Медраш,

преисполнившись духом товарищества, не мог не проявить благодарности. Но его чувства не были искренними - в его глазах были видны скрытые чувства. Был виден страх, вызванный тем, что для победы ему необходима была сила Бахамута.

Проклятье, почему этот даардендриен не мог просто преодолеть свои предрассудки? Почему он не мог принять то, что он и его товарищ паладин были одним и тем же?

- Может, ему просто нужно больше времени, - подумал Петрин. Он посмотрел на Налу, которая тяжело дышала, опираясь на свой посох, и Баласара, подошедшего к жрице сзади и положившей руку ей на плечо.

* * * * *

Нала попыталась успокоить дыхание. Это было нелегко. Её ушедшие наставники не нахмурились бы, видя, как она пытается прийти в себя после всего нескольких действий. Но надо было признать, что нападение на красного монстра было утомительным магическим подвигом, подобно которому она никогда не предпринимала.

Внезапно что-то схватило ее за плечо, переноса значительную часть своего веса на ее сутулую фигуру. Пораженная и уверенная, что пепельный гигант или один из их призванных рептилий подкрался к ней сзади, она вскрикнула и пошатнулась.

Рука не ослабила хватку. Тем не менее, она обернулась и оказалась перед лицом Баласара, обе стороны которого были окровавлены. На правой щеке кровоточил нанесенный им самим порез, а на левой – несколько кровоподтеков на местах пирсинга, вырванного после того, как красный монстр сильно ударил драконорожденного и отбросил того лицом на землю.

По его припущенной половине тела Нала могла сказать, что остальная его часть тоже была в синяках и ушибах. Хорошо. Она молилась, чтобы он был ранен сильнее, чем казалось. Чтобы он от этого сдох.

Потому что она не доверяла ему. Возможно, это было несправедливо, потому что он прошел посвящение, но он был самодовольным наглецом, а подобные редко ищут просветления Бахамута. Более того, он виновен во всплеске ярости, выплеснувшей из её кипящих солдат. Может быть, его побудило к действию истинное божественное вдохновение, и, поскольку это привело к спасению тархана, все закончилось довольно хорошо. Но ей все равно не нравился Баласар, и этот эксцесс лишь усугубил его характеристику, что ставило под сомнение достоинство самой Налы.

Хуже было то, что ей был нужен Петрин, а Баласар нравился Петрину. Или, может быть, дело было в том, что она не могла дать отпор драконорожденному, рискнувшему своей жизнью ради Покорителя. Только не на глазах своих людей.

Она надела маску обеспокоенности и спросила:

- С тобой все в порядке?

- Мне больно, - прохрипел Баласар. – Но если вы сможете потратить на меня одно из исцеляющих заклинаний, думаю, я смогу вернуться в бой. – Сказал он, кивнув на бушующую со всех сторон бой. Нала не была военачальником, но ей показалось, что драконорожденные и пепельные гиганты в какой-то момент бросили друг в друга практически все, что у них было в запасе.

- Конечно. - Не поддаваясь истощению и бормоча молитву, Нала проникла в пустоту и втянула в себя жгучую, укрепляющую Силу. В ответ на ее истинные чувства или на призыв ее божества, Сила попыталась превратиться в яд. Но она придала ему жизненную силу, а затем схватила даардендриена за плечо, пока тот все еще держал её.

Воин вздрогнул и зажмурился, когда магия втекала в него. Затем он выпрямился и улыбнулся.

- Спасибо, миледи. Не могу словами выразить свою благодарность, - он наклонился, поднял с земли щит и подошёл к Медрашу. - Родич, кто-то должен вытащить Покорителя отсюда. Ты можете убедиться, что наши усилия не пропадут даром, и приказать своим людям вытащить его отсюда. Я думаю, они среагируют на твой приказ быстрее, чем воины Когорты. Ну что?

Медраш нахмурился, словно он больше не хотел, чтобы Баласар считал или называл его своим родичем. Но, тем не менее, он кивнул и сказал:

- Конечно.

* * * * *

Стоя на страже, Баласар остался на ногах, а Медраш встал на колени рядом с Тарханом, лежащим без сознания. При первом осмотре не было похоже, что его тело под броней было сильно обожжено. Во всяком случае, полководец все еще дышал, а это было главным.

Медраш обратился к Торму. Как всегда, Сила Бога была безграничной, но паладин практически исчерпал свою способность направлять ее. Ему пришлось сосредоточиться и напрячься, чтобы перенаправить хотя бы слабую струйку.

Когда у него получилось, он коснулся части лица Тархана, не прикрытые шлемом, нажав пальцами на золотые гвоздики. Когда Сила протекла из руки паладина в тело Покорителя, точка их соприкосновения засветилась. Все еще не придя в себя, Тархан глубоко вздохнул.

Медраш начал подниматься.

- Подожди, - сказал Баласар, понизив голос, чтобы никто вдали не мог услышать его сквозь грохот битвы. - Сделай вид, что ты все еще работаешь над ним.

Учитывая, что согласно плану они должны были поссориться, Медраш удивился – почему именно его Баласар попросил о помощи. Теперь он понял, что его брат по клану сделал это ради возможности поговорить.

- Что происходит? - Пробормотал Медраш в ответ.

- Не знаю, видишь ли ты отсюда, - сказал Баласар, - но с той высоты, на которую меня подбросил зверь, я все отчетливо разглядел. Исход битвы все еще не предрешен, а у нас до сих пор остались войска, так и не принявшие участия в ней.

- Потому что у Тархана так и не приказал им вступить в бой.

- Отчасти, да. Но еще и потому, что некоторые из них - это всадники, тренированные Кхорином. Они боятся атаковать, но совершенно зря.

- Что ты имеешь в виду?

- Я почти уверен, что Нала использовала магию, чтобы помешать чарам, которые сделали ваших лошадей храбрыми и послушными. Когда Когорта атаковала, сама жрица использовала какой-то спрятанный талисман.

Баласар развернул свой щит внутренней стороной, подобно двери на кожаных лямках, и показал Медрашу обшитую бусинами сумку из свиной кожи, свисающую с его руки. Поскольку сейчас он стоял спиной к Петрину и Нале, ни один из них не мог увидеть её.

Паладин видел эту сумку во время своего путешествия вместе с драконопоклонниками по Равнине Черного Пепла. Нала носила его на поясе и использовала для хранения предметов, используемых в колдовстве.

- Я не карманник, - сказал Баласар, - но когда я её схватил, она была измучена и не особенно наблюдательна. Если повезет, она подумает, что уронила его во время битвы.

- Ты говоришь так, будто уверен в своих подозрениях.

- Вспомни, что когда это действительно нужно, моя интуиция не подводит.

- Да, но сейчас останься с Тарханом. – Сказал паладин и, поднявшись, пошёл к своим людям.

Они сделали подстилку из копий и плащей, а затем, держась как можно дальше от любых потенциальных угроз, унесли Тархана с поля боя. После того, как они доверили его целителям, Баласар поспешил обратно в самое сердце битвы. Медраш же зашагал в сторону ближайшего отряда всадников.

К тому времени, как он подошел к ним, они спешили, готовясь к наступлению и сражению пешим строем в традиционной манере драконорожденных.

- Подождите! - Воскликнул он.

Прексиджандилин Джири обернулась. Малиновоглазая, с фиолетовой шкурой, эмалированные бледные гвоздики в форме первоцвета пробивали её щеки и кончики чешуек, обрамляющих её гребень на голове. Медраш всегда считал цветок несовместимым символом для такого воинственного клана.

Мгновение Джири выглядела удивленной – может от того, что паладин оставил командование своим отрядом, а может потом, что он был все еще жив. Затем она сказала:

- Я знаю, что приказа не было, но мне плевать. Мы нужны – мы идем.

- Хорошо, - ответил он. - Но атакуйте верхом, а не пешим строем.

Она покачала головой.

- Мы видели, что случилось с твоим отрядом.

- На то была причина, - но как бы он ни хотел поделиться подробностями, было бы неразумно обвинять Налу без доказательств. - Контрзакливание ослабило чары, заставляющие лошадей подчиняться, но кто-то об этом позаботился.

Джири с сомнением посмотрела на него.

- Или, может быть, просто наши чары не работают так, как мы надеялись.

- Да будь оно все проклято, мы же уже сражались верхом. И победили!

- Тогда было столкновением с отрядом мародеров. Быть может, лошади подходят только для такого, а не для настоящих сражений.

Ему хотелось бы призвать величие Торма, чтобы его аргументы были более убедительными, но пока это было невозможно. Все, что у него было - его собственный ум и сила убеждения.

Обрадовавшись тому, что с их позиции было легче взглянуть на битву. Он указал в её сторону.

- Смотри туда. Посмотри, как обнажается фланг гигантов. Представь, как мы могли бы сокрушить их, если бы зашли на них со стороны.

Джири нахмурилась, размышляя, затем покачала головой.

- Нет, я не рискну.

- Тогда я рискну, - Медраш развернулся и вскочил на чалого мерина одного спешившегося всадника. Воин удивленно уставился на него. – Раз уж ты не собираешься, я заберу это. И это тоже. – Сказал паладин, выхватывая из рук ошеломленного воина копье.

- Что ты делаешь? - Спросила Джири.

- Я надеюсь, что вы согласитесь хотя бы приблизиться к врагу верхом. Итак, план таков: я поеду впереди, когда мы приблизимся, я ускорюсь. Если моя лошадь сделает то, что я ей прикажу, а ваши не подадут никаких признаков сопротивления, вы броситесь за мной. В противном случае вы спешитесь и атакуете противника.

- Кхорин сказал, что ускоряться всем вместе - это...

- Движущаяся стена, я помню. Но это я иду на риск, а не вы. Итак, вы в игре?

Джири пожал плечами.

- Если так обстоит дело, то почему бы и нет? - Она повернулась и крикнула:

- В седло!

Пока всадники обходили основную массу гигантов, некоторые из маленьких коричневых тварей атаковали их волнами песка. Медраш был даже за этих нападков, потому что лошади стоически переносили их. Он надеялся, что это благотворно повлияло на уверенность воинов, ехавших за ним. По правде говоря, он и сам был рад видеть доказательства того, что догадка Баласара была верна.

Хотя настоящее испытание было еще впереди. Он повернул чалого коня к гигантам. Похлопав животное по шее, он сказал:

- Сделай это, и я буду кормить тебя яблоками до конца твоих дней. – И затем он прищипнул скакуна.

Чалый двинулся вперед, набирая скорость, пока, не колеблясь, не перешел на галоп. Гиганты были заняты наблюдением за другими врагами или борьбой с ними, а конь паладина преодолела уже полпути, когда его заметили. Один из варваров развернулся и метнул в него большой кремневый топор.

Медраш поднял щит под таким углом, что оружие должно было отскочить. Так и случилось, хотя удар все же отбросил его, вжав в седло.

Несмотря на удар, чалый не замедлился. Медраш поднял копье.

Гигант, бросивший топор, попытался увернуться. Медраш компенсировал это тем, что ускорил чалого коленом. Копье вонзилось варвару в середину груди, и его длинные серые ноги с узловатыми коленями сложились под ним.

Медраш попытался вырвать копье, но оно было зарыто слишком глубоко, и это вместе с его собственным импульсом вырвало древко из его хватки. Когда он мчался

вперед, одинокий всадник с противниками, возвышающимися со всех сторон, он выхватил свой меч из ножен.

Копье неслось в бок лошади, и драконорожденному пришлось наклониться в сторону, чтобы поймать удар своим щитом. Когда он снова поднялся, на него неслось две головки импровизированного цепа, сделанные из двух камней в кожаных мешках. Каким-то образом паладин поднял потрёпанный щит и отбил и этот удар.

Он разрезал спину гиганту, который все еще был повернут к нему спиной. К сожалению, это был последний, кто не успел отреагировать на налётчика. Остальные гиганты окружили его. Медраш крутился в седле, пытаясь найти выход, но его нигде не было.

Но затем, стуча копытами и щелкнув копьем, Джири врезалась в гигантов острием своего оружия. Это действительно было похоже на стремительную стену с торчащими из неё острыми копьями, и, видя это, Медраш на какой-то момент испугался. Что его сметет вместе с неповоротливыми гигантами, окружившими его. Однако этого не произошло. Благодаря тренировкам Кхорина или простой удаче, ближайшие всадники проскакали мимо, не зарезав и не налетев на паладина.

Когда он посмотрел на кровавую баню, которую они оставили после себя, драконорожденный внезапно почувствовал уверенность, что даже без Покорителя во главе их армия победит.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

12-15 Кефорн, Год Извечного (1479 по ЛД)

- Наши всадники на грифонах убегают от них уже несколько дней, - сказал Аот. - Они выпускаю стрелу-две, а затем отступают. Трескельцы обязательно ответят, но сейчас, по-видимому, они решили сделать привал. Особенно если учесть, что все эти большие звери, тянущие обозы, должны есть много мяса, а люди, слишком глупые, чтобы бежать прочь, должны готовить себе пищу.

Шала Каранок нахмурилась.

- Может быть. Но только если они не понимают, что небольшая сила, которую они видят перед собой - всего лишь приманка, - она махнула рукой в перчатке в сторону окружающих их дубов и вязов. - Ты уверен, что сможешь спрятать так много мужчин на этих клочках леса?

Рыжие волосы эльфа блестели в лучах солнечного света, пронизывающегося через переплетенные ветви над его головой. Гаэдинн сказал:

- Мы умеем прятаться, Высшая Леди, особенно мои застрельщики.

Аот отметил, что, несмотря на пониженный статус Шалы, лучник все еще использовал форму обращения, выражающую большое уважение. Он-то одобрил это, но вот как к такому отнесется Чазар?

Хотя, возможно, было полезнее задаться другим вопросом – а слышал ли вообще Бог во плоти их разговор? Чазар стоял и смотрел на восток, в сторону Небесных Всадников, хотя вряд ли мог увидеть холмы, скрытые за деревьями.

- Кроме того, - продолжил Гаэдинн, - у нас есть магии, умеющие скрывать армии. Не так ли, Оракс?

Юноша с острыми чертами лица резко кивнул. Пряди его длинных жирных черных волос торчали из-под шлема из кожи и стали, который он привык носить всегда.

Хасос скривился. Чазар мог запретить чессентцам преследовать магов, но он не мог заставить их перестать бояться или не доверять им.

- Ну и подавись. - Подумал Аот. Несмотря на проблемы в храме Чазара, он по-прежнему стоял выше барона в вопросах войны, и пока он был на своей должности, он использовал всевозможные уловки.

Боевой маг повернулся к Джесри. Она выглядела странно в своем новом красивом плаще и мантии, но хмурое выражение на ее прекрасном лице было таким же, как и всегда.

- Ты же все еще можешь играть с ветром в эти свои игры? – Спросил он.

- Думаю, да, - сказала она. Как будто простое возвращение к этой теме разбудило ее. Порывистый ветерок немного растрепал её золотистые волосы и донес аромат свежей зелени. – Правда. Если бы я прибыла сюда раньше, это немного помогло делу...

- Но, видимо, не все танцы были дотанцованы. – Вмешался Гаэдинн.

Джесри сердито посмотрела на него. Так же поступил и Аот. Он представлял, что раздражало эльфа, Более того, он даже прочувствовал это. Но сейчас было не время выражать своё недовольство.

К счастью, Чазар все еще выглядел отвлеченным.

- Если бы у меня было несколько дней, - сказала Джесри резким голосом, - я могла бы подружиться с ветрами этой местности. На этих равнинах они беспокойные. Время от времени злятся. При правильном сочетании настойчивости и милости мы, маги, сможем побудить их выполнять наши приказы.

Миниатюрная, озорно выглядящая Мералейн сказала:

- Леди, простите меня, если вы уже это знаете, но в этом месте беспокойны не только духи ветра.

- Я что-то почувствовала, - сказала Джесри, - но, может быть, не так сильно, как ты.

- Когда-то здесь жили люди. - Мералейн указала на камень, обвитый терновником. За длинными черными шипами, зелеными ягодами и потрепанной поверхностью было трудно что-то разглядеть. Тем не менее, Аот мог сказать, что когда-то он имел правильную форму с острыми краями, которую могли придать только инструменты. – Закончилось их проживание не очень хорошо. Я не могу отчетливо слышать их – только ни при дневном свете и не при отсутствии транса, но, судя по всему, сюда пришёл дракон.

- Это хорошо! - вставил Оракс. Аот думал, что парень не любил Мералейн, но, очевидно, все изменилось, пока его не было. - Если у них есть обида на драконов, то они должны помочь нам бороться с драконами из Трескеля.

- Подожди, - сказал Хасос. - Вы говорите о вызове нежити?

- Это ее особый дар, - сказал Гаэдинн, - и она использовало его для спасения вашего города.

- Что ж, она использовала его без моего разрешения.

- Ей это было не нужно, - сказал Аот. - она не знало, что такое требуется.

Хасос усмехнулся.

- Ну конечно, тэйский маг не видит зла в некромантии.

- Я вижу то, что нам предстоит тяжелая битва, - сказал Аот. - А еще я вижу, что в ней нам понадобится любая помощь.

Шала бросила на барона обеспокоенный взгляд.

- Мне это тоже не нравится, - сказала она. - Тем не менее, капитан Фезим прав.

- Он? - сказал Чазар.

Пораженный, Аот повернулся. В человеческом облике Чазар был самым импозантным и притягивающим взгляд военачальником, которого наемник когда-либо встречал. Но, будучи отвлеченным от беседы с самого её начала, любой мог попросту забыть о присутствии дракона в человеческом облики.

Шала заколебалась.

- Я так думаю, Ваше Величество.

- Даже если твой Бог сам поведет тебя в бой?

- Ваше Величество, - сказал Аот, - мы все признаем вашу силу. Но, безусловно, руководствуясь мудростью, вы предпочли сражаться во главе армии, а не в одиночку. И, конечно же, для того, чтобы эта армия выполнила свою роль, мы должны использовать все наши навыки и умения с максимально возможной пользой и эффективностью.

Чазар двинулся к Мералейн. Несмотря на свою якобы храбрость при прорыве осады и регулярное столкновение с ужасами при практике своего искусства, она отступила на шаг. Хасос с нетерпением ждал того, что должно было произойти.

Чазар двумя руками схватил Мералейн за мантию и поднял её над землей, смотря прямо ей в глаза. Он был похож на разъяренного отца, трясущего за воротник непослушного ребенка.

- Кто тебя освободил?! - крикнул он, забрызгав ее дымящимися каплями слюны.

Глаза Оракса широко открылись, а верхняя часть его тела дернулась вперед, словно он едва сдерживал желание вмешаться. Тем временем, Мералейн снова вздрогнула - либо от жара драконьей слюны, либо от его напора, либо от комбинации того и другого.

- Вы, Ваше Величество. - Запинаясь, пробормотала она.

- И как ты мне отплатила?

Мералейн выглядела так, будто понятия не имела, что Чазар хотел от нее услышать. Аот тоже не знал. Он знал только то, что лицо молодой колдуньи было бледным от изнурительного похода на север, а Чазар, как военачальник, был обязан заботиться о самочувствии своих солдат.

- Ваше Величество, - вмешался наёмник, - пожалуйста. Очевидно, нет необходимости в каких-либо... дебатах. Здесь все решаете вы. Если вы не хотите, чтобы девушка призывала мертвецов, то она этого не сделает.

- Тогда почему она вообще здесь? - рявкнул Чазар. - Объясни ее присутствие!

Аот все еще пытался придумать ответ, который мог бы успокоить дракона, когда, к его облегчению, Джесри заговорила.

- Аласклербанбастос - драколич. Вероятно, он послал меньшую нежить на юг, чтобы сразиться с нами. Чтобы уничтожить их, нам нужны особые знания некроманта.

Чазар нахмурился.

- Для этого у нас есть священники.

- Совместная работа знания и веры часто дает больше, чем одна лишь вера. Думаю, это признал бы даже Владыка Солнца Апатос. В любом случае, я команду магами, которые сражаются за Братство. Я обещаю вам, что Мералейн будет использовать свои силы только для изгнания мертвецов, а не для поднятия их из могил.

- Да будет так. - Сказал Чазар. Он отбросил Мералейн так, будто она была костью, которую он перестал грызть.

* * * * *

Гаэдинн прекрасно понимал, что у него есть дела поважнее. Тем не менее, что-то заставляло его издали наблюдать за тем, как Оракс болтался вокруг Мералейн. В конце концов, она прогнала его. Эльф чувствовал, что колдунья была напугана претензией Чазара, и ей не нравилось, что молодой человек постоянно возвращается к этому. Потому что она хотела выглядеть и чувствовать себя сильной.

Гаэдинну нравилось это. Если он чему и научился, так это тому, чтобы нельзя было никому открывать свои уязвимые места.

Все еще не понимая, почему его это так беспокоило, ведь, слава Богам, маги Лутчека были заботой Аота и Джесри, эльф двинулся вперед, чтобы преградить путь тощему сутулому юноше манерно выставив кинжал.

Оракс посмотрел на него.

- Что? Я ничего не делал.

Гаэдинн усмехнулся.

- Нет, но ты думал об этом. Не поддавайтесь искушению. Чазар прихлопнет тебя, как комара.

- Всю мою жизнь люди говорили мне, что он был хорошим и милостивым.

- Те же люди, которые говорили, что каждый маг – зло уже по своей сути?

Оракс моргнул.

- Я... Некоторые из них, но это не одно и то же.

- Пора тебе узнать печальную правду. Вы, чессентцы, смелы и хороши в спорте, но не очень умны.

Оракс ошетинился.

- Чазар по-своему хорош. Он действительно освободил нас.

- И если ты хочешь жить, чтобы наслаждаться этой свободой после того, как все закончится - держись от него подальше. Не соглашайтесь на должность при дворе и подобную чепуху.

- Как вы узнали, что происходит при дворе? Вы же были здесь, на севере.

- Я могу определить высокомерие, лишь бросив беглый взгляд. Я знаю, как ведут себя такие правители. Даже когда это ставит под угрозу жизнь их подданных.

- Да вас просто не устраивает то, что ему нравится Джесри.

- Бред чистой воды. Поскольку я, кажется, настроен давать советы, довожу до твоего сведения, что одна женщина очень похожа на другую, но ни одна из них не стоит того, чтобы ты терял из-за них самообладание, не говоря уже о капли крови. Другими словами, не связывайся с драконом, который, к тому же, является твоим королём, из-за девушки, которая тебе нравится. Клянусь Черным Луком, десять дней назад ты был равнодушен.

- Я и не собирался. - Сказал Оракс.

- Хорошо, потому что у меня есть для тебя работа. Я иду на разведку, а поскольку враг близко, мне нужен маг. Это прогулка может стать твоим первым уроком полета. Мы одолжим Королеву Умару. Она послушная... ну, для грифона. Пойдет по стопам Эйдер.

Оракс моргнул.

- Я не просил научить меня летать на грифоне.

- Это одно из преимуществ военной жизни. Начальство дарит интересный опыт, о котором ты даже не подозревал.

Королева Умара была совсем маленькой для грифона, с намеком на красный цвет в оперении, шрамом без перьев на боку орлиной головы и кривой задней ногой. Она получила обе травмы во время экспедиции в Тэй, но, к счастью, ни одна из них не сделала ее непригодной для полета или сражения.

Оракс казался удивленным и смущенным тем, что Гаэдинн почти не проинструктировал его. Он считал, что в полете на грифоне должно быть нечто большее, чем то, что ему сказал эльф. Он был прав, но он также был ребенком трущоб Лутчека. Гаэдинн подозревал, что маг никогда и на осле-то не сидел, так что решил не сбивать с толку ненужной информацией. Основную работу, с которой не справиться новичку, лучше доверить Королеве Умаре.

- Готов? - Спросил Гаэдинн.

- Да. - Ответил маг. Его голос дрогнул, и Гаэдинн усмехнулась.

Он провел кончиком пальца по шее Эйдер. Она побежала рысью, взмахнула крыльями и взмыла в воздух. Гаэдинн оглянулся и увидел, что Королева Умара неловко поднялась над землей. Если бы не ремни и стяжки, удерживающие всадника в седле, то тот сразу же упал бы с Королевы Умары. Проблема была не в ловкости. Оракс сбил грифона с ритма, постоянно и напористо повторяя одну и ту же команду.

Эйдер нашла столб теплого поднимающегося воздуха и использовала его, чтобы поднять себя и своего хозяина высоко над равниной. Гаэдинн посмотрел на рощи и высоту, которую должна занять группа-приманка, на солдат, занятых земляными работами или сооружением площадок для лучников на деревьях, на других, только что прибывающих с юга и запада и на незадачливых парней в арьергарде колонны, глотающих пыль беспорядочно топающих первых рядов.

Он повернул Эйдер на север, а Оракс и Королева Умара последовали за ними. Через некоторое время другой всадник на грифоне обогнал их, направляясь в другую сторону, потому что, конечно же, у Братства были и другие разведчики, наблюдающие за противником. Гаэдинн доверял им, но, как и Аоту, ему все еще нужно было видеть вещи своими глазами. Так эльфы учили его охотиться.

Он следил за Ораксом. Тревога мага проявилась в его сгорбленной жесткой позе и в мрачной напряженности лица, но через некоторое время взъерошенные перья на шее Королевы Умары легли, и она перестала раздраженно визжать, ибо её всадник перестал давить на неё своей напористой манерой командования.

Через некоторое время после этого с лица Оракса сошла каменная мрачность. Он все еще не выглядел так, как будто ему все это нравилось, но он, возможно, испытывал некоторое удовлетворение от того, что смог справиться с управлением.

Гаэдинн кивнул. Грубость и другие подобные черты парня пройдут. Если Джесри...

Внезапно рассердившись на себя, он оборвал эту мысль. Понятно, что принятие Оракса в Братство было хорошей идеей несмотря ни на что. Джесри никуда не собиралась уходить.

А если так, то шла б она в Бездну.

Вскоре после этого он заметил пятно на зелено-коричневой земле впереди и почувствовал радость от необходимости сосредоточиться на нем. Будучи занятым делами он не мог сбиться на что-то другое, даже если бы очень сильно захотел.

Но облегчение, если это подходящее слово для его чувств, длилось только до тех пор, пока он не заметил второе пятно. Было трудно поверить, что колонна трескельцев просто раскололась на части, хотя он был достаточно оптимистичен, чтобы попытаться поверить в это.

В данный момент малиновое пятнышко вдалеке, которое было одним из драконов, поднялось в воздухе. Потом эльф увидел мелкие пятнышки в воздухе, нависающих над своими товарищами подобно облаку. Возможно, эти подразделения должны были держать всадников на грифонах подальше. Тем не менее, Гаэдинну придется подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть эти пятна.

Но он должен был сделать это один. Он не хотел, чтобы молодой наездник вроде Оракса приближался к подготовленному врагу. Гаэдинн жестом приказал мага развернуть своего грифона, а сам погнал Эйдер вперед. Она хмыкнула, словно подвергая сомнению его суждение, но повиновалась так же охотно, как и всегда.

Убедившись, что заметит летающих врагов, если те двинутся на перехват, он разделил свое внимание между ними и теми, кто находился на земле. Сначала, прищурившись, он не мог различить две колонны. Каждое пятно мерцало точками солнечного света. Но потом он увидел, что в большом пятне это солнце отражается от чешуи дракона, а в малом – от стали.

Отряд воинов - людей, орков или гоблинов, которых он определил с легкостью, был дополнен какими-то зверьми и драконами, руководившими отрядами. Опасаясь животных, воины держались в стороне, но когда им придется сражаться бок о бок, то они станут единым целым.

Это были плохие новости, но, поскольку он навскидку подсчитал солдат, то были и похуже. Взмахнув кожистыми крыльями, второй красный дракон вылетел с севера, чтобы присоединиться к парящему в воздухе товарищу.

Молясь, чтобы дракон, поднявшийся в воздух, взлетел из центра армии, Гаэдинн посмотрел на землю. Нет, проклятие, дракон, которого он там видел, все еще шагал среди меньших рептилий. Он был зеленым - факт, который его сознание, по-видимому, подавило, чтобы дать своему хозяину мгновение ложной надежды.

Он посмотрел на вторую красную рептилию, пытаясь понять, насколько она была старой, большой и, соответственно, грозной, но затем дракон зарычал. Хотя эльф не мог говорить на языке драконов, он мог с уверенностью сказать, что этот звук был сложным и достаточно структурированным, чтобы внутри него поместилось слова. Три меньших пятнышка резко устремились вперед.

Гаэдинн повернул Эйдер так быстро, как только мог, что было довольно быстро. И все же за эти несколько ударов сердца вражеские летучие отряды подлетели достаточно близко, чтобы он смог разглядеть их бледно-зеленые шкуры, длинные рога, растущие из их почти птичьих голов, и их змеиные хвосты. Это были рептилии, которых называли остророговыми дрейками, но они не должны были сокращать дистанцию с такой скоростью. Красный дракон, очевидно, наложил чары, заставляя их крылья биться так же быстро, как у колибри.

Надеясь, что сила магии скоро иссякнет, Гаэдинн все время оглядывался, пока улетап прочь, и каждый раз дрейки приближались. Но чистая скорость не означала мастерство и маневренность. Если он развернется и будет сражаться, то сможет убить этих жалких существ. Но что, если другие летающие враги, возможно, даже сами драконы, догонят его прежде, чем он закончит?

Красная искра промелькнула мимо него и затем с грохотом взорвалась огнем. Точка света не пролетела достаточно далеко, чтобы взрыв поглотил кого-нибудь из дрейков, но они с визгом свернули в сторону. И когда они снова нацелились на Гаэдинна, то их шуршащие крылья, наконец, замедлились.

Оракс подлетел на Королеве Умаре достаточно близко, чтобы его слова были услышаны эльфом, что было ближе, чем Гаэдинн предпочёл бы, учитывая отсутствие у мага опыта в полетах.

- Это их замедлило! - Выкрикнул Оракс.

- Заткнись! - рявкнул Гаэдинн. - Отправляйся в лагерь как можно скорее.

На самом деле, не было больше нужды в спешке. Дрейки прекратили погоню прежде, чем отделились от двух наездников, но Аот точно хотел бы услышать отчет Гаэдинна как можно раньше.

* * * * *

Джесри редко возражал против убийства людей. Если бы она была против, то не протянула бы долго в роли наёмника. Но с беспомощными животными дело обстояло иначе - когда она подошла к клеткам со зверьми, привезенными армией в Сулабакс, она почувствовала укол несогласия.

Девушка подавила его, поскольку каждый маг должен был уметь заглушать отвлекающие его мысли. Ей нужно было сосредоточить свой разум на своей цели,

иначе сила, которую она разбудила при помощи своих концентрации и заклинаний, выйдет из-под ее контроля.

Она открыла первую клетку - изящный миниатюрный дворец из латуни. Канарейка внутри была достаточно мудрой, чтобы не доверять ей, и, взмахивая крыльями, пыталась уклониться от ее хватки. Но у магов были ловкие руки, и девушка схватила птичку, хотя и после того, как та укусила её за большой палец.

Она посмотрела в небо, произнесла последнее заклинание и провела лезвием небольшого серебряного ножа по горлу канарейки. Вокруг нее закружился ветер, и кровь птицы поднялась вверх, растворившись в тумане, а затем полностью исчезла. С ней ушло пару капель заклинательницы, но это было даже лучше – возможно, так связь будет крепче.

Когда она убивала каждую птицу по очереди, ее внутренний глаз постепенно начинал видеть огромные, бесформенные и невидимые для обычного зрения сущности. Все еще были мгновения, когда ветры равнины витали над ней, воя от жажды до глотка жизни и магии. Хотели насладиться этим вкусом.

Последней жертвой был голубь. Она чувствовала биение его сердца своими влажными красными пальцами. Она начала разрезать, а затем Чазар сказал:

- Миледи!

Она не знала, что он подошел к ней сзади. Его голос поразил ее, и она не смогла нанести один смертельный удар. Раненый, но не убитый голубь вздрогнул.

Она почувствовала изменение в отношении парящих духов, внезапное сомнение в том, что она достаточно сильна и умна, чтобы управлять ими. Джесри произнесла слова силы и сделала второй удар. Голубь перестал сопротивляться. На мгновение показалось, что кровь вот-вот упадет на землю, но затем закружилась вверх, как и кровь предыдущих жертв.

Джесри вздохнула и на мгновение закрыла глаза. Затем она произнесла заключительное заклинание и сделала рубящее движение своим посохом, чтобы безопасно завершить ритуал. Она почувствовала, как остаточная энергия утекает в землю, а ветры со свистом уносились прочь, от чего одежда колдуньи хлопала и шуршала.

Чазар был драконом, монархом и нанимателем Братства. Каждая причина по отдельности была достаточно веска, чтобы не показывать ему своё раздражение его вторжением. Тем не менее, когда она обернулась, ей пришлось изо всех сил постараться, чтобы оно не проявилось в выражении ее лица. Ей еще предстоит узнать, был ли он магом, или его магические способности были врожденными. Но в любом случае, он определенно достаточно знал о магии, чтобы понять, что глупо беспокоить фокусника во время ритуала.

Но когда она увидела раскаяние и тревогу на его красивом лице, то это уменьшило ее раздражение.

- Мне очень жаль, - сказал он. - Я не знал, что вы все еще работаете. Я все испортил?

- Нет, Ваше Величество. - Сказала она. Хотя теперь связь, вероятно, была не такой сильным, как могла бы быть.

- Хорошо. Пойдемте со мной.

От чтения стольких заклинаний у неё болело горло, а от долго стояния на месте - тело. Тем не менее, даже в тот момент, когда она предпочла бы плюхнуться на землю и выпить эля, было лестно, что он желал ее компании. Ради него она натянула на лицо искреннюю улыбку и, посохом разорвав круг, нарисованный на земле вокруг неё, шагнула к Чазару.

Они прошли через ночной лагерь с редкими кострами, которых было так мало из-за того, что Аот не хотел, чтобы враги могли подсчитать примерную численность его армию по точкам света в ночи. Чессентские солдаты и наёмники одинаково приветствовали проходящего мимо Героя Войны. Чазар салютовал в ответ, но с заметной небрежностью.

Какое-то время Джесри думала - не собирается ли он просто бродить в тишине. Затем дракон сказал:

- Силы врага сильнее, чем ожидалось.
- Я знаю. - Ответила она. К вечеру все знали, что видели Гаэдинн и Оракс.
- Хасос советует вернуться в Сулабакс.

Она сказала то, что, как она думала, сказал бы Аот, если бы он услышал это предложение:

- Ваши войска прорвали осаду города не для того, чтобы просто вернуться за стены и ждать следующей. Нам нужно сразиться с врагом лицом к лицу, чтобы решить проблему Трескеля раз и навсегда. Вы ведь этого хотите, не так ли?

Чазар сдержанно и обеспокоенно улыбнулся.

- Конечно. Какой правитель, какой бог, может допустить, чтобы часть его владений бросала вызов его власти? Просто... Вы понимаете, почему я не хотел, чтобы эта несчастная маленькая ведьма вызывала мертвых?

Джесри заколебалась.

- Не совсем, Ваше Величество.

- Мертвые - темные создания. И именно здесь, в этом самом месте, эти темные твари удерживали и мучили меня, пока я чуть не потерял рассудок. Могу ли я доверять некроманту, черпающему силу из тьмы? Или тэйскому магу? Там все некроманты, не так ли? А если учесть, что этот человек осквернил мой храм...

- Ваше Величество, я прошу вас вспомнить, что, как и остальные маги Чессенты, Мералейн всем обязана вам. Аот, будучи изгнанным своим народом, не раз сражался с некромантами. Более того – он просто наёмник, которого вы нанимаете за золото. Нет никаких сомнений в том, что все они верны вам.

- Полагаю, вы правы, - некоторое напряжение исчезло с его лица. – мне повезло, что ты мой ловак.

Она могла сказать, что это был какой-то комплимент, и это ей понравилось. Тем не менее, ей пришлось признать:

- Я не знаю этого слова, Ваше Величество.

Он заколебался, а потом сказал:

- Это старое драконье слово. Оно означает – верный друг и доверенный короля.

* * * * *

Противник заметил нескольких всадников на грифонах. Значит, армия Чазара не выдала свой секрет, придерживая некоторых наёмников в воздухе. Аот решил быть среди них, чтобы получать наилучшее представление обо всем, что происходило.

Отряд-приманка стоял на вершине холма, за земляными валами. Боевой маг хотел, чтобы Кхорин был здесь, чтобы командовать ими. Он пытался утешить всех заверениями, что Хасос, хоть и пытался избежать боя при любом возможном случае, при столкновении с противником отлично показывал себя.

Аоту потребовалось столетие, чтобы привыкнуть к своим пылающим глазам. Тем не менее, на мгновение его смутил вид дубов, вязов и армии, скрытой иллюзиями. Ему пришлось напомнить себе, что трескельцы не могут их видеть.

По крайней мере, это вроде бы было так. К сожалению, у драконов были острые чувства. Но, если Тимора улыбнется им, рептилиям будет чем заняться.

Все три вражеских дракона, два красных и зеленый, были в воздухе вместе с другими летающими существами. Они направлялись к вершине холма. Аот направился к змеям, намеревающимся начать битву, обрушив на отряд-приманку пламя и ядовитые пары, на себя.

- *Мои чувства задеты.* - Сказал Джет.

- *Не волнуйся,* - ответил Аот. – *Сейчас мы дадим им повод обратить на нас внимание.*

Хотя ему не хватало той связи, которая была у Джесри с духами ветра, он был достаточно опытным магом, чтобы почувствовать их присутствие, когда летел на грифоне. Вражеские драконы и крылатые дрейки барахтались и дергались, когда порывы ветра толкали их то в одну, то в другую сторону, разрезая воздух крыльями.

Аот поднял рог и прогудел в него три ноты. Несомненно, поле битвы уже было поглощено ударами стали о сталь, лязганьем челюстей трескельских ящеров, всадников и пехоты - смеси людей, орков и кобольдов, дерущихся в тени своих летающих союзников. Но его люди всегда слышали его приказы, и он был уверен, что будет услышан и сейчас.

Это и произошло. Еще больше всадников на грифонах выскочило из рощ, а затем, вдали от ветвей, которые могли бы воспрепятствовать их взлету, устремились в небо. Тем временем с деревьев и из-за земляных валов посыпались стрелы. Воины и монстры трескельцев начали падать.

Аот ухмыльнулся. Джет, с помощью ментальной связи поняв, что хочет его хозяин, устремился к ближайшему красному дракону. Поскольку духи воздуха не препятствовали ему, он мог лететь так же стремительно, как и всегда.

И это хорошо. Аот решил, что, как и его товарищи, красный дракон был относительно молод. Но он все еще был способен сжечь Джета прямо в полете или искромсать его клыками и когтями.

Наёмник произнес слова силы и нацелил свое копье, высвободив часть сдерживающейся внутри него энергии, чтобы увеличить силу заклинания. Серебристая струя холода вырвалась из острия оружия и залила морду дракона.

Он взревел, вывернул шею и извергнул огонь. Но, возможно, турбулентность вокруг него не позволила ему прицелиться, потому что Джету даже не пришлось уклоняться.

Как только они пролетели мимо, Аот бросил огненный шар и взорвал двух дрейков в воздухе. Когда Джет повернулся, чтобы еще раз зайти на красного дракона, у Аота появилось время, чтобы посмотреть на то, как шли дела у остальных.

Соратники Аота на грифонах выпускали в крылатых рептилий стрелу за стрелой. Часто, несмотря на все свое мастерство, они промахивались, поскольку мало что было труднее, чем поразить летящую цель, сидя на спине у летящего грифона. Иногда, какой-нибудь беспокойный дух ветра, летающий поблизости от цели, заставлял посланные снаряды разлетаться в стороны. Но Аот подсчитал, что одна стрела из пяти попадает и поражает цель. Если повезет, этого будет достаточно.

На стрельбе лучники наносили врагу куда больше урона. Оказавшись зажатыми с трех сторон, трескельцы и их союзные рептилии попытались вырваться из окружения, но когда они доходили до земляных валов или зарослей деревьев, то натыкались на стены щитов, ошестинившиеся копьями.

В общем, вроде бы все шло хорошо. Но потом голубое небо потемнело.

Аот прорычал ругательство. Его старый враг Исвал был способен заслонять солнечный свет. Как и Ксингакс, который вставил себе глаз теневого монстра. Оба были давно мертвы, но кто-то или что-то на стороне Трескеля знало, как создать такой же эффект.

- Один из драконов? - Спросил Джет.

- Сомневаюсь, - ответил Аот. - *Учитывая, что ветер мешает им, а из их тел торчат стрелы, маловероятно, что они смогут проявить необходимую концентрацию. Лети над наземными войсками. Может быть, мы заметим мага.*

Они действительно заметили заклинателей – колдунов людей, напевающих заклинания и замысловато размахивающих посохами, жезлами или сферами; заклинателей людоящеров, которые выкрикивали заклинания; а также шаманов орков и кобольдов, размахивающих идолами из костей, мумифицированных рук и сморщенных голов. В другой ситуации Аот воспользовался бы возможностью швырнуть огненный шар или ледяной град в любого из них. Но никто из магов не выглядел способным высосать солнечный свет с неба.

Затем Аот заметил небольшой уголок мрака под дубовой рощей позади того, что считалось вражеским строем. Никакие глаза, кроме его, не смогли бы разглядеть огромную зеленую фигуру, скрытую в темноте, или различить его на фоне других темных пятен, окутанных мраком.

Дракон смотрел в черный шар, поддерживаемый железной треногой. Его окружали слуги с пепельной кожей, которые, возможно, когда-то были обычными человеческими мужчинами. Судя по движению их ртов, они тоже пели в унисон. Деревья вокруг них сбрасывали листья, как будто весна превратилась в осень.

Змеем почти наверняка был Джаксанаедегор, дракон-вампир, который был главным лейтенантом Аласклербанбастоса. Аот узнал его по описанию Газдинна и Джесри, и он знал, что для него и Джета было бы безрассудно атаковать его в одиночку.

Но кто-то должен был прервать их колдовство, прежде чем тьма превратится во что-то похуже. Аот огляделся, чтобы посмотреть, сколько всадников на грифонах он сможет собрать. А затем он почувствовал озноб и учуял запах разложения. Чувство ядовитой несправедливости скрутило его внутренности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

15 Кефорн, Год Извечного (1479 по ЛД)

Шрам недовольно хрипел. Он хотел летать и сражаться со своими братьями и сестрами, а не прятаться за земляными валами на вершине холма.

Но с этой позиции Джесри могла управлять ветрами, и было бы глупо подниматься в воздух и становиться целью для врагов. Сконцентрированная на своей связи с духами ветра, которые воспринимают все её чувства как некий отдаленный зов, она, тем не менее, осознавала недовольство грифона, когда слышала удары металла о металл, рычание и крики, раздающиеся вдоль валов. Девушка погладила перья на его голове.

Потом яркий день сменился сумерками. Не покидая боевой линии, Хасос рывкнул, прося повелителей солнца, пришедших с армией, что-то с этим сделать.

Джесри оставалось только пожелать им удачи. Она не могла оставить связь с духами.

Священники начали читать молитвы, водя своими золотыми булавами над головами, образуя дуги, которые предполагали ежедневный переход солнца с востока на запад. Сила нагрела воздух, но неестественный мрак все еще держался.

И держался он до тех пор, пока мертвые не начали подниматься из своих забытых могил или, скорее, из мест, где они лежали непогребенными после того, как древний дракон, по словам Мералейн, убил их. По большей части они были невидимы, но воины с обеих сторон чувствовали их близость, от чего многие ахнули и съежились.

Призраки проигнорировали бойцов на земле и взлетели в воздух. Они напали на духов ветра и сделали то, что не могли сделать даже драконы – хватали их руками и поглощали их жизненную силу.

Разъяренные, напуганные или потрясенные ощущением боли и слабости, духи, впервые за время своего бессмертного существования, ударили в ответ, опешили или попытались бежать. Мало кто из них продолжал бороться с драконами или другими летающими ящерами. Те же триумфально зарычали после прекращения преследования.

Сосредоточенно шепча команды, Джесри напряглась, чтобы восстановить контроль над ветрами. Она пыталась направить их, чтобы они могли защитить себя и продолжать препятствовать крылатым змеям. Но тут воины перед ней закричали и отпрянули от крепостных валов.

Джесри посмотрела на зеленого дракона, парящего над вершиной холма. Проклиная обстоятельства, она разорвала связь с духами, схватила свой посох и воззвала к огню.

* * * * *

Внутренности Шалы Каранок смешались, когда она увидела дракона, вырвавшегося из тьмы. Тем не менее, не паника заставила ее выйти из-под прикрытия земляных валов - она сделала это, чтобы спасти ситуацию.

Тем временем Джесри взмахнула своим посохом над головой, подобно плечу требушета. Точка света вылетела из наконечника, ударила дракона в голову и взорвалась ревушим потрескивающим огнем. Змей закричал и повернул прочь.

Шале пришло в голову, что, если можно так сказать, им повезло, что зеленый первым достиг вершины холма. Огонь, скорее всего, не навредил бы красным рептилиям.

Не то чтобы заклинание повредило дракона достаточно сильно, чтобы обезвредить его надолго. Прямо сейчас он снова приближался к валам. Джесри запрыгнула на спину своего грифона, а Шала добралась до Чазара.

Живой Бог все еще был в человеческом обличье. Согласно плану, он должен был оставаться в этой форме до тех пор, пока вся армия врага не вступит в бой, и только тогда он трансформируется и атакует со всей якобы устрашающей силой, что есть в его распоряжении.

Но сейчас инициатива была на стороне трескельцев, так что весь план превратился в кучу навоза. И все же Чазар все еще пассивно стоял, будучи так же далеко от схватки, как резервы или какие-нибудь священники. Его глаза были широко раскрыты и метались взад-вперед.

Шала указала своим окровавленным мечом на приближающегося дракона.

- Враг здесь! – крикнула она. - Прямо над нами!

Когда грифон прыгнул в небо, Джесри выпустила ещё одну струю огня. На этот раз дракон встретил атаку стойко, выпустив в ответ облако горячего пара. Шала вздрогнула, но грифон каким-то образом извернулся и убрал себя и своего наездника с линии огня.

Чазар все еще не двигался.

- Превратитесь! - крикнула Шала. - Убейте тварь!

- Это то, чего они хотят. - Сказал Чазар.

- Чего? Кто?

- То, кто приходит с тьмой. Они хотят, чтобы я трансформировался, чтобы найти меня.

Шала ничего не понимала и не знала, что ему сказать. Она знала только, что если Бог не собирается сражаться, тогда все зависит от смертных. Презирая его, она глубоко вздохнула и зашагала обратно к крепостному валу.

* * * * *

Джет взмахнул крыльями и взмыл над головой дракона, который, вероятно, хотел приблизиться незамеченным и разорвать голову грифона когтями.

- Где Чазар? – спросил Джет. - Если он хоть немного похож на того, кем должен быть, то он может все изменить.

- Не знаю. - Ответил Аот. У него не было времени и попытаться найти Героя Войны. Без помощи элементарей воздуха битва в небе стала намного труднее. И даже

если он и его товарищи на грифонах смогут выиграть эту локальную битву, то есть уже дюжина проблемных ситуаций, требующих немедленного вмешательства.

Он прочитал заклинание и прицелился копьем. Ослепительная, потрескивающая молния вылетела из его острия и ударила одного из красных драконов. Существо содрогнулось, и лишь на полпути к земле восстановило контроль над своим телом и, в частности, крыльями.

Но пока Аот был занят этим драконом, другой напал на лучников, прятавшихся в одной из рощ.

* * * * *

Будучи в относительной безопасности за спинами наемников и их щитами, Оракс швырял магические стрелы в трескельцев, которые снова и снова штурмовали строй Братства. Несмотря на зловещую и неестественную тьму, волшебнику казалось, что дела идут неплохо. Затем их живые враги - чешуйчатые кобольды и орки со свиными мордами, отступили и позволили мертвым атаковать.

Оракс почувствовал, хотя и не заметил пробуждения призраков, но потом это чувство, видимо, вместе с нежитью, ушло. Теперь же духи вернулись и продвигались вперед в виде теней с черепами, будто бы они питались чем-то, что делало их более реальными.

Воины, которые флегматично, а иногда даже и с насмешкой отражали атаки трескельцев, дрогнули, но лишь на мгновение, а затем они приготовились к тому, что должно было произойти. Оракс вспомнил, что это были люди, которые последовали за Аотом в Тэй и сражались там со всевозможными ужасами некромантии.

Но не всегда смелость и опыт могли выручить. Иногда их копья и мечи наносили вред врагу, но чаще свободно проходили через бестелесного врага. В ответ на это призраки набрасывались на воинов, пропуская свои нематериальные когти сквозь кольчугу и панцири и вонзали их в плоть. Люди же в ответ могли лишь закричать, после чего как будто высыхали и замертво падали.

Один фантом свалил наемника и скользнул сквозь его тела прежде, чем то успело упасть. Оракс вызвал поток кислоты, который пролетел сквозь призрака, и с брызгами и шипением упал на спину только что упавшего на землю тела наемника.

Идиот! Оракс отругал себя. Ему следовало продолжать метать магические стрелы. Решив так и поступить, волшебник начал отступать и случайно взглянул прямо в пустые глазницы темного, дрожащего черепа. Он понял, что не может отвести взгляд или хотя бы пошевелиться. Призрак потянулся к нему...

Позади Оракса Мералейн повторяла рифмующиеся слова на языке, который даже он, такой же волшебник, не знал. Ее голос был мягким, но что-то в нем заставляло некоторые слоги звенеть подобно ударам молота по наковальне.

Настала очередь призрака дрогнуть. Его форма заколебалась на месте, как будто он пытался вырваться из сдерживающей его силы. Затем он взвыл, повернулся и набросился на одного из своих братьев-призраков. Два других фантома сделали то же самое.

Оракс втянул воздух. Он хотел атаковать враждебно настроенных призраков, а не тех, которые теперь служили Мералейн, но было трудно отделить одних от других.

Волшебник все еще пытался выбрать цель, когда заметил движение над своей головой.

Дракон спикировал на рошу. Он открыл пасть и извергнул ярко-желтое пламя. Струя огня воспламеняла или просто уничтожила все на своем пути - ветви, лучников на платформах, воинов и призраков, сражающихся на земле. И, подобно кисти художника, рисующего линию развалин, струя устремилась к Ораксу.

Он хотел было убраться с направления огня, но увидел, что она должна поразить еще и Мералейн, которая, судя по всему из-за концентрации, не могла двигаться.

Оракс схватил ее и потащил за собой. Его нога зацепилась за протянутую руку трупа. Волшебник упал, утянув с собой Мералейн. Струя пламени прошла на расстоянии пары пальцев от их ног, но достаточно близко, чтобы от палящего жара перехватило дыхание.

Достаточно близко, чтобы подожженная трава и упавшие ветки могли представлять угрозу. Волшебник вскочил на ноги, подтащил Мералейн к себе, огляделся и почувствовал укол ужаса.

На первый взгляд казалось, что вокруг горит буквально все, не оставляя путей к выходу из огненной ловушки. Жар доставлял ему невероятную боль, а дым заполнил легкие, выбивая из них сдавленный сухой кашель. Горящая платформа, обугленные трупы сидевших там лучников и поддерживающие ее сучья рухнули прямо перед ними. Мералейн вскрикнула.

- Все в порядке, - сказал он. - Я могу справиться с этим.

Борясь с желанием снова закашлять, что могло нарушить концентрацию, Оракс прохрипел заклинание.

Корона пламени, окрасившая мир в синий цвет, возникла вокруг него, но не нанесла ему никакого вреда. Вместо этого жар драконьего пламени сменился приятной прохладой.

Он втащил Мералейн в круг синего огня, и она закричала от того, что прикосновение пламени показалось ей болезненно холодным. Но как только он притянул её и обнял, она полностью погрузилась в эффект заклинания и испытала его так же, как и Оракс.

- Теперь надо бежать, - сказал он. - Прежде, чем защитные чары исчезнут.

Он попытался бежать в противоположном направлении от врага и, хотя окружающий его ландшафт изменился, он все еще был залит синем пламенем и дымом, из-за чего Оракс не был уверен, где он оказался. Он попытался вывести Мералейн из самого большого пожара, но иногда им приходилось бежать сквозь стены пламени. В такие моменты их щит не мог полностью защитить их от жара, так что спасением была не только магия, но и скорость их передвижения.

Они выбрались из пожара за мгновение до того, как их собственный ореол пламени погас. Оракс тянул Мералейн вперед еще несколько шагов, после чего повернулся и удивленно выругался. Изнутри он не мог видеть этого, но оказалось, что пламя дракона покрыло относительно небольшую область. Изнутри же казалось, что пожар был таким же огромным, как, например, Лутчек.

Мералейн так сильно закашлялась, что чуть не вырвалась из его объятий. Как только она прекратила кашлять, то Оракс понял, что больше не было особых причин обнимать её. Тем не менее, он отпустил ее с некоторой неохотой.

Она вытерла слезы, выступившие из покрасневших глаз.

- Что теперь?

Часть его хотела сказать ответила: *“Беги! Беги прочь, прежде чем призраки и драконы снова найдут нас!”* Но вслух он сказал:

- Смотри. Вон там некоторые из наёмников. Пойдём к ним.

* * * * *

Гаэдинн выбрал цель и натянул тетиву до уха, но Эйдер резко дернулась вправо – вероятно, уворачиваясь от угрозы, которую лучник даже не видел.

Он машинально перенаправил лук в сторону отслеживаемого дрейка и выпустил стрелу, которая вонзилась рептилии в бок. От этого ранения существо упало на землю.

Гаэдинн улыбнулся и огляделся в поисках другого врага. Огненный шар, выпущенный кем-то в воздух, взорвался и создал силуэт дракона, парящего над вершиной холма. По-видимому, это был зеленый дракон, поскольку большинство магов не стали бы атаковать красных драконом огненными заклинаниями.

Хотя он не мог разглядеть их в темноте, тем не менее, Гаэдинн подозревал, что нападение совершила Джесри верхом на Шраме. Она была знатоком магии огня, а посох, который они украли из пещер Джаксанадегора, лишь увеличил её способности.

Но это не означало, что она могла убить даже молодого дракона в одиночку. Он направил Эйдер к дракону.

Тем временем зеленый змей поднялся в воздух. Он не должен был перехитрить обученного грифона, но, возможно, Шрам был ранен. А почему бы и нет? Ведь все равно все вокруг идет не так, как планировалось.

Гаэдинн потянулся, чтобы вытащить стрелу из одного из своих колчанов, но передумал. Если он не будет привлекать внимание дракона к себе сейчас, то, возможно, он смог бы подняться над драконом и поразить его чем-то, что нанесет змею больший урон, нежели древко деревянной стрелы со стальным наконечником, пусть та и была бы пущена его точной рукой.

Шея дракона дернулась, и его пасть открылась. Едва заметный в полумраке пар заструился из неё.

Шрам хлопнул крыльями и увернулся. Зеленый дракон нырнул так же ловко. Каким-то образом он угадал, в каком направлении будет двигаться Шрам, и теперь неся на грифона, собираясь врезаться в того и схватить женщину на его спине.

Гаэдинн послала Эйдер кинуться на змея. Джесри поразила брюхо дракона вспышкой огня. И тут Эйдер врезалась в основании шеи дракона, и Гаэдинн, крепко стоявший в стремени, почувствовал этот толчок каждой частью своего тела.

Когти грифона вонзились глубоко в тело дракона, а его когти и клюв рвали чешую и плоть рептилии.

Дракон содрогнулся и начал падать, попутно не переставая вертеться. Гаэдинн подумал - сможет ли Эйдер отскочить от удара крыльями или лапами дракона. Но грифон правильно рассчитал время, и когда тело дракона начало кувыраться по земле, он мягко заскользил с него.

Приземлившись, Гаэдинн погладил Эйдер по шее и посмотрел на Джесри.

- Смотри ка, - подумал он. – Это сделал я, а не твой мерзкий Чазар.

Затем произошло невозможное - изломанное тело дракона перевернулось и вскочило на ноги. После всего того, что он перенес, Гаэдинн не мог поверить, что змей все еще жив.

Потом он понял, что это не так. Проклятая некромантия, которая уничтожила братство в Тэе, возродила рептилию. Так или иначе, ему и Джесри придется снова бороться с ним.

* * * * *

Дрейки были не больше кошек. По сравнению с другими ужасами битвы они казались шуткой. Но чертовски проворной и быстрой шуткой – одним движением они перепрыгивали через вал и наваливались всей своей массой. Их было по три-четыре на каждого чессентского воина, и они били и резали своими клыками, острыми, как иглы.

К тому времени, когда Шала убила двоих, еще один сидел на ее щите, а его задние согнулись, пытаясь найти опоры и дать своему владельцу прыгнуть Шале на лицо. Она не смогла дотянуться клинком своего палаша до монстра, но зато у неё получилось ударить его наверху. Тяжелая латунная ручка поймала рептилию в прыжке и бросила её на землю. Монстр мгновенно вскочил и бросился на Шалу. Она подняла ногу и топнула. Послышался треск кости. Она вжимала тварь в землю, пока та не перестала корчиться.

Женщина огляделась. Остальные маленькие дрейки тоже были убиты. Туша большого дрейка, которого она убила, иногда мешала потоку врагов непрерывно атаковать вал. Сейчас настал один из таких моментов. Это дало ей возможность перевести дух и в целом оценить ситуацию.

Итог ей не понравился. Она и ее товарищи убили многих дрейков, но врагов было еще много, но, ко всему прочему, она заметила новую проблему – какие-то тени или, может быть, призраки, уже взбирались на вершину холма. Как, во имя Владыки Солнца, они должны быть бороться с теми, кто уже был над ними?

Из-за несправедливости происходящего чувства негодования или безнадежности могли бы захватить её, но она знала, что не может позволить себе чувствовать ничего, кроме воли к победе и думать о чем-то, кроме тактики и стратегии.

Она сунула меч в изгиб своей руки с щитом и потянулась за кожаной флягой с водой, висящей на поясе. Хасос, немного спустившийся с вала, попятился назад. Его шлем слетел, а лицо и макушка под ним потемнели от крови. Толстотелая рогатая рептилия размером с упряжную лошадь карабкалась за ним по земляным валам. Другие воины отпрянули от монстра, открыв широкую брешь в своих рядах. Если кто-то чего-то не предпримет, то десятки дрейков ворвутся в их ряды.

Шала схватилась за рукоять меча и побежала навстречу угрозе. Один воин встал на её пути, и она протаранила его своим щитом.

Когда она приблизилась к рептилии, то увидела, что Хасос порезал ей голову и плечи. Это было уже что-то.

Она взмахнула мечом и нанесла дрейку порез, который лег поперек ране, нанесенной бароном, из-за чего под правым глазом монстра образовался кровотокающий крест.

Монстр взревел и повернулся к ней. Задняя половина его тела все еще находилась на противоположной стороне вала, и, возможно, это делало его неуклюжим. Когда он укусил, было нетрудно отпрыгнуть из зоны досягаемости челюстей и нанести ответный удар.

Затем монстр извергнул огонь.

Теперь Шала не была вне зоны досягаемости. Рефлекторно она подняла щит, закрывая от огня голову и туловище. Это ослепило её и, более того, обожгло нижнюю часть тела.

Затем, она почувствовала острые клыки монстра, схватившие её за ногу, облаченную в раскаленный металл. Выкованные дворфами наголенники не позволили моментально откусить ногу, но даже заколдованная броня вряд ли продержалась бы дольше одного-двух ударов сердца. А даже если бы и продержалась, то горячее дыхание рептилии поджарило бы ногу женщины.

Выкрутив талию и молясь, чтобы неловкая атака проникала сквозь чешую, она ткнула монстра в горло.

Меч вонзился глубоко, и когда она вытащила его, то на неё брызнула дымящаяся кровь. Рептилия взревела, разжав челюсти, а затем упала на бок.

Но вслед за ней через вал перебралось еще больше рептилий. Она перекатилась, поднялась на ноги и поймала одного ударом прямо между глаз. Монстр рухнул.

- Чессента! - взревела она. - Чессента!

Воины, которые следовали за ней во многих войнах, вернулись на линию фронта. Вместе они отбросили назад волну ящеров.

Затем, на поле боя появились ужасные призраки, которые превращали молодого человека в высушенного старика одним прикосновением.

- Священники! – крикнула Шала. – Изгоните нежить!

И они тоже прислушались к ее зову. Священники отказались от своих бесплодных попыток восстановить дневной свет на поле боя и вызвали локальные вспышки света. Те отбрасывали призраков или сжигали их дотла.

В следующий раз, когда битва даровала ей пару мгновений для передышки, Шала поняла, что некоторые из ее товарищей подхватили ее боевой клич.

- Чессента! - выли они. – Чессента!.

Другие же в это время скандировали:

- Шала! Шала! Шала!

* * * * *

Аот наблюдал за битвой. Ни темнота, ни расстояние не мешали его магическому зрению, но ситуация все шло настолько хаотично, что даже он, при всем его военном опыте, не мог в ней разобраться.

На данный момент Чессентцы держались, хотя и большой ценой. И, конечно, это продлится недолго. Только не с тремя вражескими драконами в воздухе, даже если тот, с которым сражались Гаэдинн и Джесри, теперь был нежитью.

С другой стороны, даже без помощи духов ветра его товарищи наездники на грифонах смогли уничтожить большую часть летающих рептилий, а какая-то сила - возможно, Мералейн, сдерживала призраков, натравляя их на своих собратьев или попросту изгоняя. Этого было мало, но это было уже что-то.

Аот попытался решить, где он и Джет нужны больше всего. Ответ был таков - везде. Это означало, что единственное, что спасет чессентцев от фиаско - она нападение на вражеского командира или, по крайней мере, атака его позиции. Наёмник затрубил в рог, давая сигнал каждому всаднику на грифоне следовать за ним.

Джет повернулся в сторону самой глубокой тьмы.

- *У тебя осталось мало заклинаний. А Джаксанаедегор еще даже не сражался.*

- *Но он тоже творил магию,* - ответил Аот. - *Затопил поле во тьме, вызвал призраков и превратил мертвого дракона в зомби. Возможно, он так же устал, как и мы.*

- *Тогда все в порядке,* - ответил Джет. - *Рискуй своей шкурой каждый раз, когда успех "возможен".*

Аот огляделся. Другие всадники на грифонах заняли позицию, чтобы сопровождать его. Увидев то же самое с помощью ментальной связи, Джет визгнул, взмахнул крыльями и устремился вперед.

Джаксанаедегор и его свита, кажется, не собирались реагировать на атакующих их всадников на грифонах. Возможно, они даже не предполагали, что кто-нибудь увидит их. Аот убедил их в обратном, когда наставил на трескельцев копье, из кончика которого вырвалась молния. К сожалению, хотя магический разряд и попал в черный шар не треноге, он не нанес ему никакого вреда. Что ж, ему ничего не оставалось, кроме как продолжать попытки.

Начав двигаться, Джаксанаедегор выскочил из-за деревьев, взмахнул крыльями и поднялся над пятном тьмы. Однако его товарищи остались на земле. Аот надеялся, что они были низшими вампирами, которые не могли превращаться в стаю летучих мышей. Судя по всему, так оно и было.

- *Не волнуйся,* - сказал Джет. - *Не похоже, чтобы дракону нужна была помощь.*

К сожалению, это было правдой. Дракон был достаточно крупным, чтобы затмить остальных троих, в данный момент неистовствующих на поле боя. Его бледно-желтые глаза горели яростным пламенем. Грифоны парили над драконом и поодаль от него, пока их наездники стремительно посылали в дракона то небольшое, что осталось в их колчанах.

Многие стрелы просто отскакивали от чешуи Джаксанаедегора, другие же лишь застревали в ней, не задевая плоти. Однако, одна стрела глубоко вонзилась в лоб дракона, от чего тот, в ответ на эту атаку, открыл пасть и выпустил поток горячего пара, окружившего грифона и меткого стрелка. Оба замертво рухнули вниз.

Аот поразил сферу тьмы шестью огненными зарядами, друг за другом поразившими темную сферу в течении одного удара сердца. Взрывы разметали вампиров, а парочку даже разорвали на части, но черный шар остался нетронутым.

Он решил, что ему нужно приблизиться к этой штуке. Он не хотел оставлять своих людей в бою против Джаксанаедегора, но если они отвлекут его на себя всего на пару мгновений, ничего с ними не случится.

Джет аккуратно облетел дракона. Когда он оказался позади Джаксанаедегора, то спикировал вниз.

На мгновение Аоту показалось, что дракон-нежить действительно потерял их из виду. Затем он почувствовал тревогу Джета и поднял глаза. Увеличиваясь с каждым мгновением, Джаксанаедегор, казалось, заполнял собой всё бессолнечное небо. Его когти были готовы резать и рвать.

Джет взмахнул крыльями, пытаясь изменить курс. Затем он резко свернул и камнем рухнул на безлистные вершины деревьев в сфере тьмы.

Ветки ломались под грифоном и его всадником, колотили и царапали их тела, когда они падали сквозь них. Аоту это показалось похоже на избиение с последующим падением с лестницы. Но, по крайней мере, такое огромное существо, как Джаксанаедегор, не могло преследовать их в заросли деревьев.

По крайней мере, не в телесном виде. Аот надеялся, что дракон не будет их преследовать, а приземлится на поляне. Но вместо этого он растворился в тумане. Аот почувствовал запах зловонного дыма. Это вызвало у него тошноту, головокружение и слабость.

Он посчитал – или, просто понадеялся, что у него будет несколько мгновений для каких-либо действий, прежде чем Джаксанаедегор спустится на землю и снова примет телесную форму. И затем Джет рухнул. Аот почувствовал вспышку боли, передавшуюся по ментальной связи, когда Джет сломал переднюю орлиную ногу.

- Я в порядке! - рявкнул грифон. - Иди!

К ним бросились изможденные бледные фигуры. Джет дал Аоту столько времени, сколько было нужно тому, чтобы выпрыгнуть из седла, после чего бросился на вампиров. Его клюв рвал и кусал, а здоровая передняя лапа резала с разрушительной силой. Но даже так нежить набрасывалась на него, кусая и разрывая своими когтями его плоть.

Как и прежде, Аот не мог остаться, чтобы помочь. Он бросился к треноге. Другой вампир подбежал к нему с фланга. В его руках была секира, отражающая гримасы ужаса, хотя вокруг не было ничего, что могла бы отражать сталь.

Нежить ударила. Хрюкнув, Аот еле-еле парировал этот удар своим копьем, а затем проткнул им сердце противника. Поскольку он не мог оставить его в теле врага, он использовал еще немного своей почти истощившейся силы и выпустил из кончика копья огонь, который сжег сердце вампира, что не даст ему подняться вновь.

Путь к чёрному шару был чист. Аот произнес заклинание, чтобы нанести сильный и точный удар. Тем временем клубы тумана сцепились друг с другом и превратились в клиновидную голову. Джаксанаедегор прыгнул вперед, желая лишь убить боевого мага.

Высвободив каждую частичку силы, все еще заключенную в копье, Аот ударил шар, и тот раскололся. Солнечный свет моментально пробился сквозь голые ветви над головой.

Джаксанаедегор уже занёс переднюю лапу для удара, когда его ослепил солнечный свет. Его огромное чешуйчатое тело сразу же загорелось и задымилось, и он задёргался в агонии.

- Отступай, - подумал Аот. - Гори, тварь! Умри!

Он возложил слишком много надежд на последнюю мысль. Обуздав свою боль, Джаксанаедгор прорычал слова силы и исчез. Магия перенесла его в темное и, без сомнения, безопасное место.

Аот повернулся к Джету. Низшие вампиры сгорели заживо, а грифон, все еще живой, несмотря на дюжину кровавых ран, стоял на трех лапах посреди нескольких кучек пепла.

- Сможешь вернуть меня обратно в небо? - Спросил Аот.

- Почему бы нет? - ответил Джет. – *Какие еще болезненные испытания на прочность мне стоит ожидать?*

Чувствуя себя виноватым - но лишь слегка, потому что он знал, насколько выносливым на самом деле был грифон, Аот снова забрался в седло. Джет, хромая, выскочил из-за деревьев, набрал скорость, взмахнул крыльями и полетел. Наёмники в небе приветствовали их, а их грифоны радостно визжали. Аот ответил им, взмахнув копьем.

Это продолжалось, пока чудовищный рев не заглушил их радость. На другом конце поля битвы, из-за земляных валов на вершине холма, Чазар взмыл вверх в форме дракона.

Более крупный, чем Джаксанаедгор, он уничтожил зомби-дракона одной вспышкой огненного дыхания, которая чуть не поглотила Газдинна и Эйдер. Потом, хлопая крыльями, эльф поднялся выше.

Один из красных драконов попытался сделать то же самое, но Чазар поднялся в воздух быстрее, после чего бросился на маленькую рептилию, как ястреб, пикирующий на голубя. Он схватил его и разорвал на части клыками и когтями.

К тому времени другой красный дракон улетел. Аот подумал, что у него достаточно возможностей для побега, но тут Чазар зарычал, и мужчина почувствовал в этом рыке ноты сверхъестественного принуждения. У него заболела голова, хоть заклинание и не было направлено на него.

Меньший красный дракон взмахнул лапами, за затем продолжил путь вперед, только теперь уже неуклюже, как будто он был обременен тяжелым грузом или все его мускулы сжались. В результате Чазар без труда его догнал.

Когда два красных дракона встретились лицом к лицу, к меньшему вернулась его ловкость. Либо Чазар снисходительно рассеял заклинание, либо это конкретное проклятие могло поразить лишь убегающую жертву. Трескельский дракон поймал восходящий столб воздуха и взмыл вверх, затем сразу же нырнул навстречу Чазару, рванувшему к меньшей рептилии.

Герой Войны плюнул пламенем, что, в теории, не должно было подействовать на другого красного дракона. И все же пламя вырывало куски плоти с головы дракона и плавало глаза. Аот вздрогнул от мысли о том, какая температура была нужна, чтобы сжечь красного дракона.

В конце Чазар взмахнул крыльями, увернулся от атаки слепого, искалеченного дракона и схватил его своими лапами. Он держал его всего мгновение – ровно столько времени было нужно Герою Войны, чтобы откусить врагу голову, после чего он разжал когти и позволил окровавленным горящим останкам рухнуть на землю.

После этого он обратил свое убийственное внимание на злополучную компанию кобольдов. Он не мог атаковать всех сразу, поэтому изрядное количество врагов наверняка ускользнет и перегруппируется.

Ибо, да увидит Повелитель Огня, воины Чазара были не в состоянии преследовать их. Каким-то образом они, в томительном ожидании хода самопровозглашенного Бога, смогли избежать катастрофы, хоть и большой ценой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

16 Кефорн, Год Извечного (1479 по ЛД)

Рыночный этаж гремел от грохота барабанов, в такт которым кружились танцоры. Кхорин подумал, что драконорожденные могут быть удивительно проворными для такого крупного народа, хотя в нынешних обстоятельствах они не всегда были достаточно проворными. Многие их танцы включали имитацию боя с настоящими мечами или их подбрасывание и перехват, а некоторые из перебинтованных зрителей указывали на неумение выступающих.

Кхорин и Медраш пытались проскользнуть мимо одного такого праздника, собравшегося под платиновым и пурпурным знаменем Бахамута, но кто-то узнал их, и драконорожденные собрались вокруг, чтобы пожать руки и чуть ли не вдавить в них деревянные чашки с вином и яблочным бренди.

Кхорин предположил, что это имело смысл. Благодаря кавалерии, которую вел Медраш, и атаке, которой руководил Кхорин, из битвы они вышли героями. К сожалению, героями считались воины и лидеры Платиновой Когорты, и многие драконорожденные, в том числе и культисты, предпочитали не разделять элементы этой победы. Тем более что Медраш и Петрин оба называли себя паладинами, воинами своих богов, и они бок о бок сражались против пепельных гигантов и их фамильяров, спасая Покорителя.

Поскольку речь шла о выпивке, Кхорин не особо возражал против общественного внимания. Он подозревал, что Медраша это беспокоило больше, но естественная вежливость даардендриена скрывала это.

В конце концов, им удалось сбежать. Они нашли винтовую лестницу и спустились в катакомбы.

Баласар вышел из темной ниши в стене.

- Смотрю, дорога сюда заняла у вас много времени.

- Твои товарищи-маньяки танцуют по всему рынку, - сказал Медраш. - Это сковывает передвижение.

Он и его брат по клану пожали друг другу руки.

Кхорин вглядывался в коридор с его тусклым, редким освещением.

- Ты уверен, что за тобой не следят? - Спросил он. Медраш слегка улыбнулся.

- Конечно уверен. Если и есть что-то, что Баласар умеет делать, так это красться. Он научился этому, пока нарушал комендантский час и остальные правила наших старейшин.

- Справедливо, - Кхорин поднял руку к подбородку, но тут же заставил себя снова опустить ее. Он никогда не считал себя зазнайкой – по крайней мере, в вопросах, касающихся внешности, но после того, как кислота сожгла его бороду, у него появился бессознательный импульс скрывать унылые останки. - Итак, почему ты хотел с нами встретиться?

- Кто-нибудь осмотрел сумку? - Спросил Баласар.

Медраш кивнул.

- Волшебник ничего не смог сказать.

- Клянусь, - сказал Баласар, - талисман, который мешал лошадям, был там.

- Мы тебе верим, - сказал Кхорин. – Иначе, почему всадники восстановили контроль над лошадьми после того, как ты выкрал мешочек? А если там не было ничего, что доказало бы вину Налы, то почему, как только мешочек открыла рука, не принадлежащая жрице, доказательства превратились в пыль? Но ничего из этого нам просто так не доказать.

- Так что Платиновая Когорта - это что-то невероятное, - сказал Медраш. - Каждый день она привлекает все больше новообращенных. Они пойдут вместе со всеми нами, когда мы вернемся на Равнину Черного Пепла, чтобы раз и навсегда уничтожить племенной союз гигантов. Где, как мы думаем, нала снова попытается предать нас.

Баласар ухмыльнулся одной из тех клыкастых улыбок, которые так часто тревожили людей, не привыкших к драконорожденным.

- Может быть и нет.

Глаза Медраша сузились.

- О чем ты?

- Я еще не рассказал обо всем, что сделал за свою шпионскую карьеру. Опасно писать все сразу, да и не спрятать за камнем большой пергамент. Я еще не рассказал о стеклодувах и песке.

Баласар начал рассказывать, как он последовал за стеклодувом и двумя другими культистами в катакомбы, где натолкнулся на летающее существо и группу оживших трупов.

- Позже, - продолжил он, - я вернулся к тому месту, где крылатое существо устроило на меня засаду. Его нигде не было, так что, возможно, я действительно его убил. Но когда я продолжил поиски, то не смог найти ни куда делись Раян и остальные, ни что-нибудь интересное.

- Тем не менее, - сказал Кхорин, - я думаю, ты был близок, - он потянулся, чтобы погладить подбородок, затем снова опустил руку. - Я никогда не сталкивался с существом, подобным тому, что встретил ты, но мне кажется, что это - порталный дракон. Что-то типа сторожевого пса, которого может призвать жрец какого-нибудь Бога-дракона, чтобы обезопасить что-то важное.

- Это означает, что Торм дал нам еще один шанс разоблачить Налу перед выступлением всей армии, - сказал Медраш. Он всегда стоял прямо, но теперь, казалось, выпрямился еще сильнее. - Веди, родич.

Пока они шли, нервы Кхорина были на пределе. Это не имело ничего общего с тьмой или плотным гранитом над головой, под ногами и по бокам. Для дворфа такая среда была, пожалуй, более благоприятной, чем чистое небо и зеленые поля. Он не беспокоился и о порталном драконе - даже если бы он был еще жив, трое умелых воинов справились бы с ним.

Он был обеспокоен, потому, что сейчас Нала уже наверняка должна была знать, что кто-то боролся с её фамильяром и выжил. Она не знала, что это Баласар, иначе она попыталась бы убить Даардендриена, и в связи с этим Кхорин подозревал, что это она послала монстра на балкон, чтобы избавиться от дворфа. И, если она хотела сохранить свои секреты в тайне, то наверняка поставила защиту получше, чем призванный дракончик и парочка зомби.

- Не могу поверить, что Петрин знает. - Резко сказал Медраш.

- Трудно представить, что он может не знать, учитывая его связь со своим Богом и любовные отношения с Налой, но я не думаю, что он посвящен в детали.

Кхорин хмыкнул.

- Я думаю, что так же обстоят дела с большинством культистов, вроде тех, которые предлагали нам поучаствовать в пирушке. Они просто заблуждаются. По крайней мере, до тех пор, пока у Налы не будет достаточно времени, чтобы по-настоящему промыть им мозги.

- Так и есть, - сказал Медраш. - Мы боремся, чтобы спасти и их, и всех остальных.

- Благородное чувство, - сказал Баласар. - Но оно и гроша ломанного не будет стоить, если мы не сможем понять, как нам разоблачить Налу. Мы подходим к углу, где на меня напал порталный дракон. Я подам сигнал, который подала Раян. Если этот несчастный зверь еще жив, то это может сработать, и она пропустит нас как "своих". - Он присвистнул три восходящих ноты, отразившихся от стен.

После этого они без происшествий прошли через поворот под прямым углом. Туннель за ним ничем не отличался от темных, одиноких туннелей, по которым они только что прошли.

- Сможете сами найти дорогу отсюда? - Спросил Баласар.

- Я могу попросить у Неистойой Верности путеводный знак. - Сказал Медраш.

- А я дворф, - сказал Хурин. - Может быть, Госпожа Удача улыбнется кому-нибудь из нас.

Он снял одну из своих кожаных перчаток со стальными пластинами и провел кончиками пальцев по правой стене, продолжая идти вперед. На ощупь гранит был гладким и прохладным.

Он не был так близок к земле и не был знатоком в сфере камней, в отличие от многих других мастеров-каменщиков или кузнецов из народа дворфов. С детства было ясно, что Кузнец Душ создал его для войны, и он с удовольствием следовал за своей судьбой, но даже в этом случае ему казалось, что он сможет найти в камне что-то, что упустил даже такой умный драконорожденный, как Баласар.

Позади него Медраш пробормотал молитву. Святая Сила, которую он призвал, согревала воздух и заставляла Кхорина чувствовать себя совершенно здоровым и бодрым. Но в воздухе так и не появилось бестелесной руки или какого-нибудь другого неестественного путеводного знака.

К счастью, в этом не было необходимости.

Хоть Кхорин и вел руку по правой стене, он внезапно почувствовал что-то в левой. Когда он посмотрел прямо на нее, то заметил крошечные трещины, которые очерчивали потайную дверь. Может быть, он неосознанно заметил их раньше, или же сработал какой-то более тонкий инстинкт.

- Вот, - сказал он, указав на стену. – Какая-то дверь. Я думаю, она выведет к центральному коридору, - он толкнул стену, но ничего не произошло. - Или, по крайней мере, должна вывести.

- Ты имеешь в виду, что она закрыта или заперта?- спросил Баласар. Он провел руками по поверхности. - Я не чувствую ловушек, замочной скважины или чего-то подобного.

- Возможно, дело в магии, - сказал дворф. – Может, нам нужен какой-то талисман или кодовое слово.

Баласар присвистнул те же три ноты, которые якобы успокоили порталного дракона. Стена не открылась.

- Думаю, мы могли бы привести сюда мага.

- Может быть, это не нужно. - Сказал Медраш. Он уперся руками в дверь и запел несколько громче, чем раньше. Кхорин ощущал мощную, но благотворную концентрацию Силы. Затем, бубня, Медраш изо всех сил толкнул стену. Вероятно, в этот момент паладин обладал силой гиганта, так как что-то хрустнуло, а часть стены отворилась.

Если бы дверь открылась полностью, места было бы достаточно, чтобы в него могла протиснуться телега, запряженная ослами. На другом конце зала стояли каменные саркофаги из истории Баласара, хотя Кхорину показалось, что эти были более роскошно-украшены. В канделябрах с пятью ветвями горели свечи, пламя попеременно было красным, синим, белым, зеленым или черным, напоминая капли тьмы. Статуя пятиглавого дракона возвышалась во мраке.

Когда они прокрались внутрь, Баласар пробормотал:

- Интересно, почему семья посчитала, что им нужен секретный вход и выход из склепа. Или вы думаете, что строители установили дверь втихаря, чтобы разграблять могилы мертвых?

- Не знаю, - сказал Кхорин. - Но вот что я скажу тебе - Нала на самом деле не поклоняется Бахамуту. Это святыня...

Внезапно, он почувствовал движение где-то слева.

Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Медраш ударил его по голове.

* * * * *

Аот заметил, что все лица вокруг потрескивающего дымного костра имели одну общую черту - в них отражалась мучительная усталость. Большинство из них, вдобавок ко всему, выглядело обеспокоенным. Но, включенные в военный совет за то, что они были магами, Оракс и Мералейн тайком обменивались улыбками, сидя на земле рядом друг с другом.

Все полагали, что они были слишком невежественны, чтобы бояться. Или, может быть, юношеское увлечение перевесило мирские заботы. Аот с долей тоски задумался – а страдал ли он этим когда-нибудь. Может быть нет. Его темперамент всегда был

флегматичным и прагматичным. Конечно, с учетом того, что за его спиной лежало больше ста лет жизни, сейчас эта беда ему не грозила.

Хотя Цера показала ему, что он все еще может любить женщину достаточно сильно, чтобы сделать что-то безрассудно, чтобы помочь ей. Наёмник улыбнулся и понадеялся, что в Сулабаксе она не натворила бед.

Затем к огню шагнул Чазар, с развивающимся за спиной малиновым плащом и поспевающей Джесри. Все встали, чтобы поклониться или отсалютовать настолько быстро, насколько позволяли окоченевшие, ноющие от усталости конечности. Герой Войны сел на складной стул, предназначенный для него. Он взмахнул рукой, словно отмахиваясь от комара.

- Садитесь. Рапортуйте. Вы первый, капитан.

- Я позволю Шале и Хасосу рассказать о состоянии войск, Ваше Величество. Большую часть дня я провел с разведчиками.

- И?

- У Трескеля большой резерв. По сути, целая свежая армия, которая даже не вступала в бой. Они обходят нас, чтобы перекрыть нам дорогу к отступлению в Сулабакс и пресечь попытки Чессенты отправить нам подкрепление.

- Как такое возможно? - спросила Шала. Свет костра блеснул на пластинах стальной окантовки ее мужской одежды. - Трескель - бедная страна. Даже если Аласклербанбастос потратит каждую монету из своей сокровищницы - откуда у него такая большая армия?

- Я могу предположить, - сказал Аот. - Корабли, предположительно находящиеся на службе Высокого Имаскара, некоторое время назад совершали набеги на чессентское побережье и чессентские грузовые корабли.

Чазар резко кивнул.

- Корабли с драконорожденными в команде.

Аот заколебался. Неужели Чазар действительно не помнил, что у них были причины сомневаться в том, что именно эти пираты были тимантерцами?

- Так утверждали выжившие. Во всяком случае, ничто не указывало на то, что налетчики были в союзе с Трескелем, но, возможно, они заключили союз, и пиратский флот высадил войска, чтобы помочь Аласклербанбастосу сражаться с нами.

- Было бы хорошо, - сказал Хасос с окровавленной повязкой на голове, - если бы великий капитан наемников заметил существование такого союза раньше.

Аот сердито посмотрел на него, отчасти потому, что он тоже задавался вопросом - должен ли он, каким-то образом, предсказать, что произойдет.

- Милорд, напоминаю вам, что я не один из посланников или шпионов Его Величества. Я просто военачальник. Теперь, если вы хотите обвинить нас в том, что никто не заметил новых войск до того, как они достигли своих нынешних позиций... ну, может быть, вы будете правы, но сложно смотреть сразу за всем, а наши разведчики были заняты отслеживанием драконов и их приспешников...

- Кроме того, - вмешался Гаэдинн, - это зона вашей ответственности, милорд. Вот скажите так, навскидку, какие полезные сведения собрали ваши собственные разведчики? Возможно, вам стоит открыть глаза им, прежде чем критиковать моих товарищей за выполненную работу.

Хасос глубоко вздохнул, без сомнения, для гневного возражения, но Шала заговорила первой:

- Капитан, минуту назад вы сказали: “корабли, предположительно на службе Высокого Имаскара”. Что вы имели в виду?

Благодарный ей за то, что она прервала зарождающуюся ссору, Аот сказал:

- С тех пор, как мы узнали правду... ну, часть ее - об убийствах Зеленой Руки и лазутчиках в Сулабаксе, мы узнали, что у Чессенты есть враги, которые используют против нас обман. Никто из разведчиков сегодня не видел имаскарцев. С их мраморной кожей и черной одеждой их трудно не заметить.

- Может быть, они наняли наемников, а сами остались дома. - Сказал Хасос.

Аот пожал плечами.

- Может быть.

- Кем бы они ни были, - сказал Чазар, - они попытаются убить нас. В каком состоянии армия?

- Каждый десятый либо мертв, либо не может сражаться, - сказал Шала. - Остальные истощены. Даже после того, как мы собрали с поля битвы все, что могли, нам не хватает стрел. Я рекомендую больше не сражаться, а, по возможности, отступить к Небесным Всадникам.

Взгляда Чазара было достаточно, чтобы оборвать фразу.

- Мы не пойдем к Небесным Всадникам. - Прорычал он. Шала сопротивлялась его взгляду, казалось, достаточно долго, а затем склонила голову.

- Как прикажете, Ваше Величество.

- Именно так, - сказал Бог-во-плоти, - как я прикажу. А теперь давайте поговорим о том, почему мы оказались в такой ситуации.

После этого наступила тишина, нарушаемая только треском костра и гудением остального лагеря. Аот был удивлен – если не сказать насторожен, тем, что Чазар перенаправил дискуссию в такое русло, и подозревал, что остальные так же недоумевают. Он задавался вопросом - может ли честный ответ принести какую-нибудь пользу.

Он все еще искал ответ на этот вопрос, когда заговорил Гаэдинн:

- Поскольку вы спрашиваете, Ваше Величество, я должен сказать - со всем уважением к вам, но даже с осложнениями в виде Джаксанаедегора и призраками, план все еще мог сработать. Если бы вы действовали тогда, когда остальные этого ожидали.

Чазар был самым красивым мужчиной, которого когда-либо видел Аот, но он умудрился улыбнуться такой уродливой улыбкой, которую можно было сравнить лишь с ухмылкой сухого черепа лица.

- Так это моя вина? Все согласны? – Он встал. - Каждый из вас согласен?

* * * * *

Кхорин увернулся, и удар прошел мимо. Он продолжал отступать, на ходу выхватив привязанный к спине ургрош.

Когда он достал своё оружие, то увидел драку другого Медраша с Баласаром. Или, по крайней мере, другой версией Баласара. Настоящий же Баласар защищался от ударов справа, слева и снова справа, парируя атаки фальшивых Медраша и Кхорина.

Очевидно, стражи святилища Налы могли принимать облик тех, с кем сражались. Кхорин хотел, чтобы Аот и его истинное зрение были здесь.

Меч фальшивого Медраша развернулся, нанеся удар наотмашь по горлу дворфа. Он парировал удар своим острым топором, и сталь зазвенела о сталь. Но в тот же момент он почувствовал, как что-то вонзилось в его бедро.

Он не думал, что атака нанесла серьезный удар. Кожаные штаны должны были защитить его от худшего. Но, тем не менее, его охватила внезапная слабость. Его веки опустились, а ургрош в руках резко потяжелел. Каким бы безумным это не казалась посреди смертельной битвы, но ему казалось, что крепкий сон вот-вот захватит его.

Дворф атаковал яростно и безрассудно, из-за чего его соперник отступил. С каждым ударом он издавал боевой клич. Бешеный натиск разбудил его, но также он делал его уязвимым, если враг сможет парировать один из ударов. Кхорину пришлось остановиться после того, как очередная атака прошла на расстоянии пальца от груди фальшивого Медраша.

Еще одна невидимая атака пронзила его колено. Сон снова попытался захватить его, но Кхорин отогнал летаргию очередным боевым кличем. Возможно, Медраш и Баласар кричали из-за тех же причин. Шум битвы смешался с криками и отражался от стен.

Кхорин сомневался, что сможет долго противостоять сонному яду или терпеть постоянные атаки – когда-нибудь что-нибудь из этого его победит. Однако он вычислил стратегию своего оппонента – нанести сильный удар сверху, а затем, когда его парируют, атаковать под вражеским оружием.

Дворф уклонился от следующего удара меча и одновременно рубанул ургрошем. Хотя он не мог видеть свою цель, его руки направляли оружие, и они почувствовали, как лезвие столкнулось с чьим-то телом.

Фальшивый Медраш издал пронзительное шипение, непохожее ни на один из звуков, которые Кхорин когда-либо слышал из уст настоящих драконорожденных. Маска иллюзии исчезла, открыв лицо рептилии - худое, как у змеи, с черной и пурпурной чешуей и пятнами, выстроившимися в замысловатый узор. Покрытый шипами, отрезанный кончик длинного хвоста дернулся и свернулся на полу.

Затем форма стража заколебалась, и иллюзия снова окутала ее. Но это была уже не та иллюзия. Кхорин смотрел в глаза самому себе.

Вероятно предполагалось, что эта уловка собьет Кхорина с толку, и если это было так, то рептилия должна была оценить непоколебимость дворфа. Он моментально двинулся вперед и нанес удар наотмашь. Рептилия отскочила назад, но все равно была ранена в тело.

Боль пронзила тело Кхорина, как будто он нанес удар по себе. Но это невозможно! Когда страж бросился на него, он встретил его еще одним ударом.

Ургрош пробил ребра и попал жизненно важные органы врага. Шок или его эхо заставили Кхорина потерять сознание. Когда он проснулся, то лежал на полу. Рядом лежал его враг. Снова обретя свой естественный вид, он смотрел на дворфа безжизненными глазами с узкими зрачками.

Он решил, что потерял сознание всего на пару мгновений, потому что остальные продолжали драться. Оставшиеся в живых стражи применили ту же тактику, что и их мертвый товарищ перед смертью. Медраш сражался с копией самого себя, а Баласар – с двумя другими Баласарами.

И даже та битва, где две фальшивки сражались с оригиналом, Кхорин с большим трудом мог отделить настоящего Баласара от его идентичных копий. Было ощущение, что за путаницу был ответственен не только внешний облик стражей – они как будто были окутаны магической аурой, грызущей сознание и вызывающий замешательство и истерию.

Пытаясь не поддаваться магии, Кхорин изучил картину перед собой. Затем он вскочил, рванул к одному из, как он рассчитал, из фальшивых Баласаров и нанес ему удар по нижней части хребта. Когда существо рухнуло замертво, иллюзия растаяла. Кхорин уже двинулся к другому стражу, когда инстинкт остановил его. Он почувствовал легкий ветерок, когда хвост рептилии пронесся перед его лицом. Дворф подпрыгнул к врагу и рубанул того по ноге.

Настоящий Баласар набросился к стражу, чтобы прикончить его, и Кхорин повернулся к ближайшему Медрашу. Тот увидел его и закричал:

- Нет! Это я! Убей другого!

- Извини. - Ответил Кхорин. Он ударил говорившего в бок, и тот, потеряв иллюзорный облик, рухнул на пол, дергая хвостом и тощими конечностями. Настоящий Медраш пронзил сердце стража.

Все еще чувствуя некоторую боль от фантомных ран, а также настоящую от порезов на ноге, Кхорин огляделся. Он не увидел, чтобы кто-то еще собирался их атаковать.

- Все в порядке? – Задыхаясь спросил он.

- Небольшая царапина, - ответил Баласар. – А еще смертельно хочу спать. Как ты определил настоящих нас?

- Пурпурное отродья копировали вашу внешность, - ответил Хурин. - Они не могли копировать ваши боевые стили. Пристально присмотревшись, я смог разобраться.

- Пурпурные отродья, - повторил Баласар. – Это они?

- Думаю да, - сказал Хурин. - Обычно они живут под землей, как и дворфы. Предполагается, что они являются продуктом какой-то связи драконов с дроу, как бы противно ни было представлять себе некоторые такие связи.

- Итак, - сказал Медраш, - они, как и порталный дракон, являются теми существами, которые могли бы служить Нале. Но перед тем, как они прервали нас, ты говорил, что узнал что-то, о чем даже не подозревал.

Кхорин усмехнулся.

- О да, - поскольку он решил задержаться в Тимантере, то часто сожалел о том, что у него так мало склонностей к разгадыванию тайн и заговоров - Гаэдинн или Аот наверняка смогли бы добиться большего. Но, во имя Глаза Странника, с помощью Даардендриенов, он, все же, нашел то, что искал. - Это святыня не Бахамута, а Тиамат. Нала на самом деле хранительница змей, жрица Тиамат.

Драконорожденный просто посмотрел на него.

- Я мало что знаю и о Бахамуте, и о Тиамат. Мой народ поклоняется другим Богам. – Смущенно ответил дворф. Но я знаю, что Бахамут считается добром, а Тиамат - злом. Итак, внедрившись в Платиновую Когорту, Нала взяла под свой контроль группу прихожан, которые стремились к добродетели, и обманом развратила их.

- Но по большей части, - сказал Баласар, - драконорожденные ничего не знают ни об одном из ваших Богов, - Он подавил зевок. - Они определенно не знают достаточно, чтобы отличить одного бога-дракона от другого. Теперь, когда Нала выполнила сложную задачу, убедив их, что любое поклонение драконам – это хорошо, я не думаю, что эта новость их беспокоит. Они просто не поймут.

Кхорин нахмурился.

- Любым культистам не понравится слышать, что они поклоняются не тому Богу, какому им обещали.

- После того, как они прошли посвящение, - ответил Баласар, - Нала запустила свои коготки во все их головы, - он снова зевнул. – Они не так объективны.

- Проклятье! - выругался Кхорин. - Не могу поверить, что мы зашли так далеко, а у нас все еще ничего нет!

- Я тоже в это не верю, - сказал Медраш. Он огляделся и затем, из-за отсутствия чего-либо лучшего, вытер кровь со своего меча краем плаща. - Торм привел нас сюда не просто так, - он улыбнулся. – И, кроме того, вы оба забываете, что мы до сих пор не выяснили причину, из-за которой сюда везли тележку с песком.

Внимательно оглядываясь по сторонам в поисках пурпурных отродий или других стражей, они зашли глубже в гробницу. Кхорин подумал, что владельцы такого большого склепа должны быть, или были, знатным кланом. Но затем он ахнул от вида чего-то такого впечатляющего, что все прочие мысли вылетели из его головы.

Кхорин слабо разбирался в выдувании стекла, но он узнал печи, выдувные трубы, иглы и другие инструменты, необходимые для работы со стеклом. Раян оставила их на месте пересечения трёх склепов, где возвышалась самая гигантская статуя Тиамат, которую Кхорин когда-либо видел.

Ритуальный круг Налы покрывал участок пола прямо вокруг идола. Замысловато выполненная в нескольких цветах фигура, по сути, представляла собой колесо с S-образными спицами.

Стеклянные шары, которые изготовила Раян и зачаровала Нала, лежали на простой деревянной стойке, удобно расположенной и по отношению к стеклодувной мастерской, и по отношению к ритуальному кругу. Точки света от разноцветных свеч отражались в кривых стеклянных трубках.

Это было именно тем, или чем-то очень похожим на то, что искал Кхорин и его товарищи. Однако на мгновение он почувствовал себя не столько обрадованным, сколько ошеломленным явной дерзостью и масштабностью замысла Налы. Она не только ухватила за возможность, предоставленную внешней угрозой, чтобы навязать свои зловещие убеждения своим родичам-драконорожденным. Она помогала создавать оружие, делающее гигантов сильнее, чем они были.

- Я говорил, что эти варвары никогда не смогли бы создать изобретения, подобные этим шарам, - сказал Баласар. – Я же говорил!

- Я помню, как Нала уничтожала каждый талисман, который мы отбирали у гигантов, сразу же, как тот попадал ей в руки, - ответил Медраш. – Видимо, чтобы убедиться, что ни один маг или прорицатель не смогли определить их создателя.

Баласар подошел к саркофагу, превращенному в импровизированный стол, табурету, стоящему у его подножья и пергаментам, лежащим сверху. Он взял пару бумаг и, прищурившись из-за недостатка света, перебрал несколько листов.

- Кто такой Скутосин?

- Дракон, - ответил Кхорин, - который когда-то жил здесь. Он умер во время Чумы Заклинаний.

- Я бы не был так в этом уверен. Нам придется подробнее осмотреть все эти записи, но, похоже, что Нала общается с этим драконом.

- Я полагаю, - сказал Медраш, - что мы можем получить другие образцы почерка Налы для сравнения.

Баласар рассмеялся.

- О да, у нас есть другие образцы. Уж поверьте мне. Когда Тархан... - его глаза расширились. - Осторожно!

Кхорин развернулся. Пристально смотря на них, Нала стояла между трио названных гостей и дверью, выломанной Медрашем.

Дворф бросился на нее. Даардендриены тоже. Она развернулась и бросилась в коридор. Когда она нырнула в дверь, то прошипела фразу на языке, который он посчитал драконьем.

Дверь захлопнулась, едва не ударив Кхорина по носу. Он попытался повторить слоги, которые произнесла Нала. Очевидно, у него получилось не совсем правильно, потому что масса камня осталась неподвижной.

- Позволь мне. - Сказал Медраш. Он уперся руками в дверь, произнес молитву и толкнул. Как и в прошлый раз, дверь приоткрылась.

Но когда они вернулись в коридор, Налы уже нигде не было. Не было слышно даже её шагов.

* * * * *

Джесри встала.

- Ваше Величество, - сказала она, - я уверена...

Чазар обернулся. Его взгляд заставил ее замолчать.

- Они могут говорить сами за себя.

Джесри сглотнула.

- Да, Ваше Величество.

Дракон снова повернулся к другим людям, сидящим у костра.

- Кто-нибудь еще хотел бы сказать слова обвинения? - очевидно, никто этого не сделал. Он пристально посмотрел на Гаэдинна. - Тогда, возможно, вы, сэр лучник, захотите пояснить свои претензии.

Джесри тоже посмотрел на Гаэдинна в надежде, что тот поймет её слова: "Держи язык за зубами. Не зли его еще больше".

Гаэдинн вздохнул и выдохнул. Затем, с явной натянутостью в его обычно легком баритоне, он сказал:

- Ваше Величество, если вам показалось, будто я упрекнул вас, то прошу прощения за то, что некорректно выразился. Я имел в виду, что, должно быть, я не понял план битвы, потому что события разворачивались не так, как я ожидал.

Чазар усмехнулся.

- Нет, вероятно, не понял. Лишнее подтверждение тому, что я окружен некомпетентными и нелояльными дилетантами. Именно поэтому мы сегодня и не победили. Взять, к примеру, эту маленькую сучку. - Быстрый, как атакующая змея, он схватил Мералейн и рывком поднял ее на ноги.

Она вскрикнула, а мышцы челюсти и шеи Оракса сжались, показывая отчаянную решимость. Настала очередь Аота подать тихий тайный сигнал - он сделал небольшое похлопывающее движение, приказав парню оставаться на месте. Затем он сам встал, но достаточно медленно, чтобы Чазар не счел это действие вызывающим.

- Я привел Мералейн на север, - сказал Аот. Его голос был таким же мягким и лишенным агрессии, как и его движения. - Это делает ее воином Братства, а её компетенция находится под моей ответственностью. Как и дисциплинарные упражнения. Скажите, пожалуйста, в чем она провинилась?

- Разве это не очевидно? - ответил Чазар. - Я приказал ей не использовать некромантию, но, тем не менее, девчонка воняет могилой.

- Наши враги призвали мертвых, - ответил Аот. - Она лишь использовала свое искусство, чтобы прогнать их или взять некоторых под контроль. Если бы она этого не сделала, то потери были куда больше.

- Это правда, Ваше Величество, - сказал Джесри.

- Может быть, - сказал Чазар сквозь стиснутые зубы. - Может быть, - он отпустил Мералейн. Застигнутая врасплох, она пошатнулась и чуть не упала. - Но кто оправдает то, что сделала эта? - Он повернулся к Шале.

Шала встретила его взгляд, не дрогнув.

- Чем я не угодил Вашему Величеству?

- Ты считаешь меня глухим? Что я не слышал, как мои солдаты выкрикивают твоё имя? Ты хочешь вернуть трон, не так ли, предатель? Ты сеешь семена раздора.

- Ваше Величество, кто-то должен был вести за собой после того, как лорд Хасос был выведен из строя, и это не я говорила людям, что им выкрикивать. Они просто вернулись к старой привычке, а я была слишком занята, чтобы их исправлять.

- Встань, - сказал Чазар, и Шала повиновалась. - Дай мне свой меч. - Она вытащила оружие и протянула ему.

Огненный свет пробежал по лезвию, пока дракон осматривал его.

- Прекрасное оружие, - сказал он. - Думаю, с гордой историей.

- Да, Ваше Величество, - сказала Шала. - Ишуал Каранок защищал им Чессенту во времена Чумы Заклинаний.

Одной рукой сжимая обтянутую кожей рукоять, а другой - лезвие, Чазар держал меч на уровне глаз. Затем он прошипел заклинание ослабления - настолько сильное заклинание, что от него у Джесри скрутило живот и заболели уши.

Когда он закончил, то ткнул наверху в Шалу.

- Сломай его. - Сказал он.

Она заколебалась.

- Ваше Величество?

- Ты только что сказала мне, что это клинок Героя Войны. Сломай его, чтобы показать мне, что ты понимаешь, что ты больше не Герой Войны и никогда им не будешь.

Ее квадратные, простые черты не выдавали никаких эмоций. Шала взяла меч обеими руками и сделала так, как приказал Герой Войны. Когда клинок треснул, как сухая палка, дракон выкрикнул:

- Пусть это станет уроком для всех вас! Примите своё счастье! Из всех народов Фаэруна только у чессентцев есть воплощенный Бог, руководящий и защищающий их жизни каждый день. Никогда не сомневайтесь и не задавайте вопросов! Будьте благодарны и радуйтесь!

Часть Джесри хотела сказать, что все чувствовали именно это. Это казалось лучшим способом его успокоить. Но слова застряли у нее в горле, и казалось, что она никогда больше не сможет их сказать.

Чазар осознал их молчание и вздрогнул. Он стал немного выше, а его нос и челюсти немного выпирали из остального лица. Клочок дыма вырвался из одной ноздри, и рука Гаэдинна скользнула к тому месту на земле, куда он положил свой лук.

- *Я должна прекратить это.* - Подумала Джесри. Она изо всех сил пыталась понять - как, но затем гнилостная вонь заполнила ее нос и почти заставила ее заткнуть рот руками.

- Берегись! – крикнул Аот.

С неба спустилось облако тумана. Когда оно достигло земли, то втянулось в себя, утолщаясь и принимая определенную форму с крыльями летучей мыши. Раскосые желтые глаза блестели на чешуйчатой клиновидной голове.

Джесри почувствовал странную смесь страха и облегчения. Страх, потому что она поняла степень могущества Джаксанаедегора, когда она и Гаэдинн были его пленниками. Облегчение потому, что у Чазара была новая цель для своего гнева, и потому, что, по какой-то безумной причине, зеленый дракон-вампир вторгся в центр вражеского лагеря без своих приспешников. А это означало, что, несмотря на свою доблесть, он имел маленькие шансы против всей армии Чессенты со своим Богом во главе.

Все, кто еще не стоял, вскочили на ноги. Аот вытянул свое копьё, и синий свет вспыхнул вокруг острия. Джесри схватился за свой посох обеими руками и почувствовал, как разум внутри оружия возликовал, когда хозяйка посоха воззвала к силе огня. Чазар вырос до колоссальных размеров за одно мгновение, и Оракс отпрыгнул в сторону, чтобы красный дракон не сбил его резко увеличившимся извивающимся хвостом.

Джаксанаедегор прорычал:

- Я заявляю о своем праве на переговоры согласно Двадцать Восьмому Предписанию!

Или, по крайней мере, Джесри думала, что это то, что он сказал. Как и многие маги, она немного знала драконий язык. Джесри же знала его достаточно неплохо, и, судя по всему, дракон-нежить использовал какой-то архаичный диалект.

За исключением, возможно, Аота, никто из собравшихся здесь людей вообще ничего этого не понимал. Они продолжали готовить свое оружие, а Шала сжимала

обломок своего меча из-за отсутствия чего-то лучшего. У соседних костров закричали солдаты. Со всех концов слышались шаги и бряцанье оружия и доспехов.

- Стоять! - Взревел Чазар. Языки пламени вырвались из его пасти. Рык был невероятно громким, и все заколебались.

- Мы с лордом Джаксанаедегором посовещаемся, - продолжил Чазар несколько мягче. – С глазу на глаз. - А затем, к изумлению Джесри, он и зеленый дракон скрылись в темноте.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

16 Кефорн, Год Извечного (1479 по ЛД)

Медраш и его товарищи выбрались из катакомб так быстро, как только могли. Но когда они карабкались по ступеням, которые соединяли один из самых верхних туннелей с Рынком, он увидел, что они не успели.

Некоторые культисты - без сомнения, самые возбужденные или запутанные, окружили выход с лестницы. Они смотрели вниз на тех, кому преградили путь.

Баласар очаровательно улыбнулся.

- Братья! Сестры! Прекрасные новости! Мой брат по клану и дворф решили присоединиться к нашей вере!

- Шпион! – Прошипел культист.

- Лжец! – Выкрикнул кто-то другой

Остальные же звали Налу. Ее имя эхом отражалось от толстых каменных колонн и с другого конца рынка.

- Отойдите, - сказал Медраш. - Вы не имеете права нам мешать.

В ответ некоторые культисты глубоко вдохнули, приготовив свое дыхательное оружие. Остальные же схватились за клинки и булавы. Наверное, из-за танцев, у них с собой был внушительный боезапас.

Медраш окутал себя силой Торма. Глаза культистов расширились.

- Отойдите. - Повторил он.

Драконопоклонники вздрогнули и начали расчищать путь. Затем, с порывом вытесненного воздуха, из ниоткуда появились Петрин и Нала. На плече последний восседал маленький серый дракончик, но боку которого была рваная кривая рана, нанесенная, очевидно, Баласаром.

И как жаль, что клинок лишь нанес рану, а не убил порталного дракона. Без сомнения, именно способность фамильяра к телепортации позволила Нале покинуть катакомбы намного раньше Медраша и его товарищей.

- Друзья мои, - сказал Петрин, глядя на лестницу, - что вы делаете?

Одно мгновение Медраш был готов солгать. Но ложь Баласара ничего ему не дала бы. Кроме того, ложь никогда не была привычкой Медраша, и уж точно не путем чемпиона Торма.

- Ты знаешь, - сказал он. - Вернее, ты знаешь то, что сказала тебе Нала - искаженная версия правды. В катакомбах мы нашли доказательства ее преступлений. Доказательство того, что она поклоняется не вашему Бахамуту, а совершенно другой Силе, и обманом заставила Платиновую Когорту служить этой Богине. Доказательство того, что она сама создает сферы призыва для гигантов.

Из толпы раздалось что-то вроде коллективного рычания.

- Рычите сколько захотите, - сказал Баласар. Он залез в куртку и вытащил один из зеленых шаров. - Вот талисман, который она еще не успела вывезти. У нас есть бумаги, написанные её рукой.

Петрин нахмурился.

- Мы только что одержали победу над гигантами. Обобрать мертвых шаманов было бы легче легкого, а со средствами клана Даардендриен вам не составило бы труда создать фальшивые бумаги.

- Ты хорошо знаешь нас, - вмешался Медраш. - Был ли я, Баласар или Кхорин причастны к чему-то подобному прежде.

- Я не хочу в это верить, - сказал Петрин. - Но раз за разом я видел, как моя вера отталкивает вас, даже когда вы пытались скрыть свои чувства. И, очевидно, обман не чужд вам, иначе Баласар бы не присоединился к Когорте.

- Да, - сказал Баласар. - Я обманул тебя. Но небольшая хитрость - это одно. Другое дело - ложное обвинение в государственной измене. Я прошу тебя поверить в то, что до такого мы не опустимся.

Нала некрасиво засмеялась.

- У него хватает наглости говорить это, когда мы застали его с поличным.

Кхорин взглянул на Петрина.

- Если ты нам не доверяешь, то доверься правосудию Покорителя. Если наши обвинения ложны, то Нале нечего бояться.

Хранительница Змей прикоснулась к предплечью своего любовника и защитника.

- Мы зашли слишком далеко, но много драконорожденных, в том числе близких к Тархану советников, презирают нас. Не давай никому возможности свести на нет все то, чего мы достигли.

- Железо и камень, - выругался Кхорин, все еще разговаривая с Петрином. - Может, включишь голову? Я не священник и не мистик, но даже я понимаю, почему твои дары не похожи на силу остальных членов Когорты. Ты посвятил себя Бахамуту еще до встречи с Налой. Твоя связь с твоим Богом защищает тебя от развращения Тиамат. Но остальным не так сильно повезло.

Петрин заколебался, и Медраш надеялся, слова дворфа подействовали на паладина. Но затем вмешался другой паладин:

- Я так же связан с Повелителем Северного Ветра. Если бы что-то было не так, то я понял это.

- Нет, - сказал Медраш. - С тех пор, как Торм привел меня к одному из мест убийств в Лутчеке, я молился Неистойой Верности о том, чтобы он открыл мне то, что я должен знать и то, что мне с этим делать. И тогда я понял, что, за исключением редких случаев, Боги действуют так, как посчитают нужным. Не всегда мы, паладины, делаем все правильно.

- Дорогой мой, - сказала Нала Петрину, - помни, каково было тебе и остальным верным Бахамуту до того, как я услышал его призыв и пришла, чтобы направить вас. Вы были крошечным кружком изгоев, которых все презирали. Посмотри на нас сейчас. Можешь ли ты усомниться в том, что вы следовали его воле?

- Нет, - ответил Петрин. - Конечно, нет.

- Так что же теперь ты будешь делать? - спросил Баласар. - Собираешься натравить на нас свою банду? Тогда вы точно станете убийцами.

- Это не имеет значения, - сказала Нала. - Никто никогда не узнает, что с вами стало.

Судя по всему, это были не те слова, потому что в ответ на них Петрин нахмурился.

- Если ты пошлешь десятки против троих – будет ли это соответствовать кодексу Бахамута? – Спросил Медраш.

Петрин снова нахмурился.

- Было бы лучше, если бы вы сдались. Не знаю, что мы будем делать после этого, но я гарантирую вам жизнь.

- У меня есть идея получше, - сказал Медраш. – Ты сразишься со мной. Честно. Один на один. Поединок чести не будет противоречить закону. Если я выиграю, - продолжил он, - я, мои товарищи и вы со своими единоверцами – все вместе отправимся к Тархану. Баласар, Кхорин и я представим наши обвинения, а Нала опровергнет их, как только сможет. Если выиграешь ты, то Баласар и Кхорин и я, если буду жив, сдадимся вам. Вы сможете уничтожить наши доказательства, вымогать обещания и делать все, что вам заблагорассудится.

Пальцы Налы сжались на предплечье Петрина.

- В этом нет необходимости. Они у нас в руках.

Петрин улыбнулся ей.

- Ты не воин, поэтому не понимаешь. В поединке есть необходимость, потому что это благородное дело. Кроме того, тебе не о чем беспокоиться. Истина и правда на нашей стороне, - он осторожно снял её руку со своей и посмотрел на культистов. - Всем разойтись.

Медраш глубоко вздохнул. Он достиг своей цели. Толпа больше не хотела разорвать их. Но, не смотря на это, он ненавидел тот факт, что ему придется драться с воином, которого он считал другом.

Особенно когда он не был уверен в своей победе.

* * * * *

Аот был ошеломлен, как и все остальные. Джаксанаедегор был главным лейтенантом Аласклербанбастоса и командиром, который чуть не уничтожил армию Чазара. И теперь они, как старые друзья, пошли прогуляться? Что, во имя Черного Пламени, это вообще за Двадцать Восьмое Предписание?

- Что ж, - сказал Гаэдинн, все еще держа стрелу на луке, - это было интересно, - он повернулся к Джесри и приподнял бровь. – Ты можешь это объяснить?

- Нет, - сказала она. Линия сине-желтого пламени пробежалась по ее посоху, а затем погасла.

- Как странно, - сказал лучник. - Я думал, тебе известны все его божественные секрет».

- Не начинай, - сказал Аот. - У нас есть, чем заняться, - он указал на Оракса и Мералейн. – Вам тоже.

Шала обошла костер.

- Капитан, если...

- Нет, Верховная Леди, - оборвал её Аот. - Спасибо, но нет. Это дело Братства.

Он привел своих товарищей-магов и Гаэдинна к дубовой роще.

- На самом деле, - сказал Оракс, - мы с Мералейн тоже не наёмники.

- Замолчи, - сказал Аот. - Вот план. Я собираюсь подкрасться к драконам и подслушать их разговор.

Гаэдинн улыбнулся.

- Это звучит немного опасно.

- Вот почему мне нужны все чары, которыми только можно меня спрятать.

- Это звучит, как работа для хорошего разведчика. – Сказал эльф.

- Ты не говоришь на драконьем.

Оракс сглотнул.

- Я немного говорю. И я могу скрыть себя намного лучше, чем кого-то другого.

- Спасибо, - сказал Аот, - но это моя дурацкая идея, мне и рисковать. Если меня поймают, то никто из вас ничего об этом не знает.

- Капитан... - голос Мералейн оборвался, но она закончила свою мысль, указав на Джесри крошечным кивком головы.

- Все в порядке, - сказала Гаэдинн. - Она все еще одна из нас. Так ведь, Лютик?

- Конечно! - рявкнула Джесри. - Но мне это не нравится.

- Мне тоже, - сказал Аот. – Так, а теперь начинайте колдовать.

* * * * *

Поднимаясь по последним ступеням, Медраш внимательно смотрел на Петрина. Чемпион Бахамута носил прочную кожаную одежду. Она обеспечит ему прочную защиту, но не настолько хорошую, как настоящий панцирь.

На самом деле, это было хорошо. Это уравнивало их шансы, потому что Медраш тоже был одет не в настоящую броню. Когда он нашел записку Баласара, то не знал – как долго продлится их авантюра, так что решил не надевать броню, чтобы не звенеть сталью и не привлекать к себе лишнее внимание.

Но в чем-то Петрин превосходил его – в отличие от Медраша, он не израсходовал часть своей силы, и хоть паладин Торма и исцелил рану, нанесенную хвостом стража,

в его крови все еще мог быть сонный яд, который может замедлить реакцию Медраша. Петрин же, предположительно, был свежим и отдохнувшим.

Но, по крайней мере, на стороне Медраша была правда, и не важно, что по этому поводу думал Петрин.

Заняв свою исходную позицию напротив другого паладина, Петрин сказал:

- Я этого не хотел. Я все еще верю, что наши Боги хотели, чтобы мы были друзьями.

- Тогда не дерись, - сказал Медраш. – Пойдём к Тархану, и пусть правду определит справедливый суд.

Петрин покачал головой.

- Я не могу. Только не теперь, когда я знаю, что ты ненавидишь меня настолько, что опустился до лжи. - Он обнажил свой меч, дал Медрашу достаточно времени, чтобы тот сделал то же самое, и атаковал его.

Паладин Торма плюнул молнией. Она вонзилась в туловище Петрина, из-за чего тот дрогнул и покачнулся. Медраш рванулся вперед, целясь в руку врага.

Но Петрин оправился еще до того, как его противник смог сократить дистанцию. Он отступил и выкрикнул имя Бахамута, после чего его клинок вспыхнул серебристым свечением, а паладин ткнул им в бок приблизившегося чемпиона Торма.

Медраш увидел, что его собственная атака не удастся, и опустил клинок к туловищу как раз вовремя, чтобы парировать выпад. Заряженный Силой Платинового Дракона, удар Петрина чуть не выбил оружие из рук Медраша. Но лишь почти, и паладин Торма, отбив атаку, прыгнул вперед.

Это движение вывело Медраша из зоны поражения, но развернуло его спиной к врагу. Воспользовавшись любимым приемом Баласара, паладин присел и, развернувшись, атаковал.

Удар ни во что не попал, потому что Петрин не собирался нападать на Медраша сзади. Вместо этого чемпион Бахамута запел, пронзил мечом звездообразную фигуру, и выдернул из неё оружие.

Клинок снова вспыхнул белым светом, и в это же мгновение Медраш увидел призрачную форму бледного сияющего дракона за спиной своего врага. Голова Бахамута с широко разинутыми челюстями дёрнулась вперед.

Медраш бросился в сторону. Тем не менее, он не мог полностью избежать взрыва, оказавшегося настолько сильным и холодным, что был сильнее любого северного ветра. Ударная волна пошатнула Медраша и пронзила его холодом.

Петрин бросился в атаку и нанес удар в бок соперника. Все еще не находя равновесия и дрожа, Медраш сумел парировать, но не очень успешно – блок отнял часть силы удара, но меч Петрина соскользнул и порезал предплечье паладина Торма.

Чемпион Бахамута немедленно атаковал снова, изрыгнув пламя в лицо Медраша. Обожженный и ослепленный Медраш откатился назад и взмахнул мечом, наугад парируя атаки. Он молился Торму, чтобы хотя бы один блок заблокировал атаку Петрина, которого он сейчас не мог видеть.

Сталь звенела о сталь, когда Медраш блокировал удар, нацеленный ему в ногу. Поскольку он все еще едва мог видеть, он нанес ответный удар, сначала высвободив Силу Торма, а затем сжав левую руку и нанеся удар.

На теле Петрина вспыхнул свет, вырвавшийся из кулака, направленного в грудь чемпиона Бахамута. Взрыв или удар кулаком, что сейчас было одним и тем же, отбросил паладина Бахамута. Тот пошатнулся, но устоял на ногах.

Медраш снова воззвал к Торму. Возникшая в результате волна жизненной силы смыла жжение и слезы с глаз паладина, однако порез на руке продолжал кровоточить, из-за чего конечность болезненно пульсировала.

- Первая кровь, - сказал Петрин, - а рана гарантирует твоё поражение. Пожалуйста, сдайся. В этом нет ничего бесчестного.

Медраш покачал головой.

- Я не подведу Торма и наших людей. - Прохрипел он.

- Тогда я сделаю это быстро.

Петрин двинулся вперед.

На самом деле, это было не быстро. Медраш решил, что, хотя Петрин был хорошим фехтовальщиком, он сам был на ступень выше его в этом искусстве, и именно эта разница сейчас спасет его. Именно опыт и умение помогали Медрашу уворачиваться от клинка, заряженного божественной силой. Но из-за усталости и потерянной крови, чемпион Торма не мог ни нанести ответный удар, ни самому перейти в наступление.

Он мог лишь высвободить еще немного силы Торма, которой осталось немного. Она не спасет его от поражения, только если он не использует её с умом. Медраш продолжал защищаться и продумывать тактику, пока ему в голову не пришла идея.

Сначала ему нужно было увеличить дистанцию. Он ударил кулаком по воздуху, и вспышка снова отбросила Петрина назад. Медраш покачнулся, как будто это была последняя капля его силы, что, на самом деле, было недалеко от правды.

Петрин бросился на него. Медраш подождал, пока его противник окажется почти на расстоянии удара, затем сжал пустую руку и отдернул ее.

На мгновение огромный призрачный кулак схватил Петрина и потащил его вперед. Если Медрашу повезло, то, возможно, сила сжала Медраша достаточно сильно, чтобы нанести ему хоть какой-нибудь урон.

Но это была не главная цель этого маневра. Его использовали паладины, чтобы затащить сопротивляющегося врага в зону досягаемости своих клинков. Медраш надеялся, что если неожиданная атака по несопротивляющемуся врагу выбьет того из равновесия.

Петрин подался вперед, а Медраш сделал выпад. Его меч глубоко вонзился в грудь чемпиона Бахамута. Раненый паладин рухнул на колени и упал вперед.

На несколько мгновений все затихли. Медраш буквально чувствовал нарастающую скорбь других культистов.

А затем закричала Нала:

- Он обманщик! Даардендриен сжульничал! Убейте их!

Ее последователи устремились к Медрашу, Баласару и Кхорину прижимая тех к лестнице, как петля, затягивающаяся на горле преступника.

Петрин приподнялся на локте. Его фигура светилась жемчужным светом, и даже лежа в луже собственной крови, он казался неукротимым и величественным.

- Стоять! - прохрипел он, и даже в этих словах была сила. Этот хрип должен был быть слышен лишь в радиусе двух шагов от самого паладина, на Медраш почему-то

был уверен, что эти слова слышала вся толпа. - Он не жульничал. Делайте то, что обещали. Не позорьте своего Бога. Или меня.

Его тело резко упало. У Петрина не осталось силы даже для того, чтобы держать голову.

Но в этом больше не было необходимости. Его просьба подавила ярость, которую пыталась разжечь Нала.

Медраш опустился на колени рядом с Петрином и прижал руки к спине драконопоклонника. Напрягаясь, он направил шепот Силы Торма через свое тело в тело другого паладина, но её остатков не хватит, чтобы закрыть смертельную рану чемпиона Бахамута.

Но ведь Нала была целительницей! Медраш поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как она исчезла, унесенная силой маленького серого дракона на ее плече.

- Все в порядке. - Прохрипел Петрин.

- Я не хотел тебя убивать, - сказал Медраш. - Но я знал, что есть лишь один способ закончить бой.

- Все в порядке, - повторил Петрин. Его голос стал еще тише. - Я молился, чтобы истина и право восторжествовали, и это произошло. Если мои опасения насчет Налы правдивы... - Он не договорил, дернулся и обмяк.

На мгновение Медраш возненавидел себя. Возможно, он даже ненавидел Торма, путь которого привел его к этому. Но затем это чувство превратилось в чистое и горькое сожаление. Сжимаясь от желания выть от горя, он сидел рядом с трупом до тех пор, пока к нему на плечо не легла рука Баласара.

- Давай найдем кого-нибудь, кто зашьет твою руку. - Сказал младший Даардендриен.

* * * * *

Аот мог видеть свои руки и копье в них, но это было еще до применения заклинаний. Несколько обнадеживало то, что он также мог видеть призрачное мерцание, ползущее по его конечностям вместе с чарами, накладываемыми Джесри, Ораксом и Мералейн.

Он собирался проверить их труды на практике. Драконы еще не успели уйти далеко – их вздымающиеся над деревьями головы напоминали высушенные искривленные стволы деревьев с сучьями без листвы лишь на одной их стороне.

Джет заговорил с ним через психическую связь:

- Даже если они не видят тебя, как насчет их носов? А насчет ушей?

Аот вздохнул.

- Кто тебя разбудил? Гаэдинн?

- Если тебе нужен отвлекающий маневр, то только скажи, и я все сделаю.

- Нет, он мне не нужен. Как и ты.

- Ты хоть представляешь, насколько остры драконьи чувства?

- Да. Но если магия сработала, я не должен испускать запахов. Да и на всякий случай я пойду против ветра. А что касается шума, то я умею красться. Я же подкрался к Маларку на вершине горы Сзасса Тэма.

- Ага, а потом он заметил тебя. А ведь он даже не был очень старым драконом, нежитью или живым Богом. Почему ты делаешь это? Надеюсь, не только потому, что обещал это своей новой женщине.

- Нет, потому что она была права. Нам нужно лучше понимать, что происходит. От этого могут зависеть наши жизни. А теперь перестань приставать ко мне и слушай – если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы ты передал Джесри и Гаэдинну все, что услышишь до возникновения проблем.

Он подкрался к широкому обветренному пню. Хорошее укрытие от многих существ, но недостаточно высокое, чтобы заглядывать прямо через него. Он подобрался еще ближе к драконам, пока не нашел замшелый старый дуб с толстым стволом. Спрятавшись за ним, наемник понял, что Тимора в любом случае благоволила ему в одном - Чазар и Джаксанаедегор не разговаривали на кажущемся архаичным драконьем диалекте, который вампир использовал в лагере. Они говорили на языке, который вполне неплохо знал Аот.

- ...довериться тебе? - Сказал Чазар.

- Почему бы и нет? – ответил Джаксанаедегор. - Поскольку я имел некоторое представление об их цели, мои агенты в Мурктаре, боровшиеся с Аласклербанбастосом, проследили, чтобы Джесри Колдкрик и Гаэдинн Улреас оказались моими пленниками. Затем, когда я проверил свою информацию, я дал им шанс сбежать и даже позволил им унести с собой огненный посох, поскольку я подозревал, что, если они действительно найдут тебя, то им может понадобится сила пламени, чтобы спасти тебя.

При других обстоятельствах Аот мог бы изумленно рассмеяться. Он был готов услышать что угодно, но это...

Тем временем Чазар фыркнул и прыснул воздух дымом и серой.

- Дал им шанс.

Джаксанаедегор с желтыми мерцающими глазами обнажил клыки в том, что могло бы считаться ухмылкой.

- Я не мог просто развязать их и помахать рукой на прощание. Я предполагал, что драколич следит за мной так же, как и за остальными.

- Я полагаю, что его пристальное внимание должно также оправдать твоё недавнее нападение.

Зеленый дракон взмахнул крыльями. Звук напоминал треск пустых парусов, когда порыв ветра наконец наполнил их.

- Совершенно верно, и посмотри на итог. Аласклербанбастос потерял могущественный артефакт и трех драконов, которые были ему действительно преданы. Хотя могло бы быть и лучше, вступи ты в битву раньше.

- Не смей меня критиковать! - прорычал Чазар. - У тебя, пиявки, порождения тьмы, нет на это прав. Только не у тебя.

Аот вздрогнул от ярости красного дракона, и даже Джаксанаедегор, казалось, слегка опешил.

- Я... не хотел тебя обидеть. Я просто пытаюсь убедить тебя в том, что мы на одной стороне. Поверь мне, и давай воспользуемся представившейся возможностью.

- Какой возможностью?

- Может быть, это и хорошо, что твоя армия потерпела поражение. Аласклербанбастос насторожен, и он не набрал всех этих наёмников и всех остальных для того, чтобы по-настоящему подвергнуть тебя опасности. Но он так же ненавидит тебя самой настоящей холодной ненавистью, присущей только нежити. Если он посчитает, что ты в серьезном невыгодном положении, то выйдет из своих пещер, чтобы нанести смертельный удар.

- Он уже поставил меня в невыгодное положение!

Джаксанаедегор улыбнулся.

- Я могу это исправить. Войска, которые сейчас обходят вас, получили приказ перекрыть канал, через который к твоей армии должны были подойти подкрепления. Я могу приказать им двигаться зигзагом, и дополнительные войска смогут проскочить к тебе.

Чазар хмыкнул.

- Это было бы полезно, но не обязательно.

- Хорошо, что у меня есть еще одна идея. Я общался с некоторыми из драконьих принцев и убедил их, что их договоренность с Аласклербанбастосом противоречит их долгосрочным интересам. В результате предоставленные ими воины окажутся менее полезными, чем он ожидает.

Аот кивнул. Он задавался вопросом, как Высокий Имаскар, который никогда не показывал себя как опасный игрок на море, смог провести такую успешную морскую операцию против Чессенты. И почему он не видел ни одного пирата-имаскарца, армия которых высадилась, чтобы сражаться за Великого Костяного Змея. Ответ на обе загадки был один и тот же - Высокий Имаскар предоставил мургомским боевым кораблям свободный доступ в море Аламбер с условием, что те будут выступать от его имени.

Что отчасти объясняло, почему среди налетчиков вроде бы были драконорожденные. Хранители Змей знали, как замаскировать абишаев под драконорожденных, а княжества Мургома, города-государства, управляемые драконами, по-видимому, кишели этими демонами.

К сожалению, это откровение вызвало лишь новые вопросы. Фактически, эти знания открыли для Аота новое дно происходящих событий, сложность которых и без того настолько превосходила Войну Зулкиров настолько, что та казалась детской постановкой. Но, может быть, если Аот продолжит слушать, то сможет распутать этот клубок.

- А что насчет других драконов, подчиняющихся Аласклербанбастосу? - спросил Чазар. - Будут ли полезны они?

- Вообще-то, - сказал Джаксанаедегор, - да. Я же сказал - мы уже начали процесс выбраковки стада. Я могу устранить, по крайней мере, еще одного из тех, кто действительно предан Костяному Змею, и возложить ответственность за его гибель на тебя. Иными словами, большинство драконов, которые идут в бой за Аласклербанбастосом, устали от войны так же, как и я.

- Насколько ты уверен в том, что он не раскусил твоих истинных мотивов?

- Вполне. Его ненависть к тебе, Скутосину, и Гестаниусу, не позволяет ему здраво смотреть вокруг. Он винит вас троих во всех своих неудачах и несчастьях. Вдобавок, из-за своего высокомерия ему трудно представить, что кто-то из его слуг осмелится

восстать против него. Он считает, что даже я вынужден довольствоваться тем, что подлизываюсь к его ногам и выпрашиваю крошки с его стола.

- Наверное, вместо того, чтобы уничтожить его.

- Да, именно так.

Аот нахмурился.

Эти игры были лишь метафорой на стремление к власти. И все же что-то в голосах драконов заставило его задуматься - а не имеет ли эта фраза более глубокий смысл. Возможно, это имело какое-то отношение к Двадцать Восьмому правилу.

Он все еще задавался этим вопросом, когда голова красного дракона повернулась в его сторону.

- Что это такое? - Прорычал Чазар.

- Где? - Спросил Джаксанаедегор.

- Шипящее дыхание - сказал Чазар. - Удар сердца. Он пригнулся, чтобы лучше разглядеть то, что было на земле.

- Меня могут раскрыть, - подумал Аот. - Могу сказать, что пошел за ними, чтобы защитить Чазара, если Джаксанаедегор решит обмануть его.

Но инстинкт - или, может быть, просто страх, убедил его застыть. Чазар за пару больших шагов приблизился к укрытию наемника. Как и Джаксанаедегор. Их желтые глаза, каждый из которых был больше головы человека, светились, подобной страшной и злобной пародии на луну. Запахи их тел ударили Аоту в нос - сера и дым от красного змея, а жгучая гниль от зеленого. Он сжался, сдерживая позывы кашля или рвоты.

Спустя какое-то время Джаксанаедегор сказал:

- Я ничего не слышу.

- Теперь и я ничего не слышу. - Сказал Чазар. Аот немного расслабился, но все равно не выдохнул.

Затем Чазар повернулся к другому змею со скоростью, поразительной для чего-то, обладающего такими огромными габаритами. Вампир так же быстро отпрыгнул назад.

- Но если это ловушка - я разорву тебя на части! - Сказал Чазар.

- Если бы я нарушил Предписания, - ответил Джаксанаедегор, - Бримстоун изгнал бы меня, а на такой риск я не готов. Кроме того, мои лучшие убийцы не дышат, а их сердца не бьются.

- Ну хорошо, - сказал Чазар и выпрямил шею во всю её высоту. - Предположим, я решил, что готов тебе поверить. Чего ты хочешь взамен?

- Немного. Быть верховным хозяином каких-нибудь земель и никому не подчиняться.

- Я веду войну, чтобы подчинить Трескель себе.

- Сейчас ты борешься, чтобы сохранить свою жизнь и не дать Аласклербанбастосу взять под свой контроль всю Чессенту. Но подумай вот о чем - после того, как мы выиграем, ты сможешь заявить, что правишь Трескелем, потому что, по факту, ты будешь править большей частью страны. Твоим людям все равно, кто или что населяет гору Тулбейн и ее окрестности, потому что для них всех там - пустошь.

- Действительно, все так считают, - согласился Чазар. - Но это заставляет меня задаться вопросом - почему ты готов довольствоваться такой скудной наградой?

- На это есть два ответа. Во-первых, наказание Аласклербанбастоса за его издевательства и высокомерие само по себе принесет удовлетворение. Во-вторых, это лишь начало игры. У меня далеко идущие планы, которые начинаются с полного контроля моей личной земли, какой бы скудной она ни была.

- Хорошо, - сказал Чазар. - Если ты выполнишь все, что пообещал, то ни я, ни кто-либо из моих слуг не будет тревожить ни гору Тулбейн, ни земли вокруг неё. Клянусь нашей Темной Госпожой и моей собственной божественностью.

- Значит, сделка. Мы еще встретимся, так или иначе.

Джаксанаедегор повернулся, побежал рысью, взмахнул крыльями и взлетел к звездам. Чазар какое-то время наблюдал за уменьшающейся фигурой дракона-вампира, а затем внезапно превратился в человека. Улыбнувшись и положив одну руку на рукоять меча, вложенного в ножны, красный дракон поплелся обратно к лагерю. Аот некоторое время подождал, а затем последовал за ним.

* * * * *

Насколько было известно Нале, преследователи шли за ней по пятам. Маги или Защитники Копья на летучих мышах могли покинуть Джерад Тимар почти так же быстро, как и она.

Значит, некогда было хоронить порталного дракона. Она могла только осторожно положить его тело на землю.

Несмотря на его рану, Нала снова и снова приказывала ему переносить её сквозь пространство, пока от напряжения сердце маленького фамильера не остановилось.

Его гибель была трагедией. Хуже того, это было еще одним преступлением против Темной Госпожи, давшей Нале дракона, чтобы тот помог ей в ее священном деле. Она снова посмотрела на Джерад Тимар, вздымающегося в звездное небо подобно черной стреле, и её охватила ненависть.

Все враги Богини заплатят. Медраш. Баласар. Дворф. Все. Они еще не победили. Нала знала, куда идти и что делать, чтобы продолжить свою работу. Игнорируя усталость, страх и какие-либо другие чувства, кроме гнева, она продолжала бежать по полю.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

19-24 Кефорн, Год Извечного (1479 по ЛД)

Баласар напал на деревянную мишень, которую Кхорин назвал пятой. Он ухмыльнулся, когда тупой кончик его тренировочного копья попал в цель, развернув горизонтальный шест в сторону. Если он хотел овладеть новым странным стилем боя до того, как армия Джерад Тимара выйдет на Равнину Черного пепла, ему следовало побольше потренироваться, хотя ему и казалось, что он уже овладел этой техникой.

Позади него некоторые из его товарищей вскрикнули. Он развернул лошадь и удивленно разинул рот.

Десятки драконорожденных маршировали к грязному тренировочному полю от Джерад Тимар, вздымающегося в небо подобно лезвию со сломанным концом. Некоторые из них несли пурпурные вымпелы с серебристыми фигурами драконов, свисающих по всей длине знамени.

Баласар не видел таких знамен с той ночи, когда Нала сбежала после того, как ее измена стала общеизвестной, тем самым возродив ненависть драконорожденного обывателя к драконопоклонничеству. Он не ожидал увидеть их снова.

- *Клянусь разорванной цепью, - подумал он, - да что с вами? Идите домой и лягте на пол, а если кто-то и спросит – поклоняетесь ли вы богам-драконам, то молчите, пока ваша чешуя не опадёт с вас, как листва осенью. Не губите себя!*

Судя по всему, именно на это они и шли. Копейщик вскрикнул, опустил тренировочное оружие и помчался на одного из культистов, несущего знамя. Драконопоклонник даже не попытался увернуться или, хотя бы, уйти с пути всадника. Оружие ударило его в грудь и повалило на землю вместе с вымпелом.

Можно было предположить, что в удар серьезно ранил или, быть может, даже убил его. Или, может быть, лошадь просто растоптала его – Баласар не видел, высокая трава закрывала ему обзор. Остальные всадники тоже развернули лошадей и помчались на культистов, которые так же не продолжали просто идти вперед. Один всадник выбросил деревянное оружие и обнажил стальной меч.

Баласар пришпорил ноги и помчался к намечающейся кровавой бане.

- Стоять! – взревел он. – Стоять!

Никто не обратил на него внимания.

Но затем на поле выскочил Медраш и встал между всадниками и культистами. Даже забрызганный грязью после тренировки, даже среди весеннего солнца, он будто светился, а когда он закричал, то его голос гудел, подобно грому. Всадники остановились.

Баласар вздохнул и покачал головой. Да пусть его заплуют и сожгут, если он когда-нибудь будет ползать перед Тормом или каким-нибудь другим призраком. Но нельзя было отрицать тот факт, что он научил Медраша парочке полезных трюков.

- Что случилось? – крикнул один из всадников. – Это предатели! Бей их!

- Я раскрыл их замыслы, - ответил Медраш, - но это не значит, что они заслуживают смерти. Нала обманула их так же, как всех нас.

- Их даже хуже. – Сказал Баласар, выехавший к собрату по клану.

- Некоторые из них поклонялись драконам еще до того, как Нала объявила себя их пророком. - Прорычал другой всадник.

- И если бы я не проник в культ и не разоблачил его, - сказал Баласар, - некоторые из вас, дураков, выстроились бы в очередь, чтобы присоединиться к ним. Поэтому самое меньшее, что вы можете сделать – это согласиться с нашим с Медрашем мнением и не причинять боль этим драконорожденным. Фактически, если вы отдадитесь гневу и злобе, то станете теми, кого пыталась сделать тёмная Богиня из культистов. Так что лучше оставьте силы для борьбы с пепельными гигантами.

- И для тренировки, - добавил Медраш. – Вы должны быть полностью готовы перед тем, как мы отправимся на Равнину Черного Пепла.

Всадники мгновение смотрели на него, а затем угрюмо развернули своих скакунов. Один лучник пустил лошадь в галоп и выстрелил в цель. Стрела попала во внешнее кольцо мишени.

Тем временем Медраш приподнялся на стременах и всмотрелся. Баласар посмотрел туда же. Двое культистов помогали парню, получившему удар, подняться на ноги. Судя по всему, он не был сильно ранен.

Медраш посмотрел на всю группу.

- Уходите отсюда, - сказал он. - Прежде чем ваше присутствие снова спровоцирует их.

Женщина с коричневой чешуей по имени Вишва вышла из толпы. Как и у многих культистов, на лице у нее были маленькие морщинистые шрамы. Это были шрамы, оставшиеся от пирсинга, снятого после того, как клан девушки изгнал её.

- При всем уважении, - сказала она, - мы не можем этого сделать. Мы пришли сюда с определенной целью.

- Мне все равно. - Ответил Медраш.

Она продолжила, как будто он ничего не сказал:

- Те немногие из нас, кто был ближе всего к Нале, кто понимал, что она делает на самом деле и помогал ей создавать талисманы, ушли из города вместе с ней. Остальные же хотят продолжить драться с гигантами.

Медраш фыркнул.

- Это исключено.

- Мы должны доказать свою верность, чтобы искупить наши грехи.

- Что ж, вам нужно найти другой способ сделать это. Даже если Тархан потерпит ваше присутствие в строю, Защитники Копья и остальная армия не станут. Они будут настроены к вам так же, как эти парни. – Он кивнул в сторону всадников.

- Может и нет, - сказал Вишва. – Только не после того, как все узнаю, что клан Даардендриен, раскрывший заговор Налы, защищает нас.

Баласар рассмеялся.

- Какая хорошая идея! Если ты не заметила, борьба с Налой сделала меня и Медраша героями. Зачем нам прыгать в грязь вместе с вами?

- Если вы не дадите нам своё поручительство, - ответила Вишва, - то мы пойдем и без него. А если это приведет к тому, что мы лишь отдадим наши жизни, то пусть так. По крайней мере, перед смертью мы восстановим свою честь. Как Петрин.

Медраш нахмурился.

- Ждите здесь. - Он отъехал немного подальше от культистов. Баласар последовал за ним.

- Что думаешь? - Спросил Медраш.

- Лишь об удивлении от того, что ты даже спрашиваешь, - ответил Баласар. - Ты же презираешь саму идею драконопоклонничества, помнишь? Наши старейшины воспитали в нас это. А поскольку эти драконорожденные несут эти знамена, то все еще поклоняются драконам. Они просто пытаются отречься от Тиамат и отдать себя Бахамуту. Вот скажи мне – с рациональной точки зрения – какая здесь разница?

- Мы сказали, что боремся за их жизни так же, как за жизни всех остальных. – Сказал паладин.

- Это сказали ты и Кхорин, - поправил Баласар. – Я был занят поиском тележки с песком и отслеживанием прочих проблем.

- Как мы спасем их, если они все умрут на Равнине Черного Пепла или, быть может, даже не дойдя до неё – от рук наших воинов.

- Мы спасли их от лжи Налы, - сказал Баласар. – Если они решат выступить и погибнуть – что ж, их проблема.

- Даже если бы мы смогли убедить их остаться дома, то какая у них была бы жизнь? - спросил Медраш. - Все всегда их презирали, а теперь они будут еще ненавидеть и преследовать. И так будет продолжаться до тех пор, пока они либо не исчезнут, либо не искупят свои грехи.

- Ты сейчас говоришь это все из-за того, что чувствуешь себя виноватым перед Петрином? - спросил Баласар. – Напомню, что ты воин из воинственного клана. Это выглядит глупо, если тебе плохо только потому, что ты кого-то убил.

- Я все время вспоминаю, как он сказал, что Бахамут и Торм были друзьями, и мы тоже должны быть друзьями, - сказал Медраш. - Я помню, что было... правильным сражаться с ним плечом к плечу. Да и в конце концов, хоть я и убил его, своим словом он спас нас от растерзания.

- Он мне тоже понравился, - сказал Баласар. – Но если ты возглавишь его товарищей, то не вернешь его.

- Это ты провел время среди них. Ты и скажи – вменяемы ли они, или у них нет никакой надежды на искупление.

Баласар вздохнул.

- Нет. Нала немного испортила их, но по сути – они простые драконорожденные. Каждый из них присоединился к Когорте потому, что был недоволен положением дел на фронтах, что не сильно отличается от твоей с Тормом истории.

Медраш криво улыбнулся.

- Мне не нравится сравнение, но мы можем отложить его на другой раз. - Светя белыми шипами на лице, отражающими солнечный свет, и звеня кольчугой, паладин развернул лошадь и направился к культистам. Баласар что-то пробубнил, но все равно прищипил лошадь и отправился вслед за товарищем.

Медраш окинул драконопоклонников суровым взглядом.

- Вы утверждаете, что хотите искупить вину, - сказал он, - но при этом несете с собой часть скверны Налы. Прямо сейчас, даже когда вы просите нас о помощи, некоторые из вас раскачиваются назад и вперед.

- Можете ли вы отчистить нас от этого? – спросила Вишва. – Ничего не доставит нам большей радости, если вы сможете сделать это.

- Вы уверены? - сказал Медраш. - Если я разорву ваши связи с Тиамат, вы потеряете доступ к её дарам. Вы не сможете использовать своё дыхание чаще других драконорожденных. Вы больше не почувствуете ярости, сжигающей страх и взамен наполняющей силой. Если вы хотите искупить вину, то это ослабление необходимо. А что касается нас с Баласаром... мы не будем защищать вас, чего не станет делать и клан Даардендриен не будет прикрывать вас. Все это значит то, что бои станут для вас опаснее, чем прежде.

- Мы хотим отчиститься. - Сказал Вишва. Другие культисты одобрительно закричали.

- Тогда готовьтесь. - Медраш засунул копьё обратно в ножны, прикрепленные к седлу, а затем высоко поднял руку в стальной перчатке. Он прошептал что-то так тихо, что даже Баласар едва мог расслышать его слова.

Яркий свет начал пульсировать на руке паладина. Частота пульса напоминала биение сердца драконорожденного, находящегося в полном покое, а созерцание света наполнило Баласара ощущением купания в прохладном озере в жаркий летний день.

Но культисты не выглядели воодушевленными - от этого света они все скривились и съежились.

Медраш начал шептать быстрее, от чего ускорилась пульсация света. Отчетливое возбуждение Баласара, сменилось постоянно нарастающим восторгом.

Сектанты упали на землю и начали биться в судорогах. Темные пары поднимались от их тел, по пять струек от каждого. Нити пара наматывались и закручивались друг вокруг друга, напоминая змеиные шеи, головы на которых хотели смотреть во все стороны одновременно.

Дым, если это было правильным определением природы испарений, выглядел грязным. Ядовитым. Даже эйфория Баласара не смогла предотвратить приступ отвращения.

- Если бы я впустил это во время инициации, - подумал он, - то сейчас оно было бы и во мне.

Когда струйки пара вырывались из тел культистов, она хлестали в разные стороны, будто тоже содрогаясь от боли. Некоторые кружились на месте и бились об тела культистов, будто пытаясь пробиться назад в плоть, которая до сего момента укрывала их, но каждый раз отлетали назад, подобно удару меча, отраженному щитом.

Затем они внезапно бросились на Медраш. Баласар открыл рот, чтобы выкрикнуть предупреждение. Последняя вспышка сияния вырвалась из рукавицы паладина, и струйки растворились на полпути к цели.

Свет в руке Медраша погас, и та упала вниз. Его тело резко опало, будто паладин собирался разлечься на шее своей лошади.

Пытаясь получше рассмотреть лицо брата по клану, Баласар наклонился.

- С тобой все хорошо?

Медраш сглотнул.

- Да, - прохрипел он, а затем с видимым усилием сел прямо. - Просто это было... весьма утомительно.

- Не понимаю почему, - сказал Баласар. - Все, что ты сделал – это просто разорвали хватку Богини над парой десятков людей одновременно. Это мог бы сделать и ребенок.

Медраш слегка улыбнулся.

- В следующий раз мы найдем того ребенка и отдадим эту работу ему.

Члены Когорты начали медленно и неуверенно подниматься на ноги.

- Все в порядке? - Спросил Медраш.

- Я... думаю, что да, - вздрогнула Вишва. – Это было больно. Действительно больно. Но уже сейчас лучше.

- Не просто лучше, а намного лучше. - Сказал драконорожденный с коричневой чешуей. Улыбка озарила его лицо.

- Мне было так плохо, - сказала женщина. В ее тоне переплетались удивление, отвращение и облегчение. – Я была настолько прогневшей и даже не знала об этом!

В следующий момент сразу дюжина драконорожденных начали восклицать о своём благополучии.

- Спасибо! - закричала Вишва, перекрикивая поднявшийся шум. - И спасибо Торму, даровавшему тебе эту силу! Спасибо Бахамуту, что привел нас к тебе!

Медраш выглядел так, будто не знал, что ответить. В конце концов, он остановился на грубости. Возможно для того, чтобы скрыть настоящие эмоции.

- Теперь самое сложное, - сказал он. – Лишившись своих способностей, вы потеряли все то, что делало вас особенными. Я могу только надеяться, что упорные тренировки принесут вам хоть какую-то пользу в специализации копейщиков, - он повернулся к Баласару. - Кхорин не имеет предубеждений против поклонников Бахамута. Как ты думаешь, он сможет научить этих воинов драться правильно к тому моменту, как придет время выступить?

Баласар ухмыльнулся.

- О, я уверен, он будет взволнован этим так же, как и я.

* * * * *

Аот и Джет плыли по ночному небу, изучая кустарники и деревья снизу. Джаксанадегор и его подчиненные могли поменять сторону конфликта в тот момент, когда дракон-вампир посчитает нужным, но он не мог игнорировать свои обязанности, по типу разведки, иначе офицеры, верные Аласклербанбастосу, заподозрят что-то неладное. И кто-то должен был найти этих разведчиков и не дать им донести до командования известия по поводу приближения подкрепления к чессентской армии.

Аот заметил четырех кобольдов, крадущихся с подветренной стороны невысокого холма. Он зажег свет на острие своего копья, направил оружие вниз, на разведчиков, и погасил его. Он надеялся, что если кобольды и заметят эту вспышку, то подумают, что просто увидели падающую звезду.

Джет сложил крылья и спикировала на замыкающего кобольда. Поднявшись в стремени, Аот приготовился к толчку.

Когти Джета вонзились в цель, и инерция от спикировавшего грифона повалила кобольда на землю. Чешуйчатое маленькое существо, вероятно, умерло, даже не осознав, что находится в опасности. Смерть разведчика была относительно тихой.

Но недостаточно. Остальные три кобольда развернулись.

Джет выдернул окровавленные когти из тела мертвого разведчика и прыгнул вперед. Он швырнул еще одного кобольда на землю, ударил его львиными задними лапами и вырвал кусок плоти из живота трескельца.

Третий кобольд зашипел рифмующиеся слова, одновременно рывками размахивая куском резной кости, рисуя в воздухе зигзак. Надеясь поразить шамана до того, как тот закончит свое заклинание, Аот нацелил на него свое копьё.

И в этот момент Эйдер обрушилась на низкорослого шамана, моментально закончив его жизнь. Гаэдинн повернулся в седле, натянул тетиву и отпустил руку.

Стрела попала последнему кобольду в горл. Разведчик откинулся назад и замертво рухнул на землю.

Джесри и Шрам спустились на землю вслед за эльфом.

- Вы не оставили мне. - Сказала женщина.

- Мы не хотели, чтобы ты испачкала в крови свою новую одежду. – Ехидно ответил Гаэдинн.

Джесри нахмурилась.

Аот огляделся, убедившись в том, что они не упустили ни кобольдов, ни кого-либо еще, требующего их внимания. Все было хорошо.

То есть они взялись за задачу, поставленную перед наемниками, и хорошо выполнили её. Желая, чтобы вся остальная жизнь была такой же простой, он сказал:

- Это отличное место для серьезного разговора.

Гаэдинн улыбнулся.

- А ведь у меня было предчувствие. Зачем тебе брать с собой на такое простое дело двух своих лейтенантов, если с ними не о чем разговаривать.

Аот спрыгнул со спины Джета и почесал тому голову, наполнив воздух шелестящим звуком и запахом перьев.

- Я рассказал вам о разговоре Чазара и Джаксанаедегором. У вас было время переварить это. Что вы думаете?

Джесри спешила и достал кожаную флягу из одной из седельных сумок Шрама.

- По сути, - начала она, - если мы можем доверять Джаксанаедегору, то это были хорошие новости. Он и его приспешники предадут Аласклербанбастоса, после чего мы вместе уничтожим Великого Костяного Змея.

Гаэдинн фыркнул.

- Какой тонкий план.

- Это надежный план! - рявкнула Джесри. - А ты болван, если тебе он не нравится. Мы собираемся победить, собрать побольше золота и восстановить репутацию Братства. Именно для этого мы и приехали в Чессенту.

- Так оно и есть, - согласился Аот. - И с одной стороны я чувствую себя дураком, пытаюсь найти второе дно. Но с другой стороны, я беспокоюсь, что что-то плохое застанет нас врасплох, если мы просто поплывем по течению. Итак, что вы думаете о той части разговора, которой Чазар не поделился с нами? Части, которая подразумевает не только сговор с вампиром ради уничтожения Аласклербанбастоса?

Джесри нахмурился, как будто почувствовала упрек, хотя Аот и не намеревался вызвать такие чувства. Вытащив пробку из своей бутылки, она сказала:

- Будь по-твоему. Если ты хочешь над чем-то поломать голову, то у меня есть кое-что. Ты знаешь истории о последней Ярости Драконов?

- Я припоминаю некоторые из них, - сказал Аот. – Да я и сам лицезрел неприятный отголосок этого помешательства.

- Что ж, Бримстоун было именем - или, если сказать точнее, прозвищем - одного из драконов, которые помогли уничтожить лича Саммастера и положить конец Безумию. - Джесри сделал глоток, на мгновение заколебалась, после чего протянула бутылку Аоту.

Он удостоверился, что не дотронется до пальцев Джесри, когда возьмет бутылку. Оказалось, внутри была теплая вода. А жаль. Он надеялся, что будет что-нибудь покрепче.

Гаэдинн пожал плечами.

- Последняя Ярость была еще до Магической Чумы. При всем уважении к нашему седому капитану, я не понимаю, как это может иметь хоть какое-то отношения к нашим нынешним проблемам.

- Я тоже, - сказала Джесри. - Тем более, что в конце песенного цикла Карасендриэт Бримстоун умирает. Но это все, что я знаю, вот и решила поделиться.

Аот вытер рот и протянул флягу Гаэдинну.

- Это всего лишь предположение, но, возможно, Бримстоун - это прозвище, которое можно выбрать, надеясь на уважение дракона или, быть может, даже на его подчинение. И Джаксанаедегор действительно говорил об этом Бримстоуну так, будто он действительно может наложить какие-то санкции на него и Чазара.

Инстинктивно почувствовав смещение медных волос, Гаэдинн пригладил непослушную прядь.

- Но какой в этом смысл? Повелитель Джаксанаедегора - Аласклербанбастос, а его заявленная цель - убить своего хозяина и стать свободным. Чазар же еще менее склонен признавать какую-либо власть, кроме своей собственной. Да и как он может, если верит, что он не просто Бог, а величайший из Богов?

Джесри впилась в эльфа взглядом.

- Он никогда такого не говорил.

- Так много слов за раз, да - ответил Гаэдинн. - Пока что нет. Но когда-нибудь - обязательно.

- Вот еще одна мысль, - вмешался Аот, - хотя она может показаться маловероятной. Чазар и Джаксанаедегор говорили о какой-то игре. В некоторых играх требуется наблюдатель, который бы подсчитывал очки и обеспечивал соблюдение правил.

Глаза Гаэдин сузились.

- Бримстоун может быть таким наблюдателем, а эти Предписания - лишь правилами игры.

- Вы оба позволили своему воображению разгуляться, - сказал Джесри. - Аот, вспомни, что не говоришь на драконьем в совершенстве. А даже если бы и мог, то тебе предстояло бы еще понять образ мышления драконов и их взаимоотношения. Я думаю, что даже если они использовали слово "игра", то это была лишь фигура речи.

- Может быть. - Признал Аот.

- Даже если они действительно считают войну, в некотором смысле, игрой, - продолжила Джесри, - какое это имеет значение? Разве от этого мы будем получать меньше прибыли за свою работу?

- Надеюсь, что нет. - Ответил Аот.

- Это может не иметь значения для нас, наемников, - сказал Гаэдинн. - Для тех, кто за деньги сражается где-то с кем-то. Но если все это просто развлечение, то это плохо для чессентцев и трескельцев, у которых нет иного выбора, кроме как бороться и умирать ради развлечения своих хозяев.

- Это явно не просто развлечение, - сказала Джесри. - Чазар и Аласклербанбастос веками пытались уничтожить друг друга. На всем Фазруне нет двух более заклятых врагов. В дополнение ко всему, Чазар, как и любой другой король, хочет контролировать все земли, которые по праву принадлежат ему. И с каких это пор ты заботаешься о чессентцах, трескельцах или о ком-либо еще, кто не состоит в Братстве?

Гаэдинн криво улыбнулся.

- Справедливо. Это так. Что не меняет того факта, что Чазар скрывает от нас секреты, и, помимо всего прочего, это безумие. Он не надежнее Неврона или Самаса Кула.

- Он болен из-за того, что пережил. Ты никогда не испытывал ничего подобного, вот и не понимаешь его состояния.

- Ты и представить себе не можешь, что перенес я.

- Вообще-то, представляю. Ты же сам рассказывал мне. И как бы ты втайне не жалел себя, отделался ты достаточно легко.

Гаэдинн поколебался, а затем ответил:

- Если мы сравниваем наши шрамы, то я могу признать, что твой глубже моего. Но мы говорим о Чазаре.

- Хорошо. Давай поговорим о нем. Надо отдать ему должное – он еще в хорошем состоянии.

- Абсолютно согласен. Особенно хочу отметить то, как его парализовал ужас именно в тот момент, когда мы особо остро нуждались в нём. И то, как он оскорбил Мералейн и Шалу за ужасное преступление, заключающееся в том, что они спасли нас всех.

Аот нахмурился. Антипатия Гаэдинна к своему работодателю была непрофессиональной и, возможно, опасной. Что не отменяло его согласия с мнением лучника.

- Он был великим правителем, - сказала Джесри. - Вот почему даже сто лет спустя люди молились о его возвращении. И он снова будет делать великие дела. Он уже начал.

Гаэдинн вздохнул.

- Я понимаю, что он натер целительным бальзамом те твои шрамы, что терзали тебя всю жизнь. Но это не компенсирует всего того, что он сделал. Или того, что он собирается сделать.

Джесри усмехнулась.

- Ты не пророк и не знаешь, что он собирается делать.

- Это правда, - сказал Аот. - Никто из нас не знает. А ваш спор не пролил свет ни на один вопрос, поднятый здесь. Я уверен только в том, что и так знал: мы должны соблюдать наш контракт, бороться с трескельцами и победить их. Если мы этого не сделаем, Братству конец.

Гаэдинн улыбнулся.

- А пока мы ссоримся?

- Мы держим глаза открытыми, - ответил Аот. - Выясните как можно больше.

- Шпионаж. - Сказала Джесри.

- Наблюдать и анализировать, - ответил Аот. – Это для тебя проблема?

- Я сделаю это. - Сказала она и забралась обратно на спину Шрама, попутно проведя кончиком пальца по его шее. Грифон прыгнул в воздух и взмахнул крыльями. Гаэдинн кисло посмотрел на Аота.

- Мне не нравится, что ты доставляешь ей дискомфорт.

Аот вздохнул.

- Почему? Потому что это должен делать ты?

* * * * *

Поклонившись, Кхорин осмотрел Тархана. На ярком солнечном свете некоторые участки зеленой чешуи казались бледнее остальных. Особенно это было заметно на участках вокруг золотых гвоздиков, которые, видимо, были раскалены красным ящером во время последней битвы. Но глаза, прямо под которыми и блестел пирсинг, остались нетронутыми, а Покоритель стоял прямо и уверенно. Он выглядел готовым снова возглавить армию.

- Целители уделяли мне много внимания, - сказал Тархан. Это поразило Кхорина, который пытался оценить состояние Покорителя по его голосу. - Возможно, даже слишком много, учитывая, что другие воины лежали изувеченные и умирали.

Кхорин пожал плечами.

- Вы вождь.

- Это правда. Вождь, которому до недавнего времени было трудно покинуть границы своих владений. Поэтому мне нужно, чтобы мои офицеры посвятили меня в происходящее.

- Конечно. Мы почти готовы выдвинуться.

- Я так понимаю, что вы хотите взять с собой и Платиновую Когорту.

- Я не хочу этого. Медраш хочет. И Баласар, я думаю, тоже, хотя прямо об этом и не говорит. Но они не смогут сделать их кавалеристами - у нас не хватает лошадей, чтобы обеспечивать ими еще и этих опозоренных сектантов, так что, сейчас, я смогу лишь сделать из них копейщиков.

Тархан посмотрел на дворфа.

- Я так понимаю, ты им не доверяешь

- Я верю, что они освободились от влияния Тиамат. Медраш говорит, что очистил их, а ему я доверяю. Верю ли я в то, что они будут подчиняться приказам, даже если дела пойдут плохо? Я не знаю. Но это не предугадать, верно?

Покоритель улыбнулся.

- Нет, не предугадать. Особенно тогда, когда стрелы свистят над головой, а клинки поют, вылетая из ножен. Я рад, что с тобой все хорошо, Кхорин Скулдарк. Тимантер в долгу перед тобой. Здесь для тебя всегда найдется место, если ты захочешь его получить.

Кхорин улыбнулся.

- Спасибо. Я ценю это предложение и оказанную вами честь. Но Братство Грифона - мой дом. - По крайней мере, до того дня, когда он сможет навсегда вернуться в Восточный Разлом. Если этот день когда-нибудь настанет.

- Ваше Величество! - позвал голос. - Если готовы вы, то готовы и мы!

Кхорин и Тархан повернулись к яме - свежей ране в земле, зияющей среди травы и пятен красных и пурпурных полевых цветов. По её краям стояли волшебники, держащие в руках посохи, хрустальные шары, книги и прочие магические инструменты. По мнению Кхорина, большинство из них не походило на боевых магов. Многие из них были либо слишком застенчивыми, либо слишком рассеянными, либо просто слишком старыми, хрупкими, сутулыми и изможденными, со складками свисающей с шеи кожи. Но магов среди драконорожденных было мало, так что для того, чтобы справиться с кризисом, были мобилизованы все и каждый.

- Хорошо, Крив. Расскажи мне, что будет дальше. - Сказал Тархун.

Маг, которому принадлежал голос, окликнувший Покоритель, вылез из ямы. У него была бронзовая кожа с черными веснушками, желтые глаза, единственное кольцо из оникса в левой ноздре и шестиугольный медный медальон с выгравированным треугольником, свисающий со лба. В повернутой руке он держал один из зеленых шаров Налы.

- В какой-то момент, - начал Крив, - некоторые из моих более... творческих коллег выдвинули гипотезу, что талисманы на самом деле создают рептилий из сырого первозданного хаоса. Даже несмотря на то, что для подобного ритуала нужна непомерная сила. И теперь, когда мы получили в свои руки эти инструменты и провели несколько экспериментов, стало ясно, что они просто призывают уже существующих рептилий из другой части мира.

Тархан кивнул.

- Продолжай.

- Разница, - сказал Крив, - имеет определяющее значение. Если это звери не создаются, а призываются, то против такой магии есть контрмагия.

- Ты имеешь в виду, что есть способ остановить работу талисманов? - Спросил Покоритель.

- Да.

- Это мне нравится, - сказал Кхорин. - Конечно, это не значит, что нам больше не придется сражаться с ящерами. Если где-то они и остались, то именно на Равнине Черного Пепла. А если гиганты знают, что пополнения не будет, то они выведут на поле битвы всех своих фамильяров. Но, как минимум, шаманы не смогут призвать их из ниоткуда посреди битвы.

Крив улыбнулся.

- Так подумали и мы. Итак, с разрешения Вашего Величества, мы намерены провести эксперимент, состоящий из двух частей. Во-первых, чтобы убедиться, что мы правильно поняли принцип действия талисманов, я вызову рептилию. Затем я попытаюсь вызвать еще одного, а мои товарищи должны помешать мне с помощью контрзаклинаний.

- Дерзайте. - Ответил Тархан.

Крив подошел к краю ямы, посмотрел на дно, приподнял шар так, чтобы его зеленые изгибы отражали солнечный свет, и произнес слова заклинания. Другие волшебники, Тархан и Кхорин подошли к яме, чтобы заглянуть в неё.

Ощущение давления возникло в воздухе. От него у Кхорина зудела кожа, а дёсны пульсировали в такт биения сердца. Травинки в некоторых местах извивались и корчились, что напомнило дворфу о Нале.

Крив закончил читать заклинание на нарастающей ноте, и чувство давления внезапно исчезло. Но на дне ямы ничего не появилось.

Тархан повернулся. Кхорин не знал, что встревожило правителя, но он как-то понял, что ему тоже следует обернуться и выхватить свой ургрош.

Перед ними склонились три зеленых кобольда. Нет, не кобольда, ведь хотя на первый взгляд они и были похожи на них, но их дыхание походило на то, как другие ящероподобные существа вдыхают воздух перед тем, как использовать своё дыхательное оружие.

Но Тархан умудрился выдохнуть первым. Потрескивающее, извивающееся копьё молний пронзило грудь одного из существ.

Кхорин же столкнулся с другим монстром. Но дворф не успел нанести удар, так что отвернулся, как только существо выдохнуло. Раскаленные пары шипящего шара, пролетевшего мимо, больно жгли ему глаза, но не нанесли никакого урона.

Он прыгнул вперед, ударил, и лезвие ургроша вонзилось в череп ящера. Инстинктивно почувствовав угрозу с фланга, он выдернул лезвие и обернулся, но было уже поздно.

Как и все выдающиеся драконорожденные в Тимантере, Тархан, в основном, сражался двуручным мечом. Это был символ его звания. Но так же это оружие было чертовски сложно быстро снять со спины и привести в боевую готовность. Но каким-то образом Покорителю удалось вытянуть его и разрезать маленького ящера на две половинки одним резким и коротким ударом.

Последовала минута молчания.

Крив заговорил первым:

- Это было... прискорбно. Но при тестировании новой магии нужно быть готовым к ошибкам.

Тархан усмехнулся.

- Если кто-то не хочет быть обвиненным в попытке цареубийства, ему стоило бы выкопать яму побольше, - глаза Крива расширились. - Успокойся. Я шучу. Все в порядке. Мне нужно было проверить себя после перенесенных ранений, и вы дали мне эту возможность.

Хурин сказал:

- Я так понимаю, вы можете призвать ящеров, но не контролировать их?

- Верно, - сказал маг. - Поскольку мы решили, что лучшая тактика - прервать призыв, анализ другого аспекта силы талисмана не казался нам таким важным.

- Зато честно, - сказал Тархан. Он одной рукой встряхнул меч, смахнув с клинка кровь. - Так что давайте посмотрим на плоды ваших трудов.

- Конечно, Ваше Величество. Я достаточно уверен, что на этот раз смогу призвать существо в яму.

Он, как и прежде, поднял магический шар и начал читать заклинание. Но в этот раз через мгновение к нему присоединился один из других магов. Затем к ним присоединились еще один, затем еще один. Их голоса сплетались в единый сложный многозвучный узор.

Сквозь хор прозвучал вой. У Кхорина на мгновение закружилась голова. Еще два низкорослых ящера промелькнули перед дворфом, но тут же исчезли на дне ямы, на дне которой они пролежали пару секунд, после чего растворились в воздухе.

Тогда Крив вскрикнул, уронил шар и упал назад. Кхорин подхватил его, не дав рухнуть на землю.

- Ммм... спасибо, - Крив неуклюже попытался снова подставить под себя ноги. Дворф поддерживал его, пока тому это не удалось. - Я в порядке.

Тархан посмотрел на него.

- Ты уверен, друг? У тебя кровь из носа идет.

Крив провел рукой по морде, зацепив при этом пирсинг, после чего посмотрел на полоску крови на указательном пальце.

- Ясно. У меня тоже очень сильно болит голова.

- Тогда, - вмешался Тархан, - я настаиваю, чтобы ты обратился к моим личным целителям.

Крив улыбнулся от той чести, которую оказал ему Покоритель.

- Спасибо, Ваше Величество. Обязательно. Но только после того, как мы закончим.

- Ты уже многое нам показал, - сказал Кхорин. - Если ваша контрмагия ударит ящеров по башке так же сильно, как ударила тебя, то это уже нам сильно поможет. Клянусь, мы уничтожим этих ублюдков.

- Надеюсь, что так, - сказал женский голос. - Но вы должны понимать, что у наших врагов есть и другие карты в рукаве.

Кхорин повернулся. У говорящей девушки была шкура такого цвета, которого дворф прежде не видел ни у одного драконорожденного – белоснежные чешуйки были изредка пронзены серебряными шпажками по краям головы. Они протыкали чешуйки насквозь, из-за чего большая часть шпажки была снаружи.

- Объясни, пожалуйста. - Сказал Тархан.

- Я была одним из наиболее изобретательных коллег Крива, о которых он упомянул - сказала она. Ее багровые глаза бросили на Покорителя сардонический взгляд. - Возможно, именно из-за этого, он отказался от моей помощи, как только убедился, что его гипотеза верна. И, возможно, это было к лучшему, потому что у появилось время изучить документы, оставленные Налой.

Покоритель нахмурился.

- Я думал, что вы, маги, уже изучили их.

- Изучили. - Подтвердил Крив.

- В определенных моментах, - ответил маг-альбинос. - Дело в том, что письма Налы были написаны на том языке, что я бы назвала эзотерически-литургической формой Драконьего языка. А мы маги, а не жрецы. Кроме того, она вела свои дневники для себя, так что многие его части остались для нас неясными, а некоторые факты не нашли фактического подтверждения.

- И что же ты выяснила? - Спросил Тархан.

- В прошлом веке, когда эта земля была Унтером, Скутосин был его правителем. Он снова хочет править этими землями, и с этой целью объединил племена пепельных гигантов.

Кхорин потрогал свою взлохмаченную бороду.

- Вы всё говорили, что потребуются кто-то могущественный, чтобы заставить варваров отказаться от своей вражды.

- Я понимаю, что это может означать, - сказал Тархун. - Если Тимантер победил бы только благодаря усилиям драконопоклонников, это, в конечном итоге, даст

дракону возможность занять почетное место среди нас. А если победят гиганты, это просто сделает его хозяином королевства.

- Поскольку первая возможность уже не будет реализована, - сказал Кхорин, - Скутосин вложит все, что у него есть, во вторую. Думаю, он и сам выйдет из своего укрытия, чтобы повести гигантов в битву.

- И не только он, - сказала волшебница с белой чешуёй. - Очевидно, ему служат меньшие драконы, хотя мне и не удалось узнать их имен и вообще что-либо о них.

Тархан посмотрел на Кхорина.

- Что ты думаешь?

- Это не самые лучшие новости. Особенно, учитывая потери, которые мы уже понесли. Но, в конце концов, мы же уже победили и оттеснили ублюдков назад. Нам нужно использовать приобретенное преимущество. И, по крайней мере, теперь мы знаем, кого нам нужно убить, чтобы разрушить союз гигантов.

Тархан улыбнулся.

- Согласен. Ты увидишь, как драконорожденные проявляют себя, когда у них есть шанс убить настоящего дракона, - он обратил свою улыбку на магов. - Спасибо всем за прекрасную работу. И заранее спасибо за то, что вы сделаете, когда мы выйдем на Равнину Черного Пепла.

* * * * *

Объемные, украшенные драгоценностями рукава скользили по тощим рукам Халоньи, обеими руками поднявшей квадратную корзину.

- О могущественный Красный Дракон, - сказала она, - даруй мне свою мудрость.

Ритуал казался Джесри бессмысленным. Зачем взывать к Чазару, которого можно попросить вживую, и тот с большей вероятностью услышит эти мольбы, хотя вряд ли исполнит их.

Да и не то что бы в этом был особый смысл. Джесри встречал провидцев, которые могли заглянуть в будущее. Она была уверена, что Халонья не была одной из них.

Но внимательно наблюдавший Чазар явно думал иначе. Он объявил Халонью своей верховной жрицей, и, по его мнению, этого было достаточно, чтобы наделить ее священной Силой.

Халонья взяла плитки из слоновьей кости из корзины и с дребезгом бросила их на землю. Джесри подавила улыбку, когда жрица посмотрела на них, наклонилась, а затем с явной неохотой опустилась на колени. Скорее всего, она считала этот ритуал недостойным для её высокого сана, и, вероятно, не хотела рисковать испачкать свою богато украшенную мантию. Но в затемненном павильоне, где можно было видеть только колеблющееся желтое свечение двух висячих фонарей, она не могла разглядеть выгравированные символы, не опустившись к ним поближе.

Джесри хотела, чтобы Гаэдинн был здесь. Он бы тоже оценил комичность момента. Но Чазар хотел пообедать наедине с ней и Халоньей.

Халонья подняла плитку.

- Вот огонь. Чистый и благородный. Свет и спасение для всех, кто следует за ним. Но есть такие злодеи, которые хотят загасить его.

Чазар нахмурился.

- Продолжай.

Жрица пробежалась глазами по разбросанным плиткам, затем взяла еще одну.

- Вот известный всем злодей - змей. Мертвец на севере. Но огонь сразит смертью и повергнет ее.

Поскольку Чазар рассказал Халонье, что заключил договор с вампиром, ей наверняка не пришлось напрягать свое воображение, чтобы прийти к такому прогнозу. Джесри полагала, что должна радоваться, что жрица не сказала ничего, что могло поколебать уверенность Героя Войны в плане. Потому что, учитывая стремительность действий Аласклербанбастоса, было уже слишком поздно для размышлений.

- В конечном итоге, - продолжила Халонья, - большая опасность будет исходить от врагов, которые скрывают себя, - она указала на другую плитку. - Вот, маска. Притворство верности и дружбы. И посмотрите, кто за этим прячется, - она ткнула пальцем в другую плитку. - Солнце ревнует, потому что огонь светит ярче, - она ткнула пальцем в другую. - Копье, всегда готовое ударить кого угодно за монету, - и снова. - Прокаженная, вздрагивающая от каждого прикосновения, чтобы скрыть от всех свою ядовитую натуру.

- Другими словами, - подумал Джесри, - жрецы Амаунатора, Аота и я. Будь ты проклята. Да раздерут гончие Абисса твою лживую душонку.

Джесри не хотела, чтобы клевета осталась незамеченной. Но в то же время, она не хотела признавать, что узнала тех, на кого намекала Халонья, чтобышний раз не будить сомнения в голове Чазара. Поэтому она просто вздохнула.

Чазар, сидевший на походном стуле, повернулся.

- В чем дело? - Спросил он.

- Я не прорицатель, - ответила Джесри. - Это не входит в перечень моих талантов. Но пока я был в Тэе, то прочла трактат "о Четырех и Сорока плитках" за авторством самой Ярпилл. - Она улыбнулась Халонье. - Я уверена, что вы узнали это имя. Единственного оракула, предсказавшей убийство Мистры и приход Голубого Пламени.

Халонья нахмурилась.

- И при чем здесь это?

- Она писала, что одна плитка может влиять лишь на две другие. Это означает, что маска не может скрыть и солнце, и копье, и прокаженного. Особенно, когда есть другие части, такие как бык и река, которые упали рядом с огнем. Или мне не хватает квалификации?

Бывший уличный проповедник заколебался.

- Может, вы и правы. Путь от Лутчека был долгим. Я устала.

Джесри почувствовала расслабления, потому что ее заявления были таким же блефом, как и гадание Халоньи. Она понятия не имела - писала ли когда-нибудь покойная зулькир о Четырех и Сорока плитках. Если так, то Джесри никогда не читала этой книги. Но Халонья боялась вступить с ней в состязание в эрудиции, а Чазар, очевидно, не был экспертом в этой форме пророчества.

- Может, позже я попробую еще раз, - продолжила Халонья. Она перевела взгляд на Чазара. - Если нас будет только двое, мне будет легче сконцентрироваться.

- Может быть, - сказал Чазар. Он встал и поднял ее на ноги - молчаливое подтверждение его неизменной благосклонности. Девушка принялась поправлять слои шелка и бархата, звеня свисающими золотыми цепями и амулетами. - Или, быть может, тебе стоит использовать другой стиль пророчества. На том, который подчеркнет мою связь с аспектом огня!

Он взял бутылку сембийского красного вина со складного столика и, неосторожно показав свое беспокойство, плеснул еще вина в золотые кубки, приготовленные для гостей.

- Представьте себе, - продолжил он, - человека, орка, кобольда – да кого угодно - горящего заживо. Представьте, как он кричит. Как его конечности скручиваются, а кожа обугливается. Как поднимается дым. Конечно, сам процесс меняется от случая к случаю. Но ты, Халонья, как главная жрица своего Бога, прочтешь предсказания в поднявшихся языках пламени.

Халонья побледнела и сглотнула.

- Я ... я попробую, если вы так пожелаете, Ваше Величество.

Чазар громко и надолго рассмеялся. Джесри не могла понять – это было потому, что ему нравилось издеваться над своей подопечной, или из-за её брюзгливого отношению к описанному.

Наконец, сморгнув слезы, он сказал:

- Я люблю тебя, дочь моя, и я поступил мудро, когда приблизил тебя к себе. Как бы важно это ни было, мой храм может подождать. Удачу мне принесет только присутствие обоих моих верных слуг.

- Я бы хотела никогда не покидать вас. - Сказала Халонья.

После этого, на мгновение, повисло молчание. Затем Чазар пристально посмотрел на Джесри.

- И ты? - Спросил он прохладным тоном.

Застигнутая врасплох, Джесри пробормотала:

- Ваше Величество?

- Конечно, ты уже догадываешься о планах, что я строю относительно тебя, - ответил Чазар. - Я хочу, чтобы ты осталась на своей родине. Чтобы ты позаботилась о своих братьях-волшебниках. Защитила их и помогла найти им место в обществе. И когда ты разберешься с этим, то будешь пожалована дополнительными должностями и почестями. В будущем ты и Халонья станете величайшими женщинами на всем Востоке. Обещаю, вам это понравится.

Джесри предполагала, что так оно и будет. В конце концов, это было высокой целью, богатством и силой вместе взятыми.

Братство было домом, но Кхорин уже ушел, и, учитывая бесчисленные опасности, проистекающие из образа жизни наемника и его деятельности, не было никакой гарантии, что он когда-нибудь вернется. И независимо от того, как часто они с Гаэдинном договаривались этого не делать, но всегда, снова и снова, причиняли друг другу боль. Они делали это с тех пор, как сбежали из Шадоуфэлла.

До сих пор...

Внезапно она заметила, как Чазар нахмурился из-за ее колебаний, а в глазах Халоньи вспыхнуло волнение. Ей не хотелось верить в то, что дракон сошел с ума – хотя бы, не так сильно и не навсегда. Но был он в здравом уме или обезумевшим, он

был слишком горд, чтобы возмущаться отказом. А Халонья сделает все, что было в ее силах, чтобы эта мозоль постоянно натиралась.

Достаточно ли он мелочен и недалковиден, чтобы в ответ на отказ выступить против Братства? Или лишить магов Чессенты их недавно предоставленной правовой защиты? Джесри не хотела верить и в это. Но она и не хотела думать о Чазаре лучше, чем он был на самом деле.

Она смочила слюной высохший рот.

- Спасибо, Ваше Величество. Конечно, я останусь, если вы позволите.

Халонья нахмурилась, но постаралась превратить это в улыбку прежде, чем Чазар заметит. Это даровало Джесри еще один момент злорадства.

Но каким бы довольным ни казался дракон, услышавший её согласие, и как бы они ни старалась показать свою радость в ответ, насмешка над Халоньей была последним истинным чувством радости, которое она испытала за сегодня. Не чувствуя ликования и не в силах заснуть, Джесри отправилась бродить по лагерю.

Сможет ли она действительно хорошо проявить себя в роли придворного? Она, кто чувствует неловкость в общении почти со всем и каждым.

Имеет ли она право отказываться от своих товарищей, особенно, когда Кхорин ушёл от них?

Чем больше она взвешивала свой выбор, тем невыносимее казался каждый из них. Но, в конце концов, она увидела проблеск надежды. Если она останется, то, может быть, останется и Братство.

Она не знала, согласится ли на это Аот. Но он мог бы. Даже если бы он не согласился, то ни Аот, ни Гаэдинн не стали бы осуждать Джесри за её выбор.

Было уже поздно. Селунэ и ее блестящие слезы почти полностью были на западе. Но Джесри был слишком возбуждена, чтобы заботиться об этом. Она шагала сквозь влажный ночной воздух под храп спящих мужчин, фыркающих и гудящих повсюду, и ударов посоха по земле.

Подойдя достаточно близко, она улыбнулась, потому что в просторной палатке Чазара все еще светились пятна света. Ей даже не пришлось бы его будить. Она двинулась вперед, и тут на ее пути встал часовой. Из-за нетерпения она до сих пор не заметила его.

В своих руках он держал кирку, а под доспехами виднелась чешуйчатая риза. Значит, это был один из хранителей змей, которые продолжили носить регалии своей веры после того, как Чазар объявил их официальными служителями своей церкви. Джесри почувствовала укол отвращения.

- Бог, - начал он, - сказал не беспокоить.

- Я имею право. - Сказала Джесри.

- Возможно, утром. - Ответил жрец.

- Я один из лейтенантов Аота Фезима, а это значит, что я высокопоставленный офицер армии. А еще я также защитник всех магов Чессенты. Его Величество назначил меня на этот пост сегодня вечером.

- Как бы то ни было, Бога не следует беспокоить.

Джесри сдержала желание убрать дурака с дороги при помощи магии. Но затем она заметила некоторые детали, которые заставили нетерпение сменится недоумением.

Конечно, она могла ожидать, что встретит часового в нескольких шагах от шатра Бога, но вместо этого хранитель змей расположился в двух шагах от неё, будто хотел быть абсолютно уверенным, что никто не сможет вторгнуться в частную жизнь Чазара. Вокруг шатра, в двух шагах от него, стояли и другие часовые.

Но еще интереснее было волнение мистической силы, которое она внезапно уловила. Она одновременно почувствовала его мурашками, поползшими по коже, и увидела небольшие язычки пламени, вылетающие из под шатра, свидетельствовавшие о том, что Чазар проводил какой-то ритуал с использованием огня.

Она резко кивнула хранителю змей, развернулась и пошла прочь. Перешагнув через колышки и веревку, она остановилась в узкой темной щели между двумя более скромными палатками, обдумывая, что делать дальше.

Прежнее предложение Чазара настолько сбило ее с толку, что она совсем забыла, что, по сути, согласилась шпионить за ним, если того потребуют обстоятельства. Именно этого они и требовали сейчас.

Но если она согласилась служить ему в качестве верного подданного, разве было бы честно заниматься подобным? Одно можно было сказать наверняка - это будет опасно. Дракон может почувствовать магию, витающую вокруг.

И все же она поняла, что ее преданность Аоту, Гаэдинну и остальным членам Братства перевешивает все проблемы, как этические, так и практические. Может наступить день, который, казалось, был все ближе и ближе, когда ей придется сказать им, что она больше не одна из них. Но до тех пор она будет с ними.

Она начала шептать. Дружеский ветерок мог бы донести до нее звуки, раздающиеся поблизости, а с местными ветрами она подружилось еще перед битвой.

Прохладный ветерок ласкал ее лицо и шевелил пряди волос, а затем она услышала, как Чазар будто что-то бормотал ей на ухо. Он повторял свистящие, рифмующиеся слова на драконьем языке, чтобы активировать какой-то зачарованный предмет. Слова были ей незнакомы, но она распознала сходство с чарами, которые позволяли ей и Аоту говорить через огонь на больших расстояниях друг от друга.

Заклинание закончилось тремя отрывистыми слогами, похожими на удары молотка. Последовала минута молчания. Затем новый голос сказал:

- Чазар.

Судя по его глубине и свистящему рычанию, голос принадлежал дракону в его истинной форме.

- Скутосин, - ответил Чазар. - Аласклербанбастос выполз из своей норы, чтобы напасть на меня, и Джаксанаедегор очень хочет его предать. Это наш шанс. Приди на север и помоги мне.

- Я не могу, - ответил Скутосин. - Мои агенты в Джерад Тимаре подвели меня. Мне придется сражаться за свои земли в открытом бою. Честно говоря, я обратился к тебе в надежде, что ты поможешь мне.

- Забудьте пока о юге! - сказал Чазар. - Я предлагаю тебе шанс убить Великого Костяного Змея!

- Даже если бы я был готов отказаться от Унтера, - сказал Скутосин, - драконорожденные должны уйти или умереть. В противном случае они постоянно будут мешать нам. Попроси Гестаниуса помочь тебе.

- Он на другой стороне Горы Драконьего Меча и не успеет вовремя, - сказал Чазар. - Абисс тебя подери, зеленый, мы же союзники. Ты должен помочь мне.

- А как насчет помощи, которую я уже оказал? - сказал Скутосин. - Если бы не я, твои наемники никогда бы не попали в Чессенту, и не стали бы искать тебя в Небесных Всадниках.

- Да уж, ты-то тянул с поиском целых сто лет!

- С чего мне искать обманщика, который убил и поглотил меня ради моей силы? - Сказал Скутосин.

- Темная Госпожа хотела, чтобы мы втроем сражались за превосходство, - сказал Чазар. - Я знал, что она вернет тебя к жизни.

Скутосин громко рассмеялся.

- Ты не знал и даже не заботился об этом, но я не виню тебя. Я пытался сделать то же самое с тобой и Гестаниусом. Но давай не будем делать вид, что между нами существуют какие-то крепкие узы товарищества. Мои доверенные лица вернули тебя только потому, что я надеялся, что ты окажешься полезным.

- Я более чем полезен, - сказал Чазар скрипучим голосом. - Я Чемпион Тиамат и Бог!

- Тогда тебе не понадобится ни чья помощь, чтобы раздавить случайного драколича.

Последовала долгая пауза. Джесри представила, как Чазар пылает и дрожит от тщетного желания ударить существо, находящееся за сотни миль от него.

- Обещаю, - сказал наконец красный дракон, - у тебя будет твой Унтер, а все драконорожденные умрут. Но сначала ты должен помочь мне.

- Я уже объяснил, почему это невозможно.

- Тогда, согласно Шестьдесят Седьмому предписанию, я отстраняю тебя. У тебя не будет ни пяди земли Аласклербанбастоса, ни одного медяка из его сокровищницы.

- Ты не можешь этого сделать. Сто Седьмое предписание...

Через мгновение Джесри сделал вывод, что Чазар закончил общение, потому что не было ничего слышно, кроме ударов и щелчков. Очевидно, Герой Войны пинал свою лагерную мебель.

Она попыталась разобраться в разговоре, который вызвал его разочарование. Это было похоже на переговоры с Джаксанаедегором – большая часть сказанного была до безумия непонятной.

Но она понимала, что Скутосин и, возможно, другие драконы намеревались истребить драконорожденных, и не имело значения, что Аот и Цера доказали невиновность тимантеранцев в преступлениях против Чессенты. Чазар сам хотел избавиться от них.

Чазар, которому она поклялась в своей абсолютной верности.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

25 Кефорн – 5 Флэймрул, Год Извечного (1479 по ЛД)

Пришло лето, и, как заметил Кхорин во время марша на юго-запад, Тимантер цвел. Деревья покрылись зелеными листьями и поющими птицами, повсюду были поля овса, ячменя и травяные пастбища с пасущимися на них овцами, козами и крупным рогатым скотом. Равнина Черного Пепла, напротив, стала еще более мерзкой – по горячему воздуху, наполнившемуся дымом, тут и там дрейфовали жгучие облака.

- Не могу винить гигантов в том, что они хотят украсть чужую страну, - подумал он. *- Я бы тоже не хотел здесь жить.*

Он задавался вопросом - как им вообще удастся жить среди такого запустения, но затем отбросил этот вопрос как неуместный. Его забота заключалась в том, чтобы большая часть из них в принципе прожила недолго. С этой целью он еще раз взглянул на кучки пепла и потрескавшуюся каменистую почву по обеим сторонам от колонны.

Вдалеке скользили столбы пепла, чем-то напоминая корабли под парусами, не считая того, что двигались они независимо от направления ветра. Внезапно вскочил серо-черный бугор, а затем скрылся из виду за одной из настоящих пепельных дюн, если это было правильным названием того, что усеивало Равнину Черного Пепла. Это были огромные сугробы, размером с холмы, на которые мог бы взобраться невнимательный спутник, после чего они пожирали его так же, как зыбучие пески.

Несмотря на дымку в воздухе и раздражающее жжение в глазах, Кхорин знал, что он только что увидел замаскировавшегося стрелка гигантов. Он вздохнул, чтобы просигнализировать тревогу, но один из драконорожденных, шедших под знаменами Платиновой Когорты, уже сделал это.

Поэтому, вместо изначально задуманного предупреждения, Кхорин крикнул:

- Сгруппируйтесь! Защищайтесь!

Он был уверен, вокруг них прячется всего несколько гигантов, иначе кто-нибудь уже заметил бы их. Поскольку гигантов было слишком мало, чтобы представлять серьезную угрозу для армии Тимантера, их целью было замедлить продвижение драконорожденных, давая больше времени для подготовки основной части армии. Остановившись и прикрывшись щитами, тимантерцы, по сути, давали им то, что они хотели, но они должны были что-то сделать, чтобы такие партизаны не уничтожили армию, убивая драконорожденных по одному.

На них выскочило пять гигантов, махающих своими длинными руками. Они не метали копья или что-то другое. Должно быть, они копили настоящее оружие для предстоящей большой битвы. Но они были ответвлением расы, называемой каменными гигантами, и, как и остальные их собратья, могли бросать камни со смертельной силой и точностью.

Затрещали и загремели удары камней о землю. Один драконорожденный упал, но больше ни один камень не пролетел за щиты, сомкнувшиеся над упавшим воином.

Варвары снова пригнулись. Щелкнуло несколько арбалетов, но стрелки опоздали на мгновение и не смогли поразить своих целей.

Женский голос распевал слова, от которых в горячем воздухе пробежал холодок.

Кхорин повернулся. В нескольких шагах слева от него Канджентеллекор Бири, волшебница-альбинос, разгадавшая секреты записей Налы, каким-то образом уговорила двух копьеносцев открыть брешь в стене щитов. Там, где стояла заманчивая мишень для смертоносного снаряда, гремели слова заклинания, и ритмично стучал по земле посох из грубо обтесанного и отполированного кварца.

Как только Кхорин подошел к ней, на дальний склон дюны обрушился град. Гигант взвыл.

Кхорин схватил Бири за запястье и затащил ее за спину воинов.

- Я не приказывал тебе этого делать. - Сказал он.

Она ухмыльнулась.

- Но это сработало. Укрытие не защищало их от атаки сверху.

- Твое укрытие тоже не защищало тебя. Только по милости Госпожи Удачливой твои мозги не забрызгали землю. Каким бы успешным ни было твоё заклинание, теперь гиганты знают, где ты находишься.

Тархан рассредоточил магов по всей армии отчасти для того, чтобы гиганты не могли уничтожить или сковать всех сразу. Он также приказал им воздерживаться от использования заклинаний, пока он не разрешит.

Улыбка Бири растаяла. Несмотря на то, что он провел уже много времени среди них, Кхорин не мог точно определить возраст драконорожденного, но ему показалось, что волшебница была моложе, чем он предполагал вначале.

- Я просто хотела помочь. - Сказала она.

- Ты уже - сказал Кхорин, - и поверь мне, еще поможешь. А пока позволь солдатам делать свою работу. Они справятся с этим.

Как будто в подтверждении слов дворфа, кавалеристы атаковали гигантов с фланга. Кхорин не мог видеть всего, что произошло дальше. Его неповоротливые копеещники со своими щитами, как и огромная дюна, перекрывали ему весь обзор, но он различил доспех Медраша с нанесенным на него символом Торма – латной перчаткой, и щит Баласара, украшенный шестью белыми кругами клана Даардендриен. Он также видел гигантов, подающих от ударов копьями в живот или порезами от мечей на шеях.

Пехота радостно вскрикнула. Но что-то не так. Кхорин напрягся, чтобы разобрать единственный не ликующий голос, потерявшийся в радостном хоре.

- Обернитесь! – проревел кто-то. – Сзади!

Кхорин послушался голоса, и испытал шок от изумления и ужаса. Коричневый дракон поднимался из-под земли. Каким бы громадным ни было прорывающееся на

поверхность существо, само его действие бросало вызов было за рамками здравого смысла, поскольку мало кто из драконорожденных заметили его относительно тупую голову с массой коротких толстых рогов, возвышающихся над колонной, ведь несколько мгновений назад там ничего не было. И все наблюдали за сражением кавалеристов и гигантами.

Дракон поднял голову и повернул её к Кхорину. Или, может быть, к волшебнице, стоящей рядом с ним.

- Спрячься за мной! – Крикнул он. Дворф хотел сказать ей, чтобы она закрыла глаза и тоже повернула голову, но коричневый дракон не дал ему времени. Его шея дернулась вперед, а челюсти открылись, выпустив смертоносное дыхание.

Кхорин прикрывшись щитом и зажмурился, что, возможно, было единственной вещью, спасшей глаза от горячего песка, скребущего по его коже. Когда он снова открыл их, то увидел лишь плотную пелену из песка и пепла, в сравнении с которой дым, так раздражавший дворфа, показался легким утренним туманом.

Драконорожденные закричали от урона, нанесенного дыханием, или, быть может, от страха и ужаса. Кхорин мог видеть воинов, стоявших или лежащих вокруг него, но не мог разглядеть самого дракона. Мгновение назад внезапное появление громадины казалось невозможным. Его исчезновение казалось таким же, хотя дворф и допускал, что всему виной была именно завеса из песка и пепла.

Ну, хотя бы он мог сказать, когда дракон атаковал, потому что как только он делал это, доносился грохот от его движений, а также топот и крики бегающих в ужасе драконорожденных.

- Беги! – попытался крикнуть дворф, но лишь прохрипел из-за песка, мгновенно заполнившего открывшийся рот. И затем огромный змей выпрыгнул из ямы. Зубчатые и волнистые крылья растянулись по бокам. Может быть, именно из-за этого песок и пепел продолжали плотной пеленой стоять в воздухе.

Дракон ударил Кхорина головой, и тот её ударом копья. Оружие попало прямо в ноздрю. Коричневый змей взвизгнул и отпрянул, выдернув копье из руки дворфа. Он крутил головой взад и вперед, пока посторонний предмет не вывалился.

Это дало Кхорину достаточно времени, чтобы отбросить щит и сорвать ургрош со спины.

Коричневый дракон царапнул дворфа когтями. Потом, он развернулся и ударил его ногой. Лезвие топора скользнуло по чешуе.

Почти в то же мгновение голова на конце длинной шеи, из-за чего дворф не мог до неё дотянуться, по дуге метнулась к Бири. Волшебница вызвала волну льда, которая забрызгала челюсти и глаза змея, заставив его дрогнуть.

- Уходи! - проревел Хурин. – Копейщики, слушай мою команду! Сюда!

Дракон высоко поднял переднюю ногу. Дворф в последний момент увидел происходящее сквозь дымку и увернулся от опустившейся лапы, взмахнув ургрошем и прорезав кожу змея.

Раздался гром и вспыхнул свет, когда Бири ударил змея молнией. Кхорин надеялся, что она уже отошла на достаточно безопасное расстояние. Они вдвоем держались, но где были это проклятые копейщики?

От они! По обе стороны от дракона из мрака появились тени. Копейщики атаковали.

Коричневый дракон ударил налево, затем направо, с каждым щелчком челюсти разрывая драконорожденного на куски. Некоторые копейщики закричали и беспорядочно отступили. Но другие были более собраны. Они отступали достаточно далеко, чтобы избежать атаки челюстями, а затем атаковали снова, как только змей поворачивался к ним спиной.

Но такое маневрирование не было легким. Дракон был быстрее и менее предсказуем, чем деревянный Зверь. Его колеблющиеся крылья могли ударить какого-нибудь воина, а широкий хвост мог раздробить кому-нибудь ноги, независимо от того, обращен он дракон лицом к воину или нет.

Тем не менее, большинству воинов удалось остаться в живых на несколько мгновений. Достаточно долго для Кхорина, который атаковал дракона и, сполна пользуясь преимуществом своего роста, бросился под дракона.

Он изменил свою хватку на ургроше и несколько раз ударил вверх острием копья. Сначала казалось, что дракон этого не заметил. Но затем, когда дворф выдернул оружие, из раны хлынула артериальная кровь, забрызгавшая ему руки. Дракон дёрнулся.

Коричневый змей крутился на месте, топая и пытаясь схватить и раздавить дворфа или, хотя бы, вытащить из-под себя. Кхорин же, уворачиваясь от лап, продолжал держаться под брюхом монстра и колоть его в слабое место.

Этого хватило, чтобы он снова смог пробить артерию, вызвав вторую струю крови. Затем змей хлестнул своими крыльями, похожими на оборки, и отпрыгнул так далеко, что у дворфа не было шансов угнаться за ним. После приземления дракон оказался рядом с Бири.

Он ударил волшебницу головой, но возникший из ниоткуда Баласар успел первым – вырвавшись из дымки верхом на лошади, он подхватил волшебницу и унёс её с собой, а челюсти дракона сомкнулись в воздухе.

Тем временем змея атаковал Медраш – копье паладина вошло в его бок. Коричневый дракон вздрогнул и взревел. Он все еще продолжал реветь, когда спустя пару ударов сердца второй копейщик проткнул другой его бок.

Подобно коричневым, сгорбленным, длинноруким ящерам, которых Кхорин и его товарищи встречали раньше, дракон растворился в вихре песка, зашипевшем в воздухе и улетевшем в яму, из которой дракон и вылез.

Где, как надеялся Кхорин, он вернется в форму дракона и истечет кровью. Хотя, он не был в этом уверен. Всем известно, что драконов трудно было убить.

Пелена из песка и пепла осела, и Кхорин смог разглядеть, что дракон не успел нанести армии большой урон. Копейщики, окружившие его, доблестно сражались, а половина из них были облачены в пурпурные туники с серебряной выделкой.

Кхорин поймал взгляд Медраша, затем кивнул в сторону группы. Паладин согласно кивнул.

Баласар поставил Бири на ноги. Затем он усмехнулся, поклонился из седла и сказал:

- Тысяча благодарностей за танец, миледи. – Когда вокруг все поднимались на ноги и отплевывали песок, подобные слова казались неуместными, но, тем не менее, они разбудили лёгкую улыбку на лице волшебницы.

Но ее улыбка увяла, как только она повернулась и внимательно посмотрела на трупы и на раненых, стиснувших зубы от желания закричать, когда целители начали работать над ранами. Кхорин понял, что то, что выглядело как минимальный вред в глазах наемника, могло показаться ужасной бойней даже для драконорожденной, если она никогда прежде не участвовала в битвах.

Она спросила:

- Это моя вина?

- Нет, - ответил Кхорин. – Дракон собирался убить нас, а некоторые из нас собирались умереть, когда бросились на него. Но с этого момента делай то, что я говорю тебе.

* * * * *

Неестественная сила его тела компенсировала отсутствие кожи, натянутой на костлявые крылья. Аласклербанбастос плыл на ночном небе и изучал вражеский лагерь. Джаксанаедегор, скользивший рядом со своим хозяином, украдкой изучал его.

Чазар и его слуги не пытались спрятать себя с помощью невидимости. Трудно было поддерживать такую завесу, а такой мощный волшебник, как Аласклербанбастос, все равно смог бы видеть сквозь неё. Вместо этого в их лагере просто было мало палаток, костров и шума. Чессентцы прятались везде, где только можно. Например, свежее обработанная земля, похожая на братскую могилу. Свет и редкие движения в палатках целителей. Никакого шепота или магического покалывания в воздухе.

Наконец Великий Костяной Змей повернулся. Джаксанаедегор сделал то же самое, и они полетели на север, к массивной трескельской армии.

Но они не вернулись в лагерь. Аласклербанбастос, очевидно, не хотел так долго ждать, чтобы поговорить. Синие искры запрыгали по его сухой коже, когда он приземлился на вершину невысокого холма, откуда он сможет заметить что или кого угодно, кто решит приблизиться к нему.

- Ты всегда такой осторожный, - подумал Джаксанаедегор. - Но не слишком осторожен со мной. Я могу ударить тебя прямо сейчас, пока ты уже на земле, а я все еще в воздухе.

Но это была просто приятная фантазия. Ни невнимательности, ни внезапности не хватит, чтобы победить существо, наделенное многими остальными преимуществами. Джаксанаедегор сел на грубую траву и сорняки, которые уже начали увядать из-за близости драколича.

Бледный свет сиял в глазницах Аласклербанбастоса, а воздух вокруг него пах так, как будто надвигался шторм.

- Там больше солдат, чем ты думал. – Прорычал лич.

Джаксанаедегор почувствовал укол беспокойства. Он убедился, что это не отражается на его тоне или выражении лица.

- Милорд, я лишь прикинул число наших врагов исходя из собственных наблюдений.

- Да, это так, - ответил дракон с той насмешливой мимикой, которую вампир так ненавидел. - Ты уверен, что Чазар не получил подкрепления?

- Не представляю, как он это сделает. Им пришлось бы повернуть далеко на восток. Даже если бы у них было время на это, наши разведчики в Небесных Всадниках заметили бы их.

Аласклербанбастос хмыкнул.

Джаксанаедегор надеялся, что ему не нужно будет подталкивать своего хозяина к атаке. Казалось, будет лучше – нет, безопаснее – если Аласклербанбастос примет решение самостоятельно, но если у него появятся сомнения, то Джаксанаедегор должен будет подтолкнуть его.

- Если я недооценил нашего врага, - сказал вампир, - то прошу прощения. Но даже в этом случае нас больше, чем их. Да вы и сами наверняка почувствовали пелену деморализации, нависшую над вражеским лагерем. Прошедшая битва дорогого стоила нам, но мы победили и сильно ранили врагов.

- У них якобы были некроманты. И Повелители Солнца. - Аласклербанбастос особенно осторожно относился к тем, кто обладал особой силой против нежити.

- Мы убили их, - сказал Джаксанаедегор. - По крайней мере, большинство из них.

Кончиком когтя Аласклербанбастос нацарапал руны на грязи. Рядом с ним он вывел другой символ, а затем еще один, пока их не стало семь, расположенных строго в ряд. Несмотря на свои значительные познания в магии, Джаксанаедегор не узнал ни один из символов и не имел ни малейшего представления о том, для чего предназначена эта магия. Незнание еще сильнее напрягло его.

- Но ты не убил Чазара. - Сказал Костяной Змей.

- Нет, - ответил Джаксанаедегор. - Но наши шпионы говорят, что его поведение странно, и я сам рассказывал вам, сколько времени ему потребовалось, чтобы вступить в бой. Он уже не тот дракон, которого вы помните, и уж точно не Избранный Тиамат.

- Он оказался драконом в достаточной степени, чтобы убить три наших драконов перед тем, как мы отступили.

- Милорд, - сказал Джаксанаедегор, - если вы считаете это благоразумным, то возвращайтесь в безопасное место на Драконьей Горе. Это прерогатива короля. Ваши рыцари и капитаны останутся сражаться и умрут за вас, если это понадобится. Это долг вассала. Но я прошу вас подумать - действительно ли вы хотите отказаться от той радости, что вы испытаете, если убьете Чазара своими когтями. Более того, я прошу вас подумать о своей репутации.

По клямкам Аласклербанбастоса поползли искры, и свет в его пустых орбитах стал ярче.

- Поясни. И тщательно подбирай слова.

- Отлично. Вы же знаете, как я боюсь вас. Как я могу не бояться? Сколько раз я чувствовал давление вашей стопы на своём позвоночнике или лбу. Сколько лет я потерял из-за настоящей смерти, пока мой призрак блуждал по Баннхолду, прежде чем вы вытащили из моего сердца свой кол? Но ксорвинтаал... все меняется. Каждый дракон изучает друг друга на предмет слабости. И хотя игрок получает очки за достижения и хитрость, он так же может получить очки за смелость и известность, если сделает правильный шаг.

Поначалу Аласклербанбастос не ответил. Молчание тянулось до тех пор, пока не начало казаться, что что-то - возможно, самообладание Джаксанаедегора - должно обязательно сломаться.

Затем драколич фыркнул.

- Возможно, ты прав насчет игры. И конечно ты прав, что Чазару пора умереть, а я хочу быть виновником этого. Выступаем! - Он взмахнул своими грохочущими бесплотными крыльями и поднялся в воздух.

Джаксанаедегор последовал за ним со смесью радости и недоверия. Он верил в свою хитрость. Тем не менее, где глубоко внутри него, часть его существа не верила в то, что этот план может завершиться успешно.

И все же он сделал это. После столетий маневрирования, два самых могущественных драконов Чессенты должны были сойтись в финальной битве.

На начальных этапах боя Джаксанаедегор будет действовать так, как ожидал Аласклербанбастос, и если армия Трескеля одержит верх, он просто продолжит сражаться на её стороне. Но если, как он и надеялся, Чазар получит преимущество, то Джаксанаедегор и его последователи перейдут на другую сторону, как он и обещал красному дракону. И какой бы из драконов, в итоге не победил, он вознаградит Джаксанаедегора за ключевую роль в победе.

Был даже шанс, что Аласклербанбастос и Чазар уничтожат друг друга, сделав Джаксанаедегора самым могущественным драконом в Чессенте. Он напомнил себе, что это было настолько маловероятно, что он не осмелился строить свою стратегию на таком фундаменте. Но если бы это случилось, это был бы самый приятный исход из всех возможных.

* * * * *

С высоты полёта армия трескельцев выглядела, скорее, как стая муравьев, ползущих по земле. Аот полагал, что он должен радоваться тому, что большинство врагов было на земле. Он и его товарищи, по-видимому, уничтожили большую часть летающих миньонов Великого Костяного Змея в предыдущей битве.

Конечно, в воздухе парили драконы, а также летучие мыши с подозрительно фосфоресцирующими глазами. Аот напомнил себе, что если он может доверять Джаксанаедегору – а это очень спорно - то большинство летающих врагов было на их стороне.

Так или иначе, Аот был готов к битве с ними. Отчасти потому, что честная битва, как полагал он, даст ему передышку от загадок и потворства эксцентричности Чазара. Но главное, что ему хотелось, это восстановления чести Братства, что и произойдет, если сегодня они победят в битве. Потом будет время подумать о Предписаниях и том, сколько Братству следует оставаться на службе у Героя Войны.

Так же, будет достаточно времени, чтобы разобраться с Джесри. Она сказала ему, что Чазар выразил сочувствие желанию Скутосина уничтожить драконорожденных. Не то чтобы он тоже знал, что делать с этой информацией, но Аот чувствовал, что в словах Джесри было что-то личное.

- Ты и так все знаешь, - сказал Джет. - Чазар хочет сделать из нее принцессу, и она решила согласиться.

Аот вздохнул.

- *Может, ты и прав. Какой наемник не хочет уйти на пенсию, к роскошной жизни? К тому же, это её родина.*

- *Значит, ты оставишь ее у безумного короля, на произвол судьбы?*

- *К несчастью да, но это ее выбор. В любом случае, если Великий Костяной Змей убьет всех нас до утра, это не имеет большого значения, не так ли? Почему бы нам пока не сосредоточиться на победе в битве?*

Джет раздраженно захрипел, а затем, отвечая на невысказанную волю всадника, развернулся и полетел обратно к армии Чазара. Первая звезда засверкала в угольно-красном восточном небе.

Под Аотом сновали воины, готовясь к битве. Его глаза инстинктивно искали своих людей, грифонов и лошадей. Похоже, сержанты постарались привести все в порядок.

Джет сложил крылья и устремился к участку открытой местности перед шатром Чазара. Герой Войны стоял, расставив ноги и вытянув руки, пока оруженосец пристегивал к нему позолоченные латные доспехи по частям. Зачем? Одно Черное Пламя знает. Он же должен был сражаться в форме дракона.

Остальные люди кружили вокруг него либо потому, что ждали окончательных приказов, либо просто потому, что дракон хотел, чтобы они были здесь. Джесри, Гаэдинн, Шала и Хасос были вооружены по-разному и выглядели, как закаленные бойцы. Пышная, похожая на луковицу, митра с тяжелым верхом и украшенная гранатами мантия с длинным волочащимся шлейфом, делали Халонью похожей на пародию на настоящего жреца.

Но единственный человек, выглядящий явно лишним в преддверии битвы, был единственным собеседником Чазара.

- Что ты думаешь, мудрая леди? - спросил красный дракон. - Что говорят приметы?

Халонья моргнула.

- Э... ваши солдаты сильны в своей вере. Но тьма сгущается.

Гаэдинн усмехнулся.

- Это распространенное явление во время заката.

- Прояви уважение! - Рявкнул Чазар.

Лучник любезно поклонился. Это было своеобразное молчаливое извинение.

- Тьма сгущается, - повторил дракон. Он огляделся, как будто в каждой сгущающейся тени таился демон. - Мы должны были напасть днем.

- Ваше Величество, - сказал Аот, шагая к нему сквозь толпу, собравшуюся вокруг, - если вы помните, мы хотели создать видимость слабости, чтобы заманить Аласклербанбастоса на поле битвы. Это означало, что мы вообще не могли атаковать. Нам пришлось позволить ему напасть на нас, и мы с самого начала предполагали, что он нападет ночью.

- На самом деле, - сказала Шала, - он нам нужен. Джаксанаедегор не сможет помочь нам, если бы мы сражались под солнцем.

- Джаксанаедегор, - усмехнулся Чазар, как будто это не он, а она заключила договор с вампиром. - Да, конечно, давайте возлагать на него наши надежды.

Квадратная челюсть Шалы сжалась.

- У Вашего Величества есть более проницательная стратегия?

- Возможно, - сказал Чазар. - Мы могли отступить. И сражаться тогда, когда будет удобно нам.

- Ваше Величество, - сказал Аот, - это время, которое мы выбрали. Вы выбрали. А уходить уже поздно. Точнее, вы-то улетите, но большая часть вашей армии – нет.

Чазар снова повернулся к Халонье, которая, как был уверен Аот, и дальше будет говорить свои ложные пророчества.

Он прошептал слова силы, а затем указал пальцем на долговязого белокурого юношу, который пытался натянуть доспехи на Чазара и испытывал трудности из-за того, что дракон дёргался и ёрзал. Колдовство заставило оруженосца дрогнуть от холода, из-за чего тот споткнулся, а его руки дернулись, вонзив горжет Героя Войны в мягкую плоть под его челюстью.

- Идиот! - Прорычал Чазар. Он развернулся, схватил мальчишку и бросил его на землю, после чего начал пинать.

Аот поморщился. Он надеялся, что битва с заклятым врагом отвлечет Чазара от издевательств над парнем. Как бы неприятно ему ни было, отвлечение дракона дало наёмнику возможность подойти к Джесри и прошептать:

- Отвлеки его.

Она сразу направилась к Герою Войны.

- Ваше Величество, прошу вас! - взмолилась она - Я понимаю, что вы расстроены, но мне нужно кое-что сказать вам.

- Что? - Спросил Чазар.

- Я думаю... я думаю, что, гуляя среди нас, смертных, в облике из плоти и крови, вы иногда забываете, кто вы такой на самом деле. А вы Бог. Самые важные знамения кроются внутри вашего сердца.

Чазар нахмурился.

- Полагаю...

- Если вы хотите знать, как пойдет битва, то вам нужно просто посмотреть на огонь, и вы сами все поймёте. - Джесри жестом указал ему на потрескивающий и дымящийся костер в нескольких шагах от него.

Халонья нахмурилась и пошла за ней.

Аот схватил ее за предплечье и сжал достаточно сильно, чтобы причинить ей боль.

- Леди, - прошептал он, - на пару слов.

Она втянула воздух.

- Можете кричать, - сказал он так же тихо, - и клянусь Черным Пламенем, я убью вас. Я могу сделать это одним ударом копья. Даже Чазар не сможет среагировать достаточно быстро, чтобы спасти вас.

- Это кощунство. - Сказала она сквозь зубы. Но ее голос был таким же тихим, как и у наемника.

- А мне-то что? Я маг и тэйец, помнишь? Вот как это будет. Прямо сейчас Джесри изо всех сил пытается вылечить Чазару его нервы. Когда они снова повернутся к нам, ты ей поможешь. Ты убедишь его бороться и довести дело до конца.

- Тебе не запугать меня.

- Возможно, нет. Но я действительно убью тебя, если ты не сделаешь то, что я говорю. Помни, я знаю заклинания и мне не нужно стоять рядом, чтобы убить тебя.

- Отпусти ее. - Сказал Хасос. Судя по звуку, он стоял прямо за Аотом.

- Нет. - Ответил Аот.

- У меня в руке кинжал. Вы сказали жрице, что даже Чазар не сможет среагировать достаточно быстро, чтобы спасти ее. Куда уж до него твоему эльфу и грифону.

- Послушай, - начал Аот, гадая, через сколько ударов сердца Чазар повернется назад, - у нас с тобой были разногласия, но я понял, что ты можешь быть способным воином, когда это необходимо. Ты знаешь, что Чазар должен сражаться сегодня вечером. Если он этого не сделает, то потеряет Чессенту. Халонья потеряет свой сан. Ты потеряешь свое баронство, а солдаты, пришедшие за тобой, умрут. Я уверен, что как поклонник Амаунатора и Торма, ты знаешь разницу между истинным священником, раскрывающим божественные замыслы, и болтающим шарлатаном.

Хасос долго молчал. Затем он сказал:

- Миледи, пожалуйста, простите меня за вмешательство в ваш личный разговор.

Аот облегченно вздохнул.

- Вернись! - сказала Халонья. - Ты трусливый, богохульный сын...

- Заткнись, - сказал Аот. - Ты знаешь что делать. Ты знаешь, что случится, если ты этого не сделаешь. Выбирай.

Аот отошел от жрицы.

Гаэдинн вопросительно взглянул на него, а Шала помогла исцарапанному и окровавленному оруженосцу подняться. Затем Чазар обернулся. По крайней мере, на мгновение его беспокойство сменилось ухмылкой.

- Я видел победу! - Сказал он. Аоту было интересно - это Джесри использовала иллюзию, или всю работу сделало воображения дракона.

- Я рада это слышать. - Ответила Шала.

Чазар посмотрел на Халонью.

- Тем не менее, - сказал он, и в его голос вернулась тень нерешительности, - у тебя были... опасения.

Верховная жрица глубоко вздохнула.

- Больше нет, Ваше Величество. Я тоже видела ваше торжество в огне, даже отсюда

- Тогда почему мы стоим? - воскликнул Чазар. - Занять позиции! Парень, почему мой горжет на земле? И что случилось с твоим лицом?

* * * * *

Как оказалось, полет верхом на гигантской летучей мыши не сильно походил на полет на грифоне. И голосовые, и тактильные команды были разными. Животное двигалось в воздухе по-другому, более проворно, и Кхорин все еще учился наклоняться в разные стороны, помогая животному в движении.

Летучая мышь не могла издавать подобие скрежетов и визга, в отличие от грифона, и, возможно, именно поэтому Кхорин все еще не был раскритикован за свой дилетантизм.

Но, несмотря на свою неуклюжесть, было приятно снова летать. То, что ему разрешили оседлать огромную летучую мышь, было не только знаком огромного доверия Тархана, но и необходимостью разведать огромную цитадель с воздуха.

Руки Бири обвились вокруг его талии.

- Ты когда-нибудь прежде летала? – Спросил дворф.

- Нет, - сказала она, - но всегда хотела. Вот почему мне всегда хотелось присоединиться к Защитникам Копья, когда я стану старше.

Значит, она была молода.

- Ну, это не те обстоятельства, в которых ты или я должны были бы осуществлять свой первый полет на летучей мышь, но наши товарищи профессионалы, так что я верю, что все будет хорошо.

- Я знаю, - сказала она. - Даардендриены очень храбры. - Ее грудь коснулась спины дворфа, когда она повернулась, чтобы посмотреть налево.

Она могла бы сказать, что Защитники Копья были очень храбрыми, поскольку именно активные члены этого корпуса составляли большую часть разведывательного отряда. Так же, она могла посмотреть направо, где летел Медраш со своим отрядом, а не налево, где был одинокий Баласар.

Но она не сделала ни того, ни другого. Кхорин вздохнул и сказал:

- Баласар хороший воин и мой хороший друг. Но неподходящая пара для тебя.

- О чем вы?

Слушали ли молодые влюбленные, когда им давали дельный совет? Наверное, нет. Сияющая Танцовщица видит, Кхорин не слушал. И он не пожалел об этом, несмотря на весь последовавший за этим ужас и горе.

Запах дыма, отравивший всю пустошь, все усиливался. Черные массы поднимались из-под земли, а между ними пробивались светящиеся, мерцающие красные жилы.

Драконорожденные называли это место Эшхолдом. В каком-то смысле это название было неправильным, потому что темные испарения имели базальтовое происхождение, и не были столпами пепла, встречающимися по всей Равнине Черного Пепла. Но для гигантов это было священное место, где огни, пылающие под землей, выходили на поверхность, и где, согласно древнему обычаю, племена отбрасывали даже самые ожесточенные распри. Также, это был редут, к которому отступили выжившие гиганты из орды Скутосиина после того, как воины Тархана вытеснили их из Тимантера.

Хурин понимал почему. Холмы не были такими прочными, как замок с зубчатыми стенами по всему периметру, и прочими оборонительными сооружениями, и спасибо Лорду Двойных Топоров за то, что гигантам не хватало ума построить такое сооружение. Тем не менее, лабиринт препятствий, возвышенность и некоторые укрепления давали гигантам определенные преимущества, а раскаленные угли и пятна пламени лишь усложнят штурм крепости.

Пока что ни один гигант не пробил тревогу. Очевидно, было очень трудно увидеть летучих мышей в задымленном небе. Постукивая пальцем по удивительно мягкому меху на плече животного, Кхорин заставил его опуститься ближе к земле. Он изучил Эшхолд и представил различные способы, которыми армия Покорителя могла

штурмовать крепость и чем на это ответят гиганты. Возможности танцевали перед его внутренним взором, как фигуры на доске для сава.

- Опуститесь пониже. – Попросила Бири.

- Зачем?

- Магия. Я чувствую сильное присутствие. Я вижу его так же отчетливо, как пятно на солнце. Оно здесь. – Волшебница указала пальцем в нужном ей направлении.

Дворф не хотел идти на еще больший риск, но он привел ее с собой, чтобы маг мог рассмотреть предстоящее поле битвы, так что следовало выполнить её просьбу.

Кхорин сжал колени, но животное проигнорировало команду. По-видимому, оно тоже почувствовало присутствие мистической энергии и опасалось ее. Дворф снова ударил его коленом, уже сильнее, и только после этого животное полетело в нужном направлении.

Эшхолд стоял на вершине холма, напоминая настоящей замок с внутренним двором. Посреди него пылало огромное пламя, вырывающееся из сдвоенной дыры посреди опаленной земли. Присев на невысокий плоский выступ из базальта, огромный зеленый дракон смотрел на пламя и шипел слова силы. На его темно-зеленой чешуе сияло пламя. Десяток гигантов шаманов в унисон отвечали ему.

Концентрация магии была настолько большой, что даже Кхорин почувствовал её из-за скрутившегося живота и ноющих суставов, но он проигнорировал все это, когда посмотрел на зеленого дракона, который, по-видимому, и был Скутосином.

Кхорину показалось, что с драконом было что-то не так, но он не мог сказать что именно. Драконы, которых он видел прежде, были устрашающими, но красивыми. Даже земляной коричневый змей был по-своему великолепен. Внешний вид Скутосина напоминал ему тело, покрытое язвами, от которого и инстинктивно хочется отвести взгляд.

Он попытался вспомнить истории о нем. Когда-то Скутосин был избранником Тиамат. Затем он умер, а его богиня вернула дракона к жизни. Может, теперь он был неким подобием нежити.

Внезапно закричал гигант, стоящий на вершине одной из скал. Судя по всему, он заметил одного из всадников.

Скутосин, как и шаманы, даже не соизволил поднять голову. Но когда Кхорин повернул летучую мышь, а его товарищи тоже приготовились бежать, то тени, размером с псов и с очертанием драконов, разлетелись по сторонам. Они беззвучно хлопнули зубчатыми крыльями и взмыли в воздух.

Как только они взлетели над смогом, они стали незаметными даже для дворфских глаз. Взволнованная летучая мышь Кхорина занервничала и завертелась из стороны в сторону, что сделали и другие звери Защитников Копья. Судя по всему, они тоже испугались приближающихся теней.

Внезапно закричал драконорожденный. Его летучая мышь начала падать вниз, когда два призрачных драконов сжали когти на кожаных крыльях животного.

Медраш воззвал к Торму и потряс кулаком. Белый свет вспыхнул на его стальной перчатке. Он показал местонахождение теней, опалил их и отбросил на землю. Две тени, вцепившиеся в раненую летучую мышь, потеряли хватку, а зверь расправил порванные крылья и выровнялся в воздухе.

К сожалению, пламя святой Силы тут же погасло, и темные создания снова взлетели вверх. Кхорин отчаянно огляделся и решил, что на северо-востоке этих существ меньше всего.

Он указал в том направлении.

- Я хочу, чтобы прямо над этой скалой, над которой кружат двое Защитников, что-нибудь взорвалось.

Бири запела и вытащила свою кварцевую палочку. Красная искра вылетела из её наконечника и превратилась в грохочущую массу пламени.

Огонь охватил теневые создания и сжег их дотла, разорвав окружение, сформированное вокруг двоих наездников.

- Сюда! - крикнул Кхорин, направляя свою летучую мышь вперед.

Медраш бросил еще одну вспышку Силы Торма в медленно преследовавших их теней. Дворф оглянулся. Сидевшая за спиной Бири пригнулась, и Кхорин встретился с сияющими желтым светом глазами Скутосина.

К своему облегчению, дракон все еще сидел на импровизированном помосте, продолжая свой ритуал и не подавая никаких признаков того, что собирался присоединиться к погоне. Но его взгляд пугал.

Дворф сосредоточился.

Пока разведчики уносились прочь, гиганты метали в них копья и камни, однако, судя по всему, ни один снаряд не попал в цель, и уже вскоре отряд окончательно покинул Эшхолд.

Но они не сбрасывали скорости, пока не вернулись в лагерь, освещенным небольшим количеством костров. Даже если фуражиры не смогли найти достаточно топлива, войскам точно не нужно было согреться из-за палящей жары на Равнине Черного Пепла.

Кхорину показалось, что его летучая мышь приземлилась с неприятным для нее ударом о землю. В отличие от грифона, этот зверь не был создан для того, чтобы ходить по земле. Но у него были свои достоинства, и, признавая их, дворф похлопал животное по шее, прежде чем драконорожденный с черной чешуей занялся им.

- Вот на таких молодых людей стоит глазеть. - Пробормотал дворф.

Бири отказался отвечать на провокацию.

Медраш и Баласар так же передали Защитникам одолженных им зверей, и все четверо двинулись вперед, к центру лагеря. Туда, где их ждал Тархан вместе с разношерстной группой из старших защитников Копья, вождей кланов и магов.

Улыбаясь, Покоритель поднялся со своего походного табурета, когда они приблизились.

- Все ли благополучно вернулись? - Спросил он.

- Да, Ваше Величество, - сказал Медраш, отдавая честь. - Они заметили нас, но нам удалось оторваться.

- И это не единственная хорошая новость, - сказал Баласар с ухмылкой. - Мы не видели ящеров в большом количестве, а значит, что гиганты не знают о том, что мы можем помешать их призыву.

- Верно, - сказал Медраш. - Это хорошие новости.

Уловив нотки разочарования в голосе родича, Баласар спросил:

- Ну хорошо, что я пропустил?

- Поскольку ты не разбираешься в магии, - начала Бири, - я понимаю, почему ты этого не почувствовал. Но Медраш прав. Ритуал, который проводил Скутосин, определенно предвещает беду.

- Вы видели Скутосина? - Спросил Тархан.

- Да, - сказал Кхорин, - и, если уж на то пошло, он выглядит даже хуже, чем его репутация. Так что я вполне готов поверить, что он собирается сбросить что-то невероятное на наши головы. Вопрос только в том, какую форму примет его заклинание?

Бири заколебалась.

- Мне жаль. Я не могу сказать.

Баласар улыбнулся ей.

- Все в порядке, милая. Ты справишься. Без тебя мы могли бы и не выбраться оттуда.

Лидер клана почесала подбородок когтем большого пальца. По её лбу пробежала изогнутая линия пирсинга в виде луны и цвета слоновой кости. Каждый маленький значок изображал луну в различной форме, от маленького полумесяца до полной луны.

- Если мы не знаем точно, что делает Скутосин, - сказала она, - можем ли мы сказать, сколько времени это займет?

- Нет. - Сказала Бири.

- Значит, если мы хотим прервать ритуал, то должны атаковать сейчас.

Тархан нахмурился.

- Ночью? Едва приготовившись?

- Да, у этого плана есть некоторые минусы. - Сказал дворф.

- И именно поэтому гиганты не будут ждать нас. - Добавил Баласар.

- Хотя я уже и не Защитник Копья, - вмешался Медраш, - но все еще помню, что летучие мыши отлично видят в темноте и могут разглядеть то, чего не увидим мы.

Кхорин без труда поверил в это. Грифону не нужно было говорить, чтобы предупредить своего всадника об опасности, и летучей мыши, очевидно, тоже.

Фенкенкабрадон Докаан, командир Защитников Копья, был воином с бронзовой чешуей и почти такой же большой, как Тархан. И держал меч в ножнах подмышкой, а с его висков свисал витиеватый пирсинг, напоминающий рога. Он проворчал:

- Один из защитников сказал мне, что вы столкнулись с теневыми существами, которых летучие мыши едва видели.

- Со всем уважением, Верховный Лорд, - ответил Медраш, - но магические и неестественные существа всегда создают больше проблем. От своих слов я не отказываюсь.

Докаан резко кивнул.

- Справедливо, - он повернулся к Тархану. - Ваше Величество, я считаю, что план сэра Кхорина вполне достойный.

Несколько других офицеров и лидеров кланов попытались заговорить одновременно. К некоторому удивлению Кхорина, все они, похоже, выражали поддержку его плана. Но, возможно, это не должно было удивлять. Они были доблестной элитой воинственного народа, который очень устал от гигантов.

- Да будет так, - сказал Тархун. - Готовьте войска.

Джет летел по кривой линии, не давая прицелиться лучникам и арбалетчикам. Аот постоянно бубнил слова силы, после чего опускал копье вниз и выпускал очередное заклинание в трескельцев. На этот град размером с его кулак пошёл из воздуха, стуча врагу по голове.

Аот хотел оставить свою магию для врагов посерьёзнее, но в этой группе врагов было несколько всадников на дрейках и пара длинноносых боевых троллей, так что можно было уделить им побольше внимания.

Как только Джет вынес его и себя за пределы досягаемости стрел и болтов, наемник повернулся в седле и стал искать какие-нибудь признаки того, что Чазар вступил в битву. Благо, было несложно отыскать следы вмешательства живого Бога.

- *Но ты же боишься, что он откажется.* - Сказал грифон.

- *Джесри осталась, чтобы убедить его,* - ответил Аот. - *К сожалению, Халонья тоже там, и, кажется, я не до конца запугал её. Нам лишь остается надеяться...*

Над лесом раздался рев, заглушивший какофонию битвы. Хлестнув крыльями, блеснув горящими глазами и выплюнув изо рта красное и синие пламя, красный дракон поднялся в воздух из самого сердца чессентской армии.

Ночью мало кто из наступавших врагов мог увидеть Чазара так же ясно, как Аот, но в этот миг дрогнул каждый, покачнувшись на месте и заколебавшись.

- *Поздравляю,* - сказал Джет. - *Одна из твоих схем наконец-то сработала.*

- *Пока нет,* - сказал Аот, - *но начало хорошее*

По изначальному замыслу, Чазар должен был из всех сил метаться по полю битвы и обрушивать на трескельцев ужасные заклинания, чтобы создалось впечатление, что Бог тратит все свои силы в самом начале битвы. Это должно было соответствовать его поведению в прошлом, когда Великий Костяной Змей просто переждал наиболее яростную агрессию, а затем просто добил выдохшегося врага. В этот момент Джаксанаедегор и его товарищи-предатели обратятся к своему повелителю, и вместе с Чазаром одолеют драколича.

Если бы все сложилось, это был бы очень изящный трюк. Аот мог придумать дюжину способов, как все могло пойти не так. Что и происходило с большинством подобных планов

Чазар бросился к синему дракону. У трескельского дракона была необычно длинная борода из чешуек, свисающей под подбородком, а у массивного рога на морде не хватало кончика. По этим деталям Аот идентифицировал её как Вензентилакса, одну из искренне преданных драконов Аласклербанбастоса.

Она выплюнула яркую извилистую дугу молнии. Чазар даже не попытался увернуться. Когда молния поразила его, он не дернулся и не показал каких-либо других признаков полученного урона, хоть чешуя у шеи, куда попала молния, и почернела.

- *Осторожно!* - крикнул всадник на грифоне. Его животное издало пронзительный визг, поддержанный остальными животными, тем самым разнесшими тревогу по небу.

Аот повернулся и увидел стаю мертвых ястребов размером с лошадь, с зеленым свечением в запавших глазах и костями, просвечивающими сквозь дыры в гниющих

перьях и коже. Хищники зашли с флангов, когда дуэль драконов перетянула на себя всеобщее внимание.

Наёмник направил свое копьё и метнул в ястребов огненный шар, после чего Джет взмахнул крыльями и отлетел в сторону.

Но даже так укол холода пронзил Аота и Джета, боль которого передалась наёмнику по их психической связи. Еще две нежити, животное и всадник, появились в небе над мертвыми ястребами. Аот не смотрел вверх, из-за чего не заметил их приближения. Даже огненный взгляд не может увидеть что-то там, куда не смотрит их владелец.

Крылатое животное был ожившим трупом химеры. У неё были бледные крылья, задние лапы и змеиный хвост белого дракона, в то время как остальная часть тела была львиной. Из плеч выростали три головы - змеиная, львиная и баранья, увенчанная кривыми рогами.

У всадника так же было три головы, хотя все они выглядели одинаково - обнаженные человеческие черепа на единственном скелете. В костлявых руках он сжимал посох.

Взмахнув крыльями, Джет вылетел из-под химеры. Аот попытался прицелить копьё и произнести заклинание, но из-за холода его рука задрожала, а голос начал заикаться. Он провалил заклинание, и когда химера опустилась ниже взгляд этого монстра – повелителя черепов – столкнулся с взглядом боевого мага. Бледный свет вспыхнул в орбитах лишенной плоти головы слева, и холод снова пронзил Аота.

Но это было даже хуже, чем попасть под дыхание белого дракона, так как этот холод нес с собой еще и страх. Внезапно, единственное, что хотелось сделать Аоту, это сбежать.

Он огляделся, но, к ужасу, не смог найти безопасного пути для отступления. Повсюду сражались наёмники и мертвые ястребы. Очевидно, луки были бесполезны, так что наёмники доверили вести сражение своим животным – коготь на коготь, клюв на клюв. Победенные падали на землю грудой изодранных окровавленных ошмётков.

- Возьми себя в руки! - отрезал Джет. – Ничего ты не боишься! Это все повелитель черепов!

Аот понял, что это правда. Он изо всех сил попытался сосредоточиться, преодолев страх и использовать контрзаклинание, запечатанное в одной из его татуировок. Бодрящий укол силы вернул наёмника в сознание.

Но зачем показывать это повелителю черепов? Он изобразил панику, в то время как химера-нежить развернулась и приготовилась к новой атаке. Джет барахтался в воздухе, подобного животному, перенявшему страх и неуверенность наездника.

Химера напала на них. Аот позволил ей приблизиться, а затем быстро навел на неё копьё и одним словом высвободил запечатанное в оружии заклинание.

От взрыва голова барана вывернулась отлетела в одном направлении, а голова дракона – в другом. Крылья оторвались от туловища и отлетели прочь, подобно горящим птицам в ночи, а останки тела рухнули вниз. Шесть орбит повелителя черепов смотрели вверх в бессильном изумлении и гнев.

- С тобой все в порядке? - Спросил Аот.

- Немного подмерзли крылья, - сказал Джет. – Будто в Тэй вернулся.

- Это столкновение вот о чем говорит, - сказал Аот, - нам нужно беспокоиться не только о драконах, но и о других врагах. - Повернувшись в седле, он посмотрел, кто из его товарищей по Братству нуждался в помощи.

* * * * *

Нала держала зеленый шар обеими руками и сосредоточила на нем всю свою волю. Если бы она установила психическую связь, то смогла бы призвать теневых драконов до того, как защитники Эшхолда начнут действительно нуждаться в них.

А это была взаимная нужда. Создания, призываемые из настоящих драконьих яиц с помощью ритуалов, переданных самой Тиамат, не смогли принести победу в битве в Тимантере. Но на этот раз все, наверняка, будет по-другому. Гиганты сражались на своей родной земле, где высокие горы и проходящие через землю каналы огня сделают невозможной массивную кавалеристскую атаку. Более того, в бой их поведет сам Скутосин.

И после того, как они выиграют, весь мир узнает, какими ценными являются эти талисманы.

Нала нуждалась в этом, так как провал в Джерад Тимаре лишил её благосклонности Скутосина. Он предоставил Нале убежище среди гигантов, но не считал нужным включить ее в свой великий магический ритуал или даже объяснить, для чего он предназначен. Это изменится, если нала станет верховной жрицей Немезиды Богов. Вот еще была бы она уверена, что сможет избежать ужасной участи, которую Скутосин уготовил для всех драконорожденных.

Её создание проникло в амулет так же, как рука погружается в дыру. И тогда её напарник, пепельный гигант шаман, который проводил ту же процедуру с серым амулетом, закричал.

Нала повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как шаман барахтается у базальтовой стены. Кровь текла из его рта и левого глаза. Он оттолкнул от себя серый шар. Он врезался в скалу на другой стороне относительно узкого переулочка, в котором они укрывались.

Нала почувствовала укол возмущения. Она и ее настоящие единомышленники работали долго и упорно, чтобы сделать эти амулеты. Возможно, это неудача гиганта насторожила её, но Нала почувствовала сопротивление своего талисмана. Только что это была открытая дверь, а теперь – самозакрывающаяся ловушка. Жрица успела разорвать психическую связь прежде, чем она захлопнулась.

- Предатель. - Пробормотал шаман. Он оттолкнулся от стены, покачнулся и спотыкаясь пошёл к ней, протянув огромные серые руки.

- Не будь дураком, - сказала она. - Я не портила талисманы. Волшебники Покорителя нашли способ сделать это. Если тебе больно, то позволь мне помочь. - Она схватила один из пальцев великана и прочитала исцеляющую молитву. Сила Тиамат проявилась в виде зарева тепла в глубине её сердца, которое заструилось в тело гиганта через точку соприкосновения тел.

Великан хмыкнул.

- Лучше? – Спросила она.

- Да. - Сказал он уверенно. Он казался озадаченным тем, что его угрожающее наступление не напугало её.

- Тогда иди и поищи других шаманов. Предупреди их, чтобы они не использовали амулеты. А если они уже, то излечи их, чтобы они могли сражаться.

Он изучал ее еще мгновение, и она, в свою очередь, могла видеть, насколько неохотно гиганты подчинялись драконорожденному. Но, в конце концов, он сказал:

- Хорошо.

После чего стер кровь с лица, повернулся и пошел прочь.

Нала направилась к другому концу прохода, поближе к грохоту битвы. Раз их враги смогли не только испортить талисманы, но и вывести из строя шаманов, использующих их, то Нале нужно было найти способ стать не только полезной, но и незаменимой.

Проход сузился до отверстия достаточно узкого, чтобы взрослый гигант не смог протиснуться в него. Казалось, что это было подходящее место, чтобы сесть и изучить поле битвы.

Гиганты восседали на уступах и вершинах скал, метая копья и камни во врагов, которые были вне поля зрения Налы. Затем, что-то промелькнуло над одной из таких скал, но это была настолько быстро, что жрица не успела разглядеть его. Зато гигант, с торчащим из лба деревянным стержнем, рухнул вниз. Очевидно, его убил пролетевший мимо Защитник Копья.

Залп арбалетных болтов пронзил нескольких мертвых великанов, а остальных заставил нырнуть в укрытие. Затем ее сородичи прошли через один из широких проходов, разделяющих скалы.

Именем пяти дыханий, как она их ненавидела! Она принесла им дары, которые возвеличили бы их, но они отвергли её. Отправили ее в ссылку, к дикарям. А теперь пришли лишить её и этого убежища.

Всем своим сердцем она молила тёмную госпожу об отмщении.

Длинная фигура вырвалась из земли прямо на глазах отряда копейщиков-драконорожденных. Из-за темноты на мгновение могло показаться, что это был базальтовый шпиль, внезапно поднявшийся из-под земли, чтобы занять место развалившихся старых пород. Но затем он покачнулся, раскрыл пасть и взревел.

У коричневого дракона были уродливые, полузажившие раны, но, несмотря на них, он все равно пришёл сражаться. Нала уважала такую доблесть.

Он извергал горячий песок, под потоками которого шатались окровавленные драконорожденные. Вдобавок к этому, песок повисал в воздухе, превращаясь в ослепляющую пелену. Нале тоже досаждало витающий в воздухе песок, но, тем не менее, она засмеялась. Она веселилась, когда видела беспомощных драконорожденных, чьи ряды редели с каждой атакой головы песчаного дракона и каждым укусом его челюстей.

Затем в переднем ряду пехотинцев вспыхнул белый свет. В темноте и сквозь пелену песка Нале трудно было что-то увидеть, но ей показалось, что один солдат исчез, а на его месте появился другой.

Новоприбывший сидел верхом на скачущем коне, и потребовалось всего мгновение, чтобы животное сократило расстояние до ошеломленного дракона, а копьё кавалериста пронзило его грудь.

Коричневый дракон дернулся, а затем зарычал и поднял когтистую заднюю лапу, но в тот же момент другой кавалерист врезался в него и пронзил копьем шею.

Дракон судорожно забился и попытался исчезнуть в песке - Нала могла различить его очертания, которые начали дергаться и стираться. Она предположила, что существо хотело спуститься в безопасную нору.

Первый всадник вытащил свое копье и нанес несколько ударов ножом. За каждым ударом следовала вспышка мистической силы. Эти атаки мешали дракону завершить превращение, так как сначала процесс замедлился, а затем и вовсе прекратился, оставив священное существо бездыханно лежать на земле.

Облако песка рассеялось, и Нала ясно увидела Медраша и Баласара. Их товарищи тоже увидели их и громко вскрикнули.

Хотя Нале казалось, что она уже была преисполнена ненавистью, это было ничем по сравнению с той злобой, которая охватила её сейчас. Её драконье дыхание жгло ей горло, и она с трудом поборолла желание броситься в атаку прямо сейчас. Она бы ни за что отдала свою жизнь, а это было последнее, чего она хотела, учитывая, что Тиамат только что ответила на все ее молитвы.

Инстинкт - или, возможно, шепот Темной Госпожи - подсказал ей, что паладин Торма и его брат по клану окажутся ключевыми фигурами в эту ночь точно так же, как и тогда в Тимантере, вместе с Кхорином Скулдарком. И если Нала будет преследовать их и ждать подходящего момента для удара, то и она сыграет решающую роль.

Но как она могла быть уверена, что всегда будет держать их на виду посреди бушующей битвы? Судя по всему, они уже готовились к наступлению. На мгновение эта проблема сбила ее с толку, а потом она улыбнулась собственной глупости.

Она же была драконорожденной, и какова вероятность, что кто-то узнает её в ночи, когда вокруг есть тысяча проблем посерьезнее, чем всматривание в лица товарищей? Пока она не подойдет слишком близко к Медрашу, Баласару и оставшимся членам Платиновой Когорты, все будет хорошо. Она сбросила свое одеяние из мерцающей чешуи и выскользнула из-за камней, чтобы присоединиться к войскам Покорителя.

* * * * *

Когда Шрам поднял Джесри в небо, она наблюдала за тем, как Чазар сжег Вензентилакса своим огненным дыханием. Её посох требовал, чтобы она нашла цель и вызвала свое пламя. Скоро, сказала она ему, скоро.

Чазар предложил ей отправиться в битву на нем и снова полетать на драконе, как и тогда, когда он напал на шадоваров и спас Гаэдинна. Но у девушки было предчувствие, что было неосмотрительно сидеть на спине одного дракона, когда его пытаются убить другие. А еще она хотела сражаться вместе с товарищами по Братству. Возможно, в последний раз.

Жалко, что Чазар не стал настаивать на том, чтобы его оседлала Халонья и показала свои предполагаемые духовные силы. Но, увы, Тимора улыбнулась Джесри не так широко. Халонья все еще была в лагере и, вероятно, прямо сейчас лелеяла свои обиды.

Туша огромной воскресшей хищной птицы показалась во фланге. Джесри заговорила с ветром, и воздух под крыльями нежити начал толкаться. Птица начала кувыряться в воздухе, и девушка, решив не тратить больше заклинаний, позволила Шраму разорвать нежить своими когтями и клювом. Джесри пришлось учуять ужасную вонь, но, к счастью, лишь на мгновение.

Впереди другие наездники на грифонах боролись с подобными исчадиями некромантии. Точки зеленого света пробежали во тьме, когда Аот выпустил во врага магические стрелы. Она собиралась направить Шрама в гущу той битвы, но что-то другое привлекло её внимание.

Огромный скелет дракона вывалился из ночи. На мгновение Джесри подумал, что это был сам Аласклербанбастос, но у этого не было ни свечения в глазницах, ни маленьких вспышек молнии, прыгающих по костям. На самом деле, даже кости выглядели так, будто они принадлежали не одному существу, из-за чего монстр неуклюже прихрамывал.

Значит, это было еще одно творение некромантии, по своей сути мало чем отличающееся от ястребов-зомби. Но, вместе с этим, это была куда более серьезная угроза, о которой Джаксанаедгор не предупредил своих новых союзников. Может, его повелитель никогда не говорил ему о её существовании.

Сайжвирм, как его называли, напал на отряд лучников. С каждым его неуклюжим шагом из земли, на которую опускалась его лапа, подобно маленьким деревцам вырастали костяные шпоры. Лучники стреляли по нему с похвальным упорством, но большинство стрел просто отскакивало в сторону. Даже Гаэдинн, стоявший впереди, казалось, не мог нанести хоть сколько-нибудь значимый урон монстру.

Джесри почувствовала укол вины за то, что со времен побега из Шадоуфэлла она не зачаровывала для него стрел – у неё просто не было времени.

Что ж, теперь она ему поможет. Девушка произнесла командное слово и указала посохом на дракона. На месте соединения крыльев с хребтом разразился взрыв, который сотряс и покрыл сажей кости, но не сломал ничего важного. Она вздохнула, чтобы попробовать еще раз, а затем, скрипя и гремя позвонками, сайжвирм повернул шею и поднял голову, чтобы посмотреть на нее.

Боль пронзила Джесри. Шрам завизжал от того же мучительного шока, который, по-видимому, потряс и его. Они упали вниз.

Борясь с парализующей болью, она велела ветру подхватить грифона или, если это не удастся, смягчить падение. Ведя тот же бой с болью, что и она, Шрам смог расправить крылья. Девушка и её грифон ударились об землю, но не настолько сильно, чтобы кто-то из них был ранен.

Хотя возможно они продлили свою жизнь всего на пару ударов сердца. Сайжвирм развернулся в их направлении. Острые, как когти Шрама, шпоры размером с посох Джесри вырывались из-под земли по мере продвижения существа.

Дрожащими руками она подняла посох и попыталась сосредоточить свою волю. Она почувствовала, как Шрам вздрогнул. Он пытался найти в себе силы снова подняться в воздух. Сайжвирм подошёл на расстояние удара, и время как будто бы остановилось.

Второй грифон налетел на спину сайжвирма. Эйдер рвала и кусала. Гаэдинн выскочила из седла и нанесла удар булавой с длинной рукоятью. В разные стороны полетели костяные стружки.

Дракон повернул шею, чтобы нанести ответный удар. Эйдер взмахнула крыльями и отлетела за пределы досягаемости.

Тем временем, уклоняясь от рвущихся из-под земли зазубренных костей, лучники атаковали мертвого дракона врукопашную. Джесри увидела, что большинство солдат, которые начали рубить лапы дракона мечами и топорами, были из Братства.

Оракс и Мералейн тоже атаковали монстра. Джесри не заметила их, но, будучи чувствительной к магии, она почти могла услышать, как они читают заклинания даже посреди шума битвы. Она увидела их заклинания. Оракс создал летающий клинок из желтого света, которые пытался разрубить шею монстра. Некромантия Мералейн же вытягивала силу, бурлящую между рёбрами дракона и в его черепе, и, судя по тому, как он дергался, она ранила его сильнее остальных.

Но этого было недостаточно, чтобы остановить его. Его хвост раскидывал людей, разлетавшихся в разные стороны. Один лучник, упав на костяной шип, который пронзил его живот, начал судорожно корчиться и кричать. Сайжвирм разорвал другого челюстями на куски. Он уставился на троих наёмников, и те рухнули на земли так же, как недавно рухнули Шрам и Джесри.

Гаэдинн и другие солдаты спасли их. Джесри нужно было вмешаться. Иначе дракон убьёт их всех.

При других обстоятельствах она не смогла даже и попытаться. Но сейчас у неё было лекарство от этой слабости, и, благодаря вмешательству товарищей, она могла воспользоваться им.

Пока она возилась с сумкой на поясе, что-то мелькнуло где-то сбоку. Девушка повернула голову.

Еще одна шпора вырвалась из-под земли под углом. Она перестала расти, когда острый кончик был на расстоянии пальца от лица волшебницы.

На мгновение она замерла, а затем достала из сумки оловянный флакон. Зелье внутри было безвкусным, но теплым. Как только она выпила его, свечение разошлось по её телу от живота, снимая пронзающую слабость.

Она выпила половину и спешила. Джесри показала бутылку Шраму, и грифон поднял голову, открыв клюв. Она вылила остатки в рот грифону, и его горло сжалось, когда он сглотнул жидкость.

Эликсир подействовал на него так же быстро, как и на нее. Он издал хриплый крик и повернулся к дракону.

- Да, - сказала она. - Давай убьем это жалкое существо. - Она запрыгнула обратно в седло и, не тратя время на застегивание ремня безопасности, направила Шрама вперед. Он разбежался, хлопнул крыльями и взмыл в небо.

Джесри могла видеть, что, хотя ее союзники и нанесли нежители определенный урон, дракон не казался раненым. Между тем, каждый его удар или укус наносил вред людям, мельтешащим вокруг него.

У девушки не было такой связи с электричеством, как с землей, огнём, ветром и водой, но она все равно метнула яркую ревущую молнию в надежде, что сайжвирм окажется восприимчивее к электричеству, нежели к огню.

Нет.

И как же ей атаковать его? Должно же быть хоть какое-то слабое место. Она посмотрела вниз, пытаясь понять, что это могло быть.

Другой маг - Оракс или Мералейн, как ей казалось - атаковал дракона вспышкой магического пламени. Вспышка вызвала металлический блеск на некоторых суставах и местах соединения костей. Очевидно, мастера-некроманты снабдили конструкцию проволокой и петлями, стягивающими кости друг с другом. Улыбаясь, Джесри прочитала заклинание, вызывающее ржавчину и коррозию.

Завитки пара закружились вокруг сайжвирма, и металл в его костях зашипел, как бекон на сковородке. Он качнулся, когда его левая задняя лапа начала отделяться от остального тела.

Оракс и Мералейн прочитали свои заклинания, усилив магию Джесри. Пары сгущались, а шипение становилось все громче. Задняя лапа отвалилась, а правое крыло распалось на несколько частей. Падая на землю, вся конструкция угрожала вот-вот развалиться на кучу костей.

Но бой был еще не окончен. Каким-то образом дракону удалось сделать последний выпад, а когда наёмники отпрыгнули в разные стороны, то удар полетел в направлении двух молодых волшебников из Лутчека. Оракс прыгнул перед Мералейн.

И тут Эйдер ударила по черепу дракона, который окончательно оторвался от шейных позвонков. Наконец, существо развалилось на гремящие осколки. Эйдер взмахнула крыльями и вернулась в воздух до того, как череп упал на землю.

Наемники подняли радостный крик. Оракс и Мералейн обнялись. Газдинн сверкнул улыбкой Джесри, как и во многих других случаях, когда они вдвоем совершали какой-нибудь подвиг или отчаянное усилие.

Но потом эта улыбка пропала с его лица, как будто он вспомнил что-то неприятное. Джесри знала, что Газдинн каким-то образом узнал, что она решила остаться в Чессенте.

Она хотела сказать ему, что это был трудный выбор. Что она сделала его отчасти для того, чтобы помочь Братству, и что она все еще не была уверена, что он был правильным.

Но даже если бы на это было время, и даже если бы они были достаточно близко друг к другу, чтобы не перекрикиваться - какая разница? Они никогда не были похожи на Оракса и Мералейн, которые обнимались после тяжелого боя, и никогда не станут ими.

Чувствуя себя старой и унылой, она жестом показала, что хочет присоединиться к Аоту и его всадникам в небе. Газдинн небрежно махнул ей в знак признательности и направил Эйдер к земле.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

5 Флэймрул, Год Извечного (1479 по ЛД)

Медраш был уверен, что когда Скутосин вступит в бой, этот факт станет очевидным, а раз он до сих пор не сделал этого, то все еще заканчивал свой ритуал.

Поэтому Медраш, Баласар и все, кто скакал рядом, направились к сердцу Эшхолда. К сожалению, их продвижение было очень медленным. Паладин боролся с желанием воззвать к Силе и побыстрее расчистить путь. Ему казалось, что его способности понадобятся ему позже.

Один из теневых драконов размером с собаку спустился с черного задымленного неба. Если бы Медраш полагался только на свои глаза, то заметил его приближение лишь после того, как клыки монстра вонзились бы ему в горло, но, благодаря Торму, он почувствовал приближение тошнотворной тьмы. Это дало ему возможность взмахнуть мечом. Копье, к сожалению, уже давно сломалось об тяжелый гранитный щит гиганта.

Клинок паладина раскроил череп монстра и тот исчез в темном дыму. В этот же момент Баласар выхватил один из легких арбалетов, прикрепленных к его седлу, поднял его в одной руке и выстрелил. Болт вонзился гиганту, который собирался метнуть валун, прямо между глаз. Камень выскользнул из его рук и ударился о базальтовый холм, на котором стоял гигант, рухнувший вслед за снарядом.

Всадники добрались до очередной развилки, и Баласар, натянув поводья, направил свою лошадь вправо.

- Нет, - сказал Медраш. - В другую сторону.

- Ты уверен? - спросил Баласар сквозь зубы, натягивая тетиву арбалета. - Здесь же настоящий лабиринт.

- Я уверен. - Ответил Медраш. Теперь, когда они были близко к центру, он мог почувствовать неестественную ауру ритуала - или, быть может, самого Скутосина - так же, как почувствовал приближение теневого дракона.

Он повел за собой кавалеристов и пеших воинов, следовавших за ними, дальше, попутно преодолев еще две группы гигантов, пытающихся преградить им дорогу. А затем он ахнул.

Потому что чувствовать эту мерзость было неприятно, а уж видеть... Еще в прошлый раз Скутосин показался Медрашу отвратительным, хотя он и не мог сказать - почему. Теперь, когда паладин смог рассмотреть дракона поближе, это уродство буквально бросилось ему в глаза.

Но каким бы ни был отвратительным дракон, огонь, вырывающийся из щелей в земле, был еще хуже. Сначала Медрашу он казался обычным желтым пламенем, теперь же оно переливалось. Сначала оно было красным, затем зеленым, синим, после цветом белоснежной кости, а в конце - черным, словно тень.

Медраш мог разглядеть что-то в пламени, или даже, скорее, сквозь него. Обрывок какого-то другого места. Языки пламени подергивались, напоминая судороги Налы, но с легким оттенком ужасающего чувства мощи, злобы и презрения.

Он понял, что обязан остановить появление этой сущности в их мире. И желательно до того, как осознание надвигающейся катастрофы ввергнет в страх и отчаяние его товарищей. А значит у него не было времени дожидаться волшебников.

Медраш воззвал к Торму. Холодная и бодрящая, как горный источник, Сила хлынула сквозь него и сконцентрировалась в его руке.

Он не знал, как он может сорвать ритуал, но, руководствуясь инстинктом, сунул меч под руку со щитом и ударил заряженной Силой рукой по земле.

Состоящая из стального мерцания, огромная призрачная латная перчатка появилась в воздухе, опустилась вниз и прикрыла источник огня ладонью. Пораженные гиганты-шаманы вскрикнули и отступили.

Боль опалила руку Медраша, как будто он сам только что загасил огонь голый ладонью. У него было такое ощущение, будто руку в момент опалило, затем леденящее исцеление остановило боль, а после руке нанеся какой-то другой ущерб.

Но он не мог разобраться во всех этих ощущениях. Ему потребовалось использовать всю свою силу воли, чтобы не потерять концентрацию и удержать Силу, дарованную Неистойой Верностью.

Вероятно, эта борьба продлилась лишь пару ударов сердца, после чего Медраш открыл глаза и увидел, что призрачная перчатка исчезла, а пламя полностью погасло.

Он не мог сказать почему. Его рука все еще горела, будто обожженная, но срыв ритуала даровал паладину прилив удовлетворения, которое лишь усилилось, когда Скутосин резко повернул голову в их сторону.

- Извини? – заговорил Баласар. – тебе нужен был этот огонь?

Взгляд Скутосина метнулся к шаманам.

- Убейте их. - Рявкнул он.

Гиганты достали несколько шаров Налы, подняли их на уровень глаз, а спустя некоторое время ахнули и пошатнулись.

- Упс. – Сказал Баласар.

Медраш снова воззвал к Силе Торма, чтобы подавить пульсацию в своей руке. Это не остановило боль полностью, но приглушило её. Когда он попытался схватить обмотанную проволокой рукоять своего меча, он обнаружил, что может это сделать.

- Вот так оно и бывает, - сказал он. - Мы знаем, как противостоять всем твоим уловкам. Сдавайся, и, возможно, Тархан проявит к тебе милосердие.

- Сдаться? - повторил Скутосин. – Ты спятил? Ты думаешь, мне действительно нужны уловки или какая-то помощь, чтобы уничтожить россыпь жалких насекомых, типа тебя? Я – бич твоего народа. – С этими словами Скутосин бросился на драконорожденных.

Медраш поскакал к нему навстречу. Баласар и остальные всадники двинулись следом.

Бой предстоял ужасный. Вероятно, многие его товарищи погибнут сегодня. Но паладин был доволен – его люди не дрогнули и ринулись в атаку, а дракон, обуреваемый яростью, остался на земле, где до него могли дотянуться мечи и копья

драконорожденных. И по мере того, как все больше и больше тимантерцев – воинов и магов – будет прибывать сюда, в сердце Эшхолда...

Что-то опалило Медраша спину. Его конь качнулся вперед и упал. По обе стороны от него упали и другие лошади, и на доспехах всадников блеснуло желтое пламя.

Медраш сильно ударился головой, и что-то треснуло. Внезапно все показалось тусклым и далеким. Неважно. Какой-то инстинкт продолжал настаивать на том, чтобы паладин попытался встать, но он обнаружил, что вовсе не может двигаться.

* * * * *

Внутри рта Нала все еще чувствовала тепло и покалывание, когда она восторжествовала, увидев, что Медраш упал и не поднимался.

Несмотря на все ее усилия, паладин и другие всадники опередили жрицу и прервали ритуал прежде, чем она смогла достичь центра Эшхолда. Но несмотря на то, что срыв ритуала был кощунством, это могло сыграть на руку Нале. Так она сыграет более значимую роль в победе, чем докажет Скутосину свою ценность.

Она использовала Силу Тиамат, чтобы усилить своё дыхание, а затем атаковала драконорожденных в спину. Огненный залп поглотил с полдюжины всадников. Она жалела лишь о том, что Медраш и Баласар были недостаточно близки друг к другу, чтобы она могла поразить их обоих сразу. Но паладин был более важной целью, и если Темная Госпожа улыбнется ей, она все равно может убить его брата по клану.

Краем глаза она заметила отблеск и повернулась к остриям копий, направленных на неё. Конечно, пехотинцы, среди которых она шла, видели, как она напала на своих “товарищей”. Одно мгновение они были ошеломлены, но теперь хотели лишь её крови.

У нее не было времени на еще одну молитву, и не важно – шепотом или во весь голос. Но её собственной силы было все еще достаточно для второго выдоха. Она выплюнула струю огня, и два воина, которые накинлись на неё, отшатнулись.

Она выскочила из толпы драконорожденных и побежала в сторону Скутосина и всадников, атаковавших его. Некоторые воины не решились идти дальше, но остальные – бросились за ней.

Нала решила, что она отошла достаточно далеко и у неё есть время для прочтения заклинания. Она прошипела слова силы на драконьем языке, прикоснулась кончиком большого пальца к кончику среднего так, чтобы ее рука стала напоминать голову ящера, а затем быстро, подобно атакующей змее, указала на четыре точки на земле.

На каждом месте появилась извивающаяся змея, размерами сравнимая с драконорожденным. Её преследователи остановились и дрожали, пока не осознали, что змеи не могут нанести им реальный вред. Но к тому моменту жрица стояла рядом со Скутосином и готова была атаковать любого, кто осмелится на неё напасть. Но никто так и не осмелился.

* * * * *

Облака укутали Селунэ и звезды. Аот почувствовал в воздухе запах надвигающейся бури.

- *Так и будет*, - сказал Джет, - *и зовут эту бурю Аласклербанбастос*.

- Знаю, - ответил Аот. Сгущающаяся тьма казалась более черной и более грязной, чем можно было объяснить только облаками, а воздух нес с собой намек на гниль и неизбежную молнию. Это было похоже на его старые воспоминания из Тея, когда что-то самое мерзкое и невообразимо сильное отравляло собой природу. - Я просто хочу, чтобы Чазар с этим справился.

На мгновение вернувшись на землю, красный дракон испепелил группу кобольдов. Либо он изо всех сил пытался убедить Великого Костяного Змея в том, что он растратил свою силу, либо, его затуманенное яростью сознание действительно позволило этому случиться.

Так или иначе, но все пошло по плану. На северном краю поля битвы куски тьмы начали сгущаться, образуя единую структуру, будто бы невидимые руки собирали её. И даже Хранители Змей и трескельские вампиры инстинктивно отпрянули.

В мгновение ока темный череп с шипастой мордой появился на сложенных друг на друге позвонках шеи, и костяные крылья растопырились в разные стороны. Внутри тела существа, от ребра к ребру, запрыгали молнии, а в пустых глазницах зажегся призрачный свет. Все тело окрасилось в белый цвет когда изгибы тени превратились в материальную кость.

Аласклербанбастос шагнул вперед. Повсюду закричали чессентцы, а кое-где и трескельцы.

- *Если тебе станет легче, то давай*. – Сказал Джет.

Аот фыркнул. Если он когда-нибудь и кричал, то это было очень-очень давно. Но даже для человека, пережившего самые страшные моменты Войны Зулкиров, Великий Костяной Змей был ужасающим зрелищем. Теперь, когда он оказался рядом с Чазаром, то наёмник видел, что драколич был даже больше живого Бога. И по мере того, как они приближались друг к другу, а воины обеих сторон разбегались в разные стороны, крепчало ощущение, что за всю сегодняшнюю битву важна лишь эта дуэль.

Аот отогнал от себя эту мысль. Какими бы ни были их претензии, ни один дракон не смог бы в одиночку выстоять против целой армии. Вот почему они возглавляли армии. Кроме того, то, что должно было произойти, мало походило на битву титанов, которую уже вообразило сознание воина.

По крайней мере, он на это надеялся надеялся. Джаксанаедегор и его последователи не торопились нанести удар своему хозяину. Аот надеялся, что они просто ждут момента, когда драколичу будет некуда отступить.

На поле битвы было странно тихо, когда драколич и самопровозглашенный бог приблизились друг к другу. Это произошло потому, что многие воины просто стояли и смотрели. Эта тишина позволила Аоту разобрать слова, когда змеи говорили на той же эзотерической форме драконьего языка, которую использовал Джаксанаедегор, когда предстал перед Чазаром. Или, быть может, некая магическая аура заставила голоса надменных драконов заглушить шум битвы.

- Я пользуюсь Пятьсот Пятьдесят Пятым Предписанием, - сказал Аласклербанбастос. – Деремся до смерти, а победитель получит все.

- Так тому и быть, - ответил Чазар. - Я обещаю, что после победы над тобой найду твою филакерию.

- Забирай, если сможешь. - Не откидывая шею назад и не делая ничего другого, что могло бы предупредить о намерениях драколича, Аласклербанбастос просто открыл свою костяную челюсть и выплюнул молнию.

Заряд ослепил Аота, а удар грома заставил его уши заболеть. Атака пронзила Чазара, и заставила его биться в конвульсиях.

Но как только заряд истощился, красный дракон извергнул вспышку пламени. Он расколол несколько голых костей Аласклербанбастоса, и отбросил драколича назад.

Чазар мгновенно вскочил и взмахнул крыльями. Он явно намеревался наброситься на своего врага до того, как Великий Костяной Змей придет в себя.

К сожалению, Аласклербанбастос оказался более устойчивым, чем ожидалось. Он поднял голову, посмотрел на Чазара, и в его глазницах вспыхнуло свечение.

Аот вспомнил, как взгляд драколича парализовал его. Казалось, Чазар просто дернулся на полпути, но, возможно, этого было достаточно, чтобы снизить его ловкость, поскольку Аласклербанбастос увернулся от когтей противника. И когда Герой Войны спустился на землю, драколич встретил его громким и мощным взмахом костяного хвоста.

Удар попал Чазару в голову и отбросил его в сторону. Аласклербанбастос попятился, увеличивая дистанцию между собой и врагом, и прошипел слова силы.

Появилась паутина теней. Она накрыла Чазара подобно сети, и там. Где она касалась его тела, чешуя отслаивалась, а плоть под ней засыхала.

Изо всех сил Чазар постарался вырваться из-под неё, но пока он вертелся и дергался, драколич произнес еще одно заклинание.

Чазар взревел, а затем отчаянно забился, подобно зверю, что борется с сетью, но не понимает, что это такое. Без здравого разума сила не могла ничего сделать, а плоть и чешуя, тем временем, продолжали гнить.

Как и паралич, неистовое замешательство красного дракона длилось всего одно мгновение. Затем он прекратил бесполезную тряску. И в тот же момент Аласклербанбастос выплюнул еще одну молнию.

Чазар застыл, а затем резко упал после того, как молния пропала. Он продолжал бороться с паутиной, но казался ошеломленным и слишком ослабленным, чтобы сторонний наблюдатель мог понадеяться на то, что красный дракон сможет освободиться.

Аласклербанбастос начал читать новое заклинание.

Аот огляделся. Джаксанаедегор и его приспешники были далеко от Великого Костяного Змея. Может, они не ожидали, что драколич одержит верх так быстро и решительно. Аот сам этого не ожидал, но каждый солдат знал, что битва в любой момент может перевернуться с ног на голову. Поединок даже между величайшими воинами мог начинаться и заканчиваться одним ударом.

Во всяком случае, одно было ясно - если Джаксанаедегор еще не собирался атаковать, то он и не сделает этого. Аот подумал, что пришло время подать Братству сигнал об отступлении. Постараться вывести товарищей из боя и из Чессенты, дабы не они не понесли больших потерь.

Но новое поражение лишь больше бы запятнало их репутацию. Возможно, тогда он больше никогда не увидит Церу – Аот мог догадаться, какая участь ожидала жрицу солнца в стране, покоренной нежитью.

В Бездну все. Это было так же безрассудно и глупо, как тогда, в Тэе. А ведь он зарекся больше так не поступать. Но, тем не менее, он поднял своё копье и послал Джета в атаку.

* * * * *

Скутосин изверг поток пара. Баласар задержал дыхание и зажмурился. Его незащищенную кожу жгло, но благодаря мерам предосторожности - или защитному амулету, который по какой-то причине дала ему Бири, симпатичная молодая дикая волшебница – пар не обжег его глаза и легкие.

Его бедной лошади повезло меньше. Он почувствовал, как животное под ним упала. Он открыл глаза, бросил копье, выскочил из седла и приземлился на ноги. Ему сразу же пришлось отпрыгнуть, чтобы спастическими дёргающимися ногами его скакуна не ударили его. Вокруг Баласара лежали или дергались лошади и некоторые наездники. Другие драконорожденные кашляли и терли слезящиеся глаза.

Баласар понял, что ему нужно удерживать внимание Скутосина на себе, пока его товарищи по несчастью не смогут вновь защищаться.

- Эй! Я все еще здесь! - крикнул он монстру. – Ничего не можешь сделать правильно, а?

Скутосин зарычал и набросился на драконорожденного с растопыренными когтями. Баласар уклонился влево, а затем, когда ступня дракона опустилась на землю, он заметил движение боковым зрением. Он повернулся и увидел, что хвост Скутосина летел прямо в него.

Баласар подпрыгнул и скрестил ноги под собой. Он почувствовал ветерок, когда хвост дракона пронесся под ним. Огромный хлыст врезался в бьющуюся в конвульсиях лошадь Баласара, разорвав её на части и размазав конечности по земле.

Когда хвост завершил свой путь по дуге, его встретил Кхорин. Рыкнув, он схватил ургрош как копье и пригвоздил хвост к земле.

Скутосин вырвал конечность, оторвав от оружия острое копья, которое болталось вместе с хвостом.

Вслед за дворфом к дракону бросились копейщики, на многих из которых были отличительные знаки Платиновой Когорты. Они построились и атаковали Скутосина так, как Кхорин и Зверь научили их.

Баласар почувствовал прилив гордости. Скутосин был смертоносен, убивая кого-нибудь каждым своим движением, но, не смотря на это, драконорожденные продолжали атаковать. Они были потомками убийц драконов и горели желанием доказать, что достойны своих предков.

К сожалению, одна лишь доблесть не могла гарантировать победы. Их шансы были бы выше, если бы Медраш все еще был в строю, но что-то - Баласар не видел чего - сбило его брата по клану через мгновение после того, как они бросились в атаку.

Надеясь, что Медраш все еще жив, Баласар обнажил свой меч, поднял потрепанный щит над головой и двинулся на Скутосина.

* * * * *

Аот пробормотал слова силы. Луч солнечного света, который заставил бы Церу гордиться им, вылетел из наконечника копья. Он прошел сквозь череп Аласклербанбастоса и вонзился в его глазницы.

Это была мощная магия. Тем не менее, драколич даже не взглянул вверх, точно так же как и Аот бы не отвлекся на муху, когда намеревался сразиться с врагом. Все еще глядя на Чазара, Великий Костяной Змей продолжал шипеть и рычать собственное заклинание.

Мышцы шеи Аота напряглись от гнева. Он выругался, затем высвободил из копья самое мощное заклинание, усилив его своей собственной энергией, и направил заклинание в виде потока искр на драколича.

Попад в крылья и позвоночник дракона, они быстро взорвались. Каждый взрыв прижимал драколича к земле, будто огромный сапог давил на его спину. Несколько маленьких костей и их кусочков откололось от тела драколича. Он запнулся, прервав чтение заклинания, и Аот почувствовал, как накапливающаяся магическая энергия растаяла в беспомощном шипении.

- *Давайте посмотрим, как ты проигнорируешь это.* - Подумал наемник. Затем Аласклербанбастос поднял голову и раскрыл челюсти.

Джет взмахнул крыльями, и в этот момент мир превратился в набор вспышек и грохота. Аоту потребовалось мгновение, чтобы понять, что молния не попала в них - грифон увернулся.

Аласклербанбастос расправил собственные крылья, хлопнул ими и поднялся в воздух.

- *Держись от него подальше!* - Сказал Аот.

- *Спасибо, что предупредил!* - Рявкнул Джет. Он снова дернулся в сторону, и мимо них с треском пронеслись стрелы из бело-голубого света.

Пока они вертелись из стороны в сторону, Аот швырял в драколича огонь, молнию, кислоту и все остальное, что могло бы навредить ожившему синему дракону. Заклинания почти всегда достигали цели, но ни одно из них не заставило Аласклербанбастоса дрогнуть хотя бы на мгновение.

- *Ему достаточно попасть по мне лишь раз.* - Сказал Джет

- *Я знаю.* - Аот поискал Джаксанаедегора и обнаружил, что тот парил вдали от места битвы. Он посмотрел на Чазара. Красный дракон все еще корчился под паутиной теней.

Удар силы оттолкнул Джета и заставил его кувыркаться в воздухе. Только его пристегнутая сбруя удерживала Аота в седле. На мгновение его разум, связанный с разумом грифона, помутился, но спустя мгновение он услышал знакомый визг, и все пришло в норму. Джет взмахнул крыльями и каким-то образом восстановил равновесие.

Но к тому времени, когда Джет снова взял полет под контроль, Аласклербанбастос набросился на него, готовый схватить и разорвать огромными когтями.

Джет кувыркался из стороны в сторону, пытаясь выбраться из-под драколича. Аласклербанбастос же следовал прямо за ним. Аот выпустил пламя из своего копья. Оно опалило ноги и ребра Костяного Змея и, должно быть, причинило ему какой-то вред, но он все равно продолжал приближаться.

Пока стрела не вонзилась в его правую глазницу.

Аот подозревал, что стрела не навредила Аласклербанбастосу, но, судя по тому, как он дернулся, это, по крайней мере, напугало его. И, вероятно, когда что-то торчало у тебя из глаза, это сильно отвлекало. Так оно и было. Потому что когда Джет снова повернул в сторону, драколич не смог последовать за ним. Грифон мелькнул подобно призраку, и Аласклербанбастос пролетел мимо.

Аот огляделся и не удивился, увидев Гаэдинн, ухмыляющегося ему со спины Эйдер. Хотя Аот и был лидером наездников на грифонах почти сто лет, он встретил всего лишь несколько лучников, которые могли бы выстрелить так.

Он был удивлен, сколько еще наездников на грифонах приближалось к рыжеволосому лучнику, чтобы помочь своему командиру в его самоубийственном начинании.

Их стрелы обрушились на Аласклербанбастоса подобно дождю, и, казалось, были сопоставимы уме по наносимому урону. Драколич покачал головой, открыл пасть и выплюнул стрелу Гаэдинна. Затем он взмахнул крыльями и взлетел выше. Свет в его глазницах загорелся ярче. Молния поползла по его телу, перепрыгивая с одной кости на другую.

Аот поднял копье и пробормотал слова заклинания. Лезвие изумрудного света выскочило из острия оружия и пронзило поднимающегося драколича. Управляя призрачным клинком свободной рукой, Аот хотел быть настолько же точным, как и Гаэдинн, когда рубил в месте соединения левого крыла с остальным телом.

Аласклербанбастос повернул голову, взглянув на меч света. Несомненно, чтобы избавиться от него до того, как он выполнит свою задачу. И тогда Мералейн произнесла заклинание. Ее девичий голос был высоким и хриловатым, но из-за того, что нес в себе заряд темной магии, он казался каким-то холодным и свинцовым, что другой маг мог услышать его даже когда был в небе. Хотя Аот не сводил глаз с Аласклербанбастоса и не мог найти колдунью, он был уверен, что она убедила какого-то всадника взять её с собой.

Ее заклинание заставило драколича колебаться. Лишь на мгновение, но этого было достаточно, чтобы летающий клинок выполнил свою задачу. Крыло откололось от тела, и дракон начал падать...

... а затем остановился.

Потому что, как понял Аот, Аласклербанбастос летал, в первую очередь, с помощью магии. Так как все тело удерживалось ей, то и крыло перестало кувыркаться и полетело вверх.

Да как же заставить это ужасное существо пасть?! В отчаянии Аот выкрикнул заклинание, предназначенное для уничтожения чар. Он не знал, сработает ли оно, но это была его единственная идея. Мералейн присоединилась, усиливая магию Аота своей собственной.

Аласклербанбастос снова начал падать и в этот раз рухнул на землю.

Аот просил Косу, чтобы драколич разлетелся на части от удара, но Повелитель Пламени, очевидно, не услышал его. Хотя Аласклербанбастос и ударился достаточно сильно, чтобы некоторые его кости сломались и отлетели в сторону, повреждения казались поверхностными. Но хуже было то, что из-за какой-то враждебной

способности или заклинания он тут же начал восстанавливаться. Кусочки кости, включая отрубленное крыло, полетели по воздуху и присоединились к его телу.

- *Будь ты проклят!* - Подумал Аот. Существо казалось таким же непобедимым, как и сам Сзасс Тэм.

Аласклербанбастос согнул ноги и расправил крылья. Затем его голова резко повернулась, к вспышке, появившейся в стороне.

Джесри лежала на земле рядом с Чазаром, изливая пламя из своего посоха и сжигая паутину тьмы. А может быть, оно и восстанавливало его силы, как это было в Шадоуфэлле.

Аласклербанбастос сделал первый шаг в ее направлении. Джет сложил крылья и нырнул на драколича. Аот метал стрелы алого света, пронзающие хребет дракона, но они не смогли отвлечь его от намеченной цели.

Подпрыгнув, Шрам бросился на Аласклербанбастоса, скрежеща клювом по его костям.

Эйдер опустилась на драколича и начала рвать его когтями. Аласклербанбастос встряхнулся, как мокрая собака, и заставил грифона и его всадника упасть вниз.

Оракс метнул свои собственные стрелы света. Из темноты показались Шала и Хасос, которые с копьями помчались на лича. Вслед за ними на поле ворвались солдаты, начавшие колоть нежить копьями и рубить топорами.

Все еще сосредоточенный на Чазаре и Джесри, Аласклербанбастос не столько сражался с другими противниками, которые пытались преградить ему путь, сколько просто пробирался сквозь них. К сожалению, он делал это почти так же легко, как Аот мог пройти по лужам. Тем временем Джесри стояла на своем и продолжала изливать огонь. Она явно хотела освободить Чазара или умереть пытаясь.

- *Приземлись на него*, - сказал Аот. - *Именно туда, где на него напала Эйдер.*

- *Хорошо*, сказал Джет, - *но я не обещаю, что смогу удержаться.*

- *Ты не обязан. Просто принеси меня туда.* - Аот приказал страхующим ремням расстегнуться ремни, и они это сделали. Он выпустил каждое защитное заклинание из всех его татуировок.

Затем Джет спикировал. Аот спрыгнул со спины грифона, схватился за кусок кости и крикнул:

- *Уходи!*

С неохотой, охватившей их психическую связь, грифон взмахнул крыльями и снова взлетел. Аот занес копьё и с необузданной силой нанес удар по тому участку ребра, который, как он надеялся, ослабил грифон Гаэдинна.

Кусочки двух соседних ребер треснули и отломились. Аот втиснул ноги в образовавшуюся щель. Она была очень узкой, а зазубренный кончик кости поцарапал его щеку. Но затем, освободив заклинание другой татуировки, которое смягчило бы его падение, он прыгнул внутрь.

Туда, где, как он обнаружил, невозможно стоять – лич постоянно двигался, а нижняя часть его туловища напоминала пол без досок.

Маленькие молнии, скачущие по всему телу, пытались ужалить наёмника, и лишь защитные заклинания спасали его от смертоносного разряда электричества.

Чтобы удержать равновесие, он схватился за ребро, после чего высвободил энергию, оставшуюся в копье, и нанес удар по изгибам костей вокруг себя. Если

Тимора улыбнется, может быть, Аласклербанбастос не сможет игнорировать это нападение изнутри так же, как стрелу Гаэдинна в глазу.

Поначалу ничего не произошло, но затем драколич развернулся, подобно собаке, бегающей за своим хвостом. Наклонив голову на длинной шее назад, он пристально посмотрел на вредителя, залезшего внутрь него.

- Не в этот раз. - Сказал Аот. Он удостоверился, что не встретился со взглядом Костяного Змея. И пожалел, что у этого существа не было сотни других способов напасть на него.

Бесплотные челюсти Аласклербанбастоса раскрылись. Аот выкрикнул заклинание защиты, и мир вспыхнул белым светом.

* * * * *

Зрение Медраша прояснилось, как и его мысли. Он мог видеть и понимать, что происходило вокруг, и это был ад. Сейчас Медраш был нужен своим друзьям.

Размахивая своим ургрошем с отломанным наконечником, Кхорин сражался лучше любого воина, которого когда-либо видел Медраш. Баласар, ухмыляющийся и насмехающийся над врагом, был так же великолепен, когда выжидал атаки врага и в последний момент наносил контрудар. И у них была постоянна поддержка – драконорожденные продолжали стекаться в центр Эшхолда, а Защитники Копья кружили над площадью, забрасывая Окутанная магическим щитом, Бири кидала ледяные волны из палочки из розового кварца.

И все же инстинкты Медраша подсказывали ему, что этого будет недостаточно. На теле Скутосина было множество порезов и синяков, но это никак не останавливало его. Казалось, каждым взмахом хвоста, рывком когтей или щелчком челюстей он кого-нибудь да убивал, а если ему удавалось выпустить изо рта ядовитый пар, то замертво падало сразу несколько драконорожденных. Лишь усугубило сражение то, что некоторые шаманы пришли в себя и вместе с прибывшими гигантами вступили в бой.

Медраш воззвал к Торму. Как и в прошлый раз, ему не удалось установить контакт. Несмотря на то, что он чувствовал, что его мысли прояснились, его травма, казалось, каким-то образом мешала ему использовать Силу и парализовала его тела.

Ему пришло в голову, что он, наверное, умирает. При других обстоятельствах это не испугало бы его, но сейчас это было сравнимо с провалом. Будто бы он бросал Баласара и остальных.

Он безуспешно искал ответов в пустоте. Затем, над ним склонилась знакомая фигура:

- Петрин? – Прохрипел он.

Глаза гостя расширились от удивления, и Медраш понял, что ошибся. Этот парень был моложе и тоньше, чем паладин Бахамута, а его шкура была коричнево-охристая, а не малиновая. Медраш решил, что его смутила пурпурно-платиновая туника и тени, окутавшие его.

- Я... я не он. - Сказал воин.

- Теперь вижу, - сказал Медраш. – Иди. Дерись. Не беспокойся обо мне.

- Я не он, - повторил юноша, - но ветер говорил со мной. Мой Бог сказал, что я нужен здесь. Что я должен исцелить вас. Но я не знаю как.

Даже со своим поломанным и бесполезным телом, Медраш почувствовал укол отвращения при мысли о принятии любого дара от Бога-дракона. Но паладин был в отчаянии, поэтому решил не обращать на это внимания.

- Положи руки мне на плечи, - сказал он. - Теперь дотянись до Бахамута своим разумом. Тебе просто нужно сконцентрироваться и поверить, что Сила придет. И будь готов. Иногда...

Только что помазанный паладин вскрикнул. Холодная жгучая Сила вырвалась из его рук и хлынула через Медраша, обостряя его мысли и смывая трупные отеки с его конечностей. Исцеление принесло своеобразную боль, потому что оно не до конца устранило все порезы и синяки, но он так обрадовался хоть каким-то ощущениям, что и неприятные доставили ему радость.

Глаза драконопоклонника закатились. Он упал набок.

Медраш сел и поймал потерявшего сознание юношу и осторожно положил его на землю. Он хотел бы оставить его в более безопасном месте, но на это не было времени, пока Скутосин каждую секунду убивал драконорожденных. Кроме того, нигде в Эшхолде не было по-настоящему безопасного места, и не будет, пока битва не закончится победой Тимантера.

Медраш встал и нашел свой упавший меч, после чего постарался определить – сколько еще Силы у него осталось. К его удивлению, её было много. Бахамут оставил ему несколько волдырей и царапин, но, очевидно, обновил его паладинские силы.

Перед Скутосином лежал даардендриенский воин со сломанной ногой. Дракон раскрыл челюсти и медленно опустил голову к воину.

Медраш крикнул:

- Торм!

И мир на мгновение затуманился, когда он поменялся местами со своим раненым родичем.

Шагнув в сторону, он ударил дракона по щеке, когда его голова опустилась вниз. Он не задел желтый глаз с узким зрачком, но лезвие рассекло чешуйчатую кожу под ним.

Скутосин высоко поднял голову, почти вырвав меч из хватки Медраша. Но паладин крепко держал рукоять меча, и вслед за клинком из раны упала капля крови.

Скутосин посмотрел на него сверху вниз, и духовное уродство, сделавшее его глубоко, хотя и неопределенно отвратительным, казалось, сконцентрировалось в этом взгляде. Возможно, он должен был заставить Медраша отвести взгляд или вызвать тошноту, но этого не произошло. Это только придало паладину еще большую решимость уничтожить угрозу своему народу раз и навсегда.

- Меня не волнует, сколько у вас маленьких Богов, поддерживающих вас! - прорычал дракон. - Моя госпожа - единственная, кто имеет значение!

- Докажи это. - Сказал Медраш. Он поднял свой меч, от лезвия которого исходил бледный белый свет. Скутосин отпрянул. Медраш бросился вперед, чтобы нанести удар, пока змей был ослеплен. Другие воины сделали то же самое.

* * * * *

У Аота были татуировки, заклинания в которых заглушали боль и предотвращали шок. Чтобы он не спал и оставался активным даже после ранения. Растянувшись внутри грудной клетки Аласклербанбастоса, он высвободил их силу.

И это было все, что он сделал. Наёмник не знал, насколько сильно он пострадал - он подозревал, что сильно - но был уверен, что не выдержит еще одного потока дыхания драколича. Его единственной надеждой было лежать неподвижно и убедить Аласклербанбастоса, что он уже мертв.

- *Просто отвернись*, - подумал он, глядя на Великого Костяного Змея прищуренными глазами. - *Десятки людей пытаются убить тебя. Посмотри на них.*

Голова Аласклербанбастоса повернулась в другую сторону в тот момент, когда Чазар налетел на драколича.

* * * * *

Нала пыталась избежать столкновения, крадась по краю поля битвы. Это было не так уж сложно, когда её собратья-драконорожденные, которые и так не обращали на неё внимания, сражались со Скутосином и гигантами. Это было ей на руку, так как она торопилась.

Хотя это и казалось невозможным, ей показалось, что бой шел не в пользу её повелителя. Конечно, он мог в любой момент взмахнуть крыльями и улететь, но волшебники драконорожденных, распевая в унисон, создали сеть из голубого света, которая покрыла центр Эшхолда, подобно крышке от подноса.

Хорошо, что этот барьер не подпускал к Скутосину Защитников Копья, но, по мнению Нала, главная проблема была не в них, ни в волшебниках, несмотря на всю их мощь, и ни в обычных воинах, которые продолжали нападать и отходить с завидным упрямством. Проблема была в Медраше. Паладин был подобен древним повстанцам из богохульных легенд, которые убивали драконов.

Нале нужно было атаковать и убить его, и тогда Скутосин точно вознаградит её.

Она могла поразить Медраша Пятью Дыханиями. Он не переживет этого. Её просто нужно было приблизиться к нему, но из-за суматохи битвы и солдат, бегающих и толкающихся, это было не так то просто сделать.

И все же она, наконец, смогла подобраться к нему. Ей не нужны были регалии Хранителя Змей, но они бы усилили её Силу, так что жрица могла лишь с сожалением поднять свой посох из черного дерева, сосредоточиться и выдохнуть.

Затем она почувствовала толчок в спину. Она опустила взгляд и увидела, как из её груди выступает клинок длиною в палец.

Меч дернулся назад и исчезла. Жрица упала на колени, а ухмыляющийся Баласар встал перед ней.

- Мои чувства задеты, - сказал он. - Почему ты посчитала, что Медраша надо убить раньше меня? Я умнее. Это я обманом заставил тебя впустить меня в свой грязный культ, не так ли? И это я заметил, как ты крадешься, и сам подкрался к тебе.

Она изо всех сил пыталась выдохнуть оскорбление, но не смогла.

- Ну что ж, - продолжил он, - я прощаю тебе оскорбление моей гордости. А теперь, как бы мне ни хотелось остаться и поболтать с такой милой дамой, но у меня есть дракон, которого нужно зарезать.

Да, подумала она, уходи. Она найдет в себе силы исцелить себя. Она поднимется, как и Медраш. А когда она это сделает и паладин, и его родич, и весь Тимантер пожалеет об этом!

Затем Баласар направил острие меча на её сердце, и Нала поняла, что он не собирался оставлять ее в живых.

* * * * *

За свои сто прожитых лет Аот побывал во многих странных и опасных местах, но немногие из них были более странными и опасными, чем тело одного дракона, когда тот сражался с другим.

Царапаясь, кусая, размахивая когтями и хлеща хвостами, два дракона вертелись в воздухе. Их рычание, бормотание, удары и рвущие звуки во время их атак были оглушительными.

Раньше Аоту было трудно удержаться на ногах. Теперь же это стало невозможно. Он подпрыгивал, как горох в бочке, падающей с холма.

Шум и толчки почти не давали ему думать. Тем не менее, он понимал, что на данный момент наибольшую опасность для него представляет Чазар. Части ребер Аласклербанбастоса, уже поврежденные усилиями Эйдер, Джета и Аота, к этому моменту начали трескаться и рассыпаться. Если красный дракон пробьет их, удар может убить и Аота. А если Чазар вновь выдохнет огонь, то зажарит его как птичку в клетку.

Он должен был выбраться. Он оглянулся и увидел, что один из ударов Чазара сломал еще одну кость и немного расширил брешь, через которую он залез. Еще одна крохотная удача.

Чтобы дотянуться до дыры, ему потребовались бы обе руки. С уколом сожаления он выпустил копье, схватился ребра и начал карабкаться наверх, переставляя ноги и руки в зависимости от направления движения Аласклербанбастоса. Молния, пробегающая по костям, ударила Аота в плечо. Его зубы сжались, а мускулы напряглись, пока вспышка боли не ушла.

Достигнув дыры, он должен был оценить скорость и направление движения кувыркающихся драконов и надеяться, что они не изменятся. Если он вылезет в неподходящий момент, то Чазар просто раздавит его.

Наёмник выждал лучший момент, вылез в дыру и прыгнул. Он тяжело приземлился на землю. Крылья – одни голые, а другие обтянутые малиновой шкурой – бились о землю, а хвосты рассекали воздух. Повсюду что-то двигалось, и Аот не был уверен, что сейчас его что-нибудь не ударит, но ничего не произошло и драконы покатались дальше.

Наёмник побежал, как и все остальные, чтобы отбежать как можно дальше от сражающихся титанов. Джет приземлился прямо перед ним.

- Садись! - прохрипел грифон. - *Яотнесу тебя к целителю.*

Внезапно почувствовав слабость и головокружение, Аот вскарабкался в седло. Ремни сами собой застегнулись.

- *Пока нет. Нужно посмотреть, что будет дальше.*

- *Тебе нужно-*

- Я сказал, я буду смотреть.

Джет раздраженно взвизгнул, взмахнул крыльями и поднял своего хозяина ввысь.

Как только он это сделал, Чазар сломал еще несколько ребер Аласклербанбастоса, поставил на него лапу и нанес удар – и все это одним движением. Клыки красного дракона сомкнулись на шее драколича, рядом с его головой.

Аот ухмыльнулся. Хитрая тактика – такой захват не позволял Аласклербанбастосу пользоваться своими клыками или дыханием.

Пламя мелькнуло между его клыками, и Чазар еще сильнее сжал челюсти. Аот видел, как это усилие проявляется в каждой мышце по всей длине тела Героя Войны. Вот-вот его зубы столкнутся, и голова Аласклербанбастоса отвалится от тела.

Но драколич проревел слова заклинания. Несколько магических щупалец выскочили из пустоты над Чазаром и вонзились в его тело. Магия представляла собой тень, но она трещала, изгибалась и пахла молнией.

Чазар вырвался из-под явно мучительного воздействия, но для этого ему пришлось отпустить Аласклербанбастоса. Череп драколича свисал с его шеи, как сломанный кончик мертвой ветки. Но она все еще держалась, а после серии небольших рывков начала возвращаться на место, и даже осколки костей поднялись над землей, чтобы прикрепиться к опаленному и поломанному позвоночнику.

Затем, наконец, Джаксанаедегор рухнул на спину своего хозяина. За ним последовал еще один зеленый дракон, а за ним и красный. Чазар бросился к ним.

Четыре дракона напали на драколича, как стая голодных волков, нападающих на оленя. Аласклербанбастос выплюнул остатки электричества, а затем с диким рёвом и изо всех сил начал вертеться и махать когтями. Этого было недостаточно. Постепенно его враги разломали и разорвали его на кучу костей, которая даже при помощи магии не смогла бы собраться в единое целое.

Аот наслаждался каждым мгновением этой битвы.

* * * * *

Скутосин сказал себе, что он не устает и не слабеет из-за потери крови. В своей прошлой жизни он был Избранным Тиамат и все еще оставался древним драконом. Никакая суестьющаяся орда драконорожденных не могла его победить.

Хотя, надо признать, что это был не просто драконорожденный. Действуя через своего защитника, Торм сам стремился убить Скутосина. Но это тоже не имело значения. Потому что, несмотря на его паладинские силы, Даардендриен Медраш был таким же крошечным и хрупким, как и все остальные его сородичи. Скутосину нужно было всего один раз попасть клыками или когтями, чтобы разорвать эту букашку на куски.

С этой целью он нанес удар передней частью стопы. Медраш отпрыгнул. Судя по всему, он устал, так как отпрыгнул недостаточно далеко. Кончик когтя Скутосина задел потрепанный щит паладина, застряв в нём. Когда дракон вырвал свой коготь из щита, разломав его верхнюю половину, Медраш потерял равновесие.

Скутосин атаковал подобно змее.

Кхорин, передвигаясь быстрее, чем может такое приземистое существо, врезался в Медраша и оттолкнул его в сторону, и сам оказался на пути разинутой пасти дракона. Что ж, тоже хорошо.

Вот только в последний момент дворф отпрыгнул в сторону, и челюсти дракона сомкнулись друг с другом. А затем что-то ударило его.

Или врезалось в него. Когда Скутосин рефлекторно высоко поднял голову, он понял, что Скулдарк ударил его ургрошем. Лезвие топора глубоко вонзилось в плоть, а возможно даже и в кость под неё, что и вызвало болезненную пульсацию. Скутосин зарычал.

Что-то еще зарычало в ответ рядом с его ухом. Или, возможно, это был запыхавшийся, но дикий смех. Свисая, Скулдарк все еще цеплялся за рукоять оружия. Либо он был слишком удивлен, чтобы отпустить его, когда Скутосин поднял голову, либо он просто решил не делать этого.

Удерживаясь одной рукой за топор, другой он вытащил кинжал и вытянул руку до предела, пытаясь попасть в глаза Скутосину. Не в силах дотянуться до него, он воткнул кинжал в кожу под глазом.

В ярости Скутосин поднял когти, чтобы вырвать и отбросить дворфа и его оружие. Но тут его ослепил белый свет, когда Медраш, воспользовавшись моментом, воззвал к божественной Силе и порезал основание шеи дракона.

Баласар бросился к своему брату по клану и нанес удар своим мечом. Тархан – появление которого Скутосин даже не заметил – взмахнул окровавленным двуручным мечом и оставил длинную рану на шее дракона. Копейщики кололи, а волшебники метали яркие, трещащие молнии и огонь.

Скутосин упал набок. Это было невозможно, но это произошло.

Он изо всех сил пытался снова встать, но мог лишь биться и корчиться. Когда все вокруг потемнело, а тело онемело, даже эти бесполезные судороги утихли.

Он надеялся, что, когда его голова ударилась о землю, она раздавила дворфа. Или то он сам раздавил его во время своей предсмертной агонии. Но затем он увидел Кхорина, сидящего в нескольких ярдах от него - в синяках и крови, но живого. Он наблюдал за драконом, чтобы убедиться, что все кончено.

После тщетной попытки выплюнуть яд в сторону дворфа, Скутосин решил, что это действительно так. Он смотрел, как никчемные гиганты убегают в ночь, слышал, как драконорожденные радостно кричали, и больше ничего.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

7-14 Флэймрул, Год Извечного (1479 по ЛД)

Кассар Джеда был худощавым седеющим мужчиной средних лет. Но выглядел он старше. Ожоги, царапины и синяки Аота, опирающегося на свое копье, которое он, к своему удивлению, нашел невредимым среди разбросанных и разломанных костей

Аласклербанбастоса, болели, несмотря все на молитвы, мази и эликсиры целителей. Он задавался вопросом – выглядел ли номинальный монарх Трескеля десятью днями ранее таким же пожилым, или он постарел ожидании того, что вот-вот должно было произойти.

Кассар преклонившийся перед Чазаром, снял с головы простой золотой обруч, который служил короной, и положил его к ногам красного дракона.

- Я отказываюсь от своей королевской власти, - сказал он напряженным баритоном. – И подчиняюсь воле Вашего Величества.

Чазар позволил ему стоять на колене в тишине еще мгновение. Затем он наклонился, поднял обруч и протянул его Кассару.

- Оставь себе. - Сказал он.

Кассар моргнул.

- Ваше Величество?

Улыбаясь своей широкой белозубой улыбкой, Чазар встал со своего складного походного стула, поднял трескельца на ноги и вложил обруч в руку Кассара.

- Оставь его себе, - повторил он. - Мне не нужно объявлять себя королем Трескеля, пока человек, имеющий этот титул, признает себя моим вассалом. Потому что я Герой Войны и живой Бог, а это ставит меня выше любого короля. Ты согласен?

- Конечно, Ваше Величество! - Протараторил Кассар.

- Некоторые скажут, - продолжил Чазар, - что, поскольку ты подняли оружие на своего законного сеньора, то ты недостойн своего титула и владений. Но я знаю, что Аласклербанбастос не оставил тебе выбора, как и никому из Трескеля. Так что я никого из вас не накажу. Сохрани свою жизнь и свободу, свою монету и свои земли. Просто услышь моё повеление – все чессентцы, независимо от того, родились они на юге или на севере, будут жить все вместе как один народ.

Солнечный свет блеснул на их шлемах и кольчугах, когда люди начали аплодировать. Аот решил, что это было вполне естественно, что побежденные войска трескельцев проявили наибольший энтузиазм. Но в целом, даже победоносные чессентцы, кажется, поддержали решение красного дракона проявить милосердие. И это был умный ход, если Герой Войны хотел впоследствии править единым королевством.

Гаэдинн наклонился в сторону, поднял руку и пробормотал:

- Думаю, нас не выгонят из Мордулкина и Мурктара.

- Тогда Чазару придется копнуть поглубже в своей сокровищнице, чтобы заплатить нам. - Ответил Аот. Косут видит, они этого заслужили.

Красный дракон позволил собравшимся воинам некоторое время стучать оружием по щитам, а затем поднял руку. Постепенно толпа стихла.

- В грядущие дни нам понадобится и единство, и мужество, - сказал Чазар. - Хотя Чессента больше не находится в состоянии войны с собой, у нее все еще есть соседи, что желают ее уничтожить. Те из вас, кто родом с юга, знают, о ком я говорю - о драконорожденных Тимантера, который грабят наши корабли, наши берега и убивают наших соседей в Лутчеке.

- *Какого...?* - подумал Аот. – *В имя Абисса, что?* – Задумавшись – не ослышался ли он, наёмник повернулся к Гаэдинну. Эльф выглядел таким же ошеломленным, как и Аот.

- Я знаю, - продолжил Чазар, - что мы потеряли много хороших воинов, сражаясь между собой, но драконорожденные совершили преступления не только против нас, но и против Аканула. Послы королевы Аратаны заверили меня...

- Зан-акар Зераез. - Прошептал Газдинн.

- ... что дженази помогут нам в наших начинаниях. Мы сокрушим эту угрозу и разорим Тимантер, чтобы наказать их за предательство. После чего я обещаю справедливо разделить добычу. К концу лета никто больше не назовет Трескель страной нищих!

В этот раз аплодисменты были еще громче.

* * * * *

Медраш и Баласар мчались на открытую площадь в центре Джерад-Тимара. Кхорин, пытаясь догнать их верхом на своей летучей мыши, почувствовал укол обиды, когда подумал, что они хотят выйти на неё без него.

Они и хотели. Оба воина летели по традиционному пути Защитников Копья – через промежутки в крайнем ряду колонн Рыночного этажа. Тогда Кхорин и понял, что Баласар был прав - если всадник маневрировал должным образом – если вовремя уклоняться и облетать колонны, киоски и драконорожденных, то можно вполне свободно перемещаться по этажу.

Некоторые из драконорожденных рефлексивно уворачиваясь, ругаясь и грозя наездникам кулаками, но большинство из них просто показывали свои клыкастые ухмылки и смотрели, подбадривая Кхорина или выкрикивая вслед отстающему дворфу добродушные насмешки.

Дворф был полон решимости догнать Баласара и Медраша. Он был напряжен. Но, все же, улыбался.

Он ворвался в серебристый свет Селунэ. Он огляделся и выругался. Драконорожденные были уже на полпути к вершине усеченной пирамиды, которая и была городом-бастионом.

К тому времени, как Кхорин пролетел через одну из прямоугольных отверстий в пирамиде, его друзья уже приземлились на одной из платформ. Когда Кхорин приземлил свою летучую мышь, Баласар сказал:

- Ты видел? Я выиграл. Как обычно.

- А я занял третье место, - сказал дворф. – Тоже как обычно.

- Но теперь ты летел лучше, - сказал Медраш. – И твоя летучая мышь теперь доверяет тебе. - Он выскочил из седла и почесал летучей мыши под шеей. Животное запрокинуло голову с курносой мордой назад, облегчая доступ к мягкому месту.

Кхорин вздохнул.

- В таком случае, полагаю, мне пора уходить.

Теперь он летал. Тархан подарил дворфу свою летучую мышь. Насколько он понял, никогда из иноземцев не удостоивался такой чести.

- Я бы хотел, чтобы ты этого не делал, - сказал Медраш. - Мы победили пепельных гигантов, но при этом понесли большие потери. Нам нужна помощь, чтобы восстановить армию.

- В противном случае, - сказал Баласар, бросая поводья своей летучей мыши оруженосцу, который ожидал, когда ему их передадут, - они заставят меня заниматься этим. Покоритель угрожает приказать нам перейти на службу к Защитникам Копья. Это что, такая награда за мою доблесть?

Кхорин усмехнулся.

- Мир полон несправедливости.

- Если ты не останешься, - сказал Медраш, - то куда пойдешь? В Восточный Каньон?

Кхорин вздохнул.

- Нет. Наши дела заняли слишком много времени. Я ни минуты не жалею об этом, но и не могу больше задерживаться. Только не тогда, когда я понятия не имею о том, как там продвигаются дела у Братства в войне с Трескелем.

Пытаясь избежать приливу меланхолии, внезапно угрожающему овладеть им, он выдал из себя ухмылку.

- Кроме того, я не могу вернуться домой, в королевство дворфов, пока моя борода в таком вот состоянии.

- Передайте Аоту, Джесри и Гаэдинну наш привет, - сказал Медраш, - и отправляйтесь в путь с благословением Торма. - Он поднял руку, и его стальная перчатка засверкала.

Кхорин почувствовал прилив тепла.

- Спасибо, - сказал он, а затем перевел взгляд на Баласара. - Остерегайся чувств Бири. Она молода и хочет большего, чем просто веселье.

- И верно, - сказал Медраш. - Но она была бы хорошей женой для известного воина из известного клана. Да и старейшины поговаривают, что Баласару пора остепениться.

Баласар уставился на Медраша, не найдя подходящих слов.

Кхорин засмеялся, дернул поводья, повернув летучую мышь, и постучал пятками по её бокам. Животное спрыгнуло с края платформы, на мгновение нырнуло вниз, а затем расправило крылья. Дворф снова улетел в нежную летнюю ночь.

* * * * *

Прижавшись обнаженным телом к Аоту, Цера посмотрела на татуированное лицо своего возлюбленного, отметила его задумчивый хмурый взгляд и вздохнула.

Амаунатор ответил на ее молитвы, вернув его с войны живым и здоровым, не считая нескольких почти исцеленных ожогов и царапин. Они отпраздновали это событие вместе с Джетом в одном из ее любимых мест - прохладный чистый пруд, где на окружающих склонах росли ивы и пурпурные и желтые полевые цветы. Затем грифон отправился на охоту, а два человека, купающихся в пруду, начали заниматься любовью, закончив на мягком, густом мхе на берегу.

Это должен был быть идеальный момент. Только вот Аот явно задумался. Опять.

Что ж, она предположила, что кроме безупречного порядка Амаунатора, ничто не могло быть по-настоящему совершенным. Но это не было поводом не отчитать его. Обрадовавшись, что он не сбрил все волосы, она переплела пальцы в самой густой поросли волос и потянула назад.

- Ой! – сказал он. – Зачем?

- Как обычно, - сказала она. - Я только что поделилась с тобой своими женскими ценностями. Ты должен быть безумно счастлив.

Он вздохнул.

- Я знаю, что должен. В смысле, я счастлив! Мне очень приятно быть с тобой! Это я к тому, что я знаю, что должен быть счастлив.

- Опять треплешься. – Сказала она.

Он улыбнулся.

- Да? Хорошо, постараюсь говорить понятнее. Меня не должно волновать то, что Чазар лжет, чтобы оправдать несправедливую войну. Братство умерло бы от голода, если бы мы сражались только за благородные цели. Мне должно быть все равно и на то, что мне нравятся Баласар и Медраш. Каждый наемник знает, что время от времени он смотрит на поле битвы и видит друзей, стоящих по другую его сторону. Все, что должно иметь значение – это то, что у нашего работодателя новая цель, а наша победа принесет нам много золота.

- Но тебе не все равно. - Сказала Сера.

- Как и тебе, - сказал Аот. - Потому что мы до сих пор не знаем, как все загадки складываются вместе, не так ли? Хранители Змей, маскирующие абишаев под драконорожденных. Игры и Предписания. Что все это на самом деле значит? Клянусь Черным Пламенем, слежка за Чазаром и Джаксанаедегором заставила меня почувствовать себя еще более запутанным, чем прежде.

- Ты придумал, как с этим разобраться?

Аот хмыкнул.

- Может быть. Если я хочу совершить измену, то мне нужно быть уверенным, что мои друзья и Братство последует за мной. Газдинн точно последует. Он ненавидит Чазара. Но Джесри... До сих пор она делала все, что я от нее просил. Но это...

- Она поможет тебе. - Сказала Цера.

- Ты говоришь слишком уверенно для той, кто почти её не знает.

- Жрицы учатся читать людей и узнавать, как они связаны друг с другом. Ты как отец для Джесри, понимаешь ты это или нет. Газдинн - тот мужчина, которого она выбрала бы, если бы она захотела. Братство - это ее семья и ее дом. Я признаю, что Чазар изрядно соблазнил её, смазав целебным бальзамом душевные раны Джесри, но теперь она знает, насколько он жесток и безумен.

- Я надеюсь на это. Если ты ошибаешься, то я узнаю об этом, когда люди Чазара придут арестовать меня.

- Этого не произойдет. Теперь, когда Патриарх поручил мне разгадать эту загадку, тебе лучше позволить сделать это мне, если действительно хочешь её помощи.

Аот нахмурился.

- Да уж. То, что разгадать загадку, возможно, означает изменить Чазару, уже не кажется самым плохим из ожидающих нас последствий.

- Я все равно сделаю это.

- Ничего не обещаю, пока я не скажу тебе, в чем дело.

* * * * *

Чазар встал перед зеркалом в полный рост, проверяя линии своего алого дублета с золотой отделкой. Он предположил, что если кто-то из его собратьев-Богов и наблюдал за ним, то их это позабавило. Ибо как божество могло показаться смертным глазам как-то иначе, кроме как великолепно? А даже если бы это и было возможно, то забота о таком ниже его достоинства.

Но Чазар обнаружил, что его судьба связана с судьбой Джесри Колдкрик, и он хотел соединить её с собой узами благодарности и привязанности. Тем не менее, несмотря на все благосклонность, которую он ей оказывал, она часто казалась угрюмой и отчужденной.

Но, возможно, лед начал таять, потому что, для разнообразия, теперь не только он предлагал проводить время вместе. Она сама предложила вместе поужинать, и Чазар должен был быть самым очаровательным мужчиной, которого только может пожелать любая дама.

Кто-то постучал в дверь.

- Да - Сказал Чазар.

- Леди Джесри здесь. - Ответил слуга.

Она и ждала его в королевских покоях, откуда открывался великолепный вид на крыши Лутчека и малиновый закат. Она выглядела привлекательно неловкой в этом длинном строгом платье медового цвета, а ее светлые волосы были искусно заплетены в косы.

Они обменялись приветствиями, а затем дракон оказал ей честь, налив для неё кубок терпкого белого вина. Осторожно, чтобы их пальцы не соприкоснулись, он вложил его ей в руку. Она отпила глоток и слабо улыбнулась.

- Иди, скажи спокойной ночи моему младшему брату Амаунатору, - он жестом указал ей на одно из двух кожаных кресел, стоящих перед открытым окном. - И как только мы увидим, как его сменит вечер, ты сможешь рассказать мне о своём дне.

Джесри заколебалась.

- Он был приятным.

Чазар посмотрел на нее с притворной строгостью.

- Глупо лгать Богу.

- Но это действительно так. Просто я все время думаю о Шраме.

- Он был храбрым и верным существом и отдал свою жизнь, чтобы держать тебя подальше от Аласклербанбастоса.

- Я знаю.

- Но каким бы верным он ни был, я найду тебе летающее животное, которое будет еще лучше.

- Это... очень великодушно, Ваше Величество. Но вам не о чем беспокоиться. Как бы ни опечалила меня смерть Шрама, я думаю, что это была своего рода...точка. Знак того, что моё время с братством закончено, и я должна остаться здесь, чтобы служить вам.

Чазар улыбнулся.

- Это то, о чем я тебе и говорил.

Девушка смотрела прямо. У Чазара было ощущение, что это было не только потому, что она наслаждалась закатом. Джесри не решалась встретиться с ним взглядом. Через некоторое время она сказала:

- Я тоже думала, что могу найти... облегчение, если останусь здесь.

- Все, что я смогу дать тебе – ты получишь.

- Вы уже многое дали мне. Вы, наверное, видите, как я несчастна, и думаете, что я ужасно неблагодарна. Но... клянусь звездой, я ненавижу говорить об этом! ... Но вы же знаете, как я ненавижу, когда ко мне прикасаются. Но знаете ли вы, что я ненавижу себя за эту свою фобию? Что я бы отдал все, чтобы не быть такой странной? Чтобы разделить те же простые удобства и удовольствия, которыми наслаждаются все остальные?

- Да, - сказал Чазар, - знаю. - Поскольку он обладал проницательностью божества, то, должно быть, уже осознал это, не так ли?

- И вот мне пришло в голову...в смысле, вы Бог, и прикосновения к вам не шокируют меня. Я спокойно могу прикасаться к вам, когда вы в форме дракона. Вот я и подумала...

- Что я смогу помочь тебе преодолеть твой страх?

Она по-прежнему не смотрела на него.

- Может быть. Или, если я никогда не научусь терпеть прикосновения обычных людей, время от времени, возможно, вы будете снисходительны...

Ему пришлось сдерживать ухмылку, которая иначе могла бы напугать ее. Это был тот самый способ привязать её к себе, как он делал это с множеством женщин в прошлом. И теперь, когда он понял, что это возможно, ее суровая смуглая красота захватила его и заставила его рот нагреться.

Ему просто нужно было действовать мягко и терпеливо. И пока что ни за что не упоминать тот конец, к которому они придут.

- Снисходительность, - сказал он, - неправильное слово. Мне будет приятно помочь тебе, - он протянул руку. - Начнем?

Джесри вздрогнула.

- Прямо сейчас?

- Почему нет? Первое блюдо еще не готово. Просто положи свою руку на мою так, как тебе захочется. Даже если только пальцами.

Она глубоко вздохнула и медленно сделала так, как он ей велел. Кончики ее пальцев были грубыми и мозолистыми.

Через мгновение ее рука начала дрожать.

- Ты можешь убрать её сразу же, как захочешь.

- Нет, - сказала она напряженным голосом. - Но говорите со мной. Отвлеките меня.

- Конечно. О чем будем говорить?

- О чем угодно! Расскажите мне, зачем мы сражались на севере. Расскажите мне об Аласклербанбастосе.

* * * * *

К тому времени, как Джесри добрался до своих апартаментов, ее внутренности скрутило. Но она еще не могла этого показать. Придворная жизнь все еще казалась ей странной, но она точно знала, что в ней все живут сплетнями, а слуги были главными поставщиками этого товара.

Поэтому, приказывая служанкам выйти, она зарычала. И зная, как их возня, болтовня и простое присутствие нередко раздражали ее, они поспешили прочь, не подвергая сомнению ее команду.

Вовремя. Джесри влетела в уборную и упала на колени перед стульчаком. Прекрасный ужин, который подарил ей Чазар, вырвался из неё за несколько резких рывков.

Это оставило неприятный кислый привкус во рту. Какую-то его часть она сплюнула, но остальное пока придется терпеть. Сейчас ей нужно было разобраться с другим мерзким ощущением - а может, просто воспоминанием о нём. Но как бы то ни было, это было еще более отвратительно.

Она налила воду из кувшина в таз, затем сосредоточила на ней свою волю. Когда вода нагрелась, пошёл пар. Джесри протерла мыло щетку, предназначенную для чистки ногтей, и терла руку, пока она не начала немного кровоточить.

Этого было достаточно, и её чувство злобы и отвращения утихло. Она достала из шкафа бутылку вина и начала колдовство. Магия вытолкнула пробку из горлышка. Первым глотком чего-то красного и сладкого она прополоскала рот, сплюнула в забрызганный и вонючий стульчак, затем плюхнулась на стул и сделала долгий глоток.

Ей хотелось пить, пока ее воспоминания о вечере не станут тусклыми и отрывочными. Ей было противно играть слабую, беспомощную, умоляющую девицу, тем более что ложь строилась вокруг истины. Она была причудливой и сломленной, даже если Чазар был не в силах вылечить ее.

Однако раз уж она открыла дверь, то он попытался войти. Он ласкал ее каждый раз, когда только мог, но как ей вынести это?

Джесри не могла даже представить, но это была единственная уловка, которую она могла придумать, чтобы ослабить защиту красного дракона и заставить его рассказать то, что ей нужно было услышать.

Она сделала то, что пообещала Аоту, когда тот попросил её об этом, даже если и не так уверенно, как тот Аот, которого она знала.

- Я не знаю, правильно ли это, - сказал он тогда. - Я всегда считал, что "правильно" - это выполнять свои контракты. Не знаю, разумно ли это. Я всегда думал, что благоразумие - это не совать нос в дела, которые тебя не касаются. Я определенно не знаю, правильно ли и разумно ли это для тебя. Ты на пути к прекрасной жизни на своей родине. Все, что я могу предложить, это та же грязь, кровь...

Возможно, его чувство вины и привязанность к Джесри сделали все её привязанности несущественными. Во всяком случае, она подняла руку, чтобы заставить его замолчать.

- Остановись. Пожалуйста, остановись. Я сделаю все, что угодно, лишь бы ты не болтал.

А раз уж она это сделала, и все пошло, как и было задумано, то она решила, что ей лучше напиться до ступора. Ей нужно было обдумать то, что она услышала от Чазара. Она поставила бутылку на пол и щелкнула пальцами. Ее посох выпрыгнул из угла и упал ей в руку.

* * * * *

Хотя Гаэдинн никогда этого не признавал, время от времени магическое зрение Аота его раздражало. Как сейчас, например. Гаэдинн должен был быть главным разведчиком, но сейчас боевой маг, с пухленькой миловидной Церой сидящей сзади, направил своего грифона к голой сколе. Предположительно потому, что он заметил вход в пещеру, которую они искали.

Эйдер последовала за Джетом вниз, и тогда входу увидел и Гаэдинн, хотя там и не на что смотреть. Просто трещина в граните. Но, по крайней мере, перед ней был выступ, достаточно большой, чтобы на него могли сесть грифоны.

Всадники спешили, и Цера несколько неуклюже поправила круглый щит на руке. Она была хищной и сообразительной, но только не обученным солдатом, и Гаэдинн подумал, насколько мудро поступил Аот, взяв ее с собой.

Может и нет, но если кто-нибудь из них был бы по-настоящему мудр, то ни за что не отправился бы в эту экспедицию.

- Ты уверен, что это то место? - спросил Гаэдинн. Он присел на корточки, чтобы более внимательно осмотреть выступ. - Я не вижу следов когтей или других признаков того, что дракон был здесь недавно.

- Нет, - признал Аот, - но Джесри заставила Чазара говорить, и он сказал, что спрятал филактерию Аласклербанбастоса там, где ее никто никогда не найдет. Он также рассказал ей историю о его старом секретном убежище в Дымящихся горах. После этого она просмотрела некоторые истории, хранящиеся в Коллегии Войны, провела ритуал прорицания, чтобы найти его и вот, мы, люс-минус, в правильном месте.

Гаэдинн выпрямился.

- Что ж, мы могли бы пойти и осмотреться. И если ничего не найдем, то, вероятно, нам повезло.

Цера пристально посмотрела на него.

- Ты же не будешь так считать.

Эльф улыбнулся.

- Нет, сеньора, признаться, не буду.

Аот посмотрел на Джета.

- *Я не думаю, что вы с Эйдер сможете протиснуться через эту узкую щель.*

- Нет. - Прохрипел черный грифон.

Тэйец повернулся к Цере.

- Именно поэтому вы всегда должны быть рядом и делать то, что я скажу.

Жрица ухмыльнулась.

- Значит, ты хочешь повторить прошлую ночь, - Аот нахмурился. - Хорошо, я поняла.

Гаэдинн наложил стрелу на лук.

- Возможно, вы могли бы зажечь свет, чтобы осветить наш путь, а потом, с позволения этого недовольного болвана, я пойду вперед.

Цера прочитала молитву и провела своей позолоченной булавой по дуге, имитирующей ежедневное перемещение Амаунатора по небу. Гаэдинн не мог увидеть результата, пока они не вошли в пещеру, но потом стало очевидно, что она окутала

себя теплым золотым сиянием, которое отбрасывало тьму на расстояние броска камня во всех направлениях.

Постепенно проход расширился, и теперь уже несколько человек могли идти в ряд. Потолок поднимался над их головами, и в один момент Гаэдинну пришлось бы подняться на цыпочки, чтобы дотронуться до него. Он следил за движением в том месте, куда не доставал свет Церы, а за его границей на полу. Эльф прислушался и понюхал воздух, но не обнаружил ничего, кроме камня и тьмы.

Затем Аот выпалил:

- Стоп!

Его нервы натянулись, и Гаэдинн замер.

- Что случилось?

- Если сделаешь еще шаг, то потолок упадет на тебя. Я вижу трещины в граните и мерцание магической силы.

Гаэдинн вздохнул.

- В каком-то смысле это полезно. Эта ловушка говорит о том, что здесь действительно может быть тайник Чазара, в котором он может что-то прятать. Тем не менее, было бы хорошо, если бы эти твои чудесные глаза заметили трещины немного раньше.

- Извини. Трещенки крошечные, а мерцание очень слабое. Если от этого тебе станет легче, то если бы потолок упал, то он раздавил бы меня и Церу.

- Это утешает. Но в целом, думаю, я предпочту, чтобы мы все остались живы. Что мне делать, шаг назад?

- Нет. Ловушка напоминает сердце паутины, в которую мы уже вошли. Куда бы ты ни пошел, все рухнет.

- Это... неудобно.

- Я могу попытаться развеять чары. - Сказала Сера без малейшего намёка на дрожь в голосе.

- Я знаю, - сказал Аот. - Но ты думаешь, что у тебя получится развеять чары Чазара?

Цера нахмурилась.

- Возможно и нет.

- Тогда, может быть, нам стоит попробовать другой способ. Установив эту ловушку, Чазар написал руны на потолке палочкой или кончиком пальца. Я вижу и их, и, кажется, там написано какое-то слово, которое обезвреживает ловушку.

- Ты так думаешь? - Спросил Гаэдинн.

- Да, - сказал Аот, - и я думаю, что могу правильно их произнести, хотя я и не большой знаток Араграха.

- Тогда рискни. - Сказал Гаэдинн.

Аот поднял копье над головой, параллельно полу. Острие светилось красным, как будто оно только что вышло из кузницы. Наёмник прошипел свистящие слова, наполнившие воздух сухим запахом кожи рептилий, как будто в двух шагах от них прятался дракон.

Вспыхнув малиновым светом, трещины на стенах стали видны. Несмотря на это, Гаэдинн напрягся. А затем свет погас.

- Теперь безопасно. - Сказал Аот.

Гаэдинн усмехнулся:

- Ну конечно. Я ни секунды в тебе не сомневался.

Они двинулись дальше. Пока Аот снова не приказал остановиться.

- Что на этот раз? - спросил Гаэдинн. - Я вот-вот загорюсь?

- Нет, - сказал Аот. - По крайней мере, это не ловушка. Кажется, что что-то впереди. Чазар расколол камень, вонзил это в пол, и снова расплавил его.

Цера улыбнулась.

- Тебе и это видно.

- Должен признать, - сказал Гаэдинн, - этот ублюдок умен. Для тех из нас, у кого нет магических глаз, нет ничего, что могло бы отличить этот проход от остальной пещеры. Рядом нет никаких ловушек или охранников. Никакого более широкого коридора, ведущего в хранилище, или что-то типа того. Даже если бы ищущий знал, что искать, то прошел бы мимо.

- Но не мы не. - Аот шагнул мимо Гаэдинна. Наконечник его копья засветился синим, когда он зарядил его силой. Наёмник обхватил оружие обеими руками и несколько раз вонзил его в пол. Образовавшиеся трещины и скрипы эхом разошлись по полу тоннеля.

Что-то вылетело на свет.

Крупный, как мужчина, он был похож на скорпиона, вырезанного из черного камня и обладающего парой светящихся малиновых глаз. Он мчался быстрее, чем должно было создание из камня, и оно вот-вот должно было налететь на Аота, занятого раскопками и не замечающего угрожающее приближение.

- Осторожно! - крикнул Гаэдинн. Он успел выпустить две стрелы.

Обе пронзили тело существа, но не смогли его остановить или, хотя бы, замедлить. Для третьего выстрела времени не было. Гаэдинн бросил лук, выхватил короткие мечи и ринулся мимо Аота, встав между боевым магом и чудовищем.

Когда Гаэдинн подошел к существу, он ощутил, что тело монстра было горячим, и находиться рядом с ним было так же тяжело, как подносить лицо к огню. Монстр рванул вперед, но эльф уклонился. Меч в его правой руке врезался в коготь монстра, затем выскользнул из раны, оставив небольшую царапину.

Скорпион потянулся к нему другими клешнями. Гаэдинн снова взмахнул мечом. Острие когтя щелкнуло по лезвию, и то вылетело из рук эльфа.

В тот же момент клешнеподобные камни по обе стороны от его рта раздвинулись. Из него вытекла светящаяся красная капля какой-то вязкой жидкости, и инстинкты Гаэдинна предупредили его, что чудище вот-вот сплюнет. Он приготовился увернуться.

Позади него Аот прорычал какое-то командное слово. Вспышка серебристого инея пронеслась мимо Гаэдинна и, при приближении к чудищу, превратилась в пар, окутавший его. Цера воззвала к Амаунатору, и свет, которым она их окружала, загорелся ярче.

Скорпион с треском упал. Его клешни звякнули, согнутый и перекрученный меч Гаэдинна. Он сделал выпад и вонзил второй клинок в левый глаз существа. Оно вздрогнуло в последний раз и замерло.

Но рядом с ним все еще было жарко. Отступив от останков, эльф, задыхаясь, сказал:

- Позволь мне повторить свои слова: “рядом не видно никакой стражи”. Я никогда не говорил, что никто не прислушивается и не ждет, когда мы начнем копать.

Аот ухмыльнулся, поднял копье, вонзил его в землю и расколол еще один кусок пола. Этого оказалось достаточно, чтобы открыть то, что скрывалось под ним.

Это был драгоценный камень размером и формой с яйцо. По крайней мере, так показалось Гаэдинну. В определенные моменты он походил не на твердый объект, а на просто овал тени с крошечными голубыми молниями, мерцающими внутри.

- Это оно? – Спросил он.

- Да, - ответил Аот. - Душа Аласклербанбастоса. Его жизнь.

- Я все еще думаю, что если бы Чазар не был таким сумасшедшим, как треххвостый пес, то он уничтожил бы это существо.

Аот пожал плечами, и его кольчуга звякнула.

- Может быть, он не хотел так просто отпускать своего старого врага. Я имею в виду, это было бы адом застрять в камне в одиночестве и бестелесной форме на вечность, не так ли? Или, быть может, он планирует постепенно вытащить Костяного Змея из филактерии и пытаться его для своего развлечения.

- Мы тоже хотим вытащить его, - сказала Цера. Она глубоко вздохнула, открыла кожаный мешочек на поясе, достала золотую коробку, достаточно большую, чтобы вместить филактерию, и встала на одно колено рядом с дырой. Мышцы на её шее напряглись, и Гаэдинн изо всех сил постарался поверить в то, что эти двое знают, что они делают.

ЭПИЛОГ

15 Флэймрул, Год Извечного (1479 по ЛД)

Слепой и глухой, не зная ничего, кроме постоянно бормочущих собственных мыслей, Аласклербанбастос плыл в пустоте. Освобождение пришло как внезапное ощущение взлета.

На мгновение сам факт ощущения наполнил его таким экстазом, что он не мог думать ни о чем другом. Затем он вспомнил, что Чазар, Джаксанадегор и остальные предатели уничтожили его тело и заточили его призрак в его филактерии. Значит, почти наверняка его вызвал красный дракон и уж точно не потому, что этот ненормальный решил проявить милосердие.

Что ж, пусть будет так. Чазар, без сомнения, заставил бы его принять слабую и, возможно, искаленную физическую форму, но у Аласклербанбастоса все еще были заклинания. А с помощью магии было возможным многое.

На мгновение он почувствовал себя тяжелым, как свинец, а затем снова просто материальным. Но это не избавило его от чувства обременительной тяжести. Кто-то закопал его нынешнее тело - каркас из гниющей плоти и костей.

Это было странно. Не мог же Чазар ожидать, что простая могила удержит его.

Озадаченный, Аласклербанбастос прорычал заклинание и заметил, как это было странно, когда язык снова дергается в его рту. Затем, земля над ним загрохотала и раскололась, открывая дракону блеск звезд. Он вылез на воздух, пока грязь скатывалась с его крыльев.

Когда он заметил искривленную стопу правой передней лапы, то понял, что вселился в труп Калабастасингавора, относительно молодого синего дракона Чазара, убитого в самом начале войны. Этим объяснялись и все обугленные, отслаивающиеся пятна на его шкуре, но ни они, ни происхождения тела не имели значения в данный момент.

То, что произошло, вызвало неподдельное изумление драколича - ни Чазара, ни Джаксанадегора нигде не было видно. Вместо этого выяснилось, что Аот Фезим, Гаэдинн Улреас и женщина с булавой и щитом взяли на себя задачу оживит Аласклербанбастоса.

Идиоты, очевидно, считали себя в безопасности, потому что у них была его филактерия. Они понятия не имели, с какой скоростью и смертоносной силой он мог атаковать, даже будучи запертым в теле молодого дракона. Он вдохнул воздух, чтобы прорычать слово силы, но тут вокруг женщины вспыхнул солнечный свет.

Агония пронзила тело Аласклербанбастоса. Внезапно, он потерял возможность колдовать. Его ноги подкосились, и дракон упал назад в яму.

Аот подошел к краю и посмотрел на него сверху вниз.

- Я знаю, что личи не так восприимчивы к солнечному свету, как, скажем, вампиры, - сказал тэйец. - Но никому из вас, нежити, это не нравится, не так ли?

- Как ты это делаешь? - Зарычал Аласклербанбастос.

- Мы использовали твою филактерию, - сказал Фезим. - Можно сказать, что мы проделали в ней отверстие, чтобы внутрь проникал свет. А моя подруга-Хозяйка Солнца может вызывать очень яркий свет тогда, когда пожелает. Поэтому камень, пока что, будет у неё в руках, чтобы гарантировать твоё сотрудничество с нами.

- Чего вы хотите?

- Ответов. Мы с ней были теми душами, что шпионили за вами, драконами, на вашей горе. В чем был смысл этого совета? Почему так много твоих слуг пытаются настроить всех против Тимантера? Что такое Предписания?

Аласклербанбастос заколебался.

- Я не могу сказать.

- Нет, я вот думаю, что можешь.

Свет, льющейся через край могилы, вспыхнул ярче. Аласклербанбастос закричал, и части его шкуры загорелись. Он содрогнулся, и от его дрожи посыпалась земля, снова наполовину засыпавшая дракона.

Наконец свет и пламя погасли.

- Ну? - Сказал Фезим.

Аласклербанбастос удивился. Он рассмеялся, и от звука, напоминающего скрежет, люди содрогнулись. Ему было приятно, что эти насекомые все еще боятся его.

- Хорошо, человек. Я скажу тебе то, что ты хочешь знать. Но предупреждаю - тебе это не очень понравится.

* * * * *

Во время путешествия на север Кхорин назвал свою летучую мышь Железной из-за серо-черного цвета ее меха и явной выносливости. Сейчас животное ярко демонстрировало это своё последнее качество - оно летело уже несколько часов, но даже когда они пролетали над крышами Лутчека, то мышь не выразила никаких признаков усталости.

К сожалению, несмотря на готовность Железной нести его куда угодно, Кхорин не видел никаких признаков того, что Братство Грифона находилось в городе или где-то поблизости. Не то что бы он был удивлен. Он предполагал, что его друзья все еще могли быть на севере, воюя с Трескелем. Значит, дворфу нужно было лишь спросить у кого-нибудь правильное направление.

Он мог спросить Никоса Кориниана, но дворянин мог не знать всех последних новостей и всех подробностей планов Героя Войны. А кто-нибудь из Коллегии Войны наверняка знает. Итак, Хурин направил Железную к цитадели.

Гигантская летучая мышь не была грифоном, и, насколько Кхорин знал, Железная и ей подобные не питали особой тяги к конине. Тем не менее, наверняка найдутся люди, которые возьмут на себя ответственность за такое экзотическое и устрашающее животное. Поэтому он сел на вершину огромной массы песчаника, из которой чессентцы вырезали зубчатые стены и установили катапульты и баллисты. Часовой заметил его внезапное стремительное приближение и взвизгнул.

- Все нормально! – выкрикнул Кхорин - Я дворф-наемник. Помните меня? Я хочу увидеть Шалу Каранок. Или кого-то другого, если она уехала на север.

- Подождите здесь, - сказал стражник и поспешил прочь. Кхорин нахмурился. С момента его отъезда произошло столько всего, что он почти и забыл, что среднестатистический чессентец не любит дворфов. Резкость часового напомнила ему об этом. Хотя, возможно, парень был просто напуган.

Как бы то ни было, в конце концов стражник вернулся, приведя с собой двух других часовых и офицера, с пером на шлем и дубинкой, зажатой подмышкой. Кхорин поприветствовал их и повторил свою просьбу.

- Всё будет, - сказал офицер. - А как насчет вашего... животного?

- Какое-то время она побудет здесь и все будет в порядке, - сказал Кхорин, - пока её никто не тревожит.

- Тогда пойдемте с нами.

Солдаты провели Кхорина по нескольким лестницам в самое сердце утеса, а затем вдоль ряда переходов. По мере продвижения на восток, ближе к центру города, коридоры становились более изысканными и роскошными. Наконец они подошли к литым бронзовым двойным дверям, украшенным рельефом сражающихся кораблей. По обе стороны от входа стояли охранники.

- Вы должны сдать топор и кинжал. - Сказал воин слева.

Кхорин нахмурился, но он знал, что спорить не стоит.

- На самом деле это называется ургрош, - сказал он, снимая оружие со спины.

Как только его обезоружили, привратники открыли двери. Когда дворф увидел, кто ждал его на другой стороне, то остановился.

Зал был преимущественно зеленым, с нефритовой плиткой на полу и кораблями на гобеленах, сражающимися среди изумрудного моря. Сзади возвышался помост, увенчанный троподобным стулом.

Худая женщина, которая, казалось, была главной, сидела не на нём. Прямо перед платформой стояло красивое кресло, где она и сидела. Сияя, она была красным пятном среди зеленого моря - ее платье с рубинами и топазами свисало с неё, как палатка.

- Подойдите, - сказал офицер. - И поклонитесь.

Кхорин так и сделал. Насколько он помнил, он никогда раньше не видел женщину в красном. Но очевидно, что она была кем-то важным.

- Добрый вечер, миледи, - сказал он. - Прошу прощения за беспокойство так поздно вечером. Я Кхо...

- Я знаю, кто вы! - Огрызнулась она.

- Ох. Что ж, тогда вы, наверное, понимаете, зачем я здесь. Я хочу как можно скорее присоединиться к отряду капитана Фезима.

Она ухмыльнулась.

- Уверена, что хочешь, дворф.

Он заколебался.

- Извините?

- Ты, должно быть, думаешь, что я дура. Ты осмеливаешься прилететь сюда на спине одного из особых животных драконорожденных. И думаешь, что я просто улыбнусь и помашу тебе вслед?

- Я понимаю, что между Чессентой и Тимантером была... недопонимание. Вот почему мне и моим людям пришлось доставить посла Перру домой. Но...

- Это больше, чем просто недопонимание, дворф. Война! А поскольку Его Величество уезжает, собирая свежие войска, я обязан следить за шпионами и врагами.

Его Величество? Чем больше говорила эта сумасшедшая, тем меньше понимал Кхорин.

- Миледи, пожалуйста, поверьте, я не хотел никого обидеть. Но я думаю, что мне действительно нужно поговорить с лордом Коринианом. Или Шалой Каранок.

Или кем угодно, кроме тебя.

- Красный Дракон назначил меня главной в его отсутствие! Шала Каранок сейчас всего лишь второстепенный чиновник, и ей повезет, что она имеет хотя бы это. А ты мой пленник. Ты заплатишь за каждую угрозу и оскорбление своего хозяина и его ведьмы... В смысле, ты расскажешь нам обо всех планах Тархана Покорителя и драконорожденных. Арестуйте его!

Руки упали на плечи Кхорина. Он развернулся, вырвавшись из хватки, и ударил стражника в живот. Человек согнулся пополам. Дворф отступил в поисках выхода.

Возможно, его выходом была сумасшедшая в красных одеждах. Если бы он смог схватить ее, то пригрозил бы сломать ей шею, и тогда его отпустят. Дворф напал на неё, но тут из тени вышел мужчина в ризе из мерцающей чешуи. Он прошипел слова силы и взмахнул рукой, на пяти пальцах которой были кольца, так, будто она была видоизмененной змеей.

Мышцы Кхорина сжались, и он упал лицом вниз. Он так и лежал, пока что-то не ударило его по затылку.

